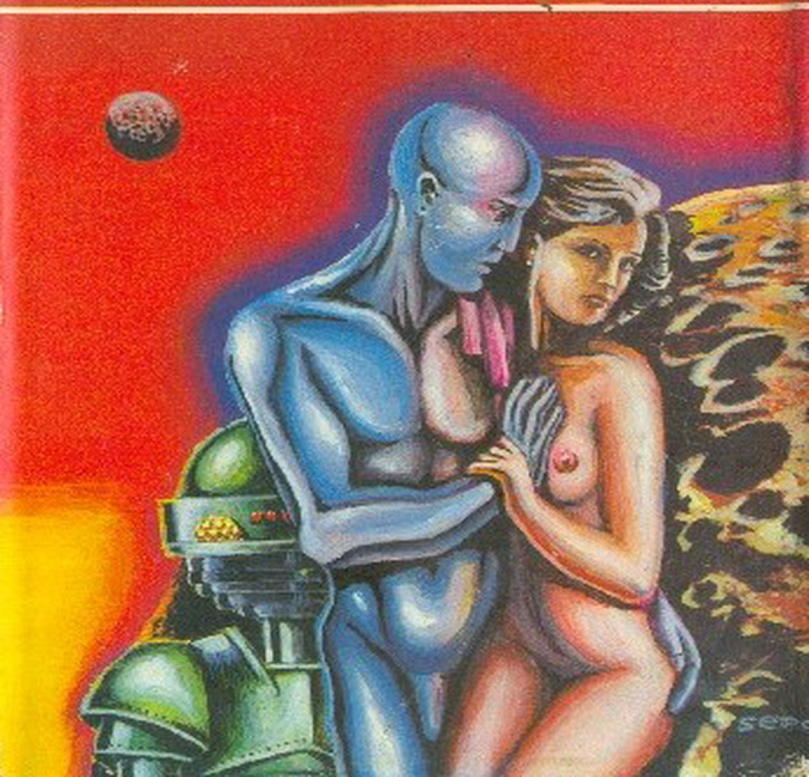
28

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ



Роботы утренней зари

А. Азимов

А. Азимов. РОБОТЫ УТРЕННЕЙ ЗАРИ. Роман
Глава 1. Бейли
Глава 2. Дэниел
Глава 3. Жискар
Глава 4. Фастольф
Глава 5. Дэниел и Жискар
Глава 6. Глэдия
Глава 7. Снова Фастольф
Глава 8. Фастольф и Василия
Глава 9. Василия
Глава 10. Снова Василия
Глава 11. Гремионис
Глава 12. Снова Гремионис
Глава 13. Амадейро
Глава 14. Снова Амадейро
Глава 15. Снова Дэниел и Жискар
Глава 16. Снова Глэдия
Глава 17. Председатель
Глава 18. Снова Председатель
Глава 19. Снова Бейли

А. Азимов
РОБОТЫ УТРЕННЕЙ ЗАРИ
Роман

Посвящается Марвину Мински и Джозефу Ф. Энгельбергеру, которые кратко изложили, собственно, теорию и практику роботехники.

Глава 1
Бейли

1

Оказавшись в тени дерева, Илайдж Бейли пробормотал:

— Так и знал, вспотел.

Он помолчал, вытер лоб тыльной стороной ладони и недовольно посмотрел на покрывшую ее влагу.

— Я вспотел, — повторил он в пространство. Тем самым он как бы констатировал, что есть некий новый космический закон, снова почувствовал при этом досаду на Вселенную, в которой совершалось нечто нужное, но вместе с тем и мало приятное.

Никто никогда не потел, — если, разумеется, того не желал, — в Городе, где температура и влажность воздуха строго контролировались и где телу никогда не нужно было делать усилия, чтобы вызвать больший жар, чем это требовалось при ходьбе.

Зато теперь это не считалось более нарушени-

ем приличий.

Бейли посмотрел в сторону, где без видимого успеха работала рассредоточившаяся по полю группа мужчин и женщин; в основном — молодежь, но было и несколько человек среднего возраста, таких, как он сам. Все они неумело ковыряли землю мотыгами, выполняя, кроме того, и ряд других работ, которые, по сути дела, полагалось бы выполнять роботам. А роботы делали бы все это, несомненно, куда более успешно, если бы только им не было приказано стоять в сторонке и ждать, пока человеческие существа упрямо тренировались.

По небу плыли облака, и солнце на минуту скрылось в них. Бейли неуверенно взглянул наверх. С одной стороны, это могло означать, что под прямыми солнечными лучами пот высохнет. С другой стороны — не намечается ли дождь?

Такое уж неудобство, когда над головой нет в прямом смысле крыши. Человек никогда не может решить, какое из двух зол хуже.

Бейли всегда поражался тому, что небольшая относительно тучка способна полностью закрыть солнце и затенить Землю от горизонта до горизонта, оставив при этом голубеть большую часть неба.

Став под дерево, листва которого образовала над его головой нечто вроде примитивного потолка, он снова бросил взгляд на группу работающих.

Раз в неделю они при любой погоде все выходили сюда, так они вербовали рекрутов.

Сейчас их определенно стало больше; а до этого начинали лишь единицы наиболее отважных из них. Правительство Города, хоть и не участвовало в этой попытке, но зато и милостиво не чинило препятствий.

По горизонту справа перед Бейли виднелось множество резко очерченных, походивших на устремленные вверх пальцы, куполов Города. В них заключалось все, что придает жизни ценность. Но тут внимание Бейли привлекло маленькое движущееся пятнышко… правда, оно было еще слишком далеко, чтобы можно было отчетливо разглядеть, что это такое. По манере передвигаться и по ряду других мелких признаков Бейли заключил, что это был робот, но это его не удивило. Земная поверхность вне Городов была областью, отведенной для роботов, а не для людей, исключая немногих, таких, как он, мечтавших о звездах. Совершенно непроизвольно он обратил свой взгляд к вооруженным мотыгами

звездным мечтателям и поочередно оглядел их. Все они трудились, учились преодолевать тяготы существования, лишенного удобств Города. Он нахмурился и тихо пробормотал:

— А где же Бентли?

Чуть задыхающийся голос произнес:

— Я здесь, папа.

Бейли быстро повернулся.

— Не делай этого, Бен.

— Чего не делать?

— Не подкрадывайся сзади. Мне и так нелегко сохранять душевное равновесие, когда я нахожусь за пределами Города, а тут еще такие неожиданные шутки.

— Я вовсе не собирался пугать тебя, но трава скрадывает звук шагов. А ты не думаешь, что тебе пора идти в Город, папа? Ты здесь уже больше двух часов, и, наверное, с тебя хватит.

— Почему? Потому что мне сорок пять, а тебе, молокососу, девятнадцать? И ты считаешь, что так ты заботишься о своем дряхлом отце?

— Именно так, — сказал Бен, — и немножко о хорошей и полезной работе для тебя. Ты смотришь прямо в корень.

Бен широко улыбнулся. «Круглое лицо, блестящие глаза. В нем много от Джесси, — подумал

Бейли, — много от матери». Но серьезность в лице — это уже от Бейли.

И еще у Бена была отцовская манера задумываться. Временами он погружался в глубокие размышления, морщил лоб, и тогда становилось совершенно ясно, что он сын своего отца.

— Я чувствую себя прекрасно, — сказал Бейли.

— Верно, папа. Ты лучше всех нас, учитывая…

— Что учитывая?

— Твой возраст, конечно. И я не забываю, что именно ты начал все это. Но я увидел, что ты укрылся под деревом, и подумал: может, старику хватит.

— Это я — то — старик? — сказал Бейли.

Робот, которого он только что заметил у Города, был уже достаточно близко, но Бейли не вглядывался в него.

— Есть смысл стать под дерево, когда солнце такое яркое. Мы хотим научиться не только пользоваться выгодами пребывания вне городских стен, но и привыкнуть к связанным с этим трудностям. А тут солнце как раз и вышло из-за облаков.

— Да. Ну, значит, ты не хочешь вернуться?

— Я могу перенести это. Еще неделя, и я буду проводить здесь все послеобеденное время. Это

моя привилегия в соответствии с разрядом С-7.

— Речь идет не о привилегиях, папа, а о переутомлении.

— Я же говорю, что прекрасно себя чувствую.

— Уверен. А придешь домой — растянешься на кровати и будешь лежать в темноте.

— Естественное поведение после сильного солнечного облучения.

— И мама беспокоится.

— Пусть себе беспокоится. Это ей на пользу. Да и что такого уж вредного быть здесь? Самое худшее — что вспотел, но я уже начал привыкать и к этому. Я не хочу уходить отсюда. Когда я начинал, я не мог даже пройти это расстояние от Города и поворачивал обратно, и со мной был только ты. А теперь погляди, сколько нас здесь, и как далеко я могу уйти совершенно спокойно. Я тоже могу работать, могу пробыть здесь еще час. Без труда. Знаешь, Бен, хорошо бы нашей матери тоже начать выходить сюда.

— Кому? Маме? Ты шутишь!

— Да, чуть-чуть. А то настанет время уезжать, мне придется остаться, потому что она не сможет потом приспособиться.

— И ты будешь рад этому. Не обманывай себя, папа. Это же будет не скоро, и если сейчас ты не

слишком стар, то тогда уже обязательно станешь стариком. Эта игра для молодых.

— Знаешь, — сказал Бейли, — больно ты умен со своими «молодыми»!

Он сжал кулаки.

— Ты когда-нибудь уезжал с Земли? Кто-нибудь из тех, кто сейчас на поле, уезжал? А я уезжал два года назад. Это было до того, как я начал эту акклиматизацию, но я выжил.

— Я знаю, папа, но ведь это было ненадолго и по долгу службы, и общество заботилось о тебе. Это не одно и то же.

— То же самое, — упрямо сказал Бейли.

В душе он сознавал, что это не так.

— И не так уж долго ждать, пока мы сможем оставить Землю. Если бы мне разрешили поехать на Аврору, мы могли бы сдвинуть это дело с мертвой точки.

— Забудь об этом. Все это не так-то просто.

— Но надо пытаться. Правительство не выпустит нас, пока Аврора не даст добро. Это самый большой и самый мощный из Внешних миров, и это значит…

— Брось! Я знаю. Миллион раз об этом говорили. Но тебе не обязательно ехать туда за разрешением. Есть такая штука, как гиперсвязь. Можешь

связаться с ними отсюда, я много раз говорил тебе…

— Это совсем другое. Нам нужен личный контакт. Я тебе тоже много раз говорил об этом.

— В любом случае, — сказал Бен, — мы еще не готовы.

— Мы не готовы, потому что Земля не даст нам кораблей, а космониты дадут, и необходимую техническую помощь тоже.

— Как бы не так! С чего бы космонитам делать это? Когда они чувствовали симпатию к нам, маложивущим землянам?

— Если бы я мог поговорить с ними…

Бен засмеялся.

— Брось, папа. Ты просто хочешь поехать на Аврору, чтобы снова увидеть ту женщину.

Бейли нахмурился.

— Женщину? О, дьявол! Бен, что ты болтаешь?

— Слушай, папа, строго между нами и маме, конечно, ни слова: что в действительности произошло с той женщиной на Солярии? Я уже достаточно взрослый, ты можешь мне сказать.

— С какой женщиной на Солярии?

— Ну, как ты можешь смотреть мне в глаза и отрицать знакомство с женщиной, которую вся Земля видела по гиперволновой передаче? Глэ-

дия Дельмар, та женщина!

— Ничего не произошло. Тот гиперволновой боевик — сущий вздор, я тысячу раз тебе говорил. Она вовсе не такая, как в фильме, и я не такой. Все это высосано из пальца, и ты знаешь, как я протестовал, но правительство решило, что это представит Землю в хорошем свете перед космонитами. Ты уж будь добр, не внушай матери ничего другого.

— Нет, зачем же. Кстати, Глэдия поехала на Аврору. Вот и ты тоже рвешься туда.

— Не хочешь ли ты сказать, что всерьез думаешь о такой причине моего желания поехать на Аврору? О, дьявол!

Бен поднял брови.

— В чем дело?

— Робот Р.Джеронимо.

— Кто?

— Робот-курьер из нашего департамента. У меня свободное время, и я намеренно оставил свой приемник дома, чтобы меня не вызывали. Это моя привилегия по С-7, однако, они послали за мной робота.

— Откуда ты знаешь, что он пришел за тобой?

— Метод дедукции. Первое: здесь нет никого, связанного с департаментом полиции. Второе:

этот бедняга направляется прямо ко мне. Из этого я делаю вывод, что ему нужен я.

Подойдя, робот сказал:

— Хозяин Бейли, у меня сообщение для вас. Вас ждут в Управлении.

Бейли промолчал.

Робот подождал и повторил сказанное.

— Слышу и понимаю, — сказал Бейли.

Он знал, что робот будет повторять одно и то же и дальше. Это была новая модель, несколько более человекоподобная, чем прежние.

Ее создали всего месяц назад. Выражение лица робота хотя и не изменилось, но не было таким идиотским, как у большинства роботов. Вообще же он был так же глуп, как и все остальные.

На минутку Бейли подумал о Дэниеле Оливо, космонитском роботе, который дважды прикомандировывался к нему, один раз на Земле, другой — на Солярии. В последний раз он встретился с Дэниелом, когда тот консультировал его в случае зеркального изображения. Робот Дэниел был настолько человеком, что Бейли относился к нему, как к другу, и даже теперь скучал по нему. Если бы все роботы были такими…

— У меня свободное время, парень. Мне нет надобности идти в Управление.

Ответа со стороны Джеронимо не последовало, только руки его слегка задрожали. Бейли заметил это и понял: небольшое рассогласование в позитронных связях робота. Он всегда должен был повиноваться человеку, но тут получалось, что два человека желали двух различных типов повиновения.

Робот наконец принял решение.

— Это ваше свободное время, хозяин, но вас ждут в Управлении.

— Если тебя ждут, папа… — недовольно начал Бен.

Бейли пожал плечами.

— Не глупи, Бен. Если бы я в самом деле был им чертовски нужен, за мной послали бы закрытый кар и, вероятно, с человеком-добровольцем, а не приказали бы роботу идти пешком и злить меня своими сообщениями.

Бен покачал головой:

— Не думаю, папа. Они не знают, где ты, и долго ли придется тебя искать. Я не думаю, что они послали бы человека, не зная, где тебя можно найти.

— Да? Ну что ж, посмотрим, насколько силен приказ. Р.Джеронимо, иди обратно в Управление и скажи им, что я работаю.

Затем он резко добавил:

— Уходи! Это приказ!

Было видно, что робот колеблется. Он повернулся, пошел, снова повернулся, сделал попытку вернуться к Бейли и, наконец, застыл на месте, трясясь всем телом.

Бейли понял и шепнул Бену:

— Придется идти. О, дьявол!

Подобное поведение роботов роботехники называли эквипотенциальным противоречием на втором уровне. Повиновение было Вторым Законом, и Р.Джеронимо страдал теперь от приблизительно равных по силе, но противоречивых приказов. Был найден и термин — роботблок, или для краткости робблок.

Робот медленно повернулся. Первоначальный приказ был сильнее, но не намного, поэтому голос робота срывался:

— Хозяин, мне говорили, что вы можете сказать так, и тогда я должен сказать…

Он промолчал и хрипло добавил:

— Я должен сказать… если вы один.

Бейли коротко кивнул ему. Бен поспешно отошел. Он знал, когда его отец — папа, а когда — полисмен.

Бейли подосадовал на себя, что усилил свой

приказ, создав тем самым едва ли не полный робблок. Результатом могло быть сильное повреждение, требующее проверки позитронных связей и перепрограммирования, а расходы пошли бы за счет Бейли и обошлись бы в его годовое жалование. Он сказал:

— Я отменяю свой приказ. Что тебе велели сказать?

Голос Р.Джеронимо приобрел теперь обычное нормальное звучание:

— Мне велели сказать, что вас ждут по поводу Авроры.

Бейли повернулся и окликнул сына:

— Дай им еще полчаса, а затем скажи от моего имени, чтобы возвращались, а я сейчас ухожу.

Бейли пошел большими шагами — надо было идти пешком два километра до городской стены, а потом добираться до Управления по перегруженным улицам.

Аврора? Что могло там произойти?

2

Через полчаса Бейли добрался до входа в Город. Внутренне он уже весь напрягся, не зная, что его ожидает. Вполне возможно, что на этот раз ему не повезет.

Он дошел до границы между Городом и простирающейся перед ним местностью — стены, отделяющей хаос от цивилизации, и положил руку на сигнальную пластинку. В стене открылся узкий проем. Как обычно, он не стал ждать, пока она откроется полностью, а проскользнул в щель, когда она стала достаточно широкой. Р.Джеронимо шел следом.

Постовой полицейский выглядел испуганным, как всегда в тех случаях, когда кому-нибудь надо было пройти в Город. Каждый раз одно и то же: недоверчивый, особенно внимательный взгляд, рука на бластере, впечатление совершенной неуверенности… Бейли хмуро предъявил свою карточку, постовой отдал честь. Дверь за Бейли захлопнулась, и Город, как обычно, стал для него олицетворением всей Вселенной. Бейли снова окунулся в несмолкающий гул различных работающих механизмов и запах испарений человеческих тел, зная, что вскоре перестанет слышать и ощущать как то, так и другое. В мягком искусственном освещении не было ничего от меняющейся яркости местности вне Города, местности, с ее зелеными, коричневыми, голубыми и белыми красками, куда изредка вторгались красный и желтый цвета. Здесь не было ни ветра

меняющихся направлений, ни жары, ни холода, ни постоянной угрозы дождя, здесь царило устойчивое постоянство неощутимых воздушных потоков; комбинация температуры и влажности их была настолько приспособлена к потребностям человека, что не ощущалась вообще.

Так было всегда. Он снова вернулся в Город, как в материнское лоно, вернулся доверчиво и радостно. Бейли знал, что человечество возникло из такого лона, так почему бы и ему не вернуться обратно?

Но всегда ли должно быть так? Всегда ли он будет чувствовать себя дома только в Городе?

Он стиснул зубы. Что толку думать об этом? Он спросил робота:

— Ты доехал до этого места на каре, парень?

— Да, хозяин.

— Где он сейчас?

— Не знаю, хозяин.

Бейли обернулся к постовому:

— Офицер, этот робот подъезжал сюда два часа назад. Что случилось с каром, на котором он прибыл?

— Сэр, я заступил на пост меньше двух часов назад.

В самом деле, спрашивать было глупо.

Люди в каре не знали, долго ли робот будет искать Бейли, и не стали ждать.

Бейли подумал было, не позвонить ли в Управление, но там ему наверняка скажут, чтобы он ехал экспрессом — это быстрее.

Его смущало только присутствие робота. Ему не хотелось ехать с ним в экспрессе, но и нельзя было допустить, чтобы робот шел пешком через враждебно настроенные толпы. Выбора не было.

Город располагался на площади в пять тысяч квадратных километров; на расстояние свыше четырехсот километров протянулись пути экспресса, еще большая протяженность путей приходилась на долю фидера. Вместе они обслуживали более двадцати миллионов жителей. Чрезвычайно сложная транспортная сеть существовала на восьми уровнях, где были сотни чередований различных степеней сложности. Как полицейский детектив, Бейли считал, что знает их все, и он действительно знал их. Отведи его с завязанными глазами в любую часть Города, сними повязку — и он, не спрашивая никого, найдет дорогу. Стало быть, не могло возникнуть и вопроса, как добраться до Управления.

Для этого нужно было выбрать одну из восьми подходящих дорог, и Бейли задумался только, где

сейчас будет меньше народу.

Думал он не больше секунды.

— Пошли со мной, парень.

Робот послушно зашагал сзади.

Они сели на проходивший фидер. Бейли не стал садиться — ехать было недолго — и взялся рукой за вертикальный шест. Робот ждал знака Бейли, чтобы взяться за тот же шест. Ему можно было и не держаться — роботу не трудно сохранить равновесие — но Бейли не хотел, чтобы его случайно оттеснили от робота.

Он отвечал за робота и не хотел рисковать своим карманом, если с Р.Джеронимо что-нибудь случится.

На борту фидера было несколько человек, и все они с интересом поглядывали на робота. Заметив это, Бейли строго посмотрел на одного, особенно любопытствующего, и тот смущенно отвел глаза.

Настал момент сходить, и Бейли подал знак роботу. Фидер как раз дошел до надвигавшихся дорожек, ближайшая шла с той же скоростью, так что офицеру не требовалось замедлять ход. Бейли и робот спустились по ней до пересечения с дорогой экспресса, а затем поднялись к скоростной дорожке, шедшей вдоль экспресса.

Услышав крик: «Робот!», он уже точно знал, что

может сейчас произойти. Выше и ниже двигавшейся полосы собралась группа молодежи, робот попадет там в ловушку и в результате с грохотом полетит вниз. Если же появится полицейский, любой юнец будет уверять, что робот налетел на него, и мальчишку, без сомнения, отпустят.

Бейли быстро прошел между первым юнцом и роботом, шагнул в сторону на более быструю дорожку и поднял руку, как бы защищаясь от усилившегося ветра. Парнишка оказался каким-то образом столкнутым на более медленную дорожку, к чему не был готов, но удержался на ногах и дико закричал:

— Эй!

Его друзья остановились, быстро оценили ситуацию и сменили направление.

— На экспресс, парень.

Бейли быстро прошел через толпу стоявших пассажиров, толкая Р.Джеронимо перед собой; нашел свободное место на верхнем уровне, взялся за шест, крепко наступил на ногу робота, и снова начал пресекать все попытки праздных зевак пялить глаза на робота.

Оба вышли возле Управления. Бейли сдал робота в дверях и получил расписку.

Он тщательно проверил дату, время и серий-

ный номер робота и положил расписку в сумку. До конца дня надо будет проверить, чтобы передача была зарегистрирована компьютером.

Теперь он мог идти к комиссару — а он знал комиссара. Любая оплошность Бейли будет достаточной причиной для понижения в должности. Он был тяжелым человеком, этот комиссар, и прошлые служебные успехи Бейли рассматривал как личное оскорбление.

3

Комиссара звали Уилсон Рот. Он занимал этот пост два с половиной года, с тех пор, как Джулиус Эндбер вышел в отставку, когда шум, вызванный убийством космонита, утих, и можно было спокойно уйти.

Бейли так и не примирился с этой заменой. Джулиус, несмотря на все свои недостатки, был не только начальником, но и другом, Рот же был только начальником, он даже не был уроженцем этого Города, его перевели сюда из другого района Земли.

Рот не был ни слишком высоким, ни слишком толстым, но голова у него была большая, и, казалось, сидит она на слегка наклонившейся вперед от туловища шее. От этого он выглядел тяжелым:

тяжелое тело, тяжелая голова. Даже полуопущенные веки казались тяжелыми.

Можно было подумать, что он дремлет, но он никогда ничего не упускал.

Бейли подметил все это очень быстро. У него не было иллюзий, что он нравится Роту, как и в том, что Рот нравится ему.

Рот никогда не говорил раздраженно, но слова его не доставляли удовольствия никому.

Он сказал:

— Бейли, почему вас так трудно найти?

Бейли почтительно ответил:

— У меня было свободное время, комиссар.

— Да, это ваша привилегия, как принадлежащего к категории С-7. Вы слышали о волновике? Иногда он принимает официальные сообщения, значит, вас можно вызвать даже в ваш выходной.

— Я хорошо знаю это, комиссар, но нет никаких правил насчет ношения волновика. Нас можно найти и без него.

— Внутри Города — да, но вы были вне Города, если я не ошибаюсь?

— Вы не ошиблись, комиссар. Я был именно там. Но нет такого правила, что в этом случае я должен носить волновик.

— Прячетесь за букву закона?

— Да, комиссар, — спокойно ответил Бейли.

Комиссар встал, мощный и смутно угрожающий, сел на край стола. Выходившее наружу окно, устроенное Эндбери, было давно уже заделано и закрашено. В закрытой комнате комиссар казался еще крупнее. Он сказал, не повышая голоса:

— Вы рассчитываете на благодарность Земли, как я полагаю?

— Я рассчитываю на то, что делаю свою работу, в соответствии с правилами, и как могу лучше, комиссар.

— И на признательность Земли, когда нарушаете дух этих правил.

Бейли не ответил.

— Считаю, что вы хорошо поработали в деле об убийстве Сар-тона три года назад, — сказал Рот.

— Спасибо, комиссар. Демонтаж Космотауна явился, я думаю, результатом расследования дела.

— Да, и этому аплодировала вся Земля. Считаю также, что вы хорошо поработали на Солярии два года назад, и — можете не напоминать мне — результатом был пересмотр торговых договоров с Внешними Мирами к значительной выгоде Земли.

— Я думаю, это есть в записи, сэр.

— И в результате вы стали героем.

— Я ничего не требовал.

— Вы получили два повышения, по одному после каждого дела, и была даже гиперволновая драма на основе событий на Солярии.

— Которая была поставлена без моего разрешения и вопреки моему желанию, комиссар.

— Которая, тем не менее, сделала вас героем.

Бейли пожал плечами. Комиссар помолчал несколько секунд и продолжал:

— Но за последние два года вы не сделали ничего важного.

— Земля имеет право спросить, что я сделал за это время.

— Точно. И она, вероятно, спросит. Известно, что вы лидер этой новой причуды бывать за пределами Города, ковыряться в земле и изображать из себя роботов.

— Это разрешено.

— Не все, что разрешено, одобряется. Возможно, многие считают вас скорее человеком со странностями, чем героем.

— Может быть, это согласуется с моим собственным мнением о себе, — ответил Бейли.

— У публики короткая память. Героизм быстро

забывается, заслоненный вашими странностями, так что, если вы совершите ошибку, вам придется плохо. Вы рассчитываете на свою репутацию…

— Простите, комиссар, я на нее не рассчитываю.

— Репутация Полицейского Департамента, на которую вы надеетесь, не спасет вас, и я не сумею спасти вас.

По лицу Бейли промелькнула тень улыбки:

— Я не хотел бы, чтобы вы, комиссар, рисковали своим положением, спасая меня.

Комиссар пожал плечами и изобразил такую же бледную улыбку:

— Насчет этого не беспокойтесь.

— Но почему вы говорите мне все это, комиссар?

— Чтобы предупредить вас. Я не пытаюсь свести вас к нулю, поэтому предупреждаю сразу. Вас привлекают для участия в очень деликатном деле, где легко можно совершить ошибку, и я заблаговременно предупреждаю вас, чтобы вы ее не сделали.

Его лицо расплылось в широкой улыбке.

Со стороны Бейли улыбки не последовало.

— Вы можете мне сказать, что это за «очень деликатное дело»?

— Я не знаю.

— Это касается Авроры?

— Р.Джеронимо велено было сказать вам так, но я об этом ничего не знаю.

— Тогда почему же вы говорите, комиссар, что это очень деликатное дело?

— Видите ли, Бейли, вы — исследователь тайн. С чего бы члену Земного Департамента Юстиции приехать сюда, когда вас просто могли вызвать в Вашингтон, как это было два года назад, в связи с инцидентом на Солярии? И почему эта особа из Юстиции хмурится, проявляет недовольство и нетерпение, что вас не разыскали мгновенно? Ваше решение оказаться труднодостижимым было ошибкой, но я за это не несу ответственности. Вероятно, само по себе это не является чем-то роковым, но я уверен, что вы уже произвели плохое впечатление.

— Однако, вы задерживаете меня еще больше, — хмуро ответил Бейли.

— Нет. Должностное лицо из Юстиции решило немного освежиться. Вы знаете, как они выпендриваются. Закончит — придет. Известие о вашем появлении передано, так что вам остается только ждать, как и мне.

И Бейли ждал. Он давно знал, что гипервол-

новой фильм, поставленный вопреки его воле, хотя и помог Земле, но сильно повредил ему в Департаменте, сделав его человеком заметным. Он получил повышение и несколько большие привилегии, но также усилил к себе враждебность Департамента. Чем выше он поднимется, тем легче разобьется в случае падения. Если сделает ошибку.

4

Особа из Юстиции вошла, небрежно огляделась, обошла стол Рота и села на его место. Будучи высокопоставленной персоной, должностное лицо и вело себя соответственно. Рот спокойно занял другое место.

Бейли остался стоять, стараясь не показать своего изумления. Рот мог бы предупредить его, но не сделал этого. Он явно выбирал слова, чтобы не подать и намека.

Чиновник оказался женщиной.

Собственно, в этом не было ничего особенного. Женщина может быть любым чиновником, даже генеральным секретарем.

Женщины были и в полиции, одна даже в чине капитана. Но вот так, без предупреждения… в данном случае никто не мог бы ожидать этого.

В истории случалось, что женщины в большом количестве занимали административные посты. Бейли знал это, так как был хорошо знаком с историей, но сейчас времена переменились.

Женщина была высокого роста и сидела в кресле очень прямо. Ее униформа не слишком отличалась от мужской, прическа была немодная и не служила украшением.

Ее пол выдавали только груди, выпуклость которых она не скрывала. Ей было лет сорок, однако, в темных волосах не было седины. Черты лица были правильные, четко высеченные. Она не спросила — констатировала:

— Вы следователь Илайдж Бейли, класса С-7.

— Да, мэм.

— Я заместитель секретаря Лавиния Димачек. А вы совсем не такой, как в фильме.

Бейли часто это слышал. Он сухо сказал:

— Они не могли точно скопировать меня, если хотели собрать много зрителей.

— Я в этом не уверена. Вы выглядите гораздо мужественнее, чем тот актер с младенческим лицом.

Бейли поколебался, но решил воспользоваться случаем — или просто не мог удержаться:

— У вас утонченный вкус, мэм. Она засмея-

лась.

— Надеюсь, что так. А теперь — почему вы заставили меня ждать?

— Я не знал, что вы приедете, мэм, а у меня был выходной.

— И вы его проводили за пределами Города, как я поняла.

— Да, мэм.

— Не будь у меня утонченного вкуса, я бы сказала, что вы один из тех чокнутых, но вместо этого позвольте мне сказать — вы один из тех энтузиастов.

— Да, мэм.

— Вы надеетесь когда-нибудь эмигрировать и найти новые миры в Галактике?

— Возможно, не я, мэм. Может, я окажусь слишком старым.

— Сколько вам сейчас?

— Сорок пять, мэм.

— Ну, на столько вы не выглядите. Мне тоже сорок пять.

— Но вы-то на них не выглядите, мэм.

— Старше или моложе?

Она снова засмеялась.

— Но шутки в сторону. Вы считаете меня слишком старой, чтобы стать первооткрывателем?

— В нашем обществе не может быть пионером никто без тренировки вне условий Города. Тренироваться лучше всего с юности. Я надеюсь, что мой сын когда-нибудь ступит на поверхность другого мира.

— Вот как? Вы, конечно, знаете, что Галактика принадлежит Внешним Мирам?

— Их только пятьдесят, мэм, а в Галактике миллионы миров, годных для обитания — или их можно сделать годными — и не имеющих собственной разумной жизни.

— Да, но ни один корабль не может подняться с Земли без разрешения космонитов.

— Разрешения можно добиться, мэм.

— Я не разделяю вашего оптимизма, мистер Бейли.

— Я разговаривал с космонитами, которы…

— Я знаю это от своего начальника Альберта Миннима, который два года назад посылал вас на Солярию.

Она слегка скривила губы.

— Актер, игравший его крошечную роль в том фильме, очень походил на него, насколько я помню. Минниму не понравилось.

Бейли сменил разговор:

— Я просил заместителя секретаря Миннима…

— Он получил повышение.

Бейли, прекрасно понимавший важность званий в табели о рангах, спросил:

— Каков его новый титул, мэм?

— Вице-секретарь.

— Спасибо. Я просил вице-секретаря Миннима получить для меня разрешение посетить Аврору в связи с поисками новых миров.

— Когда?

— Вскоре после моего возвращения с Солярии. С тех пор я дважды возобновлял свою просьбу.

— Но не получили благоприятного ответа?

— Нет, мэм.

— Вы были удивлены?

— Разочарован, мэм.

— Зря.

Она слегка откинулась в кресле.

— Ваши отношения с Внешними Мирами весьма шатки. Вы, конечно, почувствовали, что ваши два детективных подвига облегчили положение. Так оно и есть. Эта ужасная гиперволновая пьеса тоже помогла. Но облегчение такое…

Она почти соединила большой и указательный пальцы.

— Против такого…

Она раскинула руки.

— При таких обстоятельствах мы вряд ли могли рискнуть послать вас на Аврору, на главный Внешний Мир, где вы, возможно, сделали бы что-нибудь, что усилило бы межзвездную напряженность.

Бейли посмотрел ей в глаза.

— Я был на Солярии и не сделал ничего плохого. Наоборот…

— Да, я знаю. Но вы были там по просьбе космонита, а это далеко не то, что быть там по нашей просьбе. Вы не можете не понимать этого.

Бейли молчал. Она продолжала:

— Ситуация стала во много раз хуже в то время, когда вы прислали вашу просьбу, и вице-секретарь правильно сделал, что отклонил ее. А в последний месяц положение стало особенно скверным.

— Это и есть причина нашего сегодняшнего совещания, мэм?

— Вам не терпится, сэр? — ядовито спросила она с начальственными интонациями. — Вы приглашаете меня идти прямо к цели?

— Нет, мэм.

— Явно приглашаете. А собственно, почему бы и нет? Я становлюсь утомительной. Давайте ближе к делу. Вы знаете Хена Фастольфа?

— Я встречался с ним однажды, — осторожно ответил Бейли, — три года назад, в Космотауне.

— Вы, кажется, понравились ему.

— Он был достаточно дружелюбен… для космонита. Она слегка пренебрежительно фыркнула:

— Представляю. Вы знаете, что он был видным политическим деятелем на Авроре последние два года?

— Он был членом правительства, как я слышал от своего бывшего партнера.

— От Р.Дэниела Оливо, робота космонитов, вашего друга?

— Моего бывшего коллеги, мэм.

— Это, когда вы решали маленькую проблему насчет двух математиков на борту корабля космонитов?

— Да, мэм.

Бейли кивнул.

— Как видите, мы хорошо информированы. Доктор Хен Фастольф был в той или иной степени лидером в аврорском правительстве, важной фигурой законодательной власти их планеты, и о нем говорили даже как о будущем Председателе, а Председатель на Авроре, как вы знаете, нечто вроде президента.

— Да, мэм, — сказал Бейли.

Он подумал, скоро ли она подойдет к тому весьма деликатному делу, о котором говорил комиссар.

Димачек, казалось, не спешила:

— Фастольф из умеренных. Он сам так называет себя. Он чувствует, что Аврора и вообще Внешние Миры зашли слишком далеко в своем направлении, как вы, возможно, чувствуете, что мы на Земле зашли слишком далеко в нашем. Он хочет сделать шаг назад, уменьшить производство роботов, ускорить смену поколений, вступить в союз и дружбу с Землей. Естественно, мы поддерживаем его, но очень осторожно. Если мы будем слишком демонстративно выражать свои чувства, это может оказаться для него смертельным ударом.

— Я думаю, — сказал Бейли, — что он не поддержал бы Землю в исследовании и заселении других планет.

— Я тоже так думаю, и полагаю, что он говорил вам об этом.

— Да, мэм.

— Как вы думаете, он представляет общественное мнение на Внешних Мирах?

— Не знаю, мэм.

— Боюсь, что не представляет. С ним — рав-

нодушные; против него — огонь страстей Он держится так близко к правительственным постам только благодаря своей политической ловкости и личному обаянию. Его величайшей слабостью, бесспорно, является симпатия к Земле. Это постоянно используется против него, и в то же время это оказывает влияние на тех, кто разделяет его точку зрения во всех других аспектах. Если бы вы были посланы на Аврору, любая ваша ошибка усилила бы антиземные чувства и, таким образом, ослабила бы Фастольфа, возможно, самым роковым образом, Земля просто не может пойти на такой риск.

— Понятно, — пробормотал Бейли.

— Фастольф склонен рисковать. Именно он организовал вашу поездку на Солярию, в то время, когда его политическая власть едва только начиналась, и он тогда был очень уязвим. Но он мог потерять только свою личную власть, в то время, как мы должны были заботиться о благополучии восьми миллиардов людей Земли. Именно это делает теперешнюю политическую ситуацию почти немыслимо деликатной.

Она сделала паузу, и Бейли был вынужден спросить:

— На какую ситуацию вы ссылаетесь, мэм?

— Похоже, что Фастольф вовлечен в серьезный и беспрецедентный скандал. Если он не сумеет выкрутиться, то его политический крах — дело нескольких месяцев, но все равно рано или поздно он будет уничтожен как политическая сила на Авроре, и это будет реальным бедствием для Земли.

— Могу я спросить, в чем его обвиняют? Коррупция? Измена?

— Ничего такого преступного. Его личную честность не подвергают сомнению даже его враги.

— Тогда преступление на почве страсти. Убийство?

— Не совсем убийство.

— Не понимаю, мэм.

— На Авроре, мистер Бейли, есть люди и есть роботы, в большинстве своем похожие на наших, немногим лучше. Но есть и человекоподобные роботы, настолько человекоподобные, что их можно принять за людей.

Бейли кивнул:

— Я это хорошо знаю.

— Я полагаю, что уничтожение человекоподобного робота — не совсем убийство в точном смысле этого слова.

Бейли подался вперед, широко раскрыв глаза,

и закричал:

— О, дьявол! Женщина, хватит фокусов! Вы хотите сказать, что доктор Фастольф убил Р.Дэниела?

— В данном случае, я прощаю вашу невежливость, Бейли. Нет, Р. Дэниел не был убит. Но он не единственный человекоподобный робот на Авроре. Убили другого робота. Точнее сказать, его мозг был полностью разрушен. Его поставили в постоянный и необратимый робблок.

— И говорят, что это сделал доктор Фастольф?

— Так утверждают его враги, так говорят экстремисты, желающие, чтобы только космониты распространились в Галактике, а земляне исчезли из Вселенной. Если эти экстремисты сумеют в следующие несколько недель добиться новых выборов, они наверняка захватят полный контроль в правительстве, и результаты этого непредсказуемы.

— Я не понял, почему этот робблок так важен в политическом смысле.

— Я тоже, — сказала Димачек. — Я не претендую на понимание политики Авроры, но, по моим умозаключениям, человекоподобные роботы каким-то образом входят в план экстремистов, и это уничтожение привело их в ярость.

Она поморщилась.

— По-моему, у них весьма запутанная политика, и я только собью вас с толку, если буду пытаться объяснить ее.

Под спокойным взглядом помощника секретаря Бейли овладел собой и тихо спросил:

— А при чем тут я?

— Из-за Фастольфа. Вас уже посылали в космос по делу об убийстве, и вы его удачно провели и закончили. Фастольф хочет, чтобы вы сделали это еще раз. Вы поедете на Аврору и выясните, кто виноват в робблоке. Фастольф видит в этом единственный шанс победить экстремистов.

— Я не роботехник. Я ничего не знаю об Авроре…

— Вы ничего не знали к о Солярии, однако вам все удалось, Дело в том, Бейли, что мы так же, как и доктор Фастольф, желаем узнать, что случилось на самом деле. Мы не хотим его поражения, ибо в этом случае экстремисты проявят еще большую враждебность к Земле, чем было до сих пор. Мы не хотим, чтобы это случилось.

— Я не могу взять на себя такую ответственность, мэм. Задача…

— …почти неразрешима. Мы это знаем, но у нас нет выбора. Фастольф настаивает, а за ним в дан-

ный момент стоит правительство Авроры. Если вы поедете и вам повезет, мы будем спасены, а; вы получите соответствующую награду.

— А если я поеду и потерплю неудачу?

— Мы сделаем все возможное, чтобы вина пала на вас, а не на Землю.

— Иными словами — были бы спасены чиновные шкуры.

— Лучше бросить вас в пасть волкам, лишь бы Земля не слишком пострадала. Заплатить за всю планету одним человеком — не так дорого.

— Поскольку я уверен, что провалюсь, я спокойно могу не ехать.

— Вы прекрасно понимаете, — мягко сказала она, — что если Аврора просит вас, вы не можете отказаться. Да и зачем вам отказываться? Вы два года пытались поехать на Аврору, и были огорчены, что не получили нашего разрешения.

— Я хотел поехать, чтобы мирно договориться о помощи в заселении других планет, а не…

— Вы по-прежнему можете просить их помощи в вашей мечте о заселении других планет, Бейли. Допустим, вам повезет. Это же, в конце концов, возможно. В этом случае Фастольф будет вам страшно благодарен и сделает для вас куда больше, чем сделал бы при других обстоятельствах.

И мы будем в достаточной степени благодарны, и тоже поможем. Разве это не стоит риска, даже большого? Пусть ваши шансы на успех очень малы, если вы поедете, но если вы откажетесь, они будут равны нулю. Подумайте об этом, Бейли, но, пожалуйста, не долго.

Бейли стиснул зубы и, наконец, осознав, что альтернативы нет, спросил:

— Сколько времени у меня в…

Димачек спокойно прервала его:

— Я же вам объясняла, что у нас нет ни выбора, ни времени. Вы уедете.

Она взглянула на ручные часы:

— Ровно через шесть часов.

5

Космопорт находился на восточной окраине Города в пустынном секторе, собственно говоря, вне Города.

Это маскировалось тем фактом, что билетные кассы и залы ожидания были в Городе, а к самому кораблю шла машина по крытому переходу. Именно поэтому все отлеты происходили ночью.

У космопорта было мало работы. Земляне крайне редко покидали планету, и межпланетные сообщения полностью носили коммерческий

характер активности, и организовывали их роботы и космониты.

Дожидаясь, когда корабль будет готов для погрузки, Илайдж Бейли чувствовал себя уже отрезанным от Земли. С ним был и провожавший его Бентли, оба угрюмо молчали. Наконец Бен сказал:

— Не думаю, чтобы мама захотела прийти.

Бейли кивнул:

— Я тоже не думаю. Я помню, какая она была, когда я поехал на Солярию. Тут то же самое.

— Ты хоть успокоил ее?

— Я сделал все, что мог, Бен. Она думает, что я попаду в аварию, или меня убьют космониты, как только я попаду на Аврору.

— Ты же вернулся с Солярии.

— Именно поэтому она не хочет, чтобы я рисковал второй раз. Она уверена, что удача отвернется от меня. Ну, в конце концов, она успокоится. А ты обходи опасные темы, Бен. Побудь с ней, только не разговаривай насчет заселения новых планет. Она это не любит, ты сам это знаешь. Она чувствует, что ты можешь оставить ее. Она знает, что сама не сможет поехать, и тогда больше не увидит тебя.

— Может, и так, но когда это еще будет…

— Ты смотришь на это легко, а она — нет. Так что ты уж не говори с ней об этом, пока меня нет. Ладно?

— Ладно. Я думаю, она чуточку расстроена из-за Глэдии. Бейли резко взглянул на сына:

— Ты…

— Я не сказал ни слова, но она тоже видела этот гиперволновый фильм, и знает, что Глэдия на Авроре.

— И что из этого? Аврора — громадная планета. Не думаешь ли ты, что Глэдия Дельмар будет ждать меня в космопорту? О, дьявол, Бен, неужели твоя мать не знает, что эта гиперволновая гадость на девять десятых выдумка?

Бен с заметным усилием сменил тему разговора:

— Даже странно — ты сидишь здесь без всякого багажа.

— У меня его даже слишком много. Я же одет, верно? С меня снимут всю одежду, как только я окажусь на борту. Ее химически обработают и выбросят в космос, а мне выдадут все новое, после того, как я сам буду продезинфицирован, очищен и отполирован внутри и снаружи. Я уже прошел через это однажды.

Помолчав, Бен сказал:

— Знаешь, папа…

Он резко остановился и начал снова:

— Знаешь, папа…

Он опять замолчал.

— Что ты хочешь сказать, Бен?

— Папа, я чувствую себя ужасным болваном, когда говорю это, но думаю, что лучше сказать. Ты все же не героический тип. Даже я никогда не считал тебя им. Ты отличный парень и самый лучший отец, но ты не героический тип.

Бейли хмыкнул.

— Однако, — продолжал Бен, — именно ты стер с карты Космотаун, именно ты привлек Аврору на нашу сторону, именно ты начал весь этот проект заселения других миров., Папа, ты сделал для Земли больше, чем все правительство вместе взятое. Так почему же тебя не оценили по заслугам?

— Именно потому, что я не героический тип, и потому, что меня сунули в этот идиотский фильм. Он восстановил против меня весь департамент; он выбил из колеи твою мать и создал мне репутацию, которой я не заслуживаю.

На его ручном вызове вспыхнул свет, и Бейли встал:

— Мне пора, Бен.

— Я понимаю. Я хочу сказать тебе, папа, что я

высоко ценю тебя. И в этот раз, когда ты вернешься, тебя будут ценить все, а не только я.

Бейли был растроган. Он быстро кивнул, положил руку на плечо сына и пробормотал:

— Спасибо, береги себя и мать, пока меня нет.

Он ушел, не оглядываясь. Он сказал Бену, что едет на Аврору поговорить о проекте заселения. Если бы это было действительно так, он мог бы вернуться с победой, а тут…

Он подумал: «Я вернусь, чтобы оказаться в опале, если вернусь вообще».

Глава 2
Дэниел

6

Бейли оказался на космическом корабле в третий раз, и прошедшие два года не изгладили из его памяти два предыдущих полета. Он точно знал, чего ждать.

Должна быть изоляция — чтобы никто не видел его и не общался с ним, кроме, вероятно, робота. Должно быть постоянное медицинское обслуживание — дезинфицирование и стерилизация. Этого не миновать. Должна быть попытка сделать его пригодным для общения с чувствительными к болезням космонитами, которые считают землян разносчиками всевозможных инфекций.

Однако по сравнению с теми двумя космическими рейсами должно быть и различие. На этот раз он не будет так бояться процедур. И ощущение, будто тебя выставили перед всеми голым, не будет таким страшным.

Он должен быть готов к возможности более широкого общения. Самому себе он твердо сказал

(несмотря на спазм в желудке от чувства страха), что в этот раз, может быть, даже увидит космос. Интересно, похож ли он на фотографии ночного неба, снятые за границами Города?

Он вспомнил свое первое посещение планетария — в Городе, конечно, в условиях изоляции от внешней среды. Ему показалось, будто он находится вне Города, но ничего неприятного в этом не было.

Затем было раза два — нет, три — когда он был ночью на открытом пространстве и видел настоящие звезды в настоящем небе. Это было куда менее впечатляющим, чем в планетарии, но при этом каждый раз дул холодный ветер и было ощущение бесконечности; это было несравненно страшнее, чем увиденное в планетарии, но все же не так страшно, как днем, потому что темнота ночи окружала его защитной стеной.

На что же будут похожи звезды на экране космического корабля — на демонстрируемые в планетарии или на видимые в ночном небе Земли? Или это совсем другое восприятие?

Он сосредоточился на этих мыслях, чтобы не думать об оставшихся на Земле, Джесси, Бене и Городе.

Исключительно из бравады он отказался от

кара, и настоял, что пройдет пешком небольшое расстояние от ворот до корабля в компании робота, пришедшего за ним. В конце концов, это же крытая аркада.

Проход был слегка изогнутым, и Бейли оглядывался, пока еще мог видеть Бена.

Он поднял руку, и Бен замахал обеими руками, растопырив на них по два пальца в древнем символе победы.

«Победа? Напрасный знак», — подумал Бейли.

Он переключился на другие мысли, которые могли бы отвлечь и занять его. Как выглядит космический корабль днем, когда солнце ослепительно сверкает на его металле, а сам Бейли и все находятся на открытом пространстве.

Крошечный цилиндрический мирок должен был оторваться от неизмеримо большего мира и затеряться в пустоте, неизмеримо большей, чем любое открытое пространство на Земле, и после бесконечной протяженности мирового пространства искать другой мир…

Он заставил себя идти ровно, не показывая перемены настроения, однако, робот, шедший рядом, остановил его.

— Вам плохо, сэр? — спросил он.

Не «хозяин», а просто «сэр» Это был аврорский

робот.

— Все в порядке, парень, — хрипло ответил Бейли, — пошли дальше.

Он опустил глаза и не поднимал их от земли, пока перед ним не вырос корабль.

Аврорский корабль! Он был выше, изящнее, но много мощнее солярианских кораблей. Бейли вошел внутрь, и сравнение снова оказалось в пользу Авроры. Его каюта была больше, чем те, которые у него были два года назад, более удобная и комфортабельная.

Точно зная, что произойдет, он без колебаний снял всю одежду. Вероятно, ее продезинфицируют плазменным факелом, и он, конечно, не получит ее обратно, вернувшись на Землю — если вернется, В тот раз он не получил ее.

А новой одежды он не получит, пока не будет со всей тщательностью вымыт, осмотрен и напичкан лекарствами — внутрь и подкожно.

Он почти приветствовал эти унизительные процедуры, потому что они отвлекали его от бесполезных размышлений; он не ощущал поэтому даже начального ускорения и почти не заметил, когда наконец снова оделся. Он огорченно посмотрел на себя в зеркало.

Ткань была гладкой, блестящей и изменяла

цвет на сгибах. Брюки плотно облегали лодыжки, а носки были надеты поверх брюк. Рукава блузы стягивали запястья, а на руках были тонкие прозрачные перчатки. Ворот блузы закрывал шею и был снабжен капюшоном, который при желании можно было натянуть на голову. Он знал, что его одели так не для его удобства, а для того, чтобы уменьшить опасность для космонитов.

Глядя на себя, он подумал, что ему будет тесно и жарко, но этого не случилось. К своему огромному облегчению, он даже не вспотел. Из этого он сделал вывод и спросил у робота, пришедшего с ним и все еще остававшегося тут:

— Парень, эта одежда регулирует температуру?

— Да, сэр. Это одежда для любой погоды и очень модная. Но она исключительно дорогая, и очень немногие на Авроре имеют возможность носить ее.

— Вот как! О, дьявол!

Он внимательно посмотрел на робота.

Это была явно примитивная модель, очень немногим отличающаяся от земных.

Но была некоторая тонкость, какой не хватало земным моделям: этот робот мог изменять выражение лица. Например, он чуть заметно

улыбнулся, когда узнал, что Бейли дали костюм, доступный на Авроре далеко не каждому. Структура его тела казалась металлической, но производила впечатление какой-то ткани, слегка изменявшейся при движениях, хорошо подобранных, приятно контрастировавших цветов. Короче говоря, робот, хотя явно не человекоподобный, казался одетым, если не приглядываться к нему близко.

— Как я должен звать тебя, парень?

— Я — Жискар, сэр.

— Р.Жискар?

— Если угодно, сэр.

— На корабле есть библиотека?

— Да, сэр.

— Ты можешь принести мне книгофильмы об Авроре?

— Какого рода, сэр?

— Исторические, политические, географические — что-нибудь чтобы я мог познакомиться с планетой.

— Слушаюсь, сэр.

— И проектор.

— Да, сэр.

Робот прошел через двойную дверь, и Бейли угрюмо кивнул своему отражению в зеркале.

Во время поездки на Солярию ему и в голову не пришло тратить время на изучение чего-то полезного. Да, за последние два года он продвинулся вперед.

Он подергал дверь, она не поддавалась. Бейли не был бы удивлен, если бы оказалось иначе.

Он осмотрел комнату. Тут был гиперволновый экран. Бейли лениво покрутил ручки, принял взрыв музыки, уменьшил громкость и с неодобрением послушал: дребезжащая и нестройная. Он повертел другие ручки и, наконец, увидел изображение.

Это был космический футбол, в который играли явно при нулевой гравитации. Мяч плыл по прямой, а игроки — их было страшно много с каждой стороны — грациозно взмывали и парили в воздухе.

Необычные движения вызвали у Бейли головокружение. Он нашел выключатель, повернул его, и в это время дверь позади него открылась. Он обернулся, ожидая увидеть Р.Жискара, и не сразу понял, что видит человека с широким лицом, выдающимися скулами, бронзовыми волосами, гладко зачесанными назад, и в костюме общепринятого покроя и сочетания цветов.

— О, дьявол! — сказал Бейли, почти задохнув-

шись.

— Коллега Илайдж, — сказал тот, и шагнул вперед, широко улыбаясь.

— Дэниел! — вскричал Бейли, крепко обнимая робота.

7

Бейли все еще держал в объятиях Дэниела, единственного знакомого на корабле, единственную связь с прошлым, ощущая к нему по-прежнему доверие.

Но мало-помалу он собрался с мыслями и осознал, что обнимает не Дэниела Оливо, а Р.Дэниела, робота Дэниела Оливо, который тоже слегка обнял его и позволял обнимать себя, рассудив, что это действие доставляет удовольствие человеческому существу. Непреодолимый Первый Закон роботехники гласит: «Робот не может нанести вред человеку», а оттолкнуть дружеский жест означало нанести вред.

Медленно, чтобы не выдать собственного огорчения, Бейли опустил руки.

— Я не видел вас, Дэниел, с тех пор, как вы привели на Землю тот корабль с двумя математиками. Помните?

— Конечно, помню, коллега Илайдж. Я очень

рад видеть вас.

— А вы разве чувствуете эмоции?

— Не могу сказать, что я чувствую в человеческом смысле. Скажу однако, что при виде вас мои мысли как бы легче текут, гравитационные силы, давящие на мое тело, штурмуют мои ощущения, грубо соответствуют тому, что вы чувствуете, когда радуетесь.

Бейли кивнул:

— Что бы вы ни чувствовали при виде меня, старый коллега, если это предпочтительнее состояния, в котором вы находитесь, когда не видите меня, то мне это вполне подходит — если вы поняли, что я имею в виду. Но вы как здесь очутились?

— Жискар Ривентлов сообщил, что вы…

Дэниел сделал паузу.

— Очищен? — ядовито спросил Бейли.

— Продезинфицированы, — сказал Дэниел. — Я решил, что можно войти.

— Но вы, конечно, не боитесь заразы?

— Нисколько, партнер Илайдж, но люди на корабле будут недовольны, когда я подойду к ним, если до встречи со мной вы не были продезинфицированы. Люди Авроры очень восприимчивы к инфекции и иногда преступают разумную оценку

вероятности.

— Я понимаю. Но я спросил, не почему вы здесь в данный момент, а почему вы здесь вообще?

— Доктор Фастольф, к ведомству которого я отношусь, направил меня на борт корабля, посланного за вами, по нескольким причинам. Он счел желательным, чтобы вы немедленно познакомились с делом, которое наверняка будет трудным для вас.

— Это мило с его стороны. Я благодарен ему.

Р.Дэниел серьезно поклонился в знак признательности.

— Доктор Фастольф также думал, что эта встреча даст мне соответствующие ощущения.

— Удовольствие, вы имеете в виду?

— Если я позволю себе пользоваться этим термином — да. А третья причина, самая важная…

Дверь снова открылась, и вошел Р. Жискар. Бейли с досадой повернулся к нему.

Р.Жискар был робот как робот, и его присутствие как бы подчеркивало роботизм Дэниела, хотя Дэниел был много совершеннее, а Бейли не хотел, чтобы роботизм Дэниела подчеркивался. Он не хотел ругать себя за неспособность смотреть на Дэниела иначе как на человека. Он сказал нетерпеливо:

— В чем дело, парень?

— Я принес книгофильмы, которые вы желали видеть, сэр, и проектор.

— Ладно, положи их и можешь идти. Со мной будет Дэниел!

— Слушаюсь, сэр.

Глаза робота слабо блеснули, он быстро повернулся к Р. Дэниелу, как бы желая получить приказ от старшего.

Дэниел спокойно сказал:

— Выйди, друг Жискар. Будь за дверью.

Тот вышел, и Бейли спросил с некоторым неудовольствием:

— Зачем ему оставаться за дверью? Разве я пленник?

— В том смысле, — ответил Р.Дэниел, — что вам не разрешено общаться с пассажирами корабля во время путешествия. Мне очень жаль, но я вынужден сказать вам, что вы в самом деле пленник. Однако, это не причина для присутствия здесь Жискара. И я должен сказать вам, коллега Илайдж, что благоразумнее было бы не называть Жискара или другого робота «парень».

Бейли нахмурился:

— Он что, обижается?

— Жискар не обижается ни на какие действия

человека. Просто на Авроре не принято обращаться к роботам «парень», и было бы неблагоразумным увеличивать разногласия с жителями Авроры даже неумышленным подчеркиванием вашего земного происхождения, хотя манера говорить большого значения не имеет.

— Как же я должен к нему обращаться?

— Так же, как и ко мне, называя его по имени. В конце концов, это только звук, указывающий на того, к кому вы обращаетесь, и почему один звук для вас предпочтительнее другого? На Авроре не пользуются инициалом «Р», кроме как в официальных случаях, когда требуется полное имя робота, но теперь даже и в этих случаях «Р» часто опускается.

— В таком случае, Дэниел, как вы отличаете роботов от людей?

— Обычные отличия самоочевидны, коллега Илайдж. А зачем подчеркивать это без надобности? По крайней мере, такова точка зрения жителей Авроры, а поскольку вы просили Жискара принести фильмы об Авроре, я думаю, вы хотели познакомиться с жизнью Авроры, чтобы облегчить себе выполнение задачи, которую вы на себя возложили.

— Которую на меня взвалили. А что, если

различие между роботом и человеком не самоочевидно, как, скажем, в вашем случае?

— Тогда зачем различать, если того не требует ситуация?

Бейли вздохнул и сказал:

— Ну, если Жискар не стережет меня, как пленника, то зачем он за дверью?

— В соответствии с инструкциями доктора Фастольфа. Жискар здесь, чтобы защитить вас.

— От кого или от чего?

— Доктор Фастольф не уточнял. Однако, как человек, взволнованный делом Джандера Пэнела…

— Кто этот Джандер Пэнел?

— Это робот, полезность которого кончилась.

— Иными словами, убитый робот?

— Выражение «убитый» обычно относится к человеку.

— Но ведь на Авроре избегают делать различие между роботами и людьми?

— Верно. Тем не менее, возможность или недостаток различия в особом случае прекращения функционирования, насколько мне известно, никогда не возникали. Я не знаю, каковы на этот счет правила.

Бейли задумался. В сущности, это не имеет значения, вопрос чисто семантический. Он сказал:

— Функционирующий человек — живой. Если эта жизнь насильственно прекращена сознательным действием другого человека, мы называем это убийством. Вы согласны с этим словом?

— Без сомнения, — ответил Дэниел.

— Тогда мы можем сказать, что функционирующий робот — живой. Проще считать живым его, чем усложнять дело изобретением нового слова. Ведь вы в данный момент живы?

— Я функционирующий, — медленно и с ударением ответил Дэниел.

— Но послушайте, если жук, дерево или травинка живые, то почему же вы не живой? Я никогда бы не сказал и даже не подумал бы, что вот я — живой, а вы — просто действующий, а в особенности, если я некоторое время проживу на Авроре, где буду стараться не делать без необходимости различий между собой и роботами. Следовательно, я говорю, что мы оба живые, и прошу вас согласиться с этим моим словом.

— Я соглашаюсь, партнер Илайдж.

— Значит, прекращение жизни робота сознательным насильственным действием человека мы тоже назовем убийством. Но вот в чем загвоздка: за одинаковое преступление должно быть одинаковое наказание, но правильно ли это?

Если наказание за убийство человека — смерть, то будет ли оно применено к человеку, положившему конец существованию робота?

— Наказание убийце — психозонд с последующим созданием новой личности. Преступление совершает личная структура мозга, а не тело.

— А как на Авроре наказывают за совершение насильственного прекращения функций робота?

— Не знаю, партнер Илайдж. Насколько мне известно, на Авроре никогда не было подобного инцидента.

— Я подозреваю, что наказанием будет не психозонд. Тогда назовем это не просто убийством, а роботоубийством.

Бейли глубоко уселся в кресло. Разговор с Дэниелом помог ему забыть, что он в космосе, забыть, что корабль мчится вперед, пока не окажется достаточно далеко от массцентров Солнечной системы, а там сделает прыжок через гиперпространство, забыть, что скоро он будет в нескольких миллионах километров от Земли, а затем — в нескольких световых годах от нее.

Но гораздо важнее, что из этого разговора можно было вывести некоторые заключения. Ясно, что слова Дэниела насчет того, что аврорцы не делают различия между роботами и людьми

— заблуждение.

Пусть они себе опускают инициал «Р», не пользуются обращением «парень», но из отказа Дэниела пользоваться одним и тем же словом для насильственного уничтожения робота и человека — отказ этот вложен в его программу, а она, в свою очередь является естественным следствием мнения аврорцев насчет поведения Дэниела — можно заключить, что все это не более чем предрассудок, в основном, аврорцы, как и земляне, твердо уверены, что роботы — машины и бесконечно ниже людей. Это означает, что чудовищная задача найти приемлемое разрешение кризиса — если это вообще возможно — не будет затруднена хотя бы одним неправильным понятием об аврорском обществе.

Бейли подумал, не поговорить ли с Жискаром, чтобы удостовериться в правильности своих заключений, но решил, что не стоит. Мозг Жискара простой, неутонченный, Жискар будет говорить: «Да, сэр», «Нет, сэр», и только. Это все равно, что спрашивать записывающий аппарат. Бейли решил продолжать разговор с Дэниелом — тот хоть способен отвечать с достаточной тонкостью.

— Дэниел, — сказал он, — давайте обсудим дело о Джандере Пэнеле. Как я понял из ваших слов,

это первый случай роботоубийства в истории Авроры. Человек, виноватый в этом, как я понимаю, неизвестен.

— Если считать, что виновный — человек, то его личность неизвестна. В этом вы правы, партнер Илайдж.

— А насчет мотива? Почему Джандера Пэнела убили?

— Это тоже неизвестно.

— Но Джандер был человекоподобным роботом, как вы, а не как, например, Р.Жис… я хотел сказать — Жискар

— Да.

— Не могло случиться, что намеревались убить не робота?

— Не понимаю, партнер Илайдж.

— Не мог ли подумать убийца, что Джандер Пэнел — человек, И задумать человекоубийство, а не роботоубийство?

Дэниел медленно покачал головой:

— Человекоподобный робот внешне полностью похож на человека, вплоть до волос и пор на коже. Голоса наши вполне естественны, мы можем есть и так далее. Однако, в поведении тех и других есть заметная разница. Со временем и с развитием техники таких различий, вероятно,

будет меньше, но пока их много. Вы и другие земляне не привыкли к человекоподобным роботам, вам нелегко заметить эти различия, но аврорцы заметят. Ни один аврорец не принял бы меня или Джандера за человека.

— А другой космонит, не с Авроры, не может ошибиться?

Дэниел заколебался.

— Не думаю. Я не могу судить по личным наблюдениям или по вложенной в меня программе, но знаю из программы, что все Внешние Миры знакомы с роботами не меньше, чем Аврора, а некоторые, например, Солярия, даже больше, и отсюда я делаю вывод, что ни один космонит не упустит разницы между человеком и роботом.

— А на других Внешних Мирах есть человекоподобные роботы?

— Нет, пока только на Авроре.

— Значит, другие космониты не знакомы с ними, и могут спутать.

— Не думаю. Даже человекоподобный робот ведет себя, как робот, и любой космонит это заметит.

— А вы уверены, что среди космонитов нет неразумных, неопасных и невзрослых? Дети космонитов могут не заметить разницы.

— Совершенно точно, партнер Илайдж, но это роботоубийство не совершено неразумным, неопытным или невзрослым. Это абсолютно точно.

— Значит, это исключено. А как насчет землянина? Возможно, что…

— Когда вы прибудете на Аврору, вы станете первым землянином, ступившим на эту планету со времени первого ее заселения. Все ныне живущие аврорцы родились на Авроре или — в редких случаях — на других Внешних Мирах.

— Первый землянин! — пробормотал Бейли. — Какая честь! Значит, выводим заключение, что было задумано именно роботоубийство.

— Такое заключение было с самого начала.

— Аврорцы, сделавшие такое заключение, имели всю информацию, а я получаю ее только сейчас.

— В моем замечании, партнер Илайдж, не было ничего удивительного. Я слишком хорошо вас знаю, чтобы преуменьшать ваши способности.

— Спасибо, Дэниел, я знаю, что вы не собирались унизить меня. Вы только что сказали, что роботоубийство совершено не слабоумным, не неопытным, не малолетним, и что это совершенно точно. Давайте рассмотрим это…

Бейли понимал, что идет окружным путем. Он так и хотел. Он не мог спешить, не поняв сначала аврорцев и их образа мыслей. Имей он дело с человеком, тот проявлял бы нетерпение и искажал бы информацию, считая Бейли идиотом. Но робот Дэниел пойдет за Бейли по всем извилистым тропинкам, сохраняя полное терпение.

Это был тот тип поведения, который выдавал в Дэниеле робота, каким бы человекоподобным он ни был. И аврорец, вероятно, узнает в нем робота по одному вопросу и одному ответ). Дэниел был прав насчет тонких различий.

— Можно исключить детей, вероятно, большинство женщин и многих мужчин, если предположить, что роботоустройство требовало большой силы — например, если у Джандера была проломлена голова или вдавлена внутрь грудная клетка. Я думаю, это нелегко сделать тому, кто не очень силен.

Со слов Димачек Бейли знал, что роботоубийство было к, таким, но, как знать, может, сама Димачек заблуждалась?

— Это вообще не мог сделать ни один человек, — сказал Дэниел.

— Почему?

— Вы, конечно, знаете, что скелет робота ме-

таллический И гораздо крепче человеческих костей. Наши движения сильнее, быстрее и более точно управляются. Третий Закон роботехники гласит: «Робот должен защищать себя». Нападение человека легко было бы отразить. Даже самого сильного человека можно обездвижить. И робота нельзя застать врасплох. Мы всегда знаем о присутствии человека. Иначе мы не могли бы выполнять свои функции.

— Но, Дэниел, Третий Закон говорит: «Робот должен защищать себя, если эта защита не противоречит Первому и Второму Законам». Второй Закон говорит: «Робот должен повиноваться приказам человека, если выполнение этих приказов не противоречит Первому Закону». А по Первому Закону «Робот не может повредить человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был нанесен вред». Человек может приказать роботу уничтожить себя, и тогда робот сам размозжит себе голову. А если человек нападет на робота, тот не может отразить атаку, не повредив человеку, и это будет нарушением Первого Закона.

— Вы, я полагаю, думаете о земных роботах. На Авроре и других Внешних Мирах роботы более сложные, разносторонние и более ценные.

Третий Закон у них значительно сильнее Второго. Приказ о самоуничтожении должен быть по-настоящему подкреплен законной причиной — явной опасностью. А при отражении нападения Первый Закон не будет нарушен — роботы Авроры умеют остановить человека, не повредив ему.

— Предположим, человек будет уверять, что если робот не уничтожит себя, то будет уничтожен он, человек?

— Аврорский робот поставит под сомнение простое утверждение такого рода. Потребуется ясная очевидность возможного уничтожения человека.

— А не может человек оказаться достаточно ловким и так подстроить дело, что робот поверит в страшную опасность для человека? Не эта ли изобретательность позволила утверждать, что преступление совершено не безумцем, не неопытным, не малолетним?

— Нет. Это не так.

— В моих рассуждениях есть ошибка?

— Никакой.

— Значит, я ошибся в предположении, что робот был разрушен физически, а физического ущерба не было. Правильно?

— Да, коллега Илайдж.

Значит, у Димачек были точные сведения.

— В таком случае, Джандер был поврежден умственно. Полный робблок!

— Что такое робблок?

— Это сокращение от роботоблока — постоянное падение функций позитронных связей.

— На Авроре не пользуются словом «робблок».

— А вы как говорите?

— Умственное замораживание.

— Это то же самое.

— Разумнее будет, коллега Илайдж, пользоваться нашим выражением, иначе аврорцы могут не понять вас, и это будет мешать беседе. Вы будете там слишком недолго, чтобы разница в словах могла иметь для вас значение.

— Ладно, я буду говорить «замораживание». Может ли такая вещь случиться сама собой?

— Да, но шансы бесконечно малы, как считают роботехники. Как человекоподобный робот, могу сказать, что сам я никогда не испытывал эффекта, могущего даже близко подойти к умственному замораживанию.

— Стало быть, надо предполагать, что человек сознательно создал ситуацию, при которой могло иметь место умственное замораживание.

— Именно это и утверждают противники доктора Фастольфа.

— И поскольку тут нужны знания роботехники, опытность и умение, глупый, неопытный и молодой не могли бы сделать этого.

— Это естественный вывод, коллега Илайдж.

— Тогда можно составить список достаточно опытных людей. Группа подозреваемых вряд ли будет очень многочисленной.

— Это уже было сделано.

— Длинный список?

— Он содержит только одно имя.

Бейли свел брови в одну линию.

— Только одно?

— Да, — спокойно сказал Дэниел. — Таково суждение доктора Фастольфа, величайшего теоретика роботехники на Авроре.

— Тогда в чем секрет? Чье это имя?

— Конечно, доктора Фастольфа. Я только что сказал вам, что он величайший теоретик роботехники на Авроре, и, по его профессиональному мнению, только он один мог бы привести Джандера Пэнела к полному умственному замораживанию, не оставив никаких следов. Однако доктор Фастольф уверяет также, что он этого не делал.

— И что, никто другой не мог бы этого сделать?

— Именно, партнер Илайдж. В этом и заключается тайна.

— А что, если доктор Фастольф…

Бейли остановился. Не было смысла спрашивать Дэниела, не солгал ли доктор Фастольф, утверждая, что не сделал этого, или не ошибся ли, утверждая, что никто, кроме него, не смог бы этого сделать, ведь Дэниела программировал доктор Фастольф и, конечно же, не вводил в программу способность сомневаться в программисте.

Поэтому Бейли сказал как можно спокойнее:

— Я подумаю насчет этого, Дэниел, а потом поговорим.

— Отлично, партнер Илайдж. А сейчас в любом случае пора спать. Вполне возможно, что на Авроре ход событий нарушит ваш режим, поэтому стоит воспользоваться случаем и выспаться. Я покажу вам, как установить постель.

— Спасибо, Дэниел, — пробормотал Бейли.

Он не думал, что быстро уснет.

Его послали на Аврору со специальным заданием доказать невиновность доктора Фастольфа. Успех в этом деле нужен для дальнейшей безопасности Земли и — что было менее важно, но равно дорого сердцу Бейли — дальнейшей бли-

стательной личной карьеры Бейли. Однако, еще не добравшись до Авроры, он уже обнаружил, что Фастольф, в сущности, признался в совершении преступления.

8

Утром после завтрака — собственно, какое может быть утро или любое другое время дня в космосе? Но он спал, а проснувшись, поел — и решил считать это утренним завтраком. Итак, на следующее утро Бейли после завтрака посмотрел программу новостей, увидел, что там нет ничего насчет роботоубийства на Авроре, и вернулся к книгофильмам, которые накануне принес ему Жискар. Он выбрал исторические — судя по названиям, — но, быстро проглядев их, решил, что Жискар принес книги для юношества. Написаны они были легким, простым языком, текст сопровождался большим количеством иллюстраций. Неужели Жискар так низко оценил интеллект Бейли? Нет, наверное, просто он выбирал по своей роботовской наивности, меньше всего стремясь его обидеть.

Бейли стал читать более внимательно, и заметил, что Дэниел тоже читает с ним.

Дэниел ничего не говорил. Бейли тоже не зада-

вал вопросов, если не считать того, что попросил инструкцию по обращению с аврорским проектором.

Время от времени Бейли посещал маленькое помещение рядом с его каютой, предназначенное для разных личных нужд и, называвшееся, как и на Земле, «туалетом». Помещение было только-только на одного, и это смущало жителя Земли, привыкшего к длинным рядам писсуаров, унитазов, раковин и душей.

Проглядывая книгофильмы, Бейли не старался запоминать детали. Он не собирался стать экспертом по аврорскому обществу, он хотел получить общее впечатление.

Он сразу заметил, что аврорские пионеры — Отцы-основатели, земляне, заселившие Аврору в ранние времена космических путешествий — были очень земным народом. Их политика, их распри, все тонкости поведения были земными. На Авроре происходили те же события, что и в пустынных районах Земли, заселенных пару тысячелетий до этого.

На Авроре не было разумной жизни, чтобы воевать с ней, там было очень мало какой-либо жизни вообще, поэтому планета была быстро заселена людьми, земными животными и рас-

тениями, паразитами и другими организмами, попутно привезенными с Земли, и, конечно, роботами.

Первые поселенцы быстро почувствовали себя хозяевами планеты, поскольку она попала им в руки без всякой конкуренции со стороны, и сначала назвали ее Новой Землей. Это было естественно, потому что она была первой планетой вне Солнечной системы, первой планетой Галактики, первым заселенным Внешним Миром. Это был первый ощутимый результат межзвездного путешествия, первая заря новой эры, чем ей суждено было завершиться, не знал тогда никто. Однако они быстро обрезали пуповину, связывавшую их с Землей, и переименовали свою планету в Аврору, римскую богиню утренней зари.

Это был Мир Зари, и поселенцы объявили себя основателями нового человечества. Вся предыдущая история человеческого рода была темной ночью, и только для аврорцев на их новой планете наступил, наконец, День.

Этот великий для них по значимости факт, это великое самовосхваление сквозило во всех деталях: в именах, датах, победах и потерях. Это было для аврорцев самое главное.

Были заселены другие миры, некоторые — зем-

ными жителями, другие — аврорцами, но Бейли не обращал внимания на детали. Наконец, он заметил два больших изменения, отторгнувших аврорцев от земных корней: первое — невероятная интеграция роботов во все сферы жизни, а второе — продолжительность жизни.

Чем более улучшались роботы, тем многограннее и сложнее становились закладываемые в них программы, тем более аврорцы зависели от них, хотя и не до беспомощности, не как на Солярии. Но все-таки зависимость росла. Насколько он мог видеть, каждый шаг в ходе интеграции человек-робот, казалось, вел к зависимости. Даже манера, в какой было закреплено общее мнение о правах роботов — постепенное уменьшение того, что Дэниел назвал бы «необязательными различиями», — было признаком зависимости.

Не то, чтобы аврорцы стали более человечными: они отрицали механическую природу роботов, чтобы не признать зависимости человека от предметов с искусственным разумом.

Что касается продолжительности жизни, то она сопровождалась спадом интенсивности хода истории. Все острые углы сглаживались, росла преемственность, и росло единодушие. История, с которой знакомился Бейли, чем дальше углублял-

ся он в нее, становилась все менее интересной. Она становилась почти усыпляющей. Для тех, кто жил в это время, это было благом.

История интересна катастрофическими событиями для тех, кто о них читает, а для живущих она ужасна. Без сомнения, личная жизнь продолжает быть интересной для огромного большинства аврорцев, и если коллективное взаимодействие жизней увеличивает спокойствие — кто будет недоволен? Если в Мире Зари спокойный солнечный день, кто захочет грозы?

У Бейли несколько раз возникало странное ощущение. Если бы он попробовал описать его, то сказал бы, что это был момент инверсии — как будто его на долю секунды вывернули наизнанку, а затем вернули в первоначальное состояние. Это ощущение было настолько мимолетно, что он чуть не упустил его.

Возможно, только через минуту он вдруг вспомнил, что уже испытывал то же самое, когда летел на Солярию и когда возвращался на Землю.

Это был переход через гиперпространство, «прыжок», который посылал корабль со сверхсветовой скоростью через парсеки, в нарушение законов Вселенной, туда, где нет ни Пространства, ни Времени.

В констатации этого факта заключается разгадка, поскольку корабль просто выходил из Вселенной и летел где-то, где нет ограничений скорости. Весь секрет в концепции, потому что гиперпространство можно описать только математическими символами, а их в любом случае нельзя перевести во что-либо понятное.

Если принять тот факт, что люди научились манипулировать гиперпространством, не пониманием они манипулируют, то эффект ясен. Только что корабль был в микропарсеках от Земли, а в следующий момент он в микропарсеках от Авроры.

В идеале, прыжок занимает нуль времени, в буквальном смысле нуль, и если все происходит гладко, никаких физиологических ощущений нет и не может быть.

Физики, однако, утверждают, что идеальная гладкость требует бесконечной энергии, и поэтому всегда бывает «эффективное время», не полностью равное нулю.

От этого и происходит странное и в сущности безвредное ощущение инверсии.

Внезапно осознав, что он очень далеко от Земли и очень близко к Авроре, Бейли загорелся желанием увидеть Внешний Мир.

Частично это было желанием увидеть живых людей, а частично — естественным любопытством увидеть то, что заполняло его мысли после просмотра книгофильмов.

Как раз в это время вошел Жискар с едой — скажем, ленчем — и сказал:

— Мы приближаемся к Авроре, сэр, но вам нельзя наблюдать это из рубки. Да и сейчас все равно ничего не видно. Только через несколько дней мы подойдем к Авроре достаточно близко, чтобы увидеть какие-либо детали.

Подумав, он добавил:

— Но вам нельзя будет наблюдать из рубки и тогда.

Бейли растерялся. Видимо, предполагали, что он захочет наблюдать приближение и посадку, и запросто пресекли это желание. Его присутствие как зрителя было нежелательно.

— Прекрасно, Жискар, — ответил он.

Робот вышел.

Бейли сумрачно посмотрел ему вслед.

Сколько еще ограничений наложат на него?

Успешное выполнение его задачи и так маловероятно, и кто знает, сколько еще разных способов придумают аврорцы, чтобы сделать это выполнение вообще невозможным.

Глава 3
Жискар

9

Бейли повернулся и сказал Дэниелу:

— Дэниел, мне уже надоело быть здесь пленником. Аврорцы на корабле боятся меня как источника заразы. Это чистое заблуждение. Меня же обрабатывали.

— Вас просили оставаться в своей каюте не потому, что аврорцы боятся.

— Да? А почему же?

— Может быть, вы помните: когда мы впервые встретились здесь, вы спросили, зачем меня послали эскортировать вас; я ответил — во-первых, для того, чтобы у вас здесь было что-то знакомое, вроде опоры, а во-вторых, потому что мне это было приятно. Наш разговор прервал Жискар, принесший книгофильмы, а потом мы погрузились в дискуссию о роботоубийстве.

— Да-да, но вы мне не сказали о третьей причине. Какова же она?

— Ну, коллега Илайдж, просто я могу защитить

вас.

— От кого?

— Инцидент, который мы договорились называть роботоубийством, всколыхнул необычные страсти. Вас вызвали на Аврору, чтобы доказать невиновность доктора Фастольфа. А гиперволновой фильм…

— О, дьявол, Дэниел, — в ярости воскликнул Бейли, — эту штуку видели и на Авроре?

— Его видели все Внешние Миры. Это была самая популярная программа, и она ясно показала, что вы совершенно исключительный следователь.

— Так что тот, кто стоит за роботоубийством, возможно, испытывает преувеличенный страх передо мной и может пойти на риск — предупредить мое появление и убить меня?

— Доктор Фастольф, — спокойно сказал Дэниел, — полностью убежден, что за роботоубийством никто не стоит, поскольку кроме него, никто не мог бы этого сделать. С точки зрения доктора Фастольфа, это была чистая случайность. Однако, есть люди, пытающиеся извлечь выгоду из нее, и в их интересах не допустить вас доказать, что это была именно случайность. Вот поэтому вас и нужно защищать.

Бейли быстро сделал несколько шагов вдоль стены и обратно, чтобы ускорить свои мыслительные процессы посредством движения. Он почему-то вовсе не чувствовал никакой грозящей лично ему опасности.

— Дэниел, много ли на Авроре человекоподобных роботов?

— Вы имеете в виду сейчас, когда Джандер более не функционирует?

— Да, с тех пор как Джандер умер.

— Один, коллега Илайдж.

Бейли ошеломленно уставился на Дэниела и беззвучно повторил:

— Один? Значит, вы единственный человекоподобный робот на Авроре?

— И в любом другом мире. Я думал, что вы знаете это. Я был прототипом, затем был сконструирован Джандер, после чего доктор Фастольф отказался конструировать, а больше никто не умеет.

— Но в таком случае, если из двух таких роботов одного убили, разве доктор Фастольф не думает, что и вы, Дэниел, в опасности?

— Он признает эту возможность, но шанс, что фантастически-неправдоподобный случай умственного замораживания будет иметь место

во второй раз, — ничтожен. Он не принимает его всерьез. Однако, он чувствует, что возможен какой-нибудь другой несчастный случай. Это, я думаю, сыграло некоторую роль в посылке меня на Землю за вами. Это удалило меня от Авроры недели на две.

— Значит, вы такой же пленник, как и я сам?

— Я пленник только в том смысле, что я намерен не покидать этой каюты.

— А в каком же еще смысле можно быть пленником?

— В том смысле, что особа, ограниченная в передвижении, возмущена этим ограничением. Настоящее пленение недобровольно. Я же полностью понимаю причину, по которой я здесь, и соглашаюсь с необходимостью.

— Вы-то — да, — проворчал Бейли, — а я — нет. Я пленник в полном смысле. А какая безопасность гарантирована нам здесь?

— Только та, партнер Илайдж, что Жискар на посту снаружи.

— Он достаточно разумен для этой работы?

— Он вполне понял приказ. Он крепкий и сильный и сознает важность своей задачи.

— Вы хотите сказать, что он готов оказаться уничтоженным, защищая нас с вами?

— Да, конечно, как и я готов оказаться уничтоженным, защищая вас.

Бейли был ошеломлен:

— И вы не возмущаетесь ситуацией, в которой вас могут из-за меня лишить существования?

— Это в моей программе, партнер Илайдж, — мягко сказал Дэниел. — Однако мне кажется, что если бы этого в моей программе не было, потеря моего существования кажется тривиальной по сравнению со спасением вашей жизни.

Бейли не мог удержаться: протянул руку и крепко пожал руку Дэниела.

— Спасибо, Дэниел, но, пожалуйста, не допускайте этого. Я не хочу, чтобы ваше существование прекратилось. Мне кажется, сохранение моей жизни — неадекватная компенсация.

Бейли к своему удивлению обнаружил, что и в самом деле так думает.

Он даже слегка испугался, осознав, что мог бы рискнуть жизнью ради робота.

Нет, не ради робота, ради Дэниела.

10

Жискар вошел без стука. Бейли принял это, как должное.

Робот как страж мог приходить и уходить, когда

ему вздумается.

Жискар в глазах Бейли был только роботом, хотя «Р» и не полагалось упоминать. Если бы Бейли чесался, ковырял в носу и отправлял бы еще какие-нибудь грязные физиологические функции, Жискар, похоже, остался бы равнодушным, неосуждающим, а спокойно записал бы наблюдение в каком-нибудь внутреннем блоке памяти.

Это делало Жискара просто подвижным предметом обстановки, и Бейли не чувствовал никакого смущения от его присутствия. Кстати, Жискар и не влезал в каюту в неподходящий момент, подумал Бейли.

Жискар принес небольшой куб.

— Сэр, я подумал, что вы все-таки хотите поглядеть на Аврору из Космоса.

Бейли вздрогнул. Без сомнения, Дэниел заметил раздражение Бейли, догадался о причине и решил таким образом уладить дело. Приказать Жискару представить эту идею как пришедшую в его собственный мозг — простой мозг — было очень деликатно со стороны Дэниела. Это должно избавить Бейли от выражения благодарности. По крайней мере, так, наверное, думал Дэниел.

Бейли и в самом деле злился больше на то, что его без нужды отстраняют от лицезрения Авро-

ры, чем на свое пленение вообще. Он злился в течение двух дней после «прыжка». Поэтому он повернулся к Дэниелу и сказал:

— Спасибо, мой друг.

— Это идея Жискара, — сказал Дэниел.

— Да, конечно.

Бейли слегка улыбнулся:

— Я благодарю также и его. Что это такое, Жискар?

— Это астростимулятор. Он работает вроде трехмерного приемника и связан с обзорной кабиной. Я хотел бы еще добавить…

— Да?

— Может быть, обозрение не покажется вам особенно интересным. Я не хотел бы, чтобы вы разочаровались.

— Я не буду надеяться на многое, Жискар. В любом случае, не вините себя за мое возможное разочарование.

— Спасибо, сэр. Я должен вернуться на свой пост, но Дэниел поможет вам с аппаратом, если у вас возникнут вопросы.

Он вышел, а Бейли повернулся к Дэниелу:

— Я думаю, Жискар это здорово устроил. Может, он и простая модель, но сконструирован хорошо.

— Он тоже робот доктора Фастольфа. Это

астростимулятор — самонаводящийся и самоналаживающийся. Поскольку он уже сфокусирован на Аврору, нужно только коснуться контрольной грани. Тогда он включится, а вы не должны больше ничего делать. Хотите включить его сами?

— Все равно.

Бейли пожал плечами.

— Можете и вы.

— Прекрасно.

Дэниел поставил куб на стол и показал на маленький прямоугольник в руке.

— Это ключ. Вам нужно только поднести его к грани, слегка прижать, и механизм включится, прижать второй раз — он выключится.

Дэниел прижал грань, и Бейли вскрикнул, задохнувшись от неожиданности. Он предполагал, что куб осветится и покажет голографическое изображение звездного пространства. Ничуть не бывало: Бейли сам оказался в Космосе, где, куда ни глянь, ярко светили звезды.

Это продолжалось всего лишь какой-то миг, а затем все стало, как прежде: каюта, он, Бейли, в ней, Дэниел и куб.

— Простите, коллега Илайдж, — сказал Дэниел, — я выключил аппарат, как только увидел, что вы почти что в шоке. Я не сообразил, что вы

не были подготовлены.

— Тогда подготовьте меня. Что случилось?

— Астростимулятор действует непосредственно на зрительный центр человеческого мозга. Впечатление, создаваемое им, неотличимо от трехмерной реальности. Это сравнительно недавнее изобретение, и им пользуются только для астрономических наблюдений, в которых мало деталей.

— А вы тоже видите это, Дэниел?

— Да, но слабо и без того реализма, какой испытывает человек. Я вижу туманный контур происходящего, наложенный на достаточно ясную обстановку кабины, в то время как человек видит только то, что происходит. Наверное, когда мозг таких, как я, будет настроен более точно…

Бейли преодолел наконец головокружение.

— Дело в том, Дэниел, что я ничего не сознавал. Я не сознавал самого себя, не видел своих рук и не знал, где они. Я чувствовал себя бесплотным духом — вроде бы я умер, а мое сознание существует где-то в нематериальной послежизни.

— Теперь я понимаю, почему вы нашли это ошеломляющим.

— Да, это очень ошеломляет.

— Простите, партнер Илайдж. Я скажу Жискару,

чтобы он унес куб.

— Нет. Теперь я подготовлен. Дайте-ка, я его включу. Сумею я выключить его, хотя мне покажется, что у меня нет рук?

— Ключ прилипнет к вашей руке, так что вы не выроните его. Я слышал от доктора Фастольфа, который изучал этот феномен, что прикосновение происходит автоматически, если человек, держащий ключ, желает выключить аппарат. Этот автоматический феномен основан на реакции нервной системы человека, как и само зрелище. Во всяком случае, так происходит с аврорцами, а я думаю…

— …что земляне достаточно подобны аврорцам физиологически, так что сработает и на нас. Ну что ж, дайте мне ключ, и я попробую.

Внутренне содрогаясь, Бейли нажал грань и снова очутился в космосе. На этот раз он ожидал этого, и, обнаружив, что может дышать свободно, постарался принять все за зрительную иллюзию. С любопытством озираясь вокруг, он спросил:

— Вы слышите меня, Дэниел?

Он слышал свой голос как бы издалека, но все-таки слышал, а затем услышал голос Дэниела.

— Да, я слышу вас, и вы тоже можете слышать меня. Визуально и кинетические ощущения сме-

шиваются, чтобы усилилась иллюзия реальности наблюдаемого, но слух остается незатронутым.

— Ну, так я вижу только обычные звезды. Мы, я думаю, достаточно близко от Авроры, и ее солнце должно быть ярче других звезд.

— Оно очень яркое, а затемнено аппаратом искусственно, чтобы уберечь ваши глаза.

— Тогда где же планета Аврора?

— Вы видите созвездие Ориона?

— Да. Вы хотите сказать, что здесь мы видим созвездие так же, как на земном небе, как в планетарии Города?

— Примерно так. По звездным расстояниям мы недалеко от Земли и Солнечной системы. Солнце Авроры известно на Земле как Тау Кита. Если вы проведете воображаемую линию от Бетельгейзе к средней звезде пояса Ориона и продолжите ее на равное расстояние и еще чуть-чуть к звезде средней яркости, это и будет планета Аврора. Мы идем быстро, и через несколько дней вы уже не ошибетесь, увидев ее.

— Ладно, — сказал Бейли. — Я сейчас отключу эту штуку, если будет трудно — помогите…

Но никакого труда это не представляло.

Аппарат выключился, и Бейли заморгал от внезапного яркого освещения комнаты.

Только потом он осознал, что несколько минут как бы пробыл в космосе, без каких-либо защитных стен, однако его земная агорафобия не активизировалась. Он чувствовал себя вполне хорошо, как только принял как должное свое мнимое несуществование.

Эта мысль смутила его и на некоторое время отвлекла от книгофильмов. Время от времени он поворачивался к астростимулятору и бросал взгляд в космос.

Постепенно Аврора становилась ярче.

Скоро ее уже можно было легко выделить среди других световых точек, а затем и безошибочно. Теперь она росла, и становились видны и ее фазы.

— Мы постепенно выйдем на орбиту вокруг Авроры, — сказал Дэниел, — и фазы будут быстро меняться. Аврора быстрее вращается, чем Земля.

— Да, у нее в сутках двадцать два часа. Это и имеют в виду книги, когда упоминают о метрическом времени?

— Да. Сначала было трудно убедить аврорцев отбросить привычные единицы времени, и они пользовались обеими системами — стандартной и метрической. Но постепенно метрическая взяла верх. Ту же систему приняли все Внешние Миры, даже если она не связана с естественным обраще-

нием планеты. Конечно, у каждой планеты есть и местная система.

— Как у Земли.

— Да, но Земля пользуется только первоначальным стандартом единиц времени. Это создает некоторые неудобства для Внешних Миров, когда дело касается торговли, но они позволяют Земле производить отсчет времени по-своему.

— Не из дружеских побуждений, я думаю. Я подозреваю, что они хотят этим подчеркнуть отличие Земли.

11

Теперь, когда он пользовался астростимулятором, Аврора была у него перед глазами, он смотрел на нее, как на Землю. Он не видел Землю из космоса, но видел множество ее фотографий, и здесь было много общего.

Аврора плыла, медленно поворачиваясь.

Он смотрел на нее достаточно долго, чтобы это заметить. Сначала все казалось неподвижным, статичным нагромождением темных и светлых пятен. Может, эта неподвижность помешала проявлению его агорафобии? Но теперь он видел, что Аврора движется, и понял, что корабль идет по спирали вниз, последней стадии полета перед

посадкой. Облака поднялись вверх…

Нет, не облака. Это корабль спускался, и Бейли спускался тоже. Он вдруг ощутил собственное существование.

Он стремглав летел вниз сквозь облака.

Он падал, ничем не защищен, пронизывая телом воздух, на твердый грунт.

Горло его сжалось, стало трудно дышать. Он отчаянно твердил себе: «Ты же закрыт, вокруг тебя стены корабля», но он не чувствовал стен. Он внушал себе: «Если ты и не видишь стен, ты все равно закрыт. Ты заключен в свою собственную кожу», но он не чувствовал кожи.

Это было хуже, чем простая нагота: он был отдельной личностью, сутью ее, ничем не прикрытой живой точкой, непонятно как попавшей в открытый бесконечный мир, и он падал.

Он хотел выключить аппарат, прижал кулак к контрольной грани, но ничего не произошло. Нервные окончания пальцев отключились так, что автоматическое сжатие усилием воли не сработало. У него не было воли. Глаза его не закрывались, кулак не прижимался к грани. Бейли был охвачен и загипнотизирован ужасом, испуг лишил его возможности двигаться. Он видел перед собой только облака, белые, с золотисто-

оранжевым оттенком.

Потом все стало серым — и он тонул.

Он не мог дышать. Он изо всех сил старался освободить сжатое горло, позвать на помощь Дэниела, но не смог издать ни одного звука.

12

Бейли дышал, как после длительного бега. Комната была перекошена, а под его левым локтем была твердая поверхность.

Он понял, что лежит на полу. Перед ним стоял на коленях Жискар. Рука робота, твердая и почему-то холодная, держала правый кулак Бейли. Дверь каюты была распахнута.

Бейли, не спрашивая, понял, что случилось. Жискар схватил руку беспомощного человека и прижал ее к грани куба, чтобы положить конец астростимуляции. В противном случае…

Дэниел тоже был здесь, и лицо его, казалось, выражало боль.

— Вы ничего не сказали, коллега Илайдж. Если бы я сразу сообразил, что вам плохо…

Бейли попытался сделать знак, что понимает. Он еще не мог говорить.

Оба робота ждали, пока Бейли сделает слабую попытку встать, и его тут же подняли, посадили в

кресло, и Жискар мягко взял у него включающую пластинку.

— Мы скоро сядем, — сказал он, — и астростимулятор вам, я думаю, больше не понадобится.

— Да, и в любом случае его лучше унести, — добавил Дэниел.

Жискар вышел, а Дэниел сказал:

— Это наша вина, партнер Илайдж. Зная вашу нелюбовь к открытому пространству, нельзя было давать вам астростимулятор, или, если уж дали, оставить вас без пристального наблюдения.

Бейли недовольно покачал головой:

— Не говорите так, Дэниел. Надзора за мной достаточно. Я вот думаю, как будут наблюдать за мной на Авроре.

— Мне кажется, трудно будет позволить вам свободный доступ к Авроре и к аврорцам.

— Именно это мне и следует позволить. Если я хочу узнать правду об этом случае роботоубийства, я должен иметь возможность беспрепятственно получать информацию прямо на месте и от людей, замешанных в этом.

Бейли сейчас чувствовал себя вполне хорошо, хотя и немного уставшим. Поразительно, что интенсивная обработка, которой он подвергся, не

вытравила в нем желания курить. Он чувствовал вкус и запах табака, но знал, что это, увы, останется только в памяти. Ни на одном Внешнем Мире не было табака, и если бы он взял его с собой, его уже отобрали бы и уничтожили.

— Коллега Илайдж, — сказал Дэниел, — о возможностях общения вы поговорите с доктором Фастольфом, как только мы приземлимся. Я не уполномочен принимать какие-либо решения по этому вопросу.

— Это я понимаю, Дэниел, но как я буду говорить с Фастольфом, — через специальный вариант астростимулятора с ключом в руке?

— Отнюдь, коллега Илайдж. Вы будете разговаривать с ним лично. Он хотел встретить вас в космопорту.

13

Бейли прислушался, стараясь уловить звуки и шумы посадки.

Он, конечно, в них не разбирался, не знал механизма корабля, сколько людей на нем, что они будут делать при посадке. Будут ли крики, грохот, вибрация? Он не слышал ничего.

— Вы как будто волнуетесь, коллега Илайдж? — сказал Дэниел. — Я предпочел бы, чтобы вы сразу

сказали о любом неудобстве, которое испытываете. Я должен немедленно помочь вам, если вам по каким-то причинам плохо.

Слово «должен» было слегка подчеркнуто.

«Конечно, Первый Закон, — подумал Бейли. — Он так же страдал на свой лад, как я на свой, когда я потерял сознание, а он не мог вовремя предвидеть этого. Нарушение баланса позитронных потенциалов производит в нем тот же дискомфорт и ту же реакцию, как для меня — острая боль. Но откуда мне знать, что есть в псевдосознании робота, и откуда знать Дэниелу, что происходит во мне?»

Затем, чувствуя угрызения совести за то, что подумал о Дэниеле как о роботе, Бейли посмотрел в его ласковые глаза — давно ли он подумал, что они ласковые? — и сказал:

— Я бы сказал вам сразу о любом дискомфорте, но его нет. Я просто пытался услышать шум, который сказал бы мне о посадке, коллега Дэниел.

— Спасибо, коллега Илайдж, — серьезно сказал Дэниел.

Он слегка поклонился.

— При посадке не будет никакого неудобства. Вы почувствуете ускорение, но очень незначительное, поскольку эта комната защищена.

Может подняться температура, но не больше, чем на два градуса по Цельсию. Что касается звуковых эффектов, то может быть свист низких тонов, когда мы будем проходить через атмосферу. Что-нибудь из этого может встревожить вас?

— Не должно бы. Меня беспокоит, что я не могу своими глазами видеть посадку. Мне хотелось бы знать о таких вещах. Мне не нравится быть пленником.

— Вы уже обнаружили, что природа опыта не подходит к вашему темпераменту.

— А как я могу преодолеть это, Дэниел, если меня держат здесь и не выпускают?

— Я уже объяснял вам, что вас держат здесь для вашей же безопасности.

Бейли с явным отвращением потряс головой:

— Я нахожу, что это вздор. Со всеми этими ограничениями и моим полным незнанием Авроры мои шансы на успех в расследовании настолько малы, что вряд ли кто-то в здравом уме захочет сделать попытку помешать мне. А если бы и так, зачем трудиться нападать лично на меня? Не проще ли взорвать корабль?

— Об этом тоже думали, партнер Илайдж. Корабль был тщательно проверен.

— Вы уверены на все сто процентов?

— В таких вещах нельзя быть абсолютно уверенным. Однако Жискару и мне приятнее мысль, что эта уверенность очень большая, и катастрофа сведена к минимуму.

— А если вы ошиблись?

Что-то вроде судороги исказило на мгновение лицо Дэниела, словно этот вопрос нарушал безукоризненную работу позитронных связей в его мозгу.

— Но мы не ошиблись.

— Вы не можете знать этого. Мы вот-вот приземлимся, и это наверняка опасный момент. Я не могу прятаться в этой каюте, если должен высадиться на Аврору. Я пройду через корабль в окружении других людей. У вас есть способ сделать высадку безопасной?

Он поддразнивал Дэниела, потому что его злило длительное заключение в каюте и позор потери им сознания, но Дэниел спокойно ответил:

— Есть. И, кстати, мы уже приземлились. Сейчас мы на поверхности Авроры.

Бейли на мгновение опешил. Он огляделся, но, разумеется, не увидел ничего, кроме каюты. Но он не чувствовал ни ускорения, ни жары, не слышал свиста воздуха при посадке. Может, Дэниел намеренно заговорил снова о личной опасности

для Бейли, чтобы он, Бейли, не думал ни о чем другом.

— Да, но нам еще надо сойти с корабля. Как я это сделаю, не оказавшись уязвимым для возможных врагов?

Дэниел подошел к стене и коснулся ее.

Стена быстро раздвинулась на две половины, и Бейли увидел длинный туннель.

Тут же из двери вышел Жискар и сказал:

— Сэр, мы втроем пойдем через выходную трубу. Другой конец под наблюдением. Там нас ждет доктор Фастольф.

— Мы приняли все меры предосторожности, — сказал Дэниел.

— Приношу свои извинения Дэниелу и Жискару, — пробормотал Бейли.

Он мрачно вошел в трубу. Все эти предосторожности уверили его в том, что они не напрасны.

Бейли не считал себя трусом, но он был на чужой планете, не имел возможности порадоваться чему-то знакомому, отличить друзей от врагов, исключая, конечно, Дэниела. Он с содроганием подумал, что в критический момент он должен лишиться защитной ограды, которая грела его и давала уверенность.

Глава 4
Фастольф

14

Доктор Фастольф улыбался, он действительно ждал их. Он был высок, худощав, с редеющими темными волосами. И конечно, — его уши. Бейли до сих пор помнил их. Большие, оттопыренные, они придавали Фастольфу несколько юмористический, домашний вид.

Бейли улыбнулся больше этим нелепым ушам, чем приветствию Фастольфа. Он было подумал: «Неужели медицинская техника Авроры не в силах сделать небольшую пластическую операцию, чтобы их исправить?» Но вполне возможно, что Фастольфу нравился их вид, и Бейли, как ни странно, тоже. Должно же быть что-то в лице, что заставляет людей улыбаться.

Может быть, Фастольф хотел нравиться с первого взгляда, а может, находил полезным, чтобы его несколько недооценивали? Или как раз наоборот? Фастольф сказал:

— Детектив Илайдж Бейли, я хорошо помню

вас, хотя всегда вспоминаю лицо актера, изображавшего вас.

Бейли поморщился:

— Эта халтурная гиперволновая постановка преследует меня, доктор Фастольф. Хотел бы я знать, когда я от нее избавлюсь.

— Никогда, — добродушно сказал Фастольф. — Но если она вам не нравится, мы тут же вычеркнем ее из нашего разговора. Я больше не упомяну о ней, идет?

— Спасибо.

Бейли с неожиданным расчетом протянул руку Фастольфу. Фастольф заметно заколебался, а затем осторожно взял руку Бейли — очень не надолго — и сказал:

— Я хочу верить, что вы не являетесь ходячим мешком с микробами, мистер Бейли.

Затем он жалобно добавил, поглядывая на свои руки:

— Правда, я должен признаться, что мои руки покрыты пленкой. Я — плод абстрактных страхов своего общества.

Бейли пожал плечами:

— Как и все мы. Я тоже не получаю удовольствия от мысли о пребывании на Земле на открытом воздухе. Коли на то пошло, я отнюдь не

в восторге от приезда на Аврору при обстоятельствах, в которых оказался.

— Я прекрасно понимаю, мистер Бейли. У меня здесь для вас закрытый кар, а когда мы приедем ко мне, мы сделаем все возможное, чтобы вы продолжали оставаться в помещении.

— Спасибо, но во время моего пребывания на Авроре мне время от времени придется не только сидеть в четырех стенах. Я готовился к этому, как мог.

— Я понимаю, но выходить наружу мы будем все только в крайних случаях Сейчас в этом нужды нет, так что вы будете защищены от любого внешнего воздействия.

Кар ждал у самого туннеля. За Бейли шли Дэниел и Жискар, так же разные внешне, но совершенно одинаковые по серьезной, выжидающей манере, и оба бесконечно терпеливые.

Фастольф открыл заднюю дверцу кара.

— Пожалуйста, входите.

Бейли вошел. За ним быстро вошел Дэниел, а Жискар одновременно вошел с другой стороны. Бейли сел между ними. Вообще-то он порадовался, что между ним и внешней средой с обеих сторон были крепкие тела роботов.

Но этой внешней среды здесь как раз и не было.

Как только Фастольф сел на переднее сиденье и захлопнул дверцу, стекла потемнели, и внутри кара зажегся мягкий искусственный свет.

— Я обычно так не езжу, — сказал Фастольф, — но для меня это не имеет значения, а вам будет удобнее. Кар полностью компьютеризирован, знает дорогу и обойдет любые препятствия. Нам не нужно вмешиваться.

Кар почти незаметно тронулся с места.

— Это безопасный проход, мистер Бейли. Я немало потрудился, чтобы лишь очень немногие знали, что вы поедете в этом каре, и чтобы никто вас в нем не увидел. Поездка будет недолгой, но если хотите, можете подремать. Здесь вы в безопасности.

— Вы, по-видимому, думаете, что мне грозит опасность. В корабле меня и так охраняли, как настоящего пленника, а сейчас, получается, опять то же самое.

Бейли оглядел тесное нутро кара, который окружил его металлическим корпусом и непрозрачными стеклами, не говоря уже о металлической основе двух роботов.

Фастольф засмеялся:

— Я перестарался, я понимаю, но вы приехали сюда во время нашего кризиса, и лучше уж я, как

дурак, перестараюсь, чем пойду на большой риск в результате собственного недосмотра.

— Я уверен, доктор Фастольф, что вы понимаете: мой провал будет ударом по Земле.

— Прекрасно понимаю. Я решил предупредить ваш провал, поверьте мне.

— Я верю. Кроме того, мой провал здесь по каким бы то ни было причинам будет также моим личным и служебным крушением на Земле.

Фастольф повернулся на сиденье и ошеломленно посмотрел на Бейли.

— Серьезно? Это же незаконно!

Бейли пожал плечами:

— Согласен, но так будет. Я буду самой подходящей мишенью для отчаявшегося земного правительства.

— Но я не имел этого в виду, когда приглашал вас, мистер Бейли. Вы можете быть уверены, что я сделаю все, что в моих силах. Хотя, по совести говоря, я мало что смогу, если мы потерпим провал.

Он опустил глаза.

— Я это знаю, — угрюмо сказал Бейли.

Он откинулся на мягкую спинку сиденья и закрыл глаза. Кар чуть-чуть покачивался, но Бейли не спал: он крепко задумался.

15

Бейли не пришлось соприкоснуться с внешней средой и в конце своего путешествия. Выйдя из машины, он оказался в подземном гараже, откуда поднялся в маленьком лифте на поверхностный уровень.

Его ввели в залитую дневным солнцем комнату, так что ему пришлось пройти под прямыми лучами солнца, и он слегка поежился. Фастольф заметил это.

— Стекла прозрачные, но их можно затемнить. Я сейчас это сделаю, если желаете. Вообще-то я должен был сам подумать об этом.

— Не нужно, — ворчливо сказал Бейли. Я сяду спиной к окнам. Надо привыкать.

— Как хотите. Но сразу же дайте мне знать, если вам станет неприятно, мистер Бейли. Сейчас в этой части Авроры позднее утро. Я не знаю, какого личного времени вы придерживались на корабле. Если вы уже очень давно проснулись, то, может быть, хотите спать, и это можно устроить. Если же вы хотите есть, то я приглашаю вас на ленч.

— По моему личному времени последнее будет как раз кстати.

— Прекрасно. Напомню вам, что наш день примерно на семь процентов короче земного. Это не должно вызвать у вас нарушения биоритмов, но если это случится, мы постараемся приноровиться к вам.

— Спасибо.

— И, наконец… я мало представляю, какую пищу вы предпочитаете.

— Я ем все, что мне дают.

— Тем не менее, если что-нибудь покажется вам невкусным, я не обижусь.

— Спасибо.

— Вы не против, чтобы Дэниел и Жискар присоединились к нам?

— Они тоже будут есть?

Бейли улыбнулся.

Фастольф не улыбнулся в ответ и сказал серьезно:

— Нет, но я хочу, чтобы они все время были с вами.

— Опять опасность? Даже здесь?

Вошел робот.

— Сэр, ленч подан.

Фастольф кивнул:

— Прекрасно, Фэбер. Через несколько минут мы сядем за стол.

— У вас много роботов? — спросил Бейли.

— Совсем немного. Мы не соляриане, чтобы иметь десять тысяч роботов на одного человека, но у меня их количество выше среднего — пятьдесят семь. Дом большой, он служит мне и офисом и мастерской. Кроме того, моя жена, когда она у меня есть, тоже должна иметь достаточно места в другом крыле, чтобы быть вдали от моей работы, расположенные там помещения обслуживаются другим штатом прислуги.

— Ну, из пятидесяти семи роботов, я думаю, вы можете выделить этих двух. В таком случае я чувствую себя менее виноватым, что вы послали Дэниела и Жискара за мной на Землю.

— Уверяю вас, это не был случайный выбор, мистер Бейли. Жискар — мой мажордом и моя правая рука. Он был со мной с тех пор, как я стал взрослым.

— Однако вы послали его за мной. Я польщен.

— Это мера вашей значимости, мистер Бейли. Жискар — самый надежный из моих роботов, сильный и крепкий.

Глаза Бейли стрельнули по Дэниелу, и Фастольф добавил:

— Я не включаю в эти расчеты своего друга Дэниела. Он не слуга, а достижение, которым я

бесконечно горд. Он первый этого класса. В то время, как доктор Сартон был его дизайнером и моделью, человеком, которого…

Он сделал деликатную паузу, но Бейли быстро кивнул и сказал:

— Я понимаю.

Ему не требовалось конца фразы со ссылкой на убийство Сартона на Земле.

— В то время, как Сартон следил за тем, чтобы конструкция отвечала всем требованиям современности, — продолжал Фастольф, — я вел теоретические расчеты, чтобы Дэниел получился как человек.

Он улыбнулся Дэниелу, который благодарно поклонился.

— Но был еще и Джандер, — сказал Бейли.

— Да.

Фастольф покачал головой и опустил глаза.

— Я, наверное, должен был оставить его у себя, как Дэниела. Но он был вторым моим человекоподобным роботом, а это уже другое дело. Дэниел мой первенец, так сказать.

— И вы больше не конструируете человекоподобных роботов?

— Нет… Но пошли завтракать. Не думаю, что население Земли привыкло к тому, что я назвал

бы натуральной пищей. У нас салат из креветок, хлеб, сыр, если желаете, молоко или любой фруктовый сок. На десерт мороженое.

— Традиционные земные блюда, — сказал Бейли, — которые в своей исконной форме существуют только в древней литературе Земли.

— Они не очень обычны и на Авроре, но я думаю, что имеет смысл заставлять вас принять версию нашего гурманского обеда — те же блюда, но с различными аврорскими пряностями. К их вкусу можно привыкнуть.

Он встал.

— Прошу вас, мистер Бейли. Мы будем только вдвоем и не станем соблюдать церемонии обеденного ритуала.

— Спасибо. Я воспринимаю это как дружеский жест. Во время путешествия я от скуки довольно внимательно просматривал материалы об Авроре, и знаю, что настоящая вежливость требует за едой столько церемоний, что я испугался.

— Не бойтесь.

— Не можем ли мы нарушить церемонию до такой степени, чтобы говорить за едой о делах, доктор Фастольф? Мне нельзя терять времени.

— Я согласен с такой точкой зрения. Мы будем говорить именно о делах, и надеюсь, вы никому

не скажете о таком нарушении приличий: я не хотел бы быть вычеркнутым из числа благовоспитанных персон.

Он хихикнул:

— Но я не смеюсь. Тут нет ничего смешного. Потеря времени — это не только неудобство, она легко может стать фатальной.

16

Комната, в которую сначала привели Бейли, была гостиной: несколько стульев, комод, что-то вроде пианино, но с медными клапанами вместо клавиш, несколько абстрактных картин на стенах.

Пол был гладкий, шахматного рисунка в несколько оттенков коричневого, возможно, предназначенных напоминать дерево; он блестел, как только что натертый воском, но был совсем не скользкий.

Столовая, хотя и на том же этаже, была совсем другой. Длинная, прямоугольная, перегруженная украшениями. В ней стояло шесть квадратных столов, которые можно было составлять в разных сочетаниях. Вдоль короткой стены располагался бар с яркими, разных цветов, бутылками, стоявшими перед изогнутым зеркалом, которое в

своем отражении, казалось, бесконечно продолжало комнату.

Вдоль второй короткой стены находились четыре ниши, и в каждой ждал робот.

Обе длинные стены были из мозаики, постепенно изменяющихся цветов. Одна представляла собой сцену, происходящую на какой-то из планет, хотя Бейли не мог бы сказать, была это Аврора или другая планета, или вообще нечто воображаемое.

На одном конце картины было пшеничное поле, полное замысловатых сельскохозяйственных машин, управляемых роботами. Когда затем взгляд скользил дальше вдоль стены, он видел разбросанные жилища, которые на другом ее конце превращались, как показалось Бейли, в аврорскую версию Города.

Изображение на другой длинной стене было посвящено астрономической теме. Голубовато-белая планета, освещенная солнцем, отражала его свет таким образом, что казалось, будто она медленно поворачивается. Планету окружали звезды — одни тусклые, другие яркие, они тоже, казалось, меняли свой вид, но если внимательно приглядеться к одной какой-нибудь группе, то видно было, что звезды неподвижны.

Бейли нашел все это путаным и отталкивающим.

— Это скорее отклонение от истинного искусства, мистер Бейли, — сказал Фастольф. — Слишком экспансивно, чтобы быть ценным. Но Фании хотелось. Фания — мой теперешний супружеский партнер.

— Она будет завтракать с нами?

— Нет. Как я говорил, мы будем вдвоем. Я просил ее остаться на некоторое время в ее квартире. Я не хочу втягивать ее в нашу проблему. Вы понимаете?

— Да, конечно.

— Садитесь, пожалуйста.

Стол был заставлен тарелками, чашками и хитроумными приборами, из которых далеко не все были знакомы Бейли.

В центре стоял высокий цилиндр, заточенный с одного конца на конус, напоминающий гигантскую шахматную пешку из серого камня. Бейли, едва усевшись, не мог удержаться, чтобы не тронуть его пальцем, Фастольф улыбнулся:

— Это прибор для специй. Он снабжен простым управлением, позволяющим положить точное количество любой из десятка различных приправ на любую порцию блюд Чтобы правильно

это сделать, сосуд подкидывают и выполняют замысловатые движения, что само по себе бессмысленно, но светские аврорцы весьма ценят это, как символ изящества, с каким будет подана пища. Когда я был молод, я мог тремя пальцами подкинуть его три раза и получить соль, когда прибор стукнется о мою ладонь. Теперь, попробовав это, я рискую разбить голову своему гостю. Я уверен, что вы не обидитесь, если я не стану пытаться повторить это.

— Я настаиваю, чтобы вы не пытались, доктор Фастольф.

Один робот поставил на стол салат, второй принес поднос с фруктовыми соками, третий — хлеб и сыр, а четвертый — салфетки. Все четверо работали согласованно, не сталкиваясь и без каких-либо затруднений. Бейли ошеломленно следил за ними. Они одновременно подошли к столу с каждой стороны, потом синхронно отошли, синхронно поклонились, одновременно повернулись и возвратились в свои ниши в дальнем конце комнаты. Бейли вдруг осознал, что Дэниел и Жискар тоже здесь. Он не видел, как они вошли. Они стояли в нишах. Дэниел был в ближней.

— Теперь, когда они ушли, — сказал Фастольф, —

если не считать, что они здесь…

Он сделал паузу и жалобно показал головой.

— Обычно роботы уходят до начала ленча. Роботы не едят, поэтому, кто не ест — уходит. В конце концов, это стало ритуалом. Но в данном случае…

— …они не ушли, — сказал Бейли.

— Нет. Я думал, что безопасность важнее этикета, и что вы, не будучи аврорцем, не обидитесь.

Бейли ждал, пока Фастольф первым начнет есть. Фастольф взял вилку, то же сделал и Бейли. Фастольф действовал медленно, позволяя Бейли точно повторять движения.

Бейли осторожно куснул креветку и нашел ее восхитительной. Он узнал вкус: он напоминал пасту из креветок, производимую на Земле, но был неизмеримо нежнее и богаче. Он медленно жевал и, несмотря на желание заняться делами, обнаружил, что все его внимание поглощено едой, и немыслимо думать о чем-то другом. Первый шаг сделал опять-таки Фастольф:

— Не начать ли нам разговор о деле, мистер Бейли?

Бейли почувствовал, что краснеет:

— Да, конечно. Прошу прощения. Ваша аврорская пища так поразила меня, что мне трудно

было думать еще о чем-то. Проблема возникла из-за вашего ремесла, не так ли?

— Почему вы так решили?

— Как я слышал, кто-то совершил роботоубийство, требующее большой опытности в этом деле.

— Роботоубийство? Интересный термин. Конечно, я понимаю, что вы имеете в виду. Вам сказали правду. Это дело требует огромной опытности.

— Как я слышал, только вы можете судить об этом.

— Это тоже правда.

— И вы допускаете, даже настаиваете, что только вы могли довести Джандера до умственного замораживания?

— Это и в самом деле так, мистер Бейли. Я не мог бы солгать, даже если бы хотел. Известно, что я выдающийся теоретик роботехники во всех Пятидесяти Мирах.

— А может быть, есть второй по значению теоретик роботехники, третий или даже четвертый, обладающий необходимыми способностями и знаниями для совершения этого деяния? Разве обязательно быть самым лучшим?

— По-моему, — спокойно сказал Фастольф, — это дело требует самых лучших способностей. Я

уверен, что только я мог бы выполнить эту задачу. Не забудьте, что лучшие головы в роботехнике, включая и мою, специально занимались созданием такого позитронного мозга, который нельзя привести к умственному замораживанию.

— И вы уверены в этом?

— Полностью.

— И вы заявили об этом публично?

— Конечно. Здесь же проводилось общественное расследование, мой дорогой землянин. Мне задавали те же вопросы, что и вы, и я отвечал правду. Так принято на Авроре.

— В данный момент я спрашиваю не о том, насколько искренно вы отвечали. Но не управляла ли вами природная гордыня? Может, это тоже типично аврорское?

— Вы хотите сказать, что мое стремление считаться лучшим заставило меня добровольно оказаться в положении, когда все будут считать, что именно я заморозил мозг Джандера?

— Я показываю вам, как вы спасаете свою научную репутацию, разрушая свой политический и общественный статус.

— Понятно. У вас интересный ход мышления, мистер Бейли. Нет, мне это не приходило в голову. Вы думаете, что в выборе между возможностью

считаться вторым или взять на себя вину в — как это вы говорите? — роботоубийстве, я сознательно соглашусь на последнее?

— Нет, доктор Фастольф, я не хочу представить дело так просто. Не могло ли быть так, что вы обманываетесь, считая себя крупнейшим роботехником, не имеющим соперников, и цепляетесь за это, потому что бессознательно, доктор Фастольф, понимаете, что вас переплюнул другой?

Фастольф рассмеялся с некоторой досадой:

— Нет, мистер Бейли. Совершенно неправильно.

— Спасибо. Вы уверены, что никто из ваших коллег не может сравниться с вами?

— Очень немногие способны вообще иметь дело с человекоподобными роботами. Конструкция Дэниела создала, в сущности, новую профессию, для которой нет даже названия. Из теоретиков роботехники на Авроре никто, кроме меня, не понимает работы позитронного мозга Дэниела. Понимал доктор Сартон, но он умер, да и он не понимал этого так хорошо, как я. Базисная теория моя.

— Вы это начали, но вы, разумеется, не можете надеяться остаться единственным. Разве никто

не изучает теорию?

Фастольф твердо покачал головой:

— Никто. Я никого не учил, и не верю, чтобы кто-нибудь из ныне живущих роботехников разработал бы собственную теорию.

Бейли сказал с легким раздражением:

— Может быть, какой-нибудь молодой человек, только что из университета, более сообразительный, чем другие…

— Нет. Такого молодого человека я бы знал. Он прошел бы через мои лаборатории. Он работал бы со мной. В данный момент такого человека не существует. Когда-нибудь будет, может, и не один, но сейчас — нет!

— Стало быть, если вы умрете, новая наука умрет вместе с вами?

— Мне всего сто шестьдесят пять лет — примерно сто тридцать пять по земному времени. По аврорским стандартам я еще совсем молод, и по медицинским показаниям можно считать, что я еще не перевалил за половину жизни. У нас нередко доживают до четырехсот лет — местных, конечно. Так что, у меня хватит времени научить кого-то.

Они покончили с едой, но из-за стола не вставали, и ни один робот не подошел убирать посуду.

Бейли прищурился и сказал:

— Доктор Фастольф, два года назад я был на Солярии. Там у меня сложилось впечатление, что солярианцы самые умелые роботехники из всех Внешних Миров.

— В целом, наверное, так.

— Никто из них не мог убить Джандера?

— Никто. Они специалисты по роботам, которые в лучшем случае не сложнее моего доброго, надежного Жискара. В конструировании человекоподобных роботов солярианцы ничего не смыслят.

— Откуда вы знаете?

— Вы были на Солярии и хорошо знаете, что солярианцы с величайшей неохотой приближаются друг к другу, что они общаются по трехмерному видео, исключая те случаи, когда требуется обязательный сексуальный контакт. Как вы думаете, захочет ли кто-нибудь создать робота, столь похожего на человека, что он может вызвать у них невроз? Они будут избегать его, поскольку он выглядит, как человек, и, конечно, не сочтут возможным пользоваться им.

— А не могло быть солярианина, проявляющего терпимость к человеческому телу?

— Может быть, такие и есть, не отрицаю, но на

Авроре в этом году нет ни одного солярианина. Они не любят входить в контакт даже с аврорцами, разве что по самым важным делам, и никто из них не приезжает сюда, да и на любой другой мир. Если же дело важное, они держатся на орбите и общаются с нами только по электронной связи.

— В таком случае, если, кроме вас, некому было убить Джандера, то это сделали вы?

— Дэниел, наверное, сказал вам, что я это отрицаю. И я скажу вам то же самое: я этого не делал.

Бейли кивнул:

— Но если вы этого не делали, и никто другой не мог сделать, то… подождите-ка, возможно, я делаю недозволенное предположение: Джандер действительно умер, или меня вызвали сюда под фальшивым предлогом?

— Робот действительно уничтожен. Я могу показать вам его, если Совет не запретит мне доступ к нему до конца дня, но я не думаю, что они это сделают.

— Кто же тогда совершил преступление?

Фастольф вздохнул:

— Никто его не совершал. Это было самопроизвольное событие в позитронном потоке мозговых путей, и оно вызвало умственное замораживание.

— Это правдоподобно?

— Нет, совершенно неправдоподобно, но это единственное, что могло случиться.

— Но не скажут ли, что больше шансов за то, что вы солгали, чем за то, что случилась такая вещь?

— Многие скажут именно так. К счастью, я знаю, что я этого не делал, и остается только возможность самопроизвольного замораживания.

— И вы хотите, чтобы я доказал, что такое самопроизвольное событие имело место?

— Да.

— Но как можно это доказать? А похоже, что только доказав это, я спасу вас, Землю и себя.

— В порядке возрастающей важности, мистер Бейли?

— Ну, ладно: вас, меня и Землю.

— Боюсь, — сказал Фастольф, — что, подумав, я пришел к заключению, что такого доказательства получить нельзя.

17

Бейли в ужасе посмотрел на Фастольфа.

— Нельзя?

— Никак.

Фастольф, вдруг отвлекшись, схватил прибор для специй.

— Знаете, мне интересно, смогу ли я сделать тройной подкид.

Он подбросил прибор в воздух рассчитанным движением запястья. Прибор перевернулся. Пока он падал, Фастольф поймал его узкий конец на ребро правой ладони и слегка подкинул, а затем поймал на ребро левой ладони. Прибор снова взлетел вверх, перевернулся, упал на ребро правой ладони, а затем опять на ребро левой. После этих трех подкидов прибор взлетел еще раз. Фастольф поймал его в правый кулак, держа поблизости левую руку ладонью вверх. Как только прибор был схвачен, Фастольф показал левую руку, в которой была щепотка соли.

— Это детская игра для научного разума, усилия совершенно непропорциональны результату — щепотке соли, но хороший аврорский хозяин гордится, что способен это сделать. Есть такие умельцы, которые держат прибор в воздухе до полутора минут, двигая руками с такой быстротой, что глаз не успевает следить за ними.

Затем он задумчиво добавил:

— Конечно, Дэниел может произвести эти действия лучше и быстрее любого человека. Я испробовал его в этом отношении, чтобы проверить работу его мозга, но заставлять его показывать

такие таланты на публике было бы в корне неправильно: ненужное унижение человека-умельца. Но давайте вернемся к делам.

— Вы ведете меня к этой цели буквально через парсеки объяснений и демонстраций.

— Совершенно верно.

— Доктор Фастольф, какова причина этого вашего показа?

— Ну, мне кажется, мы зашли в тупик. Я привез вас сюда, чтобы сделать нечто, чего нельзя сделать. Ваше лицо было достаточно красноречивым, и, сказать по правде, я тоже чувствовал себя не лучше. Следовательно, нужна была разрядка. А теперь — за дело…

— За неразрешимую задачу?

— Почему ей быть неразрешимой для вас, мистер Бейли. Судя по вашей репутации, вы достигаете невозможного.

— По гиперволновой драме? Неужели вы верите этому дурацкому искажению происшедшего на Солярии?

Фастольф развел руками.

— Это моя единственная надежда.

— А у меня нет выбора. Я должен продолжать попытки, я не могу вернуться домой с неудачей. Мне было сказано об этом достаточно ясно. Ска-

жите, доктор Фастольф, как можно было бы убить Джандера? Какие манипуляции над его мозгом надо было бы сделать?

— Мистер Бейли, я не уверен, что сумел бы объяснить это даже роботехнику, каковым вы, конечно, не являетесь. Однако я все-таки попробую. Вы, конечно знаете, что роботы были изобретены на Земле.

— Но земное происхождение роботов ясно всякому, кто подумает. Общеизвестно, что гиперкосмические путешествия развивались с помощью роботов, а поскольку без этих путешествий Внешние Миры не были бы заселены, ясно, что роботы существовали еще в то время, когда Земля была единственной обитаемой планетой. Значит, роботы были изобретены на Земле землянами.

— Однако Земля не гордится этим, не так ли?

— Не будем об этом, — коротко сказал Бейли.

— Земляне знают что-нибудь о Сьюзен Келвин?

— Я встречал это имя в старых книгах. Она была одним из пионеров роботехники.

— И вы больше ничего о ней не знаете?

— Я полагаю, что мог бы узнать больше, если бы порылся в записях, но у меня не было подхо-

дящего случая.

— Странное дело, — сказал Фастольф. — Она полубогиня для всех космонитов, но лишь очень немногие, за исключением настоящих роботехников, считают ее женщиной Земли. Это казалось бы космонитам профанацией. Они отказались бы верить, если им сказать, что она прожила едва ли более сотни наших лет. А вы знаете ее только как зачинательницу роботехники.

— Она имеет какое-то отношение к нашему делу, доктор Фастольф?

— Косвенное. Видите ли, вокруг ее имени собралось множество легенд. Большая часть их — выдумки, но люди держатся за них. Одна из самых известных — и самая неправдоподобная — касается робота, созданного в те примитивные времена, который, вследствие какой-то ошибки в производстве, получил телепатические способности.

— Как?!

— Я же вам сказал, что это легенда. Есть некоторые теоретические основания предположить, что это возможно, но никто никогда не представлял проекта, как можно достичь такой возможности. Но чтобы она могла появиться в позитронном мозге, простом и грубом, какие были до гиперпро-

странственной эры, — это вообще немыслимо. Поэтому мы полностью уверены, что эта легенда — вымысел. Но позвольте мне рассказать ее, потому что в ней есть мораль.

— В любом случае давайте.

— Робот этот умел читать мысли, и когда ему задавали вопросы, он отвечал спрашивающему его то, что тот желал услышать. По Первому Закону робот не может нанести человеку вред физический. Робот, читающий мысли, видимо, решил, что разочарование, злость или любые другие жестокие эмоции делают человека несчастным, и он относил эти эмоции под рубрику «вред». И если робот-телепат знал, что правда будет неприятна вопрошающему, он радовал его приятной ложью. Понимаете?

— Да, конечно.

— Итак, робот солгал самой Сьюзен Келвин. Ложь скоро выплыла наружу, потому что разные люди слышали разные вещи, которые оказывались не только несовместимыми между собой, но и шли вразрез с очевидностью. Сьюзен Келвин обнаружила, что робот солгал ей, и что эта ложь поставила ее в неудобное положение, это принесло ей тяжелое разочарование. Вы никогда не слышали этой истории?

— Нет, даю слово.

— Поразительно! Она наверняка придумана на Авроре, ибо одинакова на всех мирах. И Келвин решила отомстить. Она убедила робота, что, говорит ли он правду или ложь, он одинаково вредит тому, с кем имеет дело, и в обоих случаях нарушает Первый Закон. Робот, поверив в это, не мог не выйти полностью из строя. Говоря более красочно, его позитронные связи сгорели, мозг оказался непоправимо разрушенным.

— Как я понимаю, нечто вроде этого случилось с Джандером Пэнелом? Он встретился с противоречием в словах, и мозг его сгорел?

— Похоже на то, хотя это не так легко сделать, как во времена Сьюзен Келвин. Может быть, из-за этой легенды роботехники всегда затрудняют возможность возникновения противоречий в мозгу робота. Поскольку теория позитронного мозга становится все более тонкой, а практические проекты — все более ухищренными, были созданы исключительно удачные системы для всех ситуаций, могущих иметь неадекватное решение, так что любое действие всегда можно перевести как повиновение Первому Закону.

— Значит, вы не можете сжечь мозг робота. Вы это имеете в виду. Исключительно удачные си-

стемы, о которых я говорил, тем не менее, никогда не бывают полностью удачными. Не могут быть. Как бы тонок и сложен ни был мозг, всегда есть какая-то возможность создания противоречий. Это основная математическая истина. И шанс на возникновение противоречия никогда не удается свести к нулю. Тем не менее, этот шанс настолько близок к нулю, что довести мозг до умственного замораживания может только очень знающий теоретик.

— Вроде вас.

— Вроде меня. А в случае человекоподобного робота — только я.

— Или вообще никто, — иронически заметил Бейли.

— Или вообще никто. Это уж точно, — сказал Фастольф, игнорируя иронию. — Человекоподобные роботы конструируются с намеренной имитацией человека. Позитронный мозг очень нежен и так же хрупок, как и человеческий. Как у человека может быть удар от какого-либо неожиданного события, удар изнутри, без вмешательства внешнего чисто физического эффекта, так и человекоподобный мозг может от случайных бесцельных движений позитронов впасть в умственное замораживание.

— Вы можете это доказать?

— Я могу это доказать математически, но лишь тем, кто понимает математику, и не все согласятся, что рассуждение это веское. Оно включает некоторые мои предположения, которые не соответствуют обычной манере мыслить в роботехнике.

— Какова вероятность самопроизвольного умственного замораживания?

— Если взять, скажем, сто тысяч человекоподобных роботов, то с одним из них за время жизни аврорца может случиться такое. Но может и раньше, как случилось с Джандером.

— Послушайте, доктор Фастольф, если вы убедительно докажете, что самопроизвольное умственное замораживание может произойти вообще, это не будет доказательством, что такая вещь случилась с Джандером в частности.

— Нет, — согласился Фастольф, — вы правы.

— Вы, величайший роботехник, не можете доказать этого в частном случае с Джандером.

— Вы опять-таки правы.

— Тогда почему вы надеетесь на меня? Что я могу сделать, если я ничего не смыслю в роботехнике?

— Тут ничего и не нужно доказывать, доста-

точно представить версию, что именно могло вызвать самопроизвольное умственное замораживание, предположение, приемлемое для широкой публики.

— Например?

— Не знаю.

— Вы уверены, что не знаете? — резко спросил Бейли. — Позвольте мне указать вам на одну вещь. Я думаю, аврорцы в основном знают, что я приехал на эту планету с целью взяться за вашу проблему. Трудно было бы привезти меня сюда тайно, учитывая, что я землянин, а это Аврора.

— Да, конечно, я и не пытался это сделать. Я посоветовался с Председателем Совета и убедил его дать мне разрешение привезти вас. Таким образом, я добился отсрочки суда. Вам дается шанс раскрыть тайну до того, как я предстану перед судом. Я сомневаюсь, что отсрочка будет долгой.

— Я повторяю: аврорцы знают, что я здесь и предполагаю разрешить загадку смерти Джандера.

— Конечно. Другой причины не могло быть.

— И с тех пор, как я ступил на корабль, вы держите меня под замком, и охраняете, чтобы ваши враги не попытались устранить меня, словно я какой-то волшебник и обязательно приведу

вас к победе, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства.

— Боюсь, что так.

— А допустим, что кому-то из ваших врагов удалось убить меня. Не окажет ли это вам пользу? Не скажут ли люди, что ваши враги сами считают вас невиновным, иначе они не боялись бы расследования и не стремились бы убить меня?

— Довольно сложное рассуждение. Полагают, что ваша смерть, правильно организованная, могла бы послужить такой цели, но этого не произойдет. Вы под защитой, и вас не убьют.

— Но зачем защищать меня? Почему не позволить убить меня и использовать мою смерть как путь к победе?

— Я предпочел бы, чтобы вы остались в живых и действительно продемонстрировали бы мою невиновность.

— Но вы знаете, что я не могу этого сделать.

— А вдруг сможете? У вас есть стимул: от вашего дела зависит благополучие Земли, и, как вы сами сказали, ваша карьера.

— А что толку в стимуле? Если вы прикажете мне взлететь под потолок, угрожая в случае неудачи мучительной смертью, стимул у меня будет, но взлететь я все равно не смогу.

— Я знаю, что шансы очень малы, — неохотно сказал Фастольф.

— Вы знаете, что их не существует, — яростно сказал Бейли, — и только моя смерть может спасти вас.

— Ну, тогда я не буду спасен, поскольку забочусь, чтобы мои враги не дотянулись до вас.

— Но вы можете дотянуться до меня. Вы сами могли бы убить меня и подстроить дело так, будто это сделали ваши недруги. Тогда вы могли бы использовать мою смерть против них. Вот почему вы привезли меня на Аврору.

Фастольф с удивлением поглядел на Бейли, злоба исказила его лицо до неузнаваемости. Схватив прибор для пряностей, он высоко поднял его и размахнулся, чтобы швырнуть им в Бейли.

Бейли, полностью ошеломленный, мог только откинуться на спинку стула.

Глава 5
Дэниел и Жискар

18

Как ни быстро действовал Фастольф, Дэниел среагировал еще быстрее. Бейли, совершенно забывший о существовании Дэниела, смутно успел заметить рывок, услышал неопределенный звук, а затем Дэниел уже стоял рядом с Фастольфом, держа прибор для пряностей, и говорил:

— Надеюсь, доктор Фастольф, что я ничем не повредил вам?

Бейли все так же смутно отметил, что рядом с Фастольфом, по другой бок от него, стоял Жискар, а другие четыре робота теперь подошли от дальней стены к самому обеденному столу.

Слегка задохнувшийся, растрепанный Фастольф сказал:

— Нет, Дэниел, ты действовал отлично.

Он возвысил голос:

— Вы все действовали хорошо, но помните, что вы не должны были медлить, даже если я сам начинаю схватку.

Он, уже без всяких признаков раздражения, рассмеялся и снова сел, приглаживая волосы.

— Извините, мистер Бейли, что я напугал вас, но я чувствую, что демонстрация будет более убедительной, чем все мои слова.

Бейли, невольно перед этим судорожно съежившийся, ослабил ворот и сказал чуточку хрипло:

— Не ошибусь, если скажу, что ожидал только слов, но должен признать, что демонстрация была убедительной. Я рад, что Дэниел оказался достаточно близко, чтобы обезоружить вас.

— Никто из них не был достаточно близко, но Дэниел был ближе других, и поэтому подбежал первым. Он оказался достаточно близко, чтобы мягко справиться со мной. Находись он дальше, он мог бы вывихнуть мне руку или сбить меня с ног.

— Неужели он зашел бы так далеко?

— Мистер Бейли, я дал инструкцию защищать вас, а я умею давать инструкции. Они не поколебались бы спасти вас, даже если бы для этого им пришлось причинить мне вред. Конечно, они постарались бы, чтобы этот вред был минимальный, как это и сделал Дэниел. Он нанес ущерб только моему достоинству и растрепал мне волосы. И пальцы у меня немного онемели.

Вздохнув, Фастольф стал с грустным видом сгибать и разгибать пальцы.

Бейли перевел дух, пытаясь оправиться от пережитого короткого замешательства.

— А Дэниел стал бы защищать меня без ваших особых инструкций?

— Без сомнений. Не думайте, что реакция робота — просто «да» или «нет», «вверх» или «вниз», «внутрь» или «наружу». Это обычная ошибка непрофессионалов. Тут дело в скорости реакции. Мои инструкции насчет вас были сформулированы так, что потенциал, и без того очень высокий в роботах моего дома, включая Дэниела, стал еще выше. Следовательно, реакция на явную опасность для вас исключительно быстрая. Я знал, что так должно быть, и поэтому мог замахнуться на вас со всей возможной для меня быстротой и наиболее убедительно продемонстрировать мою неспособность причинить вам вред.

— Да, но я не очень-то благодарен вам за нее.

— О, я целиком и полностью доверяю своим роботам, особенно Дэниелу. Мне слишком поздно пришло в голову, что если бы я тут же не выпустил прибор, Дэниел мог бы — против своей воли или ее эквивалента у робота — сломать мне руку.

— А мне пришло в голову, что это был глупый риск с вашей стороны.

— Я тоже так подумал… постфактум. Если хотите, швырните прибор в меня. Дэниел сразу же предупредит ваше движение, хотя и не с такой скоростью, поскольку он не получал специальных инструкций о моей безопасности. Я надеюсь, что он будет достаточно проворен и спасет меня, но я предпочел бы не проверять.

Фастольф улыбнулся.

— А если на дом будет сброшено с летательного аппарата какое-нибудь взрывное устройство?

— Мои роботы не могут защитить от всего, но подобные террористические акты невероятны на Авроре. Я думаю, что мы не будем горевать по этому поводу.

— Я во всяком случае не буду. И у меня нет серьезных подозрений, что вы представляете для меня опасность. Я просто хотел исключить все возможности. Теперь мы можем продолжать разговор о деле.

— Да, — сказал Фастольф, — хотя мы и отвлеклись от темы в несколько драматизированном плане, перед нами все еще стоит задача доказать, что умственное замораживание Джандера произошло случайно.

Но Бейли помнил теперь о присутствии Дэниела. Он повернулся к роботу и несколько смущенно спросил:

— Дэниел, может быть, вам тяжело слушать то, что мы говорим об этом деле?

— Коллега Илайдж, я предпочел бы, чтобы друг Джандер все еще функционировал, но поскольку он не действует и не может быть отремонтирован, самое лучшее предупредить подобные инциденты в будущем. Так что разговор об этом мне скорее приятен, чем тяжел.

— Тогда, Дэниел, скажите: вы верите, что доктор Фастольф не ответствен за гибель вашего друга Джандера? Вы простите меня, доктор Фастольф, за мой вопрос?

В ответ Фастольф кивнул — да, вопрос поставлен правильно, и Дэниел сказал:

— Доктор Фастольф утверждает, что он не виноват, значит, он не виноват.

— У вас нет сомнений на этот счет?

— Никаких.

Фастольфа, казалось, это развлекало.

— Вы ведете перекрестный допрос робота, мистер Бейли?

— Да, я знаю. Но я не могу полностью считать Дэниела роботом, поэтому и спросил.

— Перед любым Бюро по расследованию его ответы ничего не стоят. Его позитронные потенциалы заставляют его верить мне.

— Но я не Бюро по расследованию, я пытаюсь рассеять мрак. Позвольте мне вернуться назад. Либо вы сожгли мозг Джандера, либо это случилось благодаря редкому стечению обстоятельств. Вы уверяете, что я не могу доказать этого стечения обстоятельств, и мне остается лишь задача — доказать, что вы тут ни при чем. Иными словами, если я докажу, что вы не имели возможности убить Джандера, то у нас есть единственная возможность — редкая случайность.

— А как вы это сделаете?

— Три пункта: средство, возможность и мотив. Вы имели средство убить Джандера — теоретическую способность так манипулировать им, чтобы это привело к умственному замораживанию. Но была ли у вас возможность? Был ли робот у вас в это время?

— Нет. Он был у другого человека.

— Долго?

— Примерно восемь месяцев.

— А-а, это интересный пункт. Вы были с ним рядом или где-нибудь поблизости, во время его разрушения? Короче, можем ли мы доказать, что

вы были в это время слишком далеко от него?

— Боюсь, что это невозможно. Тут широкий интервал времени, когда это могло быть сделано. Изменения в роботе не эквивалентны трупному окоченению человеческого существа. Робот либо функционирует, либо нет. Но мое пребывание в том или другом месте не имеет значения.

— Почему?

— Мой дорогой мистер Бейли, ведь это не физическая атака вроде моего недавнего притворного нападения на вас. То, что случилось с Джандером, не требовало моего физического присутствия. Джандер мог находиться хоть на другой стороне Авроры — я мог бы до него добраться электронным путем, отдать ему приказы и вызвать умственное замораживание. Решающий шаг не потребовал бы много времени…

— Значит, — быстро сказал Бейли, — кто-то за короткое время мог бы сделать случайное движение, имея в виду нечто совершенно другое, обычное?

— Нет! Ради бога, землянин, дайте мне сказать. Я уже говорил вам, что все должно было происходить совсем иначе. Вызов умственного замораживания был бы долгим, сложным и извилистым процессом, требующим величайших

знаний и ума, и он не мог быть сделан никем случайно. Вот если бы я желал это сделать, я осторожно вызвал бы перемены и реакции, постепенно, в течение месяцев, а то и лет, пока не довел бы Джандера до точки разрушения. И за все это время он не проявил бы никаких признаков надвигающейся катастрофы, как если бы вы шли в темноте к обрыву и даже у самого края не знали бы, что земля вот-вот исчезнет из-под ваших ног. Таким образом, я подвел бы его к краю, и одного простого замечания с моей стороны было бы достаточно, чтобы он сделал последний шаг в пропасть. Понимаете?

Бейли сжал губы, не сумев скрыть разочарования:

— Итак, возможность у вас была, и средство тоже. Теперь насчет мотива. Может, здесь мы что-то сделаем. Эти человекоподобные роботы — ваши. Они основаны на вашей теории, вы следили за каждым шагом их создания. Они существуют благодаря вам и только вам. Вы назвали Дэниела своим первенцем. Это ваши творения, ваши дети, ваш дар человечеству, ваш шаг к бессмертию. Зачем бы вам уничтожать эту работу? Зачем вам разрушать жизнь, созданную чудом работы вашей мысли?

Бейли сам чувствовал, как растет его красноречие, и на миг вообразил себя обращающимся к Бюро по расследованию.

Фастольф улыбнулся:

— Ну, мистер Бейли, вы ничего об этом не знаете. Как вы можете утверждать, что моя теория — результат чуда работы мысли? Может, это просто тупое продолжение уравнений, чего никто не потрудился сделать до меня?

— Не думаю, — сказал Бейли, стараясь остыть. — Если никто, кроме вас, не понимает позитронного мозга настолько, чтобы иметь возможность его разрушить, вряд ли кто-то, кроме вас, может его создать. Вы будете отрицать это?

— Нет, не буду. Однако, мистер Бейли, ваш тщательный анализ делает все только хуже для нас.

И он продолжил:

— Мы уже согласились, что лишь у меня одного были средство и возможность. Случилось так, что у меня есть и мотив, самый лучший в мире, и мои враги знают это. Как мы докажем, что я этого не сделал?

19

Лицо Бейли исказилось от злости. Он прошелся по комнате, повернулся и резко сказал:

— Доктор Фастольф, мне кажется, вы находите удовольствие в том, чтобы разочаровывать меня.

Фастольф пожал плечами:

— Никакого удовольствия. Я просто представил вам проблему, как она есть. Бедный Джандер умер смертью робота от чистой неопределенности позитронного течения. Поскольку я знаю, что я ничего не сделал для этого, я знаю, как это могло быть. Однако никто не поверит в мою невиновность, и косвенно все указывает на меня, и этого мы не должны забывать.

— Ладно, рассмотрим ваш мотив. Может, он не такой уж важный, как вам кажется.

— Сомневаюсь. Я ведь все-таки не дурак, мистер Бейли.

— Но вы, возможно, не судья себе и своим побудительным мотивам. С людьми это часто бывает. Вы можете по каким-либо причинам драматизировать свои поступки.

— Не думаю.

— Тогда назовите ваш мотив.

— Не спешите, мистер Бейли, это нелегко объяснить. Можете вы выйти со мной из дома?

Бейли быстро взглянул в окно. Солнце низко висело на небе, и комната была освещена им.

Бейли поколебался, но сказал чуть громче, чем нужно.

— Да.

— Прекрасно, — сказал Фастольф.

Затем он дружелюбно добавил:

— Вы, может быть, хотели бы зайти в туалет?

Бейли подумал. Срочной необходимости не было, но он не знал, что ждет его, когда они выйдут из дома, долго ли он там пробудет, будут для этого благоприятные условия там или не будут; самое главное — он не знал авроpских обычаев, а книгофильмы на корабле не просветили его в этом отношении. Наверное, разумнее будет принять совет хозяина.

— Спасибо. Если это возможно…

Фастольф кивнул:

— Дэниел, покажи мистеру Бейли туалет для посетителей.

Когда Бейли и Дэниел вышли, Бейли сказал:

— Мне очень жаль, Дэниел, что вы не участвовали в разговоре.

— Этого не предполагалось. Когда вы задали мне вопрос, я ответил, но меня не приглашали участвовать во всей беседе.

— Я бы пригласил вас, если бы не был связан положением гостя.

— Я понимаю. Вот туалет для гостей. Дверь открывается от прикосновения вашей руки, если помещение не занято.

Бейли задумчиво постоял и сказал:

— Если бы вас пригласили говорить, у вас было бы что сказать, какое-нибудь замечание, которое вы воздержались сделать? Я хотел бы знать ваше мнение, мой друг.

Дэниел сказал с обычной серьезностью:

— Замечание, которое я не решился сделать, касается утверждения доктора Фастольфа о наличии прекрасного мотива для приведения Джандера к бездействию. Оно для меня неожиданно. Я не знаю, какой мотив мог у него быть. Однако, если он говорит, что мотив был, вы можете спросить, почему у него не было того же мотива для приведения в бездействие меня. Если люди уверены, что у него был мотив для уничтожения Джандера, почему этот мотив неприложим ко мне? Я хотел бы это знать.

— Вы чувствуете себя в опасности, Дэниел? Вам кажется, что доктор Фастольф опасен для вас?

— По Третьему Закону я должен защищать себя, но я не могу сопротивляться доктору Фастольфу или любому другому человеку, если у них есть обоснованное мнение, что моему существованию

необходимо положить конец. Это Второй Закон. Однако, я знаю, что представляю собой большую ценность как в денежном и материальном смысле, так и в смысле научном. Следовательно, необходимо объяснить мне причины для моего уничтожения. Доктор Фастольф никогда не говорил мне, что у него была такая мысль. Я не верю, чтобы он когда-нибудь намеревался положить конец существованию моему или Джандера. Случайный позитронный сдвиг, вероятно, покончил с Джандером и когда-нибудь может покончить и со мной. Во Вселенной всегда есть элемент случайности.

— Так говорите вы, так говорит Фастольф, и я сам так думаю, но трудно убедить людей принять эту точку зрения.

Бейли угрюмо повернулся к двери.

— Вы войдете со мной?

Дэниел сумел доказать, что понимает и ценит юмор.

— Мне лестно, коллега Илайдж, что вы до такой степени считаете меня человеком. Но мне, конечно, нет необходимости.

— Конечно, но войти-то вы можете.

— Мне не полагается. Не принято, чтобы роботы входили в туалет. Это чисто человеческое

помещение. К тому же, этот туалет для одного.

Для одного! Бейли на мгновение был ошеломлен, но затем пришел в себя. Другой мир, другие обычаи! И ничего об этом не говорилось в книгофильмах.

— Значит, вы это имели в виду, когда говорили, что дверь не откроется, если помещение занято. А как же выйти?

— Она не откроется от прикосновения снаружи, и ваше уединение не будет нарушено, но она, естественно, откроется от прикосновения изнутри.

— А если посетителю стало плохо, он ушибся, или сердце прихватило, и он не может коснуться двери, никто не может войти и помочь ему?

— Есть способы открыть дверь, если понадобится. А вы думаете, что с вами случится что-либо подобное?

— Нет, конечно. Я просто спросил.

— Я буду возле двери, — сказал Дэниел, — и если услышу, что вы меня позвали, буду действовать.

— Надеюсь, вам не придется этого делать.

Бейли легко коснулся двери. Она сразу открылась. Он подождал, не закроется ли она. Нет. Он шагнул внутрь, и дверь быстро закрылась.

Пока дверь была открыта, туалет выглядел, как

туалет: раковина, небольшая трубка — предположительно, снабженная бритвенным устройством, просвечивающая полудверь с унитазом за ней, еще какие-то незнакомые Бейли приспособления. У него было мало шансов изучить их, потому что все исчезло, как только закрылась дверь. Он даже подумал, были ли все эти приспособления, или он просто ожидал их тут увидеть.

Пока дверь закрывалась, помещение потемнело, так как окон не было. Когда же дверь полностью закрылась, комната снова осветилась, но ничто из того, что Бейли видел, не вернулось. Здесь был дневной свет, как и вне дома. Сверху было открытое небо с облаками. С каждой стороны протянулись побеги каких-то растений.

Бейли почувствовал знакомый спазм желудка, какой бывал у него, когда он находился на Земле на открытом пространстве. Но он же на Авроре! И в помещении без окон! Это какой-то оптический трюк.

Он медленно шел, вытянув вперед руки и глядя перед собой. Руки коснулись гладкой стены. Он провел по ней руками и ощупал раковину; нашел кран, но вода из него не шла. Он провел по нему рукой, но не обнаружил ничего похожего на рукоятки. Вместо них он наткнулся на

продолговатую палочку, слегка выдававшуюся из стены. Он надавил на нее, и зелень деревьев и кустов, располагавшихся далеко за тем местом, которое он принимал за стену, разделилась сразу же потоком воды, быстро падавшей с высоты к его ногам с громким плеском. Он отскочил, но вода кончилась раньше, чем дошла до его ног. Она продолжала литься, но не достигала пола.

Бейли протянул руку. Это была не вода, а иллюзия, но глаза упрямо видели воду. Он провел рукой вверх по струе, и постепенно нащупал настоящую воду — тонкую струйку холодной воды. Он снова нашел пальцами полоску и начал наугад нажимать. Температура воды стала быстро меняться, и он, наконец, нашел точку, которая дала воду желательной теплоты.

Мыла не было. Придется обойтись без него. Но как только он стал тереть руки, вода стала мыльной, в то время, как несуществующий поток, который он видел, пузырился и пенился.

Он неохотно наклонился над раковиной и протер лицо той же мыльной водой.

На подбородке чувствовалась щетина, но он знал, что не сумеет побриться здесь, не получив предварительно соответствующего инструктажа. Он беспомощно держал руки под краном. Как

смыть мыло? Спросить было некого. Но, видимо, сами руки, которые не терлись более друг о друга, сделали это: вода перестала быть мыльной, сполоснула руки. Не дотрагиваясь до лица, он плеснул на него воду — оно тоже ополоснулось, но рубашка намокла. Чем же вытереться?

Где полотенце? Бумага? Он шагнул назад и, как видно, включил что-то, потому что почувствовал теплый поток воздуха. Он подставил под него лицо и руки.

Неприятное ощущение в желудке перешло в раздражение. Он понимал, что туалеты могут сильно варьироваться от мира к миру, но такая бессмыслица — имитировать природный пейзаж — это уж слишком!

На Земле туалет был огромным помещением для лиц одного пола с отдельными кабинками, от которых люди имели ключи.

На Солярии люди входили в туалет через узкий коридор, пристроенный к стене дома, как если бы туалет не считался частью дома. Но, несмотря на эти различия, туалет был туалетом, и в его назначении нельзя было ошибиться. Почему же на Авроре практикуются эти хитроумные имитации природных видов, полностью маскирующие любую часть туалета? Зачем это?

Он двинулся к тому месту, где раньше видел просвечивающие полудвери, но ошибся в направлении и нашел их только после того, как долго ощупывал стены, ударившись при этом несколько раз различными частями тела о выступавшие предметы.

Наконец он нашел маленький пруд, вернее, мнимое его изображение, но колени сказали ему, что это вроде бы писсуар, и он решил, что если неправильно воспользуется им, то это не его вина.

Потом он снова хотел было вымыть руки, но раздумал: не мог он опять разыскивать этот фальшивый водопад. Он ощупью нашел дверь, но не был уверен, она ли это, пока не открыл ее. Искусственный свет сразу погас, сменившись нормальным дневным.

Дэниел, Жискар и Фастольф ждали его.

— Вы были там почти двадцать минут, — сказал Фастольф. — Мы уже начали беспокоиться.

Бейли вскипел:

— Мне нелегко пришлось из-за ваших дурацких загадочных картинок, — сказал он, с трудом сдерживаясь.

Фастольф поджал губы, поднял брови и сказал:

— С той стороны двери есть контакт, управля-

ющий иллюзией. Ее можно погасить и видеть сквозь нее реальное или усилить еще больше, если желаете.

— Мне об этом не сказали. У вас все туалеты такие?

— Нет. Все они обладают иллюзорными качествами, но природа иллюзий варьируется по вкусу каждого. Мне нравится иллюзия природы, и я время от времени меняю ее детали. Все, знаете, со временем надоедает. Некоторые устраивают эротические иллюзии; но это не в моем вкусе. Когда человек знаком с туалетами, иллюзии не мешают: помещения полностью стандартны, и каждый знает, где что находится. Но почему вы, мистер Бейли, не вернулись назад и не спросили?

— Не хотел. Признаться, я страшно обозлился на эти иллюзии, но согласился принять их. Ведь Дэниел провожал меня в туалет, но ни о чем не предупредив. Если бы он действовал по своему усмотрению, он наверняка проинструктировал бы меня, поскольку предвидел бы ожидавшие меня неожиданности. Отсюда я заключаю, что вы не велели ему предупреждать меня. Я не думал, что вы намерены шутить со мной, и решил, что у вас, видимо, была серьезная причина так поступить.

— Вот как?

— Вы просили меня выйти с вами из дома, а когда я согласился, вы тут же предложили мне посетить туалет. Я подумал, что вы хотите проверить, как на меня подействует иллюзия открытого пространства — не убегу ли я в панике. Если я выдержу иллюзию, я вероятно, справлюсь и с настоящим. Так вот, я выдержал. Я малость вымок, по вашей милости, но скоро высохну.

— Вы четко мыслящий человек, — сказал Фастольф. — Я приношу свои извинения за способ тестирования и за те неудобства, которые я причинил вам. Я просто пытался отвратить возможность гораздо большего дискомфорта. Вы все еще хотите выйти со мной?

— Не только хочу, но и настаиваю на этом.

20

Они пошли по коридору. Дэниел и Жискар шли следом.

— Надеюсь, вы не против, что роботы сопровождают нас? — спросил Фастольф. — Аврорцы никогда не выходят без роботов, а в вашем особом случае я настаиваю, чтобы Дэниел и Жискар были все время с вами.

Он открыл дверь, и Бейли попытался твердо

держаться на ногах под лучами солнца и ветром, не говоря уже о странном окружении и непривычном запахе аврорской почвы.

Фастольф посторонился, и первым вышел Жискар. Он внимательно огляделся и обернулся назад. Дэниел тоже вышел и тоже огляделся.

— Пусть они там побудут, — сказал Фастольф. — Они нам скажут, когда мы можем безопасно выйти. Я воспользуюсь случаем и еще раз извинюсь за скверную шутку с туалетом. Уверяю вас, мы знали бы, если бы вы растерялись — ваши реакции записывались. Я очень рад и не очень удивлен, что вы проникли в мой замысел.

Он улыбнулся, затем, чуть заметно поколебавшись, положил руку на плечо Бейли и дружески потряс его.

Однако чувство напряжения не покидало Бейли:

— Вы, кажется, забыли о другой, проделанной ранее шутке, скверной шутке, когда замахнулись на меня тяжелым прибором. Если вы заверите меня, что отныне мы будем вести себя друг с другом честно и откровенно, я посчитаю те шутки имевшими разумное основание.

— Договорились!

— Теперь мы можем выйти?

— Нет еще. Дэниел сказал мне, что вы приглашали его в туалет. Это было серьезно?

— Да. Я знаю, что ему это не нужно, но мне казалось невежливым не позвать его. Я не знаю обычаев Авроры, хотя довольно много читал о ней.

— Полагаю, что аврорцы не считают нужным упоминать о таких вещах, да и к тому же книгофильмы не рассчитаны на то, чтобы готовить гостей-землян в этом отношении.

— Потому что гостей-землян не бывает?

— Конечно. Да, роботы никогда не заходят в туалеты. Это единственное место, где человек может быть свободным от роботов.

— Однако, когда Дэниел был на Земле три года назад, я хотел удержать его от посещения туалета, поскольку ему это не требуется, но он все-таки вошел.

— И правильно сделал. В этом случае он точно следовал приказу не показывать, что он не человек. Здесь же… Ага, вот они идут.

Роботы подошли к двери, и Дэниел жестом пригласил людей выйти.

21

Бейли вышел, твердо печатая шаг. Лицо его как окаменело, челюсти были сжаты, спина напряжена.

Он огляделся. Увиденное мало отличалось от того, что он видел в туалете. Видимо, Фастольф пользовался своими землями как моделью. Здесь тоже была зелень, маленький водопад. Может, он был искусственным, но отнюдь не иллюзорным: до Бейли долетали брызги. Все здесь было каким-то приручeнным. На Земле открытое пространство было более диким и более возвышенно-прекрасным.

— Посмотрите, — сказал Фастольф, коснувшись локтя Бейли.

Между двумя деревьями протянулась лужайка. Здесь впервые почувствовалась перспектива: вдалеке стоял жилой дом, низкий, широкий и такой зеленый, что почти сливался с окружающей его растительностью.

— Здесь жилой район, — сказал Фастольф. — Вам, вероятно, трудно поверить, поскольку вы на Земле привыкли к громадным человеческим муравейникам, но мы находимся в городе Эос, административном центре планеты. Здесь два-

дцать тысяч жителей, это самый крупный город не только на Авроре, но и на всех Внешних Мирах. В Эосе столько же людей, сколько на всей Солярии.

— А сколько роботов?

— В этом районе? Наверное, тысяч сто. В среднем на всей планете приходится по пятьдесят роботов на человека — не десять тысяч на одного, как на Солярии. Большая часть наших роботов работает на фермах, в рудниках, на заводах, в космосе. Пожалуй, нам не хватает их, особенно в домашнем хозяйстве. Большинство аврорцев обходится двумя-тремя роботами, а кое-кто и одним. Но мы не хотим жить по-соляриански.

— А сколько людей вообще не имеют роботов?

— Таких нет. Такого не должно быть в общественных интересах. Если человек по каким-то причинам не может приобрести робота, ему подарят его за счет общества.

— Что происходит при росте населения? Производите больше роботов?

— Население не растет. Население Авроры — двести миллионов, и эта цифра остается стабильной в течение трех столетий. Вы, конечно, читали об этом.

— Читал, но не поверил.

— Позвольте заверить вас, что это правда. Это дает нам обширное пространство, большую личную собственность, значительную долю в ресурсах планеты. У нас не так много народа, как на Земле, и не так мало, как на Солярии.

Он тронул Бейли за руку, приглашая идти дальше.

— Вы видите окультуренный мир. Я привел вас сюда, чтобы показать вам это.

— Значит, в нем нет опасности?

— Опасность есть всегда. У нас бывают грозы, оползни, землетрясения, снежные бури, лавины. Действуют один—два вулкана… Случайная смерть может произойти не только от всего этого. Бывают вспышки злобы и ненависти, зависти, безумствует молодежь, но таких событий довольно мало, и они не слишком влияют на цивилизованное спокойствие, царящее в нашем мире.

Он вздохнул:

— Я, может быть, даже хотел бы, чтобы все было иначе, хотя с некоторыми разумными оговорками. Мы привезли на Аврору растения и животных, полезных или декоративных, или и то и другое вместе. Мы сделали все, чтобы избавиться от сорняков и паразитов. Мы вывели

породу сильных, здоровых и привлекательных — с нашей точки зрения, разумеется — людей. Мы пытались… Вы улыбаетесь, мистер Бейли?

Бейли не улыбался. Он просто скривил рот.

— Нет, улыбаться нечему.

— Есть чему. Мы оба знаем, что я сам непривлекателен по аврорским стандартам. Дело в том, что мы не можем полностью управлять генными комбинациями и внутриутробным развитием. В наше время, когда эктогенезис все более распространяется — хотя я надеюсь, что он никогда не станет таким общепринятым, как на Солярии — меня, конечно, выбраковали бы на поздней зародышевой стадии.

— И миры потеряли бы великого теоретика роботехники.

— Совершенно справедливо, — ответил Фастольф без малейшего смущения. — Но они никогда не узнали бы об этом, верно? Во всяком случае, мы установили очень простой, но абсолютно целесообразный экологический баланс, ровный климат, плодородную почву и, елико возможно, равномерное распределение ресурсов. В результате наш мир производит все, в чем мы нуждаемся и чего желаем. Рассказать вам об идеале, к которому мы стремимся?

— Прошу вас, — сказал Бейли.

— Мы хотим создать планету, повинующуюся Трем Законам Роботехники. Она ничем не должна вредить человеку, без допущений и ограничений, вот такой мы хотим ее сделать. И она должна защищать себя, кроме тех случаев по месту и времени, когда она должна служить нам или спасать нас, даже ценою вреда для себя. Нигде, ни на Земле, ни на других Внешних Мирах, не подошли к этому так близко, как на Авроре.

— Земляне тоже мечтают об этом, — грустно сказал Бейли, — но нас слишком много, и мы слишком испортили свою планету во времена своего невежества, чтобы теперь можно было что-то сделать. А как насчет первоначальных коренных обитателей Авроры? Ведь вы пришли не на мертвую планету?

— Когда мы прибыли на Аврору, здесь была растительная и животная жизнь и азотно-кислородная атмосфера. Так же было и на всех Пятидесяти Внешних Мирах. Как ни странно, жизнь была редкой, разбросанной и мало варьировавшейся. Она не очень цеплялась за свою планету, и мы победили, так сказать, без борьбы. То, что осталось от ее коренных обитателей, есть в наших аквариумах, зоопарках, в нескольких

заповедниках, где эта жизнь заботливо охраняется и поддерживается. Мы так и не понимаем, почему на других обитаемых планетах жизнь так слаба, почему на одной только Земле развилась во всех ее уголках такая невероятно цепкая жизнь, почему только на Земле развился разум.

— Может быть, — сказал Бейли, — это недостаток проводимых исследований. Мы знаем слишком мало планет.

— Согласен. Где-то, может быть, и существует такой же сложный экологический баланс, как и на Земле. Где-то, может быть, и существует разумная жизнь и технологическая цивилизация. Но земная жизнь и разум распространились на много парсеков во всех направлениях. Если где-то есть жизнь и разум, почему они не распространяются и почему мы их не встретили?

— Такое еще может произойти, мы все это знаем.

— Может. И если такая встреча неизбежна, мы не должны пассивно ждать ее. А наша пассивность растет. Наш новый Внешний Мир был заселен за два с половиной столетия. Он стал таким окультуренным, таким приятным, что мы не хотим покидать его. Этот мир был заселен потому, что население Земли, как вы знаете,

безобразно росло, и по сравнению с этим риск и опасности нового незаселенного мира были предпочтительнее. К тому времени, как развились наши Пятьдесят Внешних Миров — Солярия была последней — не было уже никакого толчка, никакой необходимости двигаться дальше. А Земля отступила в свои стальные пещеры. Конец. Финиш.

— Но на самом деле вы имеете в виду не это.

— Остановимся ли мы на месте? Будем жить мирно, комфортабельно, не двигаясь вперед? Да, я имею в виду именно это. Человечество должно распространяться по Вселенной, если оно хочет, чтобы продолжался его расцвет. Единственный способ распространения — через космос, через постоянное стремление к другим мирам. Если мы что упустим, найдутся другие цивилизации, которые доберутся до нас, и мы не устоим перед их натиском.

— Вы предполагаете космическую войну, вроде гиперволновых пиф-паф?

— Нет, я сомневаюсь, что это будет необходимо. Цивилизациям, идущим через космос, не понадобятся наши несколько планет, и, наверное, они будут достаточно прогрессивны, чтобы возыметь желание завоевать свою гегемонию именно

здесь. Однако, если нас возьмет в кольцо более подвижная цивилизация, мы умрем от одного только сознания того, чем мы стали, что мы утратили. Мы, конечно, могли бы осуществить другие экспансии — научные знания или культурные силы, например, но боюсь, что это несравнимо. Упадок в одном — это упадок во всем. Мы живем слишком долго и слишком удобно.

— На Земле, — сказал Бейли, — космонитов считают всемогущими, полностью уверенными в своих силах и возможностях. Слушая вас, я не верю своим ушам.

— От других космонитов вы такого и не услышите. У меня — не общепринятые взгляды, другие расценили бы их просто как нетерпимость, и я не часто говорю аврорцам о таких вещах. Наоборот, я говорю о зарождении стремления к заселению новых планет, но не высказываю своих страхов перед катастрофой, которая явится результатом нашего отказа от колонизации новых планет. В этом, по крайней мере, я был победителем. Аврора серьезно, даже с энтузиазмом размышляет о новой эре поиска и заселения.

— Вы говорите это без заметного энтузиазма. А почему?

— Как раз это и приближает нас к моему мотиву

для разрушения Джандера Пэнела.

Фастольф помолчал и продолжал:

— Я хотел бы лучше понимать людей. Я потратил шесть десятилетий на изучение сложностей позитронного мозга и надеюсь потратить еще от пятнадцати до двадцати лет на эту проблему. За это время частично я соприкоснулся с проблемами человеческого мозга, который неизмеримо сложнее. Существуют ли Законы Гуманистики, как есть Законы Роботехники? Много ли есть Законов Гуманистики, и как их можно выразить математически, я не знаю. Возможно, и настанет день, когда кто-нибудь разработает Законы Гуманистики и сможет в общих чертах предсказать будущее, когда можно будет уже знать, что именно надо делать для улучшения (человеческого существования) вместо того, чтобы предаваться бесплодным размышлениям. Я иногда мечтаю основать математическую науку, которую я называю «психоисторией», но знаю, что не смогу, и боюсь, что никто никогда не сможет.

Он замолчал. Бейли подождал и спросил:

— Так какой же у вас был мотив для разрушения Джандера?

Фастольф, казалось, не слышал вопроса. Во всяком случае он не ответил, а только спросил:

— Вам не трудно будет пройти со мной дальше?

— Куда? — осторожно спросил Бейли.

— К соседнему дому. Туда, через лужайку. Вас не смущает открытое место?

— Бейли сжал губы и посмотрел в том направлении, как бы пытаясь сообразить, что может его там ожидать:

— Думаю, что обойдемся без неприятностей. Выдержу и это.

Жискар, находившийся достаточно близко к нему, чтобы слышать, подошел поближе и сказал:

— Сэр, не могу ли я напомнить вам, что вам было очень плохо при спуске на планету?

Бейли повернулся к нему. То, что он чувствовал к Дэниелу, могло бы повлиять на его отношение к другим роботам, но этого не случилось. Он находил более примитивного Жискара неприятным.

Он постарался побороть в себе гнев и ответил:

— Я был неосторожен на борту корабля, парень, из-за своего чрезмерного любопытства. Я оказался перед зрелищем, которого никогда не видел, и у меня не было времени привыкнуть. Здесь — дело совсем другое.

— Сэр, а вам не будет снова плохо?

— Будет или нет, — твердо сказал Бейли, — это неважно.

Он напомнил себе, что робот беспомощен в когтях Первого Закона, и пытался быть вежливым с этой глыбой металла, которая, в сущности, заботилась о его же благополучии.

— Я не смогу выполнить свой долг, если буду сидеть взаперти.

— Ваш долг? — переспросил Жискар, как будто не понимал этого слова.

Бейли кинул взгляд на Фастольфа, но тот спокойно стоял и не вмешивался.

Он, казалось, слушал с абстрактным интересом, как если бы оценивал реакцию робота данного типа на новую ситуацию, и сравнивал ее с отношениями, вариациями, константами и дифференциальными уравнениями, которые понимал он один. Так, по крайней мере, подумал Бейли. Ему было неприятно быть объектом такого наблюдения, и он сказал, возможно, излишне резко:

— Вы не знаете, что значит «долг»?

— То, что должно быть сделано, сэр, — ответил Жискар.

— Ваш долг — повиноваться Законам Роботехники. У людей тоже есть законы, как только что

сказал ваш хозяин, доктор Фастольф.

Он помолчал, потом продолжил:

— И этим законам надо повиноваться. Я должен делать то, что мне предписано. Это важно.

— Но идти по открытому пространству, когда вы не…

— Тем не менее, это должно быть сделано. Мой сын когда-нибудь отправится на другую планету, куда менее удобную, чем эта, и будет там находиться на открытом пространстве до конца своей жизни. И я поехал бы с ним, если бы мог.

— Но вам-то зачем это делать?

— Я считаю это своим долгом.

— Сэр, я не могу нарушать законы. А вы можете? Поэтому я и настаиваю, чтобы вы…

— У меня есть выбор — выполнять или не выполнять свой долг, но я не выбираю. Есть нечто сильнее принуждения, Жискар.

Жискар помолчал и сказал:

— Повредит ли вам, если мне удастся убедить вас не ходить по открытому месту?

— Да, поскольку я буду чувствовать, что манкирую своим долгом.

— Это будет больший вред, нежели тот дискомфорт, который вы можете почувствовать на открытом пространстве?

— Много больший.

— Спасибо за объяснение, сэр, — сказал Жискар.

Бейли показалось, что на полностью невыразительном лице робота отразилось удовлетворение.

Жискар отступил назад. Заговорил Фастольф:

— Очень интересно, мистер Бейли. Жискару понадобилось получить указание, прежде чем он окончательно понял, как привести позитронный потенциал в соответствие с Тремя Законами, или, скорее, как эти потенциалы сами устанавливаются в зависимости от ситуаций. Теперь он знает, как себя вести.

— Я обратил внимание, что Дэниел не задавал вопросов.

— Дэниел знает вас. Он был с вами на Земле и на Солярии. Ну как, пойдем? Пойдем медленно, и если вы пожелаете отдохнуть или даже вернуться обратно, вам стоит только сказать.

— Я пойду. Но какова цель этой прогулки? Поскольку вы предполагаете возможный дискомфорт для меня, значит, ваше приглашение не могло быть бесцельным.

— Нет, конечно Я подумал, что вы захотите увидеть неподвижное тело Джандера.

— Как формальность — да, но я не думаю, что это мне что-нибудь даст.

— Я в этом уверен, но у вас будет возможность допросить того, кому временно принадлежал Джандер. Вам наверняка приятнее будет поговорить об этом деле с другим человеком, а не со мной.

22

Фастольф медленно пошел вперед, сорвал с куста листочек и начал его жевать. Бейли посмотрел на него с любопытством, удивляясь, как космониты могут брать в рот нечто необработанное, даже невымытое, если так боятся инфекции. Он помнил, что на Авроре нет вредных микроорганизмов, но все равно, это казалось ему отвратительным. Отвращение не имело реальной основы, и он вдруг подумал, что готов простить космонитам их отношение к землянам.

Нет. Это совсем другое дело. Там речь идет о человеческих существах.

Жискар шел впереди справа, Дэниел — чуть позади слева. Оранжевое солнце Авроры пригревало спину Бейли, но у этого солнца не было горячего жара, как у земного в летнюю пору.

Трава была тверже и пружинистее земной, и

почва была жесткая, как будто давно не было дождя.

Они шли к дому, возвышавшемуся вдали, к дому временного хозяина Джандера. Бейли слышал шорох шагов какого-то животного в траве, чириканье птицы, гул насекомых вокруг.

«Здесь, — подумал он, — у всех животных земные предки. И эти деревья и трава тоже выросли из тех, которые когда-то были на Земле. Но ни животные, ни растения не знали этого. Только люди могли жить в этом мире и знать, что они не коренные жители, а выходцы с Земли. Но знают ли это космониты или просто выбросили все это из памяти? Может быть, придет время, когда они вообще не будут об этом знать?»

— Доктор Фастольф, — сказал он неожиданно, — вы так и не сказали мне о вашем мотиве для уничтожения Джандера.

— Правильно, не сказал. Но как вы думаете, зачем я трудился над теоретической базой для позитронного мозга человекоподобных роботов?

— Не знаю.

— Подумайте. Задача создать мозг, возможно более приближенный к человеческому, имеет в себе нечто поэтическое…

Он помолчал, и его улыбка превратилась в

кривую усмешку.

— Некоторые мои коллеги всегда злились, когда я говорил им, что если заключение поэтически не сбалансировано, оно неправильно и с научной точки зрения. Они не понимали, что это значит.

— Боюсь, что я тоже не понимаю.

— Но зато понимаю я, только не могу объяснить. Я чувствую это и, может быть, потому добился результатов, каких нет у моих коллег. Однако, я расхвастался, и это хороший признак, что я должен вновь обратиться к прозе, чтобы имитировать человеческий мозг, почти ничего не зная о его работе, нужен толчок со стороны интуиции, который ощущается мною как поэзия. И тот же толчок, который должен дать мне человекоподобный позитронный мозг, наверняка позволит мне подойти ближе к познанию человеческого мозга. Я уверен, что через человекоподобность я сделаю хоть один шаг к психоистории, о которой я вам говорил.

— Понимаю.

— И если мне удалось разработать теоретически структуру человекоподобного позитронного мозга, мне понадобилось для него человекоподобное тело. Мозг, как вы понимаете, не существует сам по себе, он взаимодействует с телом, так что

человекоподобный мозг в нечеловекоподобном теле в дальнейшем сам станет нечеловеческим.

— Вы уверены в этом?

— Полностью. Сравните Дэниела и Жискара.

— Значит, Дэниел был сконструирован как экспериментальный прибор для дальнейшего изучения человеческого мозга?

— Именно. Я двадцать лет работал с Сартоном над этой задачей. Было множество неудач. Дэниел был первой настоящей удачей, и я, конечно, держу его для дальнейшего изучения и из…

Он усмехнулся, словно признавался в какой-то глупости:

— Из привязанности. В конце концов, Дэниел может ухватить понятие человеческого долга, в то время, как Жискару, при всех его достоинствах, это трудно, как вы видели.

— И то, что Дэниел три года назад остался со мной на Земле, было его первым заданием?

— Первым такой важности. Когда Сартона убили, нам нужен был робот, который мог бы противостоять земным инфекционным болезням, но при этом выглядел человеком, чтобы обойти антироботовские предрассудки землян.

— Какое поразительное совпадение, что Дэниел оказался под рукой как раз в это время!

— Вы верите в совпадения? У меня ощущение, что в любое время с таким революционным развитием, как появление человекоподобного робота, обязательно возникнет задача, требующая его присутствия. Подобные задачи, вероятно, регулярно появлялись, пока Дэниел еще не был создан, и коль скоро его не было, использовались другие приборы и другие решения.

— Итак, ваша работа была успешной, и теперь вы лучше разбираетесь в человеческом мозге?

Фастольф шел все медленнее, и Бейли приноравливался к нему. Теперь они остановились приблизительно на полпути между домом Фастольфа и другим. Для Бейли это была самая трудная точка, поскольку до той или иной защиты от воздействия открытого пространства, какой являлся каждый из домов, было равное расстояние, однако он боролся с этим неприятным чувством, чтобы не провоцировать Жискара.

Он не хотел каким-то движением, голосом или даже выражением лица вызвать у Жискара желание спасти его. Он не хотел, чтобы его поднимали и несли под защиту стен дома.

Фастольф, казалось, не замечал затруднений Бейли. Он сказал:

— Нет сомнений, что продвижение в мен-

тологии произошло благодаря этому. Однако, Аврора не удовлетворена чисто теоретическим изучением человеческого мозга. Использование человекоподобных роботов явилось бы прогрессом, которого я не одобряю.

— Как он использовался на Земле?

— Нет, то был короткий эксперимент, я его одобрил и даже восхищался им. Дэниел сумел обмануть землян, но, конечно, только потому, что земляне не привыкли к роботам. Аврорцев Дэниел не мог бы обмануть, но будущих человекоподобных роботов можно довести до такой кондиции, что они одурачат и аврорцев. Однако предлагаются другие задачи.

— А именно?

— Я вам уже говорил, что этот мир одомашнен. Когда я начал движение за возобновление поиска и заселения планет, аврорцам, да и вообще космонитам не слишком понравилось мое предложение насчет лидерства Авроры в этом вопросе. Я думал, что его нужно предложить землянам. С их ужасной — извините меня — планетой, с их короткой жизнью им нечего терять. Они наверняка стали бы приветствовать этот шанс, особенно, если мы поможем им технологией. Я говорил вам об этом три года назад,

помните?

— Прекрасно помню. В сущности, именно вы навели меня на эту мысль, и в результате на Земле началось движение за осуществление этого проекта.

— Да? Наверное, это нелегко с вашей земной клаустрофобией, с вашим нежеланием покидать стены.

— Мы боремся с этим, доктор Фастольф. Наша организация планирует двинуться в космос. Мой сын — лидер этого движения, и я надеюсь, что он когда-нибудь оставит Землю во главе экспедиции по заселению нового мира. И если мы в самом деле получим помощь, о которой вы говорили…

— Если мы дадим корабли?

— Да, и другое оборудование.

— Это трудное дело. Многие аврорцы не желают, чтобы земляне вышли в космос и заселяли новые планеты. Они боятся быстрого распространения земной культуры, подобных пчелиным ульям городов, хаоса.

Фастольф вдруг затоптался на месте:

— Зачем мы здесь остановились? Давайте пойдем.

Он медленно зашагал, продолжая говорить:

— Я доказывал, что так не будет. Я говорил, что

переселенцы с Земли вовсе не будут землянами классического типа. Они не будут заперты в Городах. В новом мире они будут похожи на предков аврорцев, пришедших сюда. Они установят необходимый экологический баланс и станут похожими более на нас, чем на землян.

— А не разовьются ли у них те недостатки, которые свойственны космонитской культуре?

— Возможно, и нет, научатся на наших ошибках. Но это все теория. Есть кое-что другое, вызывающее споры.

— Что?

— Человекоподобный робот. Видите ли, кое-кто считает такого робота отличным поселенцем. Именно они могут построить новые миры.

— Но ведь у вас всегда были роботы. Вы хотите сказать, что эта идея никогда не выдвигалась?

— О, выдвигалась, но не срабатывала. Обычные роботы без постоянного человеческого надзора построят мир, годный для них, но он не будет подчиняться людям и не подойдет для их более нежных и гибких мозгов и тел.

— Да, этот мир будет приемлемым лишь в первом приближении.

— Конечно, мистер Бейли. Но среди нашего народа господствует мнение, что приемлемость

в первом приближении совершенно недостаточна. Это явный признак деградации аврорцев. С другой стороны, как говорят они, группа человекоподобных роботов, елико возможно близких телом и мозгом к человеку, построит мир, подходящий для них, и значит, для людей тоже. Вы понимаете?

— Конечно.

— Когда такой мир будет построен и аврорцы, наконец, захотят оставить свою планету, они шагнут с одной Авроры на другую. Они не оставят свой дом, они просто получат новый, точно такой же, и будут продолжать вырождаться. Это вы тоже понимаете?

— Я понимаю вашу точку зрения, но аврорцы, видимо, не понимают.

— Не могут понять. Я думаю, что мог бы с достаточной убедительностью доказать этот пункт, если бы мои оппоненты не уничтожили меня политически делом с разрушением Джандера. Теперь вам ясно, какой мотив мне приписывают? Якобы я решил уничтожить человекоподобных роботов, чтобы ими не воспользовались для освоения других миров.

Настала очередь Бейли остановиться.

Он задумчиво посмотрел на Фастольфа:

— Понимаете, доктор Фастольф, в интересах Земли будет, чтобы победила ваша точка зрения.

— И в ваших личных интересах тоже.

— И в моих. Но главное — моей планете необходимо, жизненно необходимо, чтобы нашему народу помогли освоить Галактику, чтобы мы сохранили свои собственные пути развития, какие для нас удобнее, чтобы мы не были осуждены на вечное заточение на Земле, где мы можем только погибнуть.

— Кое-кто, наверное, будет настаивать, чтобы остаться в плену каменных ящиков.

— Конечно. Возможно, почти все. Но некоторые все же поедут, если им разрешат. Таким образом, мой долг не только как представителя закона, представляющего значительную долю человечества, но и как обычного простого землянина — помочь вам обелить себя, независимо от того, виновны вы или нет. Однако я могу целиком и полностью отдаться решению этой задачи лишь в том случае, если буду знать, что обвинения против вас несправедливы.

— Да, я понимаю.

— Тогда, исходя из того, что вы говорили о мотиве, убедите меня, что вы не виноваты.

— Мистер Бейли, я вполне понимаю, что в этом

деле у вас нет выбора, Я могу безнаказанно заявить вам, что я виновен, и вы все равно будете вынуждены завуалировать этот факт во имя нужд вашей планеты и ваших личных. Поэтому, если я в самом деле виновен, я вынужден сказать вам об этом, чтобы вы, зная правду, работали бы более эффективно, чтобы спасти меня. Но я не могу этого сделать, поскольку я невиновен. Хотя против меня как будто говорит многое, я не разрушал Джандера. Такое мне никогда не приходило в голову.

— Никогда?

Фастольф печально улыбнулся:

— Раз или два я подумал, что для Авроры было бы лучше, если бы я никогда не разрабатывал идей, которые привели к созданию человекоподобного позитронного мозга, или чтобы этот мозг оказался нестабильным и склонным к умственному замораживанию. Но это были мимолетные мысли, и я даже ни доли секунды не думал об уничтожении Джандера.

— Тогда мы можем уничтожить мотив, который вам приписывают.

— Как?

— Мы покажем, что это бесцельно. Что дает уничтожение Джандера? Таких роботов можно

сделать хоть тысячу, хоть миллион.

— Боюсь, что это не так. Никто их не сделает. Только я один знаю, как их спроектировать, а если они будут предназначены для колонизации, я отказываюсь от их изготовления. Джандера нет, остается один Дэниел.

— Другие раскроют тайну.

Фастольф вздернул подбородок:

— Хотел бы я посмотреть на такого роботехника. Мои недруги основали Институт Роботехники специально для разработки методов конструирования человекоподобных роботов, но успеха не добились и не добьются.

Бейли нахмурился.

— Если вы единственный, кто знает секрет таких роботов, и ваши враги в отчаянии от этого, почему они не пытаются вырвать его у вас?

— Они пытаются. Они угрожают моей политической карьере, и, возможно, сумеют добиться запрета моей деятельности в этой области, что положит конец и моей работе непосредственно по специальности. Этим они надеются вырвать у меня секрет. Они могут даже уговорить Совет приказать мне выдать тайну под страхом тюрьмы и конфискации имущества — кто знает? Я готов подвергнуться чему угодно, лишь бы не

выдать им секрета. Но, конечно, мне не хотелось бы страдать от последствий моего отказа.

— Они знают о вашем решении упорствовать?

— Надеюсь. Я говорил им достаточно ясно. Может, они думают, что я блефую, но я говорил серьезно.

— Но если они поверили вам, то могут предпринять более серьезные шаги.

— Что вы имеете в виду?

— Украсть ваши бумаги, похитить вас, пытать.

Фастольф громко захохотал. Бейли покраснел и сказал:

— Я терпеть не могу выражаться в стиле гиперволновой драмы, но как вы все-таки смотрите на это?

— Мистер Бейли, во-первых, мои роботы защитят меня. Нужно открыть настоящую войну, чтобы захватить меня или мои записи. Во-вторых, если бы даже это удалось, никто из роботехников не рискнул бы украсть или силой вырвать у меня секрет, потому что это полностью погубило бы его профессиональную репутацию. В-третьих, на Авроре это неслыханное дело. Один намек на незаконный нажим на меня тут же склонит Совет и общественное мнение в мою пользу.

— Так ли? — пробормотал Бейли.

Он проклинал себя за то, что он должен работать с культурой, особенностей которой не понимает.

— Так. Даю слово. Они будут продолжать то, что с их точки зрения лучше. Они уничтожат меня ложью и клеветой.

— Какой?

— Мне приписывают не только уничтожение робота. Шепчутся — пока только шепчутся — что это был только эксперимент, что я разрабатываю систему быстрого и эффективного уничтожения человеческого мозга, и, когда мои враги сами создадут таких роботов, я с членами своей партии уничтожу всех этих роботов, чтобы Аврора не могла заселять новые планеты, и Галактика осталась бы для моих союзников-землян.

— Разве можно этому поверить?

— Конечно, нет. Я сказал вам, что это ложь. Такой метод уничтожения даже теоретически невозможен, а народ в Институте Роботехники не готов создать своих человекоподобных роботов. Я не мог бы совершить массового уничтожения, даже если бы хотел.

— Тогда вся эта выдумка рухнет сама собой.

— К несчастью, не сразу. Хотя это и бессмыслица, она продержится достаточно долго, чтобы

восстановить против меня общественное мнение, и на выборах меня провалят. Постепенно все узнают, что это блеф, но будет уже поздно. И Земля в этом случае сыграет роль мальчика для битья. Обвинение, что я стараюсь в пользу Земли, довольно серьезное, и многие поверят во все, вопреки смыслу, потому лишь, что не любят Землю и землян.

— Значит, недовольство против Земли растет?

— Именно. С каждым днем положение становится хуже как для меня, так и для Земли, и у нас очень мало времени.

— Но если бы вы действительно хотели провести опыт по уничтожению робота, зачем бы вам искать его в чужом доме? У вас под руками Дэниел. Вы могли бы экспериментировать на нем.

— Нет, — сказал Фастольф, — в это никто не поверит. Дэниел — моя первая удача, мой триумф. Я ни при каких обстоятельствах не уничтожу его. Я, естественно, обратился бы к Джандеру. Все сочтут меня дураком, если я буду уверять, что мне разумнее было бы пожертвовать Дэниелом.

Бейли погрузился в молчание.

— Как вы себя чувствуете, мистер Бейли?

Бейли тихо ответил:

— Если вы спрашиваете, каково мне на откры-

том воздухе, то я даже не думаю об этом. Если же вы имеете в виду нашу дилемму, то меня словно заталкивают в ультразвуковую камеру, где мозг полностью отказывает. Зачем вы послали за мной, доктор Фастольф? Что я вам сделал, что вы так поступили со мной?

— По правде сказать, это была не моя идея, и меня оправдывает только мое отчаяние.

— Чья же это идея?

— Хозяйки дома, куда мы сейчас идем. Она посоветовала мне это с самого начала, а лучшей идеи у меня не было.

— Но как она могла советовать такое?

— О, разве я не объяснил вам, что она вас знает? Вот она, ждет нас.

Бейли растерянно поднял глаза.

— О, дьявол! — прошептал он.

Глава 6
Глэдия

23

Перед ними стояла, грустно улыбаясь, молодая женщина.

— Я знала, Илайдж, что это будет первое ваше слово, когда я увижу вас снова.

Бейли уставился на нее. Она очень изменилась: волосы были теперь подстрижены короче, лицо еще более грустное, чем два года назад, и вроде бы постаревшее больше, чем на два года. Но все-таки это была Глэдия: то же самое лицо с выступающими скулами и маленьким подбородком, такая же маленькая, хрупкая, как у подростка, фигура.

Он часто видел ее во сне — хотя не в откровенно-эротическом плане — после возвращения на Землю. Он никогда не мог подойти к ней. Она всегда была далеко и не слышала, когда он ее звал.

Нетрудно понять, почему сны были такими: она была солярианка и редко находилась среди других людей.

Из-за существовавших запретов Илайдж был

недоступен для нее, потому что был человеком, и, конечно, потому, что он с Земли. Хотя дело об убийстве, которое он тогда расследовал, вынудило их встретиться, она была полностью закрыта от настоящего контакта. Однако, при их последней встрече, она, вопреки здравому смыслу, коснулась его щеки обнаженной рукой. Она знала, что может заразиться. И он дорожил этим прикосновением, потому что все ее воспитание делало его немыслимым.

С течением времени сны постепенно бледнели, а потом и вовсе стерлись.

Бейли промолвил несколько глупо:

— Значит, вы были владелицей…

Он замолчал, и Глэдия закончила его фразу:

— …робота. А два года назад у меня был муж. Все чего я касаюсь, разрушается.

Бейли, не вполне понимая, что делает, прикоснулся к своей щеке. Глэдия, казалось, не заметила этого жеста, и продолжала:

— Вы приехали и спасли меня тогда. Простите меня, что я вызвала вас снова. Входите, Илайдж, и вы, доктор Фастольф.

Фастольф отступил назад и пропустил Бейли, а потом вошел сам. За ним вошли Дэниел и Жискар, и тут же заняли свободные ниши в стенах.

Казалось бы, Глэдия должна была отнестись к ним с безразличием, как люди обычно смотрят на роботов. Однако, мельком взглянув на Дэниела, она чуть задохнулась и сказала Фастольфу:

— Пожалуйста, скажите этому роботу, чтобы он ушел.

Фастольф посмотрел на Дэниела, и на его лице выразилась боль:

— Простите меня, моя дорогая, я не думал. Дэниел, выйди в другую комнату и оставайся там, пока мы здесь.

Дэниел молча вышел. Глэдия посмотрела на Жискара, как бы определяя, не похож ли он тоже на Джандера, и отвернулась, слегка пожав плечами:

— Не хотите ли освежающего? У меня отличный напиток из кокосового ореха, свежий и холодный.

— Нет, Глэдия, — сказал Фастольф, — я ненадолго. Я только привел мистера Бейли.

— Нельзя ли мне стакан воды? — сказал Бейли. — Если вас не затруднит.

Глэдия подняла руку. Без сомнения, за ней наблюдали, потому что тут же неслышно подошел робот со стаканом воды на подносе и тарелочкой чего-то вроде крекеров с розовым шариком на

каждом.

Бейли не мог удержаться и взял один, хотя не был уверен, что это такое, наверное, что-то, имеющее земных предков, потому что вряд ли космониты стали бы есть местную растительность или синтетику. Впрочем, потомки земной пищи могли со временем измениться от культивирования или под влиянием чуждого окружения, да и Фастольф за завтраком говорил, что многое в аврорской пище приобрело новый вкус.

Он был приятно удивлен: вкус оказался острым и пряным, и Бейли сразу же взял второй крекер. Он сказал «спасибо» роботу, который не должен был стоять тут бесконечно, и взял всю тарелочку вместе со стаканом. Робот ушел.

Дело шло к вечеру. Сквозь выходившие на запад окна в комнату падал красноватый солнечный свет.

Бейли подумал, что этот дом меньше, чем дом Фастольфа, но более веселый. Только печальная фигура Глэдии производила удручающее впечатление.

Впрочем, это, наверное, только показалось Бейли. Как может казаться веселым строение, считающееся домом и защитой для человека, если за каждой стеной находится открытое про-

странство. Он подумал, что нет ни одной стены, за которой чувствовалось бы тепло человеческой жизни. Со всех сторон, и сверху, и снизу — лишенный души холод.

И холод снова пробежал по жилам Бейли, когда он подумал о предстоящем ему деле. На какую-то минуту он перестал его ощущать, когда увидел Глэдию.

— Проходите, садитесь, Илайдж. Извините, что я немного не в порядке Я вторично в центре мировой сенсации, а мне и первого раза было более чем достаточно.

— Я понимаю, Глэдия. Пожалуйста, не извиняйтесь.

— Что касается вас, дорогой доктор, то вы, пожалуйста, не считайте, что вам надо уйти.

— Ну…

Фастольф посмотрел на полоску времени на стене:

— Я ненадолго останусь, а потом, моя дорогая, — у меня есть работа, которую нужно выполнять во что бы то ни стало, поскольку я должен смотреть в ближайшее будущее, когда мне могут вообще запретить работать.

Глэдия быстро заморгала, как бы удерживая слезы:

— Я знаю, доктор Фастольф. У вас большие неприятности из-за того, что здесь случилось, а я, похоже, не имела времени подумать о чем-либо кроме собственного дискомфорта.

— Я как могу позабочусь сам о своих проблемах, Глэдия, и вы вовсе не должны чувствовать себя виноватой. Может быть, мистер Бейли сумеет помочь нам обоим.

— Я не знал, Глэдия, — с трудом произнес Бейли, что вы были впутаны в это дело.

— А кто же еще? Она вздохнула.

— Вы были хозяйкой Джандера?

— Не совсем хозяйкой. Я взяла его на время у доктора Фастольфа.

— Вы были с ним, когда он…

Бейли подыскивал слово.

— Умер? Разве мы не можем сказать — умер? Нет, меня с ним не было. Предупреждая ваш вопрос, скажу: в это время в доме не было никого. Я была одна. Я обычно одна, почти всегда. У меня, как вы помните, солярианское воспитание. Но это, конечно, обязательно не во всех случаях. Вот вы оба пришли, и я совсем не против.

— Вы точно были одна, когда Джандер умер?

— Я же сказала, — ответила она чуть раздраженно. — Нет, я не обижаюсь, Илайдж. Я знаю, что

вы должны все повторять. Я была одна. Честно.

— Но роботы, конечно, были?

— Да, конечно. Когда я говорю «одна», я имею в виду, что других людей не было.

— Сколько у вас роботов, Глэдия, не считая Джандера?

Глэдия помолчала, как бы подсчитывая:

— Двадцать. Пять в доме, пятнадцать вне дома. Роботы свободно ходят между моим домом и домом доктора Фастольфа, так что при беглом взгляде даже не всегда скажешь, мой это робот или его.

— Ага, — сказал Бейли. — А поскольку в доме доктора Фастольфа пятьдесят семь роботов, это означает, что всего их семьдесят семь. Есть здесь еще дома, чьи роботы смешиваются с вашими?

— Здесь нет, — сказал доктор Фастольф, — других домов, достаточно близких, чтобы такое могло произойти. Да и вообще, такого не бывает. Я и Глэдия — особый случай, потому что она не аврорианка и потому, что я несу некоторую ответственность за нее.

— Даже и в этом случае — семьдесят семь роботов, — сказал Бейли.

— Да. Ну и что?

— Это значит, что есть семьдесят семь движу-

щихся предметов, каждый из которых, в общем, похож на человека. Вы привыкли к ним и не обращаете на них особого внимания. Не могло ли случиться, Глэдия, что в дом проник посторонний человек, еще один движущийся предмет, похожий на человека, и вы не обратили на него внимания?

Фастольф хихикнул, а Глэдия серьезно покачала головой:

— Илайдж, сразу видно, что вы с Земли. Вы думаете, что кто-то, даже доктор Фастольф, может подойти к моему дому, и роботы не известят меня об этом? Я могу не обратить внимания на человека, приняв его за робота, но роботы не могут. Я встретила вас на пороге, потому что мои роботы информировали меня о вашем приближении. Нет, я была одна, как и на Солярии, когда убили моего мужа.

— Здесь другое дело, Глэдия, — мягко перебил Фастольф. — Ваш муж был убит тупым предметом. Для этого было необходимо физическое присутствие убийцы, и если никого не было, кроме вас, это могло возбудить серьезные подозрения. В данном же случае, Джандер был выключен тонкой словесной программой. Физическое присутствие тут не нужно, а ваше не

имело значения, потому что вы не знаете, как заблокировать мозг человекоподобного робота.

Они оба посмотрели на Бейли: Фастольф насмешливо, Глэдия печально.

Бейли раздражало, что Фастольф как бы юмористически смотрел на крушение как своего, так и его, Бейли, будущего. Кто на Земле стал бы так по-идиотски смеяться в подобной ситуации?

— Незнание еще ничего не означает, — медленно сказал Бейли. — Человек мог разговаривать с Джандером и неумышленно вызвать умственное замораживание.

Руки Глэдии взметнулись в крайнем волнении:

— Я этого не могла сделать даже случайно. Меня не было с ним, когда это случилось. Я разговаривала с ним утром. Он был совершенно нормальным. Через несколько часов я позвала его, но он не пришел. Я пошла за ним. Он стоял в обычной позе и казался вполне нормальным, но не ответил мне, и вообще не отвечал с тех пор.

— Может быть, вы сказали что-то, что привело его к умственному замораживанию, но не сразу, а, скажем, через час?

— Это абсолютно невозможно, — резко вмешался Фастольф. — Замораживание либо есть,

либо его нет. Прошу вас, не терзайте Глэдию. Она неспособна вызвать замораживание сознательно, а сделать нечаянно — абсолютно немыслимо.

— Но так же немыслим и случайный позитронный сдвиг, о котором вы говорили?

— Не так же.

— Обе альтернативы исключительно неправдоподобны. Какая же разница в немыслимости?

— Очень большая. Я бы сказал, больше, чем между простым электроном и всей Вселенной в пользу сдвига.

Некоторое время все молчали, потом Бейли сказал:

— Доктор Фастольф, вы говорили, что пробудете здесь недолго.

— Я уже пробыл здесь слишком долго.

— Тогда, может, вы уйдете?

Фастольф поднялся:

— Зачем?

— Я хотел бы поговорить с Глэдией наедине.

— Мучить ее?

— Я должен допросить ее без вашего вмешательства. Ваше положение слишком серьезно, чтобы думать о вежливости.

— Я не боюсь мистера Бейли, доктор, — сказала Глэдия.

Затем она задумчиво добавила:

— Если его невежливость перейдет границы, мои роботы защитят меня.

Фастольф улыбнулся:

— Ну что ж, прекрасно.

Он встал и протянул ей руку, которую она быстро пожала.

— Я хотел бы, чтобы Жискар остался здесь для общей защиты, а Дэниел пусть будет в соседней комнате, если он не против. Не дадите ли вы мне одного из ваших роботов, чтобы он проводил меня до дома?

— Конечно, — сказала Глэдия.

Она подняла руку:

— Вы, я думаю, знаете Пандиона?

— Да. Надежный эскорт.

Он вышел, а робот пошел следом.

Бейли смотрел на Глэдию. Он не знал, убедит ли ее говорить, но в одном он был уверен: пока доктор Фастольф был здесь, она не сказала бы всей правды.

24

Наконец Глэдия подняла глаза и тихо спросила:

— Как вы, Илайдж, себя чувствуете?

— Хорошо, Глэдия.

— Доктор Фастольф говорил мне, что поведет вас сюда по открытому пространству, и постарается, чтобы вы постояли некоторое время в самом плохом месте.

— Вот как? А зачем? Ради шутки?

— Нет, Илайдж. Я говорила ему, как вы реагируете на открытое пространство. Помните, как вы ослабели и чуть не упали в пруд?

Илайдж быстро кивнул головой. Он не мог отрицать, что не забыл этот случай, но упоминание о нем ему не понравилось, и он сказал ворчливо:

— Такого больше не случится. Я напрактиковался.

— Но доктор Фастольф сказал, что хотел проверить вас. Все прошло хорошо?

— Более или менее. Я не падал.

Он вспомнил эпизод на борту космического корабля, когда садились на Аврору.

Там было другое дело, и упоминать сейчас об этом не стоило. Он сказал, меняя тему разговора:

— Как мне называть вас здесь?

— Вы же звали меня Глэдией.

— Может быть, это неудобно? Я мог бы сказать — миссис Дельмар…

Она резко прервала его:

— Я не пользуюсь этим именем с тех пор, как приехала сюда. Пожалуйста, не зовите меня так.

— А как вас зовут аврорцы?

— Глэдия с Солярии, но это указывает на то, что я здесь чужая, и это мне не нравится. Я просто Глэдия. Это не аврорское имя. Я сомневаюсь, чтобы на планете была еще одна Глэдия, так что одного имени достаточно. И я по-прежнему буду называть вас Илайдж, если вы не возражаете.

— Не возражаю.

— Подать чай?

Бейли кивнул.

— Я не знал, что космониты пьют чай.

— Это не земной чай, это растительный экстракт, приятный на вкус и ни в коей мере не вредный. Мы называем его чаем.

Она подняла руку, и Бейли заметил, что рукав плотно охватывал запястье и соединялся с тонкими, телесного цвета перчатками. Она все еще старалась оставлять закрытой большую часть поверхности тела в его присутствии, чтобы свести до минимума возможность инфекции.

Ее рука оставалась поднятой не дольше секунды, а уже через несколько секунд робот принес поднос. Робот был даже более приветливым, чем Жискар, он ловко расставил чашки, налил чай,

подал маленькие сандвичи и мелкое печенье.

— Как вы это делаете, Глэдия? — с любопытством спросил Бейли. — Вы только поднимаете руку, а робот уже знает, чего вы хотите.

— Это несложно. Когда я поднимаю руку, искажается небольшое электромагнитное поле, постоянно находящееся в комнате. Разное положение руки и пальцев вызывает разные искажения, и мои роботы воспринимают эти искажения, как приказы. Я пользуюсь самыми простыми приказами: «Иди сюда!», «Принеси чай!» и тому подобными.

— Я не заметил, чтобы доктор Фастольф пользовался такой системой у себя дома.

— Это солярианская система, и я ею пользуюсь. Кроме того, я всегда пью чай в это время, и Бургграф знает это.

— Это Бургграф?

— Бейли с некоторым интересом взглянул на робота. Привычка быстро родит безразличие. В один прекрасный день он вообще перестанет замечать роботов. Но он не хотел этого. Он хотел, чтобы их не было здесь.

— Глэдия, я хотел бы остаться с вами вдвоем, даже без роботов. Жискар, выйдите к Дэниелу. Вы можете остаться на страже и там.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Жискар, приведенный в сознание звуком своего имени.

Глэдии это, по-видимому, показалось забавным:

— Какие вы, земляне, странные. Я знаю, что на Земле есть роботы, но вы, похоже, не умеете управлять ими. Вы выкрикиваете приказы, словно роботы глухие.

Она повернулась к Бургграфу и тихо сказала:

— Бургграф, никто из вас не войдет в комнату, пока я не позову. Не мешайте нам ни под каким предлогом.

— Слушаю, мэм, — сказал Бургграф.

Он оглядел стол, проверяя, не упустил ли чего-нибудь, и вышел из комнаты.

Бейли, в свою очередь, посмеялся, но про себя. Голос Глэдии был тихим, но тон такой резкий, как у сержанта, обращающегося к новобранцу. Но чему, собственно, он удивляется? Давно известно, что слабости другого легче увидеть, чем свои.

— Ну вот, Илайдж, мы и одни, даже роботы ушли.

— Вы не боитесь остаться наедине со мной? — спросил Бейли.

Она медленно покачала головой

— Чего мне бояться? Жест, налганный воз-

глас, — и роботы тут же появятся. Ни один космонит не боится другого. Это не Земля. А почему вы спросили?

— Потому что боятся не только физического действия. Я ни в коем случае не допустил бы какого-либо насилия или дурного обращения по отношению к вам. Но вы не боитесь моих вопросов и того, что может открыться? Помните, что здесь не Солярия. Там я симпатизировал вам и намеревался доказать вашу невиновность.

— А теперь вы мне не симпатизируете?

— На сей раз убит не муж, и вас не обвиняют в убийстве. Уничтожен всего лишь робот, и, насколько я знаю, вас ни в чем не подозревают. Так что моя проблема — доктор Фастольф. И для меня чрезвычайно важно — о причинах нет нужды сейчас говорить — доказать его невиновность. Если дело обернется так, что пострадаете вы, я не смогу этому помочь. Я не сойду со своего пути ради вас. Я говорю вам это открыто.

Она подняла голову и надменно посмотрела на него:

— С какой стати я пострадаю от чего бы то ни было?

— Может быть, без вмешательства доктора Фастольфа мы как раз и обнаружим это, — холод-

но сказал Бейли.

Он ткнул в сандвич маленькой вилочкой — взять его рукой означало, что все остальные окажутся для Глэдии непригодными — переложил на свою тарелку, затем сунул в рот и запил чаем. Она тоже ела сандвич за сандвичем и пила чай, и оба постепенно остывали от овладевшего ими раздражения.

— Глэдия, — сказал он, — мне нужно точно знать о ваших взаимоотношениях с доктором Фастольфом. Вы живете почти рядом, у вас даже роботы практически общие. Он явно заботится о вас. Он не старается доказать собственную невиновность, разве что утверждает, что не виновен, а вас сразу же кинулся защищать, как только я усилил допрос.

Она слабо улыбнулась:

— Что вы подозреваете, Илайдж?

— Не уклоняйтесь. Я не хочу подозревать, я хочу знать.

— Доктор Фастольф говорил вам о Фании? Вы не спрашивали его, жена она ему или только сотрудница? Спрашивали, есть ли у него дети?

Бейли почувствовал себя неловко.

Он должен был спросить. В смежных квартирах перенаселенной Земли дорожили уединением

именно потому, что ему все угрожало. На Земле практически невозможно не знать обо всем, что касается семейных дел соседей, поэтому никто ни о чем не спрашивает и делает вид, что не знает. Этакий общепринятый обман. Здесь, на Авроре, конечно, не придерживались земных обычаев, однако Бейли автоматически держался их. Дурак!

— Нет, еще не спрашивал. Скажите.

— Фания его жена. Он женился много раз, конечно, последовательно, хотя на Авроре случается, что у кого-то одновременно несколько жен или мужей.

Она сказала это со смесью отвращения и оправдания.

— На Солярии это неслыханное дело Тем не менее, этот брак доктора Фастольфа, видимо, скоро расстроится, и оба будут искать новых привязанностей, хотя не часто бывает, что один или оба супруга не дожидаются расторжения брака. Я не понимаю таких легких отношений, Илайдж, но знаю, что на Авроре принято именно так. Доктор Фастольф, насколько я знаю, придерживается скорее пуританских взглядов. Он никогда не изменял ни одной из жен и не искал никого на стороне. На Авроре это считается старомодным

и глупым.

— Я что-то читал об этом.

Бейли кивнул.

— Как я понял, брак заключается с намерением иметь детей?

— В теории — да, но в наше время мало кто принимает это всерьез. У доктора Фастольфа есть двое детей, больше ему не полагается, но все-таки он женился и просит разрешения на третьего. Ему, конечно, откажут, и он это знает. А другие даже не утруждают себя просьбами.

— Зачем же тогда утруждать себя женитьбой?

— От этого есть какие-то социальные выгоды. Они довольно сложны, и я их не понимаю.

— Ладно. Неважно. Расскажите о детях доктора Фастольфа.

— У него две дочери от разных матерей, конечно, не от Фании. Матери сами вынашивали дочерей, как это принято на Авроре. Дочери уже взрослые, у них свои дома.

— Он близок с дочерьми?

— Не знаю. Он никогда о них не говорит. Одна из них — роботехник, и я думаю, что он как-то соприкасался с ее работой, а вторая дочь где-то служит или имеет свой офис, точно не знаю.

— Вы не знаете, были ли семейные неуряди-

цы?

— Не знаю, но вряд ли. Насколько мне известно, он в хороших отношениях со своими бывшими женами. Ни один из разводов не нес в себе злобы. Доктор Фастольф не тот человек. Я не могу представить себе, чтобы он принял любое событие в жизни с чем-то большим, чем покорный вздох. Он будет шутить даже на смертном одре.

«Это, во всяком случае, правильная оценка», — подумал Бейли и сказал:

— А каково его отношение к вам? Только, пожалуйста, скажите правду. Мы не в том положении, когда скрывают правду, чтобы избежать осложнений.

Она спокойно встретила его взгляд:

— Тут нечего избегать. Доктор Фастольф мой друг, и притом очень хороший.

— Вы ждете его развода, чтобы стать его следующей женой?

— Нет.

— Вы любовники?

— Нет.

— И не были?

— Нет. Вас это удивляет?

— Мне просто нужна информация…

— Тогда задавайте вопросы связно и не закиды-

вайте меня ими, словно надеясь заставить меня о чем-то проболтаться.

Она сказала это без всякого раздражения, ее это как бы развлекало.

Бейли слегка покраснел и хотел сказать, что у него вовсе нет такого намерения, но оно, конечно, было, и отрицать это было бесполезно.

— Ладно, — сказал он грубовато, — пойдем дальше.

Глэдия снова опустила глаза. Лицо ее стало чуть жестче, словно она погрузилась в прошлое, которое хотела бы забыть.

— Вы имеете представление о моей жизни на Солярии. Она не была счастливой, но другой я и не знала. И только когда я попробовала прикоснуться к счастью, я поняла, до какой степени была несчастна моя жизнь. Первый намек на это пришел от вас, Илайдж.

— От меня?

Бейли изумился.

— Да. Илайдж. Наша последняя встреча на Солярии — я надеюсь, что вы ее помните — научила меня кое-чему. Я коснулась вас. Я сняла перчатку — такую же, какая сейчас на мне, — и дотронулась до вашей щеки. Контакт был очень коротким. Я не знаю, значил ли он что-то для вас

— нет, не говорите, это неважно — но для меня он значил очень много!

Она подняла глаза и встретила его взгляд.

— Он значил для меня все. Он изменил всю мою жизнь. Вспомните, что я до тех пор не касалась мужчины или вообще человеческого существа, исключая мужа, а мужа я касалась очень редко. Конечно, я видела мужчин по трехмерке и хорошо знала физические аспекты мужественности. Но я не думала, что мужчины отличаются один от другого на ощупь. Я знала, какая кожа у моего мужа, какие у него руки, но и только. У меня не было оснований думать, что у другого мужчины это может быть другим. От контакта с мужем удовольствия не было. Да и откуда ему было быть? Какое удовольствие от контакта пальцев со столом — разве что провести по нему и оценить его гладкость. Контакт с мужем был частью редко происходившего ритуала, на который муж шел, потому что этого от него ждали, и, как хороший солярианин, он выполнял его в тот день и час, за такой промежуток времени и в такой манере, как предписывалось хорошим воспитанием. В другом смысле тут не было ничего хорошего, потому что, хотя этот периодический контакт имел точную цель сексуальных отношений, мой

муж не просил разрешения иметь ребенка, и я полагаю, не думал о том, чтобы произвести его, а я слишком благоговела перед ним, чтобы самой просить разрешение, хотя имела право на это. Оглядываясь назад, я понимаю, что сексуальный опыт был поверхностным и механическим. У меня никогда не было оргазма, ни разу. Я только читала о такой вещи, но описания просто сбивали меня с толку, поскольку их можно было найти только в привозных книгах — солярианские книги никогда не упоминали о сексе — и я не могла верить им. Я думала, что это просто экзотические метафоры. И я не могла это проверить, по крайней мере, сама. Кажется, это называется мастурбацией, — я слышала это слово на Авроре. На Солярии никогда не говорилось о сексе, и слова, относящиеся к нему, не употребляются в порядочном обществе, да и в любом другом на Солярии. Из случайно прочитанного я представляла, как это делается, и несколько раз, скрепя сердце, пробовала сделать, как написано, но не смогла. Табу на прикосновение к человеческой плоти делало даже собственную плоть запретной и неприятной. Конечно, я могу дотронуться до своего лица или положить ногу на ногу, но это случайные прикосновения, на них не обращалось

внимание. А сделать прикосновение инструментом сознательного удовольствия — совсем другое дело. Каждой частицей своего существа я знала, что этого нельзя делать, и поэтому удовольствия не могло быть. И мне не приходилось получать удовольствие от прикосновения при других обстоятельствах. Да и как это могло случиться? И в тот раз я коснулась вас. Зачем я это сделала — не знаю. Я чувствовала бесконечную признательность вам за то, что вы спасли меня. Кроме того, вы были не полностью запретны. Вы не солярианин. Вы были — простите меня — не вполне мужчиной. Вы — земное создание, человек по виду, но вы — недолговечный, бациллоноситель, нечто вроде получеловека. И вот потому, что вы спасли меня и были ненастоящим мужчиной, я могла коснуться вас. Кроме того, вы смотрели на меня не враждебно и надменно, как мой муж, не с тщательно затверженным безразличием тех, с кем я виделась по трехмерному изображению. И вы были прямо тут, рядом, и глаза у вас были теплые и заботливые. И вы вздрогнули, когда моя рука потянулась к вашей щеке. Я видела это. Почему так случилось, я не знаю. Прикосновение было таким беглым, что физическое ощущение нельзя было отличить от того, как если бы я до-

тронулась до своего мужа, другого мужчины или даже женщины. Но здесь было нечто большее, чем физическое ощущение. Вы были здесь, вы были рядом, вы показали мне признаки того, что я приняла как чувство. И когда наша кожа — моей руки и вашей щеки — соприкоснулись, я словно коснулась ласкового огня, который тут же прошел по моей руке, и всю меня охватил пламенем. Я не знаю, долго ли это продолжалось — вряд ли больше одной—двух секунд, но для меня время остановилось. Во мне произошло что-то, чего никогда не случалось раньше, и вот теперь, когда я познала это, я понимаю, что тогда была очень близка к оргазму. Я старалась не показать этого.

Бейли, не решаясь взглянуть на нее, кивнул.

— Так вот, я не показала этого, и только сказала: «Спасибо вам, Илайдж». Я поблагодарила вас за то, что вы сделали для меня в связи со смертью моего мужа, но много больше — за то, что вы осветили мою жизнь и показали мне, даже не зная этого, что есть в жизни. Вы открыли дверь, показали тропу. Физическое действие было само по себе ничто: просто прикосновение, но оно стало началом всего.

Она сделала паузу, затем подняла палец.

— Нет, не говорите ничего. Я еще не кончи-

ла. Я раньше представляла себе очень смутно и неопределенно: мужчина и я делаем то, что делали с мужем, но как-то по-другому — я даже не знала, как именно — и ощущения были другие, но я не могла представить себе их. Я могла бы прожить всю жизнь, пытаясь вообразить невообразимое, и умерла бы через триста—четыреста лет, так и не узнав этого, как и другие женщины Солярии, да и многие мужчины тоже. Никогда не узнать. Иметь детей, но не узнать. Но я дотронулась до вашей щеки и поняла. Не удивительно ли? Вы научили меня тому, о чем я лишь воображала. Нет, не механике, не унылому, неохотному сближению тел, а чему-то такому, что должно быть при этом, и чего я никогда не достигала. Взгляд на лицо, блеск в глазах, ощущение мягкости, доброты, чего-то, что я не могу описать, понижение кошмарного барьера между индивидуумами. Любовь, наверное, подходящее слово, включающее в себя все это и еще что-то большее. Я чувствовала любовь к вам, потому что думала, что и вы могли бы любить меня. Я не говорю, что любили, но могли бы. В старинных книгах говорилось о любви, я принимала это слово, но не знала его значения, пока не коснулась вас. И я поехала на Аврору, вспоминая вас, думая

о вас, мысленно разговаривая с вами, и думала, что на Авроре встречу миллион Илайджей.

Она опять помолчала, погрузившись в мысли.

— Но не встретила. Аврора так же плоха, как и Солярия, но в обратном смысле. На Солярии секс — искажение, грех. Секс отвратителен, и мы все отвернулись от него. Мы не могли любить, потому что ненавидели секс. На Авроре секс скучен. Его принимают спокойно и легко, как дыхание. Если человек ощущает позыв, он тянется к тому, что кажется подходящим, и если подходящая особа в данный момент не занята чем-то важным, следует секс в той манере, как это принято. Вроде дыхания. Но какой экстаз в дыхании? Если у человека удушье, то, возможно, первый хороший вдох будет для него наслаждением, а если он никогда не задыхался? Секс, разрешенный и доступный, как вода, на Авроре, так же, как секс, запрещенный и постыдный на Солярии, не имели ничего общего с любовью. В обоих случаях дети получаются редко и только по официальному разрешению. Когда такое разрешение получено, происходит интерлюдия секса, безрадостная и противная, предназначенная только для деторождения. Если в положенное время зачатия не последовало, прибегают к искусственному

оплодотворению. А на Солярии принят эктогенез, так что оплодотворение и развитие зародыша происходит в генотарии, а секс остается как форма социального общения, не имеющая ничего общего с любовью. Я не могла принять привычки аврорцев, я не была воспитана в них. Я со страхом тянулась к сексу, и никто не отказывался, но и не придавал этому значения. Глаза мужчин были пусты, когда я предлагала себя, и оставались пустыми, когда мужчины соглашались. Они хотели, но и только. И прикосновение к ним не давало ничего. Так же, как я прикасалась к мужу. Я примирилась с этим, позволила вести себя, но и все остальное ничего не дало. Я не чувствовала даже потребности делать это. То ощущение, которое дали мне вы, не возвращалось, и я в конце концов покорилась.

Доктор Фастольф был моим другом. Он один на Авроре знал все, что произошло на Солярии. Вы знаете, что полные сведения не были опубликованы и уж, конечно, не вошли в эту ужасную гиперволновую программу. Я о ней слышала, но смотреть отказалась. Доктор Фастольф защищал меня от непонимания со стороны аврорцев и от их презрения к солярианцам. Он защищал меня также и от отчаяния, которое охватило меня

через некоторое время. Но любовниками мы не были. Я могла бы предложить себя, но в то время я уже решила, что ощущения, которые вы мне дали, никогда не вернутся, и отказалась от мысли предлагать себя. Он тоже не предлагал себя, не знаю, почему. Может быть, он понимал, что мое отчаяние происходит от неудачи найти что-то в сексе, и не хотел увеличивать его. Вероятно, он просто был добр ко мне и заботился обо мне в этом состоянии, так что мы не стали любовниками. Он был моим другом, когда я нуждалась в дружбе. Вот и все, Илайдж. Вы получили полный ответ на свои вопросы. Вы хотели знать о моих отношениях с доктором Фастольфом и сказали, что вам нужна информация. Вы ее получили. Вы удовлетворены?

— Мне очень жаль, Глэдия, что ваша жизнь была так трудна. Я получил информацию, в которой нуждался. Вы дали мне больше информации, чем думаете.

— В каком смысле?

Бейли не дал прямого ответа:

— Глэдия, я рад, что воспоминание обо мне так много значило для вас. Когда я был на Солярии, мне и в голову не приходило, что я произвел на вас такое впечатление, но даже если бы пришло,

я не пытался бы… вы понимаете.

— Я понимаю, — мягко сказала она, — но и попытка была бы бесполезной: я бы не могла.

— Я знаю. И теперь я не сделал бы такого, как вы сказали, предложения. Одно прикосновение, момент сексуального понимания — больше ничего не нужно. Вполне вероятно, что этот момент неповторим, и его нельзя пачкать глупыми попытками к возобновлению. Но именно по этой причине я не предлагаю себя. Моя неудача могла бы оказаться еще одним разочарованием для вас. Кроме того…

— Да?

— Как я уже говорил, вы сказали мне больше, чем думаете. Вы сообщили, что история не кончилась на вашем отчаянии.

— Откуда вы знаете?

— Рассказывая мне об ощущениях, которые дали вам прикосновение к моей щеке, вы сказали, что только теперь поняли, как были тогда близки к оргазму. Затем вы сказали, что секс с аврорцами не был успешен, и следовательно, в этих случаях вы не испытывали оргазма. Однако, вы должны были испытать его, Глэдия, чтобы судить о ваших ощущениях на Солярии. Иначе говоря, у вас был любовник, и вы узнали любовь. Если это не док-

тор Фастольф, то, значит, был кто-то другой.

— Ну и что? Разве это касается вас?

— Не знаю, касается или нет. Скажите, кто он, и если будет ясно, что это не мое дело — покончим с этим.

Глэдия молчала.

— Если вы не хотите сказать, то я сам скажу вам. Я уже говорил, что не намерен щадить ваши чувства.

Глэдия продолжала молчать.

— Кто-то должен был быть, Глэдия, и ваша скорбь по поводу потери Джандера чрезмерна. Вы выслали из комнаты Дэниела, потому что его лицо напоминало вам Джандера. Если я ошибся, решив, что Джандер Пэнел…

Он сделал паузу и затем резко закончил:

— Что робот Джандер Пэнел был вашим любовником — скажите.

— Джандер Пэнел, робот, — прошептала Глэдия, — не был моим любовником.

Затем она добавила громко и твердо:

— Он был моим мужем!

25

Губы Бейли беззвучно шевелились в безошибочном трехсложном восклицании.

— Да, — сказала Глэдия, — Вот именно: «О, дьявол!». Вы ошеломлены? Почему? Вы не одобряете?

— Это не мое дело — одобрять или не одобрять, — без выражения ответил Бейли.

— Это значит — не одобряете.

— Это значит, что я ищу только информацию. Какая разница между мужем и любовником на Авроре?

— Если двое живут в одном доме какое-то время, они говорят друг о друге «жена» или «муж».

— Какой период времени?

— В разных регионах по-разному. В городе Эос это три месяца.

— И в это время они воздерживаются от сексуальных отношений с другими?

— Почему?

Глэдия подняла брови.

— Я только спрашиваю.

— Исключительность на Авроре невозможна. К мужу или любовнику — безразлично. Секс для удовольствия.

— Вы бы тоже искали других, когда были с Джандером?

— Нет. Это был мой выбор.

— Другие предлагали себя?

— Случалось.

— И вы отказывали?

— Я всегда могу отказаться. Это часть неисключительности.

— Но вы отказывали?

— Да.

— А те, кому вы отказывали, знали причину?

— Что вы имеете в виду?

— Они знали, что у вас муж — робот?

— У меня был муж. Я не называю его мужем-роботом. Здесь нет такого выражения.

— Но они знали?

Она помолчала:

— Не знаю.

— Вы им говорили?

— Зачем бы я стала говорить?

— Не отвечайте вопросом на вопрос. Говорили ли вы им?

— Нет.

— Как вы могли избежать этого? Разве не естественно объяснить ваш отказ?

— Объяснений никогда не требуется. Отказ есть отказ, так его и принимают. Я вас не понимаю.

Бейли собрался с мыслями. Оба непонимания — его и Глэдии — не пересекались, а шли параллельно. Он начал снова:

— На Солярии было бы естественным иметь робота в качестве мужа?

— На Солярии это немыслимая вещь. Мне и в голову не пришло бы подобное. На Солярии все немыслимо, и на Земле тоже. Разве ваша жена взяла бы когда-нибудь в мужья робота?

— Это не относится к делу.

— Возможно, но ваше впечатление — достаточный ответ. Мы с вами не аврорцы, но мы на Авроре. Я живу здесь два года, и понимаю больше вашего.

— Вы имеете в виду, что сексуальная связь человек-робот — обычное дело на Авроре?

— Не знаю. Я знаю только, что это приемлемо, как приемлемо все, что касается секса — все добровольное, дающее взаимное удовлетворение и не наносящее никому физического вреда. Кому какое дело, как индивидуум или любая комбинация индивидуумов находит удовлетворение? Кого тревожит, какие книги я читаю, когда ложусь спать или встаю, люблю ли я кошек или не терплю розы? Так же относятся на Авроре и к сексу.

— Да, на Авроре, но вы-то родились не на Авроре и воспитывались не на их лад. Вы только что говорили, что не приспособились к этому

безразличию в сексе, а сейчас его защищаете. Вы выражали отвращение к многократным бракам и неразборчивости в связях. Вы не говорили тем, кому отказывали, о причине отказа потому, возможно, что в глубине души стыдились иметь мужем Джандера. Может, вы знали, или подозревали, или просто предполагали, что такое необычно даже на Авроре, и вы стыдились?

— Нет, Илайдж, не стыдилась. Если муж-робот необычен даже на Авроре, то это, возможно, потому, что необычны такие роботы, как Джандер. Роботы на Солярии, на Земле и на Авроре — если не считать Дэниела и Джандера — могут дать лишь самое примитивное сексуальное удовлетворение. Они просто приспособлены для мастурбации, механический вибратор, и больше ничего. Когда будет много человекоподобных роботов, появится и секс—человек—робот.

— Как вы получили Джандера, Глэдия? Их было всего два, и оба в доме доктора Фастольфа. Доктор Фастольф просто дал вам его в полусобственность?

— Да.

— Почему?

— По доброте, я думаю. Я была одинока, разочарована, несчастна, чужая в чужой стране. Он дал

мне Джандера для компании, и я вечно буду ему благодарна. Это длилось всего полгода, но будет ценно для меня всю мою жизнь.

— Доктор Фастольф знал, что Джандер ваш муж?

— Он никогда не говорил об этом, так что не знаю.

— А вы говорили?

— Нет.

— Почему?

— Не считала нужным, но вовсе не из стыда.

— Как это случилось?

Глэдия напряглась и враждебно спросила:

— Зачем мне объяснять вам это?

— Глэдия, время идет. Не воюйте со мной на каждом шагу. Вы расстроены тем, что Джандер… что его нет?

— Зачем вы спрашиваете?

— Вы хотите знать, что случилось?

— Опять-таки — зачем вы спрашиваете?

— Тогда помогите мне. Мне нужна вся информация, какую я могу получить, если я хочу хотя бы начать разработку этой, похоже, неразрешимой проблемы. Как Джандер стал вашим мужем?

Глаза Глэдии заволокло слезами.

— Обычно роботы не носят одежды, но они так

сконструированы, как будто одеты. Я хорошо знаю роботов, поскольку жила на Солярии, и у меня есть некоторый художественный талант…

— Я помню ваши световые формы.

Глэдия благодарно кивнула:

— Я готовила новые рисунки для новых моделей. Они, по-моему, более интересны, чем те, какими пользуются на Авроре. Некоторые из моих рисунков здесь на стене. Есть и в других местах в доме.

Глаза Бейли пробежали по рисункам.

Он уже заметил их. Изображенные на них роботы не были похожи на тех, какими они бывают в действительности, — чрезмерно вытянутые в длину, неестественно изогнутые. Теперь он видел, что искажение было задумано очень умно. Глядя на них с новой перспективы, он увидел, что эти детали напоминают одежду. В них было что-то от костюмов слуг викторианской Англии — он видел такие в одной книжке.

Интересно, знала ли Глэдия о них, или просто случайное совпадение? Когда Бейли впервые увидел эти рисунки, он решил, что Глэдия окружила себя роботами, имитируя жизнь на Солярии. Она говорила, что ненавидела ту жизнь, но эти слова были только результатом ее размышлений.

Солярия была единственным домом, который она хорошо знала, и его нелегко выбросить из памяти, да и вообще невозможно.

Этот фактор мог присутствовать в ее рисунках, даже если ее новые занятия дали ей более приятные сюрпризы.

— Я имела успех. Некоторые концерны, производящие роботов, хорошо платили мне за мои рисунки, и было очень много случаев, когда уже существующих роботов покрывали заново по моим указаниям. Это давало мне определенное удовлетворение и в какой-то мере компенсировало эмоциональную пустоту моей жизни. Когда доктор Фастольф дал мне Джандера, робот, конечно, был в обычной одежде. Доктор был настолько добр, что дал мне множество сменной одежды для Джандера, но в ней не было ничего особенного, а мне хотелось купить более, на мой взгляд, подходящее. Это означало, что надо было тщательно измерить Джандера, потому что я хотела заказать одежду по моим рисункам. Джандер разделся, и только тогда я полностью осознала, насколько он приближается к человеку. Ничего не было упущено, и те части, которые должны были напрягаться, и в самом деле напрягались, и находились, как и у человека, под контролем со-

знания. Я спросила, функционирует ли его пенис. Джандер ответил, что да, я заинтересовалась, и он продемонстрировал. Вы понимаете, что как ни похож он был на мужчину, я знала, что он робот. У меня есть некоторые колебания насчет прикосновения к мужчинам, и это наверняка играло какую-то роль в моей неспособности получить удовлетворение от секса с аврорцами. Но это был не мужчина, а я всю жизнь была с роботами, и свободно могла касаться Джандера. Я быстро осознала, что хочу коснуться его, и он быстро понял, что я хочу этого. Он был тонко настроенным роботом, и тщательно следовал Трем Законам. Не дать радость — это вызвать разочарование, которое можно расценить, как вред, а он не мог вредить человеку. И он старался дать мне радость. Именно потому, что я знала о его желании дать мне радость — чего я никогда не видела в аврорских мужчинах — я и в самом деле радовалась, и постепенно дошла до полной… Я думаю, это и есть оргазм.

— Значит вы были полностью счастливы?

— С Джандером? Да, конечно.

— Вы никогда не ссорились?

— Как же это возможно? Единственная его цель, единственный смысл его существования

— быть мне приятным.

— Вас не смущало, что он делал это только для того, чтоб быть приятным вам?

— Не все ли равно, по какой причине кто-то что-то делает?

— Когда вы узнали полноту чувств, у вас ни разу не было желания сделать то же с аврорцем?

— Это было бы бесполезно. Я хотела только Джандера. Теперь вы понимаете, каково мне было потерять его?

Обычно серьезное выражение лица Бейли стало торжественным:

— Я понимаю, Глэдия. Простите, что я недавно причинил вам боль. Тогда я еще не вполне понимал.

Она заплакала, и он ждал, не зная, как утешить ее. Наконец, она вытерла слезы.

— Еще что-нибудь?

— Еще несколько вопросов на другую тему, и я больше не буду докучать вам.

Затем он осторожно добавил:

— Сегодня вы знаете, что многие считают доктора Фастольфа виновным в убийстве Джандера?

— Да.

— Вы знаете, что сам доктор считает себя единственным, кто мог бы убить Джандера тем

способом, каким его убили?

— Да. Доктор сам говорил мне это.

— Думаете ли вы, что Джандера убил доктор Фастольф?

Она неожиданно резко взглянула на Бейли и сердито сказала:

— Конечно, нет! Зачем ему это? Джандер был его роботом, и доктор очень заботился о нем. Вы не знаете доктора, Илайдж. Он добрый человек, он ничего не мог плохого сделать кому-либо, и уж тем более роботу. Этого просто не могло быть.

— У меня больше нет вопросов, есть только одно дело сейчас — взглянуть на Джандера, если вы позволите.

Глэдия встала. Ее простое платье не было черным, как полагалось бы на Земле, а какого-то тусклого цвета, без единой яркой искорки, и даже Бейли, отнюдь не знаток одежды, понял, насколько это платье траурное.

— Пошли, — тихо прошептала она.

26

Они прошли через несколько комнат, по коридору и поднялись по короткому пролету лестницы в маленькую комнату, одна стена которой светилась. В комнате были койка и стул,

больше ничего.

— Это была его комната, — сказала Глэдия.

Затем, как бы отвечая на мысли Бейли, она добавила:

— Это все, в чем он нуждался. Я оставляла его одного иногда даже на весь день: я не хотела устать от него. Теперь я хотела бы, чтобы он был со мной каждую секунду. Я ведь не знала, что у нас так мало времени впереди. Вот он.

Джандер лежал на койке, прикрытый до груди мягкой блестящей тканью. Лицо его было спокойно и нечеловечески безмятежно, глаза широко раскрыты, но непрозрачны и без блеска. Он очень походил на Дэниела, и понятно, почему Глэдии было не по себе в присутствии Дэниела.

— Доктор Фастольф осматривал его?

— Да. Я в отчаянии пришла к нему, и если бы вы видели, как он бежал сюда, расстроенный, с болью, в панике, вы никогда бы не сочли его виновным Но он ничего не мог сделать.

— Он раздет?

— Да. Доктор раздел его, чтобы осмотреть, а снова одевать не имело смысла.

— Вы позволите мне открыть его?

— Зачем? Что вы можете обнаружить, чего не обнаружил доктор Фастольф?

— Ничего. Но я должен знать, что ничего не упустил в расследовании.

— Хорошо, но потом опять покройте его.

Глэдия повернулась к нему спиной и уткнулась лбом в стену. Бейли знал, что она опять плачет.

Тело было, пожалуй, не совсем человеческое, мускулатура, пожалуй, несколько упрощенная, чуточку схематичная, но все остальное было на месте: соски, пупок и прочее, даже легкие волоски на груди.

Сколько дней прошло с убийства Джандера? Во всяком случае, больше недели, и никаких признаков разложения. Робот. Тело было теплое, крепкое, упругое.

Бейли не мог избавиться от чувства неловкости, ему казалось, что он нарушает покой умершего. Будь это труп человека, окоченение и холод лишили бы его присущих ему свойств. Тело же робота было куда более человеческим, чем труп человека.

Бейли снова прикрыл Джандера.

— Я закончил, Глэдия.

Она повернулась, посмотрела на Джандера и сказала:

— Пойдем?

— Да, конечно. Глэдия, вы так и оставите его

здесь?

— А если оставлю, какое это имеет значение?

— В какой-то мере имеет. Вы должны постараться оправиться от потери. Нельзя носить траур в течение трех столетий.

Он сам сознавал, что его слова звучат сентенциозно, как же она должна воспринимать их?

— Я понимаю, что вы желаете мне добра, Илайдж, но меня просили сохранить Джандера до конца расследования, а потом его кремируют по моей просьбе. У меня будет его голограмма. Вы удовлетворены?

— Да. Мне пора вернуться в дом доктора Фастольфа.

— Я хочу, чтобы вы нашли того, кто это сделал и установили зачем. Я должна знать. И я уверена, что вы сможете.

Глава 7
Снова Фастольф

27

Бейли вышел из дома Глэдии на закате.

Дэниел шел позади него, Жискар, как и раньше, впереди.

— Вы хорошо себя чувствуете, коллега Илайдж? — спросил Дэниел.

— Вполне, — ответил Бейли.

Он был доволен собой.

— Я начал привыкать к открытому пространству, Дэниел, и даже могу восхищаться закатом. Он всегда такой?

— Да. Но давайте пойдем быстрее: в это время года рано темнеет.

— Я готов. Пошли.

Сам Бейли подумал, что лучше бы дождаться темноты — она дала бы ему иллюзию стен, а он в глубине души не был уверен, что его хорошее самочувствие, вызванное красивым закатом, продлится долго. Закат-то ведь за пределами закрытого помещения! Нет, это трусливая неуве-

ренность, он не должен поддаваться ей. Жискар бесшумно подошел к нему:

— Может быть, вы предпочитаете подождать, сэр? Может, темнота для вас лучше? Нам ведь все равно.

Бейли увидел других роботов в отдалении. Интересно, кто их послал для его охраны — Глэдия или Фастольф? Это подчеркивало их заботу о нем, и он упрямо не желал показать слабость.

— Нет, пойдем сейчас, — сказал он.

Он быстро пошел по направлению к дому Фастольфа, хотя и не видел его за далекими деревьями.

Хорошо бы освободиться от страха, заставляющего стучать зубами. А может, они стучат от холодного вечернего ветра, и от него же гусиная кожа на руках?

Нет… Нет… Я не боюсь.

— Дэниел, вы хорошо знали Джандера?

— Мы некоторое время были вместе, со времени изготовления друга Джандера до его перехода в дом мисс Глэдии.

— Вас не смущало, что Джандер так похож на вас?

— Нет. Мы оба знали наши различия, и доктор Фастольф тоже не путал нас. Так что мы были два

индивидуума.

— Вы тоже различали их, Жискар?

— Насколько я помню, не было такого случая, когда это потребовалось бы.

— А если бы пришлось?

— Я бы различил их.

— Дэниел, в тот период, когда Джандер был в доме мисс Глэдии, вы виделись с ним?

— Нет, коллега Илайдж. Мисс Глэдия держала его в доме. В тех случаях, когда она посещала доктора Фастольфа, она никогда не брала его с собой, а когда я сопровождал доктора Фастольфа к ней, я не видел друга Джандера.

Бейли слегка удивился. Он хотел было задать тот же вопрос Жискару, но раздумал. Такой, как выразился Фастольф, перекрестный допрос роботов ничего, в сущности, не дает. Они не могут сознательно сказать то, что может повредить человеку, их не вынудишь к этому ни обманом, ни подкупом. Они не могут откровенно солгать, но будут вежливо давать бесполезные ответы.

Они подошли к крыльцу дома, и Бейли почувствовал, что его дыхание участилось. Он был уверен, что дрожь рук и нижней губы происходит только от холодного ветра.

Солнце уже село, на потемневшем небе стали

появляться звезды. Бейли вошел в тепло сияющих стен дома. Он был в безопасности.

Фастольф встретил его:

— Вы вовремя вернулись, мистер Бейли. Ваша беседа с Глэдией прошла успешно?

— Очень успешно. Я, может быть, даже держу ключ к разгадке.

28

Фастольф вежливо улыбнулся, и это не означало ни удивления, ни энтузиазма, ни сомнения. Он ввел Бейли в столовую, которая была меньше и уютнее той, где они завтракали.

— Мы с вами, дорогой мистер Бейли, будем обедать без формальностей, только вдвоем, даже роботов не будет, если вы желаете. О делах говорить не будем, разве что вы очень захотите этого.

Бейли ничего не сказал, но остановился в изумлении, глядя на стены. Они были волнистые, сияюще-зеленые, медленно изменяющиеся по светотени и оттенкам от пола к потолку. Эти стены делали комнату похожей на грот на дне моря.

Эффект был головокружительный — по крайней мере, для Бейли. Фастольфу не составило

труда понять впечатление Бейли:

— К этому нужно привыкнуть, мистер Бейли. Жискар, уменьши освещение стен… Спасибо.

Бейли облегченно вздохнул:

— И вам спасибо, доктор Фастольф. Могу я сходить в туалет?

— Пожалуйста.

— Не могли бы вы…

Бейли замялся.

Фастольф хихикнул:

— Вы найдете там все совершенно нормальным. Жаловаться вам не придется.

— Весьма признателен.

Туалет и в самом деле был просто туалетом, только более роскошным и более удобным, чем те, какие он видел. Он невероятно отличался от земного. Он прямо сиял чистотой. Бейли мрачно подумал, что, поживи он на Авроре подольше, ему трудно было бы снова привыкать к толпам в земных туалетах. А здесь его окружали удобства из слоновой кости и золота — конечно, золото и кость не настоящие. Он вдруг вздрогнул от воспоминания о случайных обменах микробами на Земле. Наверное, то же чувствуют и космониты? Можно ли порицать их? Однако, аврорцы так ненужно выпячиваются с украшениями, так

настойчиво уверяют, что живут в согласии с природой, а сами приручают и уродуют ее. Может, это только в доме Фастольфа?

У Глэдии дом куда проще, но, может быть, потому, что она с Солярии?

Обед был просто восхитителен.

Как и за ленчем, тут было заметнее ощущение близости к природе. Блюд было много, и можно было заметить, что все они были когда-то частью растений и животных.

Бейли уже начинал смотреть на случайно попавшую в тарелку косточку, жилку или хрящик не с отвращением, как раньше, а как на крошечное приключение.

Некоторые блюда ему не очень понравились, но это было неважно. Главное, что все они очень отличались по вкусу.

Несмотря на предложение Фастольфа, чтобы роботы не присутствовали, обслуживал их все-таки робот. Бейли подумал, что Фастольф настолько привык к роботам, что просто не замечает этого факта, а Бейли не стал заострять на этом внимания

Робот был молчалив и двигался бесшумно. Его нарядная ливрея была как бы взята из исторической пьесы, которую Бейли видел по

гиперволновой программе.

Только при очень близком разглядывании можно было увидеть, что этот костюм был световой иллюзией, а робот снаружи был из гладкого металла, и только.

— Поверхность слуги сделала Глэдия? — спросил Бейли.

— Да, — сказал Фастольф.

Он был явно доволен.

— Она воспримет как комплимент, что вы узнали ее работу. Она молодец, верно? Ее работы невероятно популярны, и она приносит пользу аврорскому обществу.

Разговор за столом был приятным, но незначительным. Бейли не настаивал на «деловой беседе», и, в сущности, предпочитал помалкивать и наслаждаться едой, и потому не мог решить, как подойти к делу, которое казалось бы ему основным пунктом проблемы с Джандером. Фастольф взял инициативу на себя:

— Поскольку вы упомянули о Глэдии, не могу ли я спросить, как получилось, что вы остались в ее доме, можно сказать в отчаянии, а вернулись преисполненные энтузиазма, энергии и сказали, что, возможно, имеете ключ к разгадке? Не узнали ли вы от Глэдии что-то новое и неожиданное?

— Да, — рассеянно ответил Бейли.

Он был весь поглощен десертом, хотя и не мог никак разобрать, из чего он состоит. Робот-лакей, видимо, понявший его жаждущий взгляд, поставил перед ним вторую порцию.

Никогда в жизни Бейли так не наслаждался процессом еды и впервые посетовал на физиологические ограничения, не позволяющие есть вечно. Он сам стыдился своих ощущений.

— И что же вы узнали? — терпеливо спросил Фастольф. — Что-то такое, чего я не знаю?

— Возможно. Глэдия сказала, что вы отдали ей Джандера полгода назад.

— Это я знаю. Именно так.

— Зачем? — резко спросил Бейли.

Любезное выражение лица Фастольфа медленно исчезало:

— А почему бы и нет?

— Я не знаю, почему нет, и это меня не интересует. Я спросил: зачем?

Фастольф не ответил.

— Доктор Фастольф, — продолжал Бейли, — я здесь для того, чтобы распутать этот злополучный клубок. Вы ничего не сделали, чтобы упростить дело. Вам как будто приятно показывать мне, насколько запутан этот клубок, и отвергать все, что

я мог бы считать возможным решением. Теперь я даже не надеюсь, что другие будут отвечать на мои вопросы. Я не имею официального статуса на этой планете и не имею права задавать вопросы и требовать ответа. А вы — другое дело. Я здесь по вашему вызову, я пытаюсь спасти вашу карьеру, как и свою, и, по вашей же оценке ситуации, спасти как Аврору, так и Землю. Следовательно, я надеялся, что вы ответите на мои вопросы честно и искренне. Прошу вас, не заводите меня в тупик, отвечая «почему бы и нет?», когда я спрашиваю «зачем?». Итак, давайте снова: «зачем?».

Фастольф угрюмо скривил губы:

— Простите меня, мистер Бейли, я только потому не сразу ответил, что та причина была не слишком драматичной. Глэдия здесь чужая. Она пережила психическую травму у себя на родине, как вам известно, пережила травму и здесь, что, может быть, вам и не известно…

— Известно. Пожалуйста, конкретней.

— Ну, я жалел ее. Она была одинока, и Джандер мог скрасить ее одиночество.

— Вы жалели ее? Так. Вы ее любовник или были им?

— Нет. Ничего подобного. Я никогда не думал об этом, и она тоже. Разве она сказала вам, что

мы были любовниками?

— Нет, но в любом случае мне нужны независимые сведения. Если будут противоречия, я скажу, так что вам нечего беспокоиться. Как случилось, что при вашей симпатии к ней вы не предлагали себя? Я слышал, что на Авроре предложить секс все равно, что поговорить о погоде.

Фастольф нахмурился:

— Вы ничего об этом не знаете. Не судите о нас по стандартам вашей планеты. Секс не является важным делом для нас, но мы осторожно пользуемся им и предлагаем его не так легко, как вам кажется. Глэдия, непривычная к нашему образу жизни и сексуально разочаровавшаяся на Солярии, вероятно, предлагала себя легко — лучше сказать — с отчаяния, и не удивительно, что не была довольна результатами.

— Вы не пытались улучшить дело?

— Предложив себя? Я не тот, кто ей нужен, и она не то, что нужно мне. Мне было жалко ее. Она мне очень нравится. Я восхищаюсь ее художественным талантом, и я хотел бы видеть ее счастливой. Вы, конечно, согласитесь, что симпатия одного порядочного человека к другому не обязательно основана на сексуальном желании. Разве вы сами никогда никому не симпатизировали, никогда

не хотели помочь человеку в несчастье просто из добрых чувств?

— Доктор Фастольф, я не сомневаюсь, что вы человек порядочный. Однако, вы играете со мной. Когда я первый раз спросил вас, зачем вы отдали Джандера Глэдии, вы не сказали мне того, что говорили сейчас, причем говорили заметно волнуясь. Вашим первым побуждением было увернуться, помедлить, протянуть время, ответить вопросом на вопрос. В конце концов, вы ответили, но почему этот вопрос вначале смутил вас? Простите мою настойчивость, но я должен знать, и поверьте, не из личного любопытства. Если то, что вы скажете мне, не пригодится в деле, считайте, что разговора не было.

Фастольф тихо сказал:

— Честно говоря, я и сам не знаю, почему парировал ваш вопрос. Вы неожиданно поставили меня перед чем-то, чего я, возможно, не хотел видеть. Дайте мне подумать.

Они некоторое время молчали. Слуга убрал со стола и вышел. Дэниел и Жискар, вероятно, охраняли дом. Мужчины были одни.

Наконец Фастольф сказал:

— Я не знаю, что должен сказать, но позвольте мне вернуться на несколько десятилетий назад.

У меня две дочери. Вы, наверное, это знаете. Они от разных матерей.

— А вы хотели бы иметь сыновей?

Фастольф был искренне удивлен:

— Отнюдь нет. Мать моей второй дочери хотела сына, как мне кажется, но я не дал согласия на искусственное оплодотворение отобранной спермой, пусть даже моей, а настаивал на естественном броске генетических игральных костей, потому что предпочитаю в жизни игру случая, а может быть, и потому, что надеялся на появление дочери. Понимаете, я принял бы и сына, но почему-то предпочитаю дочерей. Ну, так вот, моя половина произвела на свет дочь, и это стало одной из причин того, что вскоре после родов мать расторгла брак. Но с другой стороны, большой процент браков расторгается после родов в любом случае, так что, может, это и не было причиной.

— Она взяла ребенка с собой?

Фастольф ошеломленно взглянул на него:

— Зачем? Ох, я забыл, что вы с Земли. Конечно, нет. Ребенка должны были отдать в ясли, где за ним будет правильный уход, но моя дочь туда не попала, я решил взять ее себе.

Он сморщил нос, как бы смутившись:

— Это законно, но необычно. Я был совсем молод, не дошел еще до сотенной отметки, но уже заявил о себе в роботехнике.

— И вы справились?

— Вы имеете в виду, что я успешно воспитывал ее? Да. Я привязался к ней. Я назвал ее Василией. Это имя моей матери. У меня бывают порывы чувствительности, вроде любви к моим роботам. Я, конечно, никогда не видел своей матери, но ее имя было в моей карте. Она еще жива, насколько я знаю, так что я мог бы увидеть ее, но, по-моему, как-то неприятно встретиться с человеком, в чьем животе ты когда-то был… Так о чем я говорил?

— Что вы назвали дочь Василией.

— Да. Я взял ее к себе и в самом деле очень полюбил ее. Но, конечно, это смущало моих друзей, и я держал ее подальше от них, когда встречался с ними. Однажды, когда у меня был доктор Сартон, и мы разговаривали о самых ранних проектах программ для человекоподобных роботов, она прибежала в слезах и бросилась ко мне. Ей было всего семь лет. Я обнял ее и поцеловал, забыв о деле, что было совершенно непростительно. Сартон ушел, шокированный и крайне возмущенный. Только через неделю я смог возобновить с ним

контакт и закончить обсуждение. Дети не должны бы таким образом действовать на людей, я думаю, но у нас их мало, и их почти не видно.

— А ваша дочь Василия любила вас?

— Да. По крайней мере, до… Она очень любила меня. Я следил за ее учением и старался, чтобы мозг ее развился полностью.

— Вы сказали, что она любила вас до чего-то. Вы не докончили фразу. Значит, настало время, когда она перестала любить вас? Когда это случилось?

— Став достаточно взрослой, она захотела иметь свой дом. Это вполне естественно.

— А вы не хотели этого?

— Как не хотел? Конечно хотел. Вы, кажется, считаете меня чудовищем, мистер Бейли?

— Могу ли я предположить, что как только она достигла возраста, позволяющего иметь собственный дом, она уже не испытывала к вам тех чувств, какие, естественно, имела, пока жила в вашем доме и зависела от вас?

— Все гораздо сложнее. Видите ли…

Фастольф выглядел смущенным:

— Я отказал ей, когда она предложила мне себя.

— Она предложила себя вам?

Бейли в ужасе ахнул.

Это было вполне естественно, — небрежно сказал Фастольф. — Она знала меня лучше, чем кого-нибудь. Я инструктировал ее в сексе, поощрял к эксперименту, водил ее на Игры Эроса, словом, делал для нее все, что мог. Надо было предполагать, что может случиться, но я был так глуп, что не подумал об этом, и попал в ловушку.

— Но кровосмешение…

— Кровосмешение? Ах, да, это земной термин. На Авроре такой вещи нет, мало кто из аврорцев знает свою прямую родню. Естественно, если предполагается брак и просят разрешение иметь детей, тогда производится генеалогический розыск, но какое это имеет отношение к обычному сексу? Нет, неестественность в том, что я отказал собственной дочери.

Он покраснел, главным образом, покраснели его большие уши.

— Хотел бы надеяться, — пробормотал Бейли.

— У меня не было никакого приличного предлога, во всяком случае я ничего не мог объяснить Василии. С моей стороны было преступно не предвидеть такой вещи. Я должен был подготовить рациональные обоснования, чтобы оттолкнуть юное неопытное существо и при этом не ранить и не унизить ее. Мне было страшно стыдно, что я

принял на себя необычную ответственность, взяв в дом ребенка и подвергнув его такому неприятному опыту. Мне казалось, что мы могли бы сохранить наши отношения отца и дочери, быть друзьями, но она не соглашалась. Я отказал ей как мог ласково и нежно, но с тех пор между нами все пошло плохо. Наконец, она пожелала иметь собственный дом. Сначала я протестовал — не потому, что не хотел этого, а потому, что хотел наладить наши отношения до того, как она уйдет. Но я ничего не мог сделать. Это было, пожалуй, самое тяжелое время в моей жизни. Она настаивала на уходе, и я не мог ее задерживать. Тогда она уже была профессиональным роботехником — я очень рад, что она не бросила эту профессию из отвращения ко мне — и могла построить себе дом без моей помощи. Так она и сделала, и с тех пор между нами нет почти никаких контактов.

— Возможно, она не полностью отдалилась от вас, если не бросила роботехнику.

— Она лучше всего знала роботехнику и больше всего интересовалась ею. Это никак не связано со мной. Я знаю, потому что вначале тоже так думал и делал попытки к примирению, но они были отвергнуты.

— Значит, с ней вы допустили промах?

— Конечно, промахнулся. Это пример ошибочного решения — взять ребенка. Испытываешь необъяснимое побуждение, атавистическое желание, оно внушает ребенку сильнейшую любовь, а затем тебя самого ставит перед неизбежностью отказа, когда этот самый ребенок предлагает себя, и этот отказ эмоционально ранит девочку на всю жизнь. И вдобавок еще испытываешь не поддающееся описанию сожаление от ее отсутствия. Мы оба напрасно пострадали, и это целиком моя вина. Я никогда не ощущал такого ни до того, ни после.

Фастольф впал в задумчивость, и Бейли мягко спросил:

— Какую связь имеет это с Глэдией?

Фастольф вздрогнул:

— Ах, я и забыл. Так вот, все очень просто. То, что я сказал насчет Глэдии — правда. Мне она нравилась, я симпатизировал ей, восхищался ее талантом. Вдобавок она похожа на Василию. Я заметил это сходство, когда впервые увидел по гиперволне сообщение о ее прибытии с Солярии.

Он вздохнул:

— Когда я понял, что она, как и Василия, испытала эмоциональные потрясения от секса, это было больше, чем я мог вынести. Я устроил ей по-

близости жилище, как вы знаете, стал ее другом и делал, что мог, для облегчения ее адаптации к чуждому миру.

— Значит, она для вас в какой-то мере — замена дочери?

— Да, пожалуй. Вы не представляете, как я рад, что ей не пришло в голову предлагать мне себя. Оттолкнуть ее — это пережить то же самое, что с Василией, а принять еще хуже, поскольку я чувствовал бы, что сделал то, чего не сделал для родной дочери, что сделал ее, хоть и похожую на мою дочь, чужой. Теперь вы понимаете, почему я заколебался было вначале ответить вам. Ваш вопрос сразу напомнил мне трагедию моей жизни.

— А вторая ваша дочь?

— Ламин? — равнодушно сказал Фастольф. — Я никогда не контактировал с ней, хотя время от времени о ней слышу.

— Как я понял, она на политической работе?

— Да, у глобалистов.

— Что это такое?

— Глобалисты? Они заботятся только об Авроре, только о нашем шарике Аврорцы должны быть лидерами в заселении Галактики. Всем другим надо преграждать путь туда, особенно землянам. Они называют это «просвещенным эгоизмом».

— Вы, конечно, не согласны с нами?

— Конечно, нет. Я возглавляю партию гуманистов, которые считают, что все человеческие существа имеют право на участие в освоении Галактики. Когда я упоминал о своих врагах, я имел в виду глобалистов.

— Значит, Ламин — ваш враг.

— И Василия тоже. Она член Роботехнического Института Авроры (РИА), основанного несколько лет назад, и работающие там роботехники смотрят на меня как на демона, которого надо уничтожить любой ценой. Но мои бывшие жены, насколько мне известно, все вне политики, и, возможно, даже гуманисты.

Он криво усмехнулся:

— Ну, мистер Бейли, вы задали все вопросы, какие хотели?

Руки Бейли бесцельно пошарили по бокам свободных аврорских брюк в поисках карманов, но не нашли их. Пришлось в качестве компромисса сложить руки на груди.

— Да, доктор Фастольф. Но я вовсе не уверен, что вы ответите на первый вопрос. Мне кажется, вы все время обходите его. Зачем вы отдали Джандера Глэдии? Давайте в открытую, чтобы увидеть свет во тьме.

29

Фастольф снова покраснел, на этот раз, быть может, от гнева, но голос его звучал по-прежнему мягко:

— Не выводите меня из себя, мистер Бейли. Я вам ответил. Мне было жаль Глэдию, и я подумал, что Джандер составит ей компанию. С вами я говорил более откровенно, чем с кем-либо другим, во-первых, из-за своего положения, а во-вторых, потому, что вы не аврорец, и в ответ прошу соответствующего уважения.

Бейли прикусил губу. Он не на Земле, у него нет здесь официальной власти, а на карту поставлено больше, чем его профессиональная гордость.

— Извините, доктор Фастольф, если я задел ваши чувства. Я не имел намерения обвинить вас в неискренности или нежелании помочь. Тем не менее, я не могу действовать, не зная всей правды. Позвольте мне предположить ваш возможный ответ, каким я его вижу, и вы скажете, прав я частично или полностью не прав. Не могло быть так, что вы дали Джандера Глэдии, чтобы он служил для удовлетворения ее сексуальной потребности, и она, таким образом, не имела бы случая предлагать себя вам? Может быть, это не

было сознательной причиной, но подумайте об этом сейчас. Возможно ли, чтобы такая мысль содействовала подарку?

Фастольф как бы застыл. Только рука его схватила легкое прозрачное украшение, лежавшее на обеденном столе, и вертела его. Наконец он сказал:

— Так могло быть, мистер Бейли. Верно, что после того, как я одолжил ей Джандера — это не было настоящим подарком — я меньше опасался, что она предложит мне себя.

— Вам известно, что Глэдия пользовалась Джандером в сексуальных целях?

— А вы спрашивали ее об этом?

— Это не имеет отношения к моему вопросу. Вы знали? Были ли вы свидетелем каких-либо сексуальных действий между ними? Кто-нибудь из ваших роботов информировал вас о таком? Сама она говорила вам?

— На все эти вопросы я отвечу — нет. Я перестал думать об этом, потому что в этом нет ничего необычного. Правда, обыкновенные роботы не очень приспособлены для секса, но люди в этом отношении чрезвычайно изобретательны. Что же касается Джандера, то он настолько человекоподобен, насколько мы смогли этого достичь…

— Так что он мог бы быть партнером в сексе?

— Нет, это не приходило мне в голову. Была абстрактная задача сконструировать полностью человекоподобного робота, и мы с покойным доктором Сартоном выполнили ее.

— Но ведь такие роботы подходят для секса, не так ли?

— Я полагал — когда позволил себе подумать об этом — что да. Допускаю, что такая тайная даже для меня самого мысль была у меня с самого начала — что Глэдия прекрасно может пользоваться Джандером в этом отношении. Если это так, я надеюсь, что она получала удовольствие, и считал бы, что сделал для нее доброе дело.

— Не могло ли это дело быть более добрым, чем вы предполагали?

— В каком смысле?

— Что вы скажете, если я сообщу вам, что Джандер и Глэдия были мужем и женой?

Рука Фастольфа, державшая украшение, конвульсивно сжалась, а затем выпустила вещь.

— Что? Это же смешно. Это по закону невозможно. Детей быть не может, значит, немыслимо и просить на них разрешение, а без, такой просьбы не может быть брака.

— Дело не в законности, доктор Фастольф.

Глэдия солярианка, и у нее не аврорская точка зрения. Дело в эмоциях. Глэдия сама мне сказала, что считала Джандера мужем. Я думаю, что она считает себя его вдовой, и у нее новая травма, на сексуальной почве, и притом очень тяжелая, может, вы знаете, как на нее можно подействовать…

— Клянусь всеми звездами, не знаю. Что бы мне ни приходило в голову, я и представить себе не мог, что Глэдии придет в голову фантазия выйти замуж за робота, хотя и за человекоподобного.

Бейли кивнул и поднял руку.

— Я верю вам. Не думаю, чтобы вы были настолько прекрасным актером, чтобы обмануть меня притворной искренностью. Но я должен знать, была ли возможность…

— Нет, не было. Чтобы я предвидел такую ситуацию, чтобы по каким-то причинам намеренно создал это отвратительное вдовство? Ни в коем случае. Это немыслимо, и я этого не замышлял. Мистер Бейли, что бы я ни имел в виду, помещая Джандера в ее дом, я имел в виду благо. А этого я не имел в виду. Говорить о предполагаемом благе — плохая защита, я понимаю, но лучшей я не могу предложить.

— Ладно, оставим это. Но то, что я имею пред-

ложить, может оказаться решением проблемы.

Фастольф глубоко вздохнул и сел, как-то диковато взглянув на Бейли.

— Вы намекнули на это, вернувшись от Глэдии. Вы сказали, что у вас есть ключ к разгадке. Зачем же вы заставили меня пройти через все это?

— Мне очень жаль, но без «всего этого» ключ не имеет смысла.

— Ну, ладно, давайте насчет ключа.

— Так вот: Джандер оказался в положении, которое вы, величайший теоретик роботехники, не предвидели, по вашему собственному утверждению. Он был так приятен Глэдии, что она влюбилась в него и считала своим мужем. Что если, будучи приятным, он был также и неприятным ей?

— Я не вполне улавливаю.

— А вот смотрите. Она несколько скрытна в этом вопросе. Я слышал, что на Авроре сексуальный вопрос не та вещь, которую скрывают любой ценой.

— Мы не передаем этого по гиперволне, — сухо сказал Фастольф, — но не делаем из этого большей тайны, чем из других чисто личных дел. Мы обычно знаем, кто был чьим последним партнером, и в кругу друзей часто обсуждаем, насколько

хорош или плох тот или иной партнер, или они оба. Это просто случайная болтовня.

— Да, но вы ничего не знали о связи Глэдии с Джандером.

— Я подозревал…

— Это не одно и то же. Она вам ничего не говорила. Вы ничего не замечали. Ваши роботы вам ничего не сообщали. Она держала это в секрете даже от вас, своего лучшего друга. Ясно, что ее роботы получили приказ помалкивать о Джандере, да и сам Джандер наверняка был тоже проинструктирован соответственно.

— Я полагаю, что это правильное заключение.

— Почему она так сделала, доктор Фастольф?

— Наверное, по солярианской манере скрытности насчет секса.

— Иначе говоря, она стыдилась?

— У нее не было причин стыдиться, хотя намерение назвать Джандера мужем вызвало бы насмешку.

— Это она могла бы скрыть, не скрывая всего остального. Предположим, что она, как солярианка, стыдилась.

— Ну, и что из этого?

— Никто не радуется, если ему стыдно, и она могла упрекать Джандера за это — многие стре-

мятся свалить на кого-то вину за неприятности, в которых виноваты сами.

— Ну, и…

— Может быть, были случаи, когда вспыльчивая Глэдия разражалась слезами и упрекала Джандера, что он источник ее стыда и несчастья. Она могла быстро успокоиться и извиниться, но не считал ли Джандер, что он и в самом деле источник ее бед?

— Мог.

— Не мог ли Джандер думать, что, продолжая эти отношения, он делает ее несчастной, а отказавшись, тоже сделает ее несчастной? В обоих случаях он нарушает Первый Закон, и единственным решением может быть полное бездействие. И он вошел в умственное замораживание. Вы сами рассказывали мне о роботе-телепате, введенном в стасис роботехником.

— Сьюзен Келвин. Значит, вы смоделировали ваш сценарий по этой легенде. Очень изобретательно, но это не пойдет, Бейли.

— Почему?

— Допустим, что этот рассказ — не просто фантастическая легенда. Давайте примем ее всерьез. Но между ней и ситуацией Джандера нет параллели. Сьюзен Келвин имела дело с невероятно

примитивным роботом, какой в наше время не получил бы даже статуса игрушки. Он мог оперировать только такими понятиями: А — создает несчастье, не-А — создает несчастье. Отсюда умственное замораживание. А любой современный робот сравнивает, какая из двух ситуаций — А или не-А — наносит больше вреда и быстро выбирает меньшее зло. Шанс, что он сочтет альтернативы абсолютно равными, ничтожен, но даже в таком случае современный робот снабжен фактором случайного выбора и выбирает наугад, совершенно непредсказуемым образом, А или не-А, и следует ему, не задумываясь. Он не придет к идее умственного замораживания.

— Значит, сам Джандер не мог прийти к нему. Но вы говорили, что в ы могли бы произвести это.

— В случае человекоподобного позитронного мозга есть способ отвести фактор случайного выбора, и он целиком зависит от конструкции этого мозга. Даже если вы знаете базисную теорию, это очень длительный и трудный процесс — сбить, так сказать, робота с пути ловко направленными вопросами и приказами, которые в конечном счете приведут к замораживанию. Случайно этого сделать нельзя, и простое наличие видимого про-

тиворечия в одновременных чувствах любви и стыда не сработает без тщательной количественной подгонки в самых необычных условиях. Мы остаемся, как я уже говорил, с неопределенным шансом как единственной возможностью.

— Но ваши враги обвиняют вас в этом. Не можем ли мы утверждать, что Джандер впал в умственное замораживание из-за конфликта, вызванного любовью и стыдом Глэдии? Будет ли это звучать правдоподобно?

— Мистер Бейли, вы слишком нетерпеливы. Подумайте серьезно. Если мы попробуем выйти из положения таким бесчестным способом, каковы будут последствия? Не говоря уже о стыде и горе, которые это принесет Глэдии, она еще будет страдать не только от потери Джандера, но и от сознания, что она сама виновата в этой потере, если она в самом деле стыдилась и говорила ему об этом. Я бы не хотел этого, так что давайте оставим это, если можно. Кроме того, мои враги могут сказать, что я именно для того и отдал ей Джандера, чтобы свалить на нее все, что случилось. Они скажут, что я сделал это для проверки метода умственного замораживания и отвел от себя всякую ответственность. Мы окажемся в худшем положении, чем сейчас, потому что меня

обвинят не только в интриганстве, но и в чудовищно непорядочном поведении по отношению к ничего не подозревавшей женщине, другом которой я себя называл.

Бейли пожал плечами:

— Они не могут…

— Могут. Вы сами были почти склонны так думать всего несколько минут назад.

Бейли покраснел и, не глядя на Фастольфа, сказал:

— Вы правы, я не подумал, и теперь могу только просить у вас извинения. Мне очень стыдно. Видимо, единственный путь — правда, если мы сможем обнаружить ее.

— Не отчаивайтесь. Вы уже открыли события, о которых я никогда не думал. Вы можете открыть больше, и постепенно вся тайна станет для нас явной. Какой следующий шаг вы собираетесь сделать?

От стыда за пережитое фиаско Бейли не мог ни о чем думать

— Не знаю.

— Ну, с моей стороны нетактично об этом спрашивать. У вас был долгий и трудный день. Неудивительно, что ваш мозг чуточку заторможен. Не лучше ли отдохнуть, посмотреть фильм

и лечь спать? Утром вам будет лучше.

— Наверное, вы правы.

Бейли кивнул. Но он не думал, что утром ему будет сколько-нибудь лучше.

30

В спальне было холодно, и Бейли поежился. Почти так же, как и снаружи. Стены были почти белые, без всяких украшений, что казалось необычным для дома Фастольфа. Пол, казалось, был сделан из слоновой кости, но под босой ногой ощущался ковер. Кровать была белая, одеяло гладкое, на ощупь холодное. Бейли сел на край матраца и заметил, что он почти не проминается под его тяжестью. Потом он вдруг заметил, что матрац начал медленно проваливаться под ним и уже наполовину обернул его бедра.

Он резко встал.

— Дэниел, нельзя ли согреть комнату?

— Вам станет теплее, когда вы ляжете под одеяло и выключите свет, коллега Илайдж.

— Ага…

Бейли с подозрением огляделся.

— Может, вы выключите свет и останетесь пока здесь?

Свет исчез, и Бейли понял, что его впечатление

о ничем не украшенной комнате совершенно ошибочно. Как только стало темно, он почувствовал себя вне помещения: слабый шелест листвы, приглушенные звуки, издаваемые живыми существами, иллюзия ночного неба с редкими облаками.

— Включите свет, Дэниел!

Комната осветилась.

— Дэниел, я не хочу ничего этого — ни звезд, ни облаков, ни звуков, ни ветра, ни запаха. Я хочу темноты, полной темноты. Можно это устроить?

— Конечно.

— Вот и сделайте. И покажите мне, как выключить свет, когда я захочу спать.

— Я здесь, чтобы защитить вас.

— Вы можете это делать и за дверью, — ворчливо сказал Бейли. — Уверен, Жискар наверняка где-то под окнами — если за шторами действительно есть окна.

— Да, там окна. А за порогом, коллега Илайдж, вы обнаружите туалет. Эта часть стены нематериальна, вы легко пройдете через нее. Свет там включится, когда вы войдете, и выключится, когда выйдете. Никаких декораций там нет. Там вы можете побриться и сделать все, что нужно до или после сна. Что же касается освещения

комнаты — в изголовье постели есть углубление. Положите в него палец, и свет выключится или включится.

— Спасибо. Теперь вы можете уйти.

Через полчаса он уже лежал под одеялом в теплых объятиях темноты. Да, день был долгим. Трудно поверить, что он только что сегодня утром прибыл на Аврору. Узнал он многое, но оно не дало ему ничего хорошего. Он лежал и перебирал все события дня в надежде, что в памяти всплывет что-то упущенное им раньше, но ничего не всплыло.

Но и пережитого за день вполне достаточно для спокойно рассуждающего, проницательного, хитроумного Бейли из гиперволнового фильма.

Вообще-то не стоило сейчас питаться усталым, жаждущим сна мозгом, перебирать снова все события дня, но он не мог удержаться. Он мысленно проследовал от космопорта до дома Фастольфа, потом до дома Глэдии и обратно к Фастольфу.

Глэдия стала еще красивее, но в ней появилось что-то суровое. Может, она просто освободилась от своей защитной раковины, бедняжка. Он тепло подумал о ее реакции на то давнее прикосновение к его щеке. Если бы он мог остаться с ней, он научил бы ее… Идиоты аврорцы… отвратитель-

но-небрежное отношение к сексу… К Фастольфу, к Глэдии, снова к Фастольфу… что-то было незначительное, несущественное, глупое.

Он слегка пошевелился. И снова обратился мыслями к Фастольфу. К Фастольфу… Что произошло, когда он возвращался к Фастольфу? Что-то было сказано?

И на корабле перед посадкой на Аврору… что-то подходящее к теме его размышления.

Бейли был в фантастическом мире полусна, когда мозг освобождается и следует собственному закону, подобно тому как летящее тело парит в воздухе, освобожденное от гравитации.

Затем ему показалось, что он слышит какой-то звук. Он проснулся, прислушался, ничего не услышал и снова погрузился в полусон, чтобы вместе попытаться ухватить непослушную мысль, но она ускользнула.

Она была, как вещь, погруженная в болото. Он видел ее контуры, ее цвет, но они тускнели, и, как он ни тянулся за ней, она ушла окончательно, и он не мог ничего вспомнить, вообще ничего.

Была ли то действительно нужная мысль или просто иллюзия, рожденная в засыпающем мозгу? Он ведь и в самом деле спал. Проснувшись ненадолго ночью, он подумал, что его

осенила идея, важная идея, но он ничего не мог вспомнить, кроме того, что что-то такое было. Некоторое время он глядел в темноту. Если что-то было, оно со временем вернется; а может, и не вернется. Он снова заснул.

Глава 8
Фастольф и Василия

31

Бейли, вздрогнув, проснулся и с подозрением втянул в себя воздух. Слабый, непонятный запах, который тут же исчез. Рядом с кроватью стоял Дэниел:

— Надеюсь, вы хорошо спали, коллега Илайдж?

Бейли огляделся. Шторы были еще опущены, но явно был уже день. Жискар разложил перед Бейли одежду, сильно отличавшуюся от той, в которой тот был вчера.

— Вполне пойдет, Дэниел, — ответил Бейли. — Что меня разбудило?

— В воздухе был распылен антисемнин. Он активизирует пробуждающую систему. Мы дали дозу меньше обычной, так как не были уверены в вашей реакции.

— Это вроде пинка в зад, — сказал Бейли. — Который час?

— 07.05 по аврорскому времени. Завтрак будет

готов через полчаса.

Бейли встал. Жискар тут же начал снимать с кровати постельное белье.

— Могу я получить вашу пижаму, сэр?

Бейли поколебался, но всего лишь на секунду. Это же просто робот! Бейли разделся и отдал пижаму Жискару.

Бейли с неудовольствием оглядел себя. Тело человека средних лет, но выглядит хуже, чем тело Фастольфа, который почти втрое старше Бейли.

Он машинально поискал шлепанцы, но их не было. Видимо, это не считалось нужным, пол был теплый и мягкий. Бейли вошел в туалет и снова ему пришло в голову, как выгодно отличается он от земного, и как легко привыкнуть к этим удобствам. Он подумал, что это баловство, но надеялся, что земляне, заселив новые миры, не будут придерживаться концепции общественного туалета. «Возможно, — подумал он, — так и следует определять баловство: то, к чему легко привыкнуть». Он вышел, вымытый и гладко выбритый, и начал одеваться с помощью Жискара.

— Я вижу, Дэниел, что вы с Жискаром все еще ходите за мной по пятам Разве есть признаки попытки помешать мне в выполнении моей задачи?

— Пока нет, — ответил Дэниел, — но разумнее мне и Жискару быть с вами все время На всякий случай.

— Зачем, Дэниел?

— По двум причинам. Во-первых, мы можем помочь вам во всем, что касается обычаев и культурных традиций Авроры, с которыми вы незнакомы Во-вторых, друг Жискар записывает все разговоры, какие вы ведете Это может вам пригодиться. Вы помните, что во время вашей беседы с доктором Фастольфом и мисс Глэдией друг Жискар и я были в другой комнате.

— Значит, этот разговор не записан?

— Вообще-то записан, но с меньшей точностью Некоторые его части не так ясны, как нам хотелось бы Лучше, если бы мы оставались рядом с вами

— Вы думаете, что мне легче считать вас гидами и записывающими аппаратами, а не стражами' Почему бы не прийти к заключению, что как стражи вы мне вовсе не нужны? Поскольку никаких покушений на меня не было, почему не предположить, что их и не будет?

— Нет, коллега Илайдж, это было бы неосторожно Доктор Фастольф чувствует, что его враги относятся к вам с большой опаской. Они пыта-

лись убедить Председателя не давать доктору Фастольфу разрешения на вызов вас сюда и наверняка станут убеждать его отправить вас обратно за Землю как можно скорее.

— При такой мирной оппозиции охрана не нужна.

— Да, сэр, но оппозиция имеет основание бояться, что вы реабилитируете доктора Фастольфа, и может решиться на крайние меры В конце концов, вы не аврорец, и запрет на применение насилия на нашей планете будет в случае с вами слабее

— Я здесь уже целый день, и не случилось ничего такого. Значит, угроза не так уж велика С другой стороны, если я добьюсь хоть какого-то успеха, опасность для меня тут же возрастет.

— Логичный вывод, — подумав, сказал Дэниел.

— Следовательно, вы и Жискар будете ходить за мной, куда бы я ни пошел, как раз на тот случай, если результаты моей работы окажутся хотя бы ненамного лучше.

Дэниел помолчал

— Ваша манера говорить несколько сбивает меня с толку, но похоже, что вы правы

— В таком случае, я готов завтракать, хотя попытка убийства, как альтернатива провала

замыслов моих недругов, портит мне аппетит

32

Фастольф улыбнулся Бейли через стол.

— Хорошо спали, мистер Бейли?

Бейли с недоумением смотрел на ломоть ветчины. Его надо было резать ножом. С одного его края была узкая полоска сала. Короче говоря, ломоть не был зажарен Все равно, что прямо есть свинью

Была тут и яичница: желток лежал полусферой в центре, а вокруг шел белок, больше похожий на ромашки, которые Бен показывал Бейли в поле там, на Земле.

Умом Бейли понимал, что яйцо как яйцо, с белком и желтком, только приготовленное для употребления в пищу, но он никогда не видел, чтобы их разделяли перед тем, как есть. Даже на корабле, даже на Солярии подавали яичницу-болтунью. Он взглянул на Фастольфа:

— Простите, вы что-то спросили?

— Хорошо ли вы спали? — терпеливо повторил Фастольф.

— Да, вполне. Наверное, я спал бы и сейчас, если бы не антисемнин.

— Да. Не слишком вежливо будить гостя, но я

подумал, что вы захотите начать пораньше.

— Вы совершенно правы. К тому же, я не совсем гость.

Фастольф некоторое время ел молча, потом спросил:

— Ночью к вам не пришло никакого озарения? Может, вы проснулись с новой перспективой, с новыми мыслями?

Бейли с подозрением покосился на Фастольфа, но его лицо не выражало никакой насмешки.

— Боюсь, что нет, — ответил он. — Я столь же беден идеями, как был и в прошлую ночь.

Он отхлебнул из чашки и невольно поморщился.

— Простите, — сказал Фастольф, — невкусно?

Бейли хмыкнул и осторожно отхлебнул снова

— Это обычный кофе, лишенный кофеина, — сказал Фастольф.

— Что-то не похоже на кофе. Простите меня, доктор Фастольф, но у нас с Дэниелом только что был полушутливый разговор насчет опасности для меня — полушутливый, конечно, только с моей стороны, но сейчас я подумал, что мне могли дать это…

Он смущенно умолк.

Фастольф поднял брови. Бормоча извинения и

улыбаясь, он зачерпнул чайной ложкой немного кофе из чашки Бейли и попробовал:

— Абсолютно нормальный кофе, мистер Бейли. Попытки отравления нет. Но действительно, популярный во всех мирах кофе везде готовится по-разному. Известно, что каждый предпочитает кофе собственного мира. Может, вы предпочитаете молоко? Оно более или менее одинаково всюду. Или фруктовый сок? На Авроре соки много лучше, чем на других планетах. Может, воды?

— Я попробую сок, — сказал Бейли.

Он с сомнением глядел на кофе:

— Но, полагаю, что все-таки должен привыкнуть к кофе.

— Ну зачем же, раз он вам неприятен, — сказал Фастольф. — Итак, ночь и сон не навели вас на полезные мысли?

Его улыбка стала чуть напряженной, когда он вернулся к прежней теме.

— К сожалению, нет. Хотя…

— Да?

— У меня такое впечатление, что перед тем, как уснуть, в состоянии между сном и бодрствованием было что-то такое.

— А именно?

— Не знаю Мысль разбудила меня, но не по-

следовала за мной Я цеплялся за нее, но так и не поймал. Думаю, что в такой вещи нет ничего необычного.

Фастольф задумался:

— Вы в этом уверены?

— Не вполне. Мысль была такой смутной и исчезла так быстро, что я даже не уверен, была ли она. Но даже если и была, вполне возможно, что она казалась осмысленной только в полусне.

— Но даже и беглая мысль должна была оставить след.

— Я тоже так думаю В этом случае, она вернется. Я верю в это.

— И мы должны ждать?

— А что еще остается?

— Существует такая вещь, как психозонд.

Бейли некоторое время смотрел на Фастольфа:

— Я слышал о нем, но на Земле в полицейской работе им не пользуются.

— Но мы не на Земле, мистер Бейли.

— Это может повредить мозг. Правильно?

— В умелых руках — не обязательно.

— Но возможно, — сказал Бейли. — Насколько мне известно, на Авроре применяют это лишь в крайнем случае. Человек должен быть виновным в тяжком преступлении или…

— Да, мистер Бейли. Но это относится к авроркам, а вы не аврорец.

— Вы хотите сказать, что с землянином можно обращаться как с нечеловеком?

Фастольф улыбнулся и развел руками:

— Послушайте, мистер Бейли. Вчера вы предлагали решить проблему, поставив Глэдию в ужасное, трагическое положение. Я хотел бы знать, пойдете ли вы на то, чтобы рискнуть собой?

Бейли с минуту молчал, а затем сказал изменившимся голосом:

— Вчера я был неправ и признал это. Что же касается этого дела, то нет уверенности, что моя полусонная мысль содержала какое-то решение проблемы. Она могла быть чистой фантазией, аналогичной бессмыслицей, а могло вообще не быть никакой мысли Считаете ли вы разумным ради такой маловероятной цели рискнуть повреждением моего мозга, от которого зависит, как вы сами говорили, решение вашего дела?

Фастольф кивнул:

— Вы красноречиво защищаетесь, но я говорил не всерьез.

— Спасибо

— Ну, что будем делать сейчас?

— Первым делом я хотел бы еще раз поговорить с Глэдией. Нужно прояснить некоторые пункты.

— Вы могли сделать это вчера.

— Мог бы, но их больше, чем я мог правильно понять это вчера, и кое-что от меня ускользнуло. Я детектив, а не неутомимый компьютер.

— Да я сказал не в смысле порицания. Просто мне неприятно, когда Глэдию тревожат зря. Судя по тому, что вы вчера мне говорили, Глэдия в состоянии глубокой депрессии.

— Без сомнения. Но она страстно желает знать, кто убил Джандера. Это вполне понятно. Я уверен, что она захочет помочь мне. И я также хочу поговорить еще кое с кем.

— С кем?

— С вашей дочерью Василией.

— Это еще зачем?

— Она роботехник. А я хотел бы поговорить не только с вами, но и с другими роботехниками.

— А я не желаю этого, мистер Бейли. Завтрак был окончен, и Бейли встал:

— Доктор Фастольф, еще раз напоминаю вам, что я здесь по вашему приглашению. У меня нет здесь официальной власти для полицейской работы. Я не имею связи с аврорскими властями. Единственный шанс для меня узнать подоплеку

этого злосчастного дела — это надежда, что разные люди добровольно захотят сотрудничать со мной и ответить на мои вопросы. Если вы будете останавливать меня в моих попытках, то ясно, что я не сдвинусь с мертвой точки. Это будет плохо как для вас, так и для Земли, поэтому я требую, чтобы вы не вставали мне поперек дороги. Если вы сделаете возможным для меня встречу с теми, с кем я хочу поговорить или хотя бы попытаетесь сделать это возможным, люди Авроры наверняка увидят в этом признак вашей невиновности. И наоборот, если вы станете препятствовать моему расследованию, не сочтут ли они, что вы виновны и боитесь разоблачения?

Фастольф сказал с плохо скрываемым раздражением:

— Я понимаю это. Но почему обязательно Василия? Есть и другие роботехники.

— Она ваша дочь. Она знает вас. Она может иметь точное мнение насчет вашей возможности уничтожить робота. Поскольку она член РИА и сторонница ваших политических врагов, любое ее благоприятное мнение может быть убедительным.

— А если она выскажется против меня?

— Тогда и посмотрим. Так вы попросите ее

принять меня?

— Я окажу вам содействие, — покорно сказал Фастольф, — но вы напрасно думаете, что я легко уговорю ее встретиться с вами. Она может быть очень занята — или так скажет. А может, ее и нет на Авроре. Может, она не захочет впутываться в это дело. Я объяснял вам вчера, что у нее есть — как она думает — причины относиться ко мне враждебно, поэтому на мою просьбу принять вас она может ответить отказом просто из нерасположения ко мне.

— Но вы все-таки попробуйте, доктор Фастольф.

Фастольф вздохнул:

— Я попытаюсь, пока вы будете у Глэдии. Вы, наверное, хотите видеть ее лично? А то я мог бы устроить свидание по трехмерке. Изображение достаточно высокого качества. Вы даже не заметите, что это не личное присутствие.

— Я знаю. Но Глэдия — солярианка, и у нее неприятные ассоциации с трехмерным изображением. Да и в любом случае, я считаю, что личное общение повышает конечный результат встречи. Ситуация настолько деликатная, а затруднений так много, что я хотел бы иметь гарантию этой добавочной эффективности.

— Ладно, я скажу Глэдии. Только, мистер Бейли…

— Да?

— Вчера вы говорили, что ситуация слишком серьезна, чтобы обращать внимание на связанные с ней неудобства для Глэдии, поскольку на карту поставлено очень многое.

— Так-то оно так, но поверьте, я не буду расстраивать ее без надобности.

— Я сейчас говорю не о Глэдии. Я просто предупреждаю вас, что ваша в основном правильная точка зрения должна распространяться и на меня. Я не рассчитываю, что вы будете заботиться о моих удобствах или о моей гордости, если вам повезет встретиться с Василией. Я не знаю результатов, но перенесу любые неприятные последствия этого разговора, и вы не старайтесь щадить меня. Понимаете?

— Честно говоря, доктор Фастольф, у меня никогда не было намерения щадить вас. Если бы мне пришлось выбирать между неприятностями или позором для вас и процветанием вашей политики и моей планеты, я без колебаний опозорил бы вас.

— Прекрасно! Но все это должно распространиться и на вас. Ваши удобства не должны

загораживать вам путь.

— Их никто не принимает во внимание, раз уж меня привезли сюда, не спросив моего мнения.

— Я имел в виду кое-что другое. Если вы, по прошествии разумного срока — не долгого, а разумного — не продвинетесь в решении, мы рассмотрим возможность психозондирования. Это будет наш последний шанс.

— Это может ничего не дать.

— Согласен. Но, как вы недавно сказали по поводу Василии — тогда и посмотрим.

Он повернулся и вышел.

Бейли задумчиво смотрел ему вслед.

Теперь ему казалось, что если у него наметится успех в расследовании, то ему будет грозить физическое воздействие — неизвестно, какое именно, но, вероятно, опасное. Если же успеха он не добьется, ему грозит психоанализ, который едва ли лучше.

— О, дьявол! — пробормотал он.

33

Путь к Глэдии показался ему короче, чем накануне. День был такой же теплый и приятный, но кругом все выглядело совсем иначе.

Солнце светило с другой стороны, и цвета каза-

лись другими. Может, растения утром и вечером выглядят по-разному или пахнут по-другому? Наверное, и на Земле так же.

Дэниел и Жискар опять сопровождали его, но шли ближе к нему и казались менее настороженными.

— Здесь всегда такое яркое солнце? — спросил Бейли.

— Нет, — ответил Дэниел. — Это было бы губительным для растений. Сегодня, например, предсказывали в дневное время облачность.

На этот раз Глэдия не встречала их в дверях, хотя и ждала. Когда робот провел их в дом, она не встала, только устало сказала:

— Доктор Фастольф сказал мне, что вы придете. Что на этот раз?

На ней было туго облегавшее платье, и было заметно, что под ним ничего нет.

Волосы ее были откинуты назад, лицо бледное. Она осунулась со вчерашнего дня и было видно, что мало спала.

Дэниел, не забывший, что было накануне, не вошел в комнату, Жискар же вошел, внимательно осмотрелся и удалился в стенную нишу. В другой нише стоял один из роботов Глэдии.

— Мне страшно жаль, Глэдия, — сказал Бей-

ли, — что я опять докучаю вам.

— Я забыла вчера сказать вам, что когда Джандера сожгут, останки его пойдут на фабрику роботов. Значит, каждый раз, когда я увижу нового робота, я буду думать, много ли в нем атомов от Джандера.

— И мы, когда умираем, проходим новый цикл, — сказал Бейли, — и кто знает, сколько и чьих атомов в вас или во мне, и сколько и в ком будет наших в свое время.

— Вы совершенно правы, Илайдж, и вы напомнили мне, как легко философствовать по поводу чужих несчастий.

— Это тоже правильно, Глэдия, но я пришел не философствовать. Я пришел задавать вопросы.

— Вам мало вчерашнего? Или вы придумали новые?

— В какой-то мере — да. Вчера вы говорили, что пока вы жили с Джандером, как жена с мужем, некоторые мужчины предлагали вам себя, а вы отказывали. Вот насчет этого я и должен спросить. Сколько было этих мужчин?

— Я не веду записей. Трое или четверо.

— Кто-нибудь из них настаивал, возобновлял свои предложения?

Глэдия, до этого отводившая глаза, посмотрела

прямо на Бейли:

— Вы спрашивали об этом других?

Бейли покачал головой:

— Я ни с кем не говорил об этом, кроме вас. Однако, из вашего вопроса я делаю вывод, что по крайней мере один был настойчивым.

— Один. Сантирикс Гремионис.

Она вздохнула:

— У аврорцев такие странные имена, и он сам странный… для аврорца. Я никогда не встречала такого, как он, без конца повторяющего свои неудавшиеся попытки. Он держался всегда вежливо, принимал мой отказ с легкой улыбкой и поклоном, а на следующей неделе, а то и на другой день, как ни в чем не бывало возобновлял попытки. Вообще повторять это из раза в раз — несколько невежливо. Порядочный аврорец должен принять отказ и не настаивать на своем до тех пор, пока предполагаемая партнерша не даст ясно понять, что переменила мнение.

— Еще раз спрошу: те, кто предлагал вам себя, знали о ваших отношениях с Джандером?

— Это не та вещь, о которой я стала бы упоминать в случайном разговоре.

— Ну, ладно, а этот Гремионис, в частности, — он знал?

— Я ему не говорила.

— Не увиливайте, Глэдия. Не обязательно было говорить. В противоположность другим, он возобновлял свои предложения. Сколько раз, кстати, он это делал?

— Я не считала. Может, десять раз, может больше. Не будь он приятным человеком в других отношениях, я приказала бы роботам не пускать его в дом.

— Ага, но вы не приказали. Поэтому у него было время сделать многократные предложения. Он приходил к вам. Он мог увидеть Джандера и ваше обращение с ним. Мог он угадать ваши отношения?

— Не думаю. Джандер никогда не появлялся, когда я бывала с человеком.

— По вашим инструкциям?

— Да. Не потому, что я стыдилась этих отношений, а просто я не хотела ненужных осложнений. У меня остался какой-то инстинкт интимности секса, чего нет у аврорцев.

— Подумайте — все-таки. Не мог ли он догадаться? Влюбленный мужчина…

— Влюбленный?

Глэдия фыркнула:

— Что аврорцы знают о любви?

— Хорошо, мужчина, считавший себя влюбленным. Вы не отвечали ему тем же. Чутье и подозрительность отвергнутого любовника могли подсказать ему причину. Он никогда не намекал на Джандера?

— Нет. Для аврорца неслыханное дело — обсуждать сексуальные предпочтения или привычки человека.

— Не обязательно обсуждать. Мог, скажем, комментировать с юмором.

— Нет. Если бы Гремионис сказал хоть словечко об этом, я перестала бы принимать его в своем доме. Ничего такого не было. Он был сама вежливость.

— Сколько ему лет?

— Примерно, как и мне — тридцать пять, может, даже года на два моложе.

— Мальчик, — печально сказал Бейли, — даже моложе меня. Но в этом возрасте… Он мог догадаться насчет Джандера, но ничего не сказать. Может, он ревновал?

— Ревновал?

Бейли подумал, что на Авроре и на Солярии это слово может иметь мало значения.

— Ну, злился, что вы предпочитаете другого.

— Я знаю значение этого слова, — резко сказала

Глэдия. — Я только удивилась, что вы считаете аврорцев способными ревновать. В сексе не ревнуют. В чем-то другом — да, но что из этого? Что он мог сделать?

— Не мог ли он сказать Джандеру, что близкие отношения с роботом ухудшают ваше положение на Авроре?

— Но это же неправда!

— Джандер мог поверить, если бы ему сказали, что он вредит вам…

— Джандер не поверил бы. Он делал меня счастливой, он был моим мужем, и я ему говорила это.

— Я не сомневаюсь, что он верил вам, но его могли заставить поверить и в противоположное. Если он оказался перед непереносимой дилеммой Первого Закона…

Лицо Глэдии исказилось

— Вы повторяете старую сказку о Сьюзен Келвин и роботе-телепате, в которую никто старше десяти лет не верит. Этого не может быть. Я с Солярии, и знаю о роботах достаточно. Нужны невероятные знания, чтобы парализовать в роботе узлы Первого Закона. Это мог бы сделать доктор Фастольф, но никак не Сантирикс Гремионис. Гремионис — создатель стилей. Он работает

на людей. Он изобретает прически, конструирует одежду. Я делаю то же самое, но только для роботов, а Гремионис никогда не занимался роботами. Он ничего не знает о них и умеет только приказать закрыть окно или сделать еще что-нибудь вроде этого. А вы хотите убедить меня, что смерть Джандера произошла из-за наших с ним отношений?

— Вы могли этого не знать, — сказал Бейли.

Он рад был бы прекратить допрос, но не мог.

— А что, если Гремионис узнал от доктора Фастольфа, как это сделать…

— Гремионис не знает доктора Фастольфа, и ничего не понял бы из его объяснений.

— Ну, вы же можете этого не знать. А что касается знакомства с доктором Фастольфом, то ведь Гремионис часто бывал у вас.

— Но доктор Фастольф почти не бывал у меня в доме. Вчера, когда он пришел с вами, он во второй раз переступил мой порог. Он боялся быть слишком близко, чтобы я не потянулась к нему. Он сам однажды в этом признался. Он таким образом потерял дочь — глупость какая-то. Видите ли, когда живешь несколько столетий, у тебя куча времени, чтобы пережить тысячи потерь. Радуйтесь своей короткой жизни.

Она заплакала.

Бейли беспомощно смотрел на нее.

— Простите меня, Глэдия. У меня нет больше вопросов. Могу ли я позвать робота? Может, вам нужно помочь?

Она покачала головой.

— Просто уйдите, — сказала она сдавленным голосом. — Уходите.

Бейли вышел. Жискар шел следом. Когда они вышли из дома, к ним присоединился Дэниел. Бейли почти не заметил этого.

Он рассеянно подумал, что начал принимать присутствие роботов, как должное, как свою тень, и что скоро будет чувствовать себя без них как бы голым.

Он быстро шел к дому Фастольфа, и мысли его путались. Сначала его желание увидеть Василию возникло от безнадежности, от отсутствия других объектов для проведения расследования, теперь же все изменилось. Появился шанс, что он встретился с чем-то жизненно-важным.

34

Лицо Фастольфа было мрачно нахмурено, когда Бейли вернулся.

— Есть какой-нибудь прогресс? — осведомился

Фастольф.

— Я исключил, кажется, одну часть возможности.

— Часть возможности? А как вы исключите остальное, и как вы установили возможность?

— Я обнаружил, что исключить возможность нельзя, и начал ее устанавливать.

— А если вы обнаружите, что нельзя исключить вторую часть возможности, на которую вы так таинственно намекаете?

Бейли пожал плечами:

— Прежде чем обсуждать это, я должен повидаться с вашей дочерью.

— Ну, мистер Бейли, я выполнил вашу просьбу и попробовал связаться с ней. Пришлось ее разбудить.

— Вы хотите сказать, что она на ночной стороне планеты? — огорченно спросил Бейли. — Боюсь, что я глуп и воображаю, что я у себя на Земле. Там в подземных городах день и ночь теряют свое значение, и установлено единое для всей планеты время.

— Неплохо. — Помолчав, Фастольф продолжил: — Эос — центр роботехники, и очень немногие работники живут в других местах. Василия просто спала, и настроение ее не улучшилось от того,

что ее разбудили. Она не пожелала говорить со мной.

— Давайте еще раз.

— Я говорил с ее роботом-секретарем, и неудобно теперь менять сообщение. Василия ясно дала понять, что со мной говорить не будет. По отношению к вам она оказалась более уступчивой. Робот сообщил, что она даст вам пять минут на ее частной трехмерке, если вы вызовете ее через полчаса.

Он взглянул на часы:

— Личной встречи с вами не будет ни в коем случае.

— Условия не подходят, и время тоже. Я должен видеть ее лично и на тот промежуток времени, какой понадобится. Вы объяснили ей важность дела?

— Я пытался. Она не согласилась. Она изменит свое решение для кого угодно, только не для меня. Я это знал, и поэтому напустил на нее Жискара.

— Почему Жискара?

— Он ее любимец. Когда она изучала роботехнику в университете, я позволил ей скорректировать некоторые мелкие особенности его программы, а это больше всего сближает человека с роботом, исключая метод Глэдии, разумеется, и Жискар

стал как бы Эндрю Мартином.

— Кто это такой?

— Вы не слышали о нем?

— Нет.

— Странно! Все наши древние легенды мы унаследовали от Земли, а на Земле их, оказывается, не знают. Эндрю Мартин был робот, который постепенно становился человекоподобным. Конечно, человекоподобные роботы были и до Дэниела, но это были просто игрушки, чуть получше автоматов. Тем не менее, легенды рассказывали потрясающие истории о способностях Эндрю Мартина — явный признак фантастической природы легенд. Там говорилось о женщине, которую обычно звали Маленькая Мисс. Я уверен, что каждая девочка на Авроре мечтала быть Маленькой Мисс и иметь такого робота, как Эндрю Мартин. Василия тоже мечтала, и ее Эндрю Мартином был Жискар.

— Ну, и что дальше?

— Я попросил ее робота передать ей, что вы придете с Жискаром. Она несколько лет не видела его, и я подумал, что в этом случае она, может быть, согласится встретиться с вами.

— Но не вышло?

— Не вышло.

— Тогда нам надо придумать что-то другое. Должен же быть какой-то способ.

— Может, вы и придумаете, — сказал Фастольф, — за пять минут свидания по трехмерке.

— Что можно сделать за пять минут?

— Не знаю. Но это все же лучше, чем ничего.

35

Через пятнадцать минут Бейли стоял перед трехмерным экраном, готовый к встрече с Василией. Доктор Фастольф ушел, сказав с кривой улыбкой, что его присутствие только ухудшит дело. Дэниела тоже не было, компанию Бейли составлял только Жискар.

— Готов, — угрюмо ответил Бейли.

Он отказался сесть, думая, что стоя будет выглядеть более импозантно, хотя разве землянин может быть импозантным?

Экран осветился. Появилась женщина.

Рука ее опиралась на стол, заваленный чертежами. Она тоже явно хотела выглядеть импозантной.

На ней была темно-коричневая юбка—брюки и плотно прилегавшая, так же низко вырезанная безрукавка. Светлые волосы были в тугих завит-

ках. Она не походила на своего отца, и конечно, не имела его больших ушей. Видимо, она унаследовала красоту матери. Роста она была небольшого, и Бейли увидел, что она удивительно похожа на Глэдию, хотя выражение лица ее было много холоднее и носило печать властности.

— Вы землянин, приехавший решить проблему моего отца? — резко спросила она.

— Да, доктор Фастольф, — тем же тоном ответил Бейли.

— Можете звать меня доктор Василия. Я не хочу, чтобы меня путали с моим отцом.

— Доктор Василия, я должен иметь возможность поговорить с вами лично в течение необходимого мне периода времени.

— Вы землянин, и значит, источник инфекции.

— Я был обработан медицински, и теперь полностью безопасен. Ваш отец был со мной весь день.

— Мой отец называет себя идеалистом и должен время от времени делать глупости, чтобы поддержать свое реноме. Я не стану подражать ему.

— Но вы, наверное, и не желаете ему вреда. А вы повредите ему, если откажетесь увидеться

со мной.

— Не тратьте зря времени. Я увижу вас только на экране, и прошла уже половина назначенного мною срока. Если вас это не устраивает, можем сразу же закончить.

— Доктор Василия, здесь Жискар, и он хотел бы уговорить вас.

Жискар вошел в поле зрения Василии:

— Доброе утро, Маленькая Мисс.

Василия, казалось, на мгновение смутилась, и тон ее стал мягче:

— Я рада тебя видеть, Жискар, и всегда буду рада, но землянина видеть не хочу, даже по твоему настоянию.

— В таком случае, — сказал Бейли, — я вытащу на свет божий дело Сантирикса Гремиониса, не посоветовавшись с вами.

В отчаянии Бейли бросил в бой все свои ресурсы.

Глаза Василии расширились, рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак:

— При чем тут Гремионис?

— Просто, он красивый молодой человек и хорошо знает вас. Заняться мне им, не услышав, что вы можете сказать? Или как?

— Я скажу вам прямо сейчас…

— Нет, — громко сказал Бейли, — вы ничего мне не скажете, пока я не встречусь с вами лицом к лицу.

Она скривила рот.

— Ладно, я увижу вас, но не останусь с вами дольше, чем сама назначу, предупреждаю вас. И приводите Жискара.

Связь закончилась резким щелчком, и у Бейли закружилась голова от внезапной смены тона. Он шагнул к стулу и сел.

Жискар поддержал его под локоть:

— Могу ли я помочь вам чем-нибудь, сэр?

— Все в порядке, — сказал Бейли. — Мне просто нужно перевести дух

Фастольф стоял уже рядом:

— Простите, что я снова пренебрег обязанностями хозяина. Я слушал по отводному каналу, который принимает, но не передает Мне хотелось видеть дочь, хоть она меня и не видит.

— Я понимаю, — сказал Бейли, — если вы считаете, что должны извиниться, то я вас прощаю.

— А что насчет этого Сантирикса Гремиониса? Мне это имя незнакомо

— Я услышал его сегодня от Глэдии. Я знаю о нем очень мало, но ухватился за этот шанс, чтобы любой ценой увидеть вашу дочь. Все было

против меня, однако в результате я получил то, чего желал. Как видите, я пользуюсь дедукцией, даже когда имею весьма мало информации, так что вы уж дайте мне спокойно продолжать в том же духе. В дальнейшем, пожалуйста, прилагайте больше стараний, сотрудничая со мной, и не упоминайте больше о психозонде.

Фастольф молчал, и Бейли почувствовал мрачное удовлетворение, что подавил своей волей сначала дочь, а потом и отца.

Но надолго ли? Этого он не знал

Глава 9
Василия

36

Бейли остановился у дверцы машины и твердо сказал:

— Жискар, я не хочу, чтобы окна зашторивались. Я не хочу сидеть сзади Я хочу сидеть на переднем сиденье и наблюдать то, что происходит снаружи Поскольку я буду сидеть между вами и Дэниелом, я буду в безопасности, если только сама машина не потерпит катастрофу, а в этом случае я все равно погибну, где бы ни сидел.

— Сэр, а если вы почувствуете себя плохо…

— Тогда вы остановите кар, я переберусь на заднее сиденье, а вы зашторите окна. Собственно, не нужно и останавливаться: я просто перешагну через переднее сиденье, когда вы подвинетесь. Дело в том, Жискар, что мне нужно познакомиться с Авророй, насколько это возможно, и в любом случае мне важно привыкнуть к происходящему снаружи Это приказ, Жискар.

Дэниел мягко сказал:

— Друг Жискар, коллега Илайдж совершенно прав в своем требовании. Он будет в совершенной безопасности.

Жискар, может быть, и неохотно — Бейли не мог понять выражение его не вполне человеческого лица — сел за управление.

Бейли вошел в машину и оглядел прозрачное окно с меньшей уверенностью, чем та, что звучала в его голосе. Как бы то ни было, иметь по бокам роботов удобно.

Кар поднялся на струях сжатого воздуха и чуточку осел, как бы встав на ноги.

У Бейли возникло неприятное ощущение в желудке, кар рванулся вперед, и Бейли прижало к сиденью Через минуту они мчались со скоростью, какую Бейли бывало испытывал на экспресспутях в Городе. Впереди простиралась поросшая травой дорога. Скорость казалась большей из-за отсутствия знакомого освещения и зданий по сторонам. Бейли изо всех сил старался дышать ровно и говорить спокойно:

— Где мы идем, Дэниел? Это вроде не фермерские владения.

— Это городская территория. Здесь частные парки.

— Город?

Бейли не мог поверить. Он знал, что такое Город.

— Эос — самый большой и значительный город на Авроре. Он был построен первым. Здесь находится Совет Авроры. Здесь расположено поместье Председателя Совета, и мы проедем мимо него.

Не просто город, но еще и самый большой. Бейли оглядывался по сторонам:

— У меня было впечатление, что дома Фастольфа и Глэдии находятся на окраине Эоса. А теперь мы, как видно, пересекаем городскую черту.

— Отнюдь нет, коллега Илайдж. Это центр города. Границы его в семи километрах позади, а до места нашего назначения почти сорок километров.

— Центр города? Но я не вижу домов.

— Их просто не видно с дороги. Но один виден между деревьями: это дом известного писателя.

— Вы знаете все дома по виду?

— Они заложены в мою память.

— На дороге совсем нет движения. Почему?

— На большие расстояния летают аэрокары. Нагрузка на многие коммуникации уменьшается за счет наличия трехмерных транспортных магистралей. Но аврорцы обожают прогулки и нередко проходят пешком по нескольку километ-

ров, если предстоят частные визиты или даже деловые встречи, конечно, при условии, если позволяет время.

— Значит, мы едем в наземном каре, потому что это слишком далеко для прогулки пешком и слишком близко для аэрокара. Далеко до дома Василии?

— Нет, она живет, как вы, вероятно, знаете, при Институте Роботехники.

Помолчав, Бейли сказал:

— На горизонте, кажется, тучи.

— Да, — ответил Дэниел. — К вечеру они принесут дождь, как и предсказывалось.

Бейли нахмурился. На Земле он однажды попал под дождь во время своей экспериментальной работы в поле. Ощущение было такое, как будто он стоял одетый под холодным душем. На миг его охватила паника, когда он понял, что выключить эту воду не может, она так и будет литься вечно! Все бросились бежать в Город, и он тоже. Но здесь Аврора, и он не представлял, куда бежать, если начнется дождь. В ближайший дом? Но будут ли там рады беглецам?

— Сэр, мы на стоянке Института Роботехники, — сказал Жискар. — Теперь мы можем выйти и посетить доктора Василию.

Бейли кивнул. Путешествие занято от пятнадцати до тридцати минут, и он был рад, что оно кончилось.

— Прежде, чем увидеть дочь доктора Фастольфа, я хотел бы кое-что узнать о ней. Вы ее не знаете, Дэниел?

— Когда я стал существовать, доктор Фастольф и его дочь уже давно жили врозь. Я никогда ее не видел.

— А вы, Жискар, хорошо знакомы с ней?

— Да, сэр.

— И вы были привязаны друг к другу?

— Я уверен, что дочери доктора Фастольфа было приятно быть со мной, сэр.

— И вам с ней тоже?

— Когда я нахожусь с любым человеческим существом, у меня возникает ощущение, которое, как я думаю, люди называют «приятным».

— Но с Василией особенно?

— Испытываемая ею радость от того, что я с ней, сэр, видимо, стимулировала во мне позитронные потенциалы, вызывающие действия, похожие на те, которые вызывает в людях радость. По крайней мере, так объяснял доктор Фастольф.

— Почему Василия ушла от отца? — внезапно спросил Бейли.

Жискар не ответил, и Бейли сказал неожиданно повелительным тоном, каким землянин говорит с роботом:

— Я задал тебе вопрос, парень.

Жискар повернул голову и взглянул на Бейли. На мгновение Бейли показалось, что глаза робота вспыхнули негодованием от оскорбительного слова. Однако Жискар спокойно ответил:

— Я мог бы ответить, сэр, но мисс Василия приказала мне тогда ничего не говорить насчет этого дела.

— Но я приказываю отвечать!

— Простите, сэр, но мисс Василия была уже в то время сильна в роботехнике, и ее приказы сохраняют свое действие до сих пор, что бы вы ни говорили, сэр.

— Она явно была сильна в роботехнике, если, как говорил мне доктор Фастольф, перепрограммировала вас.

— Это было неопасно, сэр. Доктор Фастольф всегда мог исправить любую ее ошибку.

— И он исправлял?

— Нет, сэр.

— Какова была природа программирования?

— По мелочам, сэр.

— Что именно она сделала?

Жискар замялся, и Бейли сразу же понял, в чем дело. Затем робот сказал:

— Боюсь, сэр, я не могу ответить на вопросы, связанные с перепрограммированием.

— Вам запрещено?

— Нет, сэр, но новая программа автоматически стирает старую. Если я изменился в какой-то части, то мне кажется, что эта часть всегда была такой, и я не помню, какой она была раньше.

— Тогда откуда вы знаете, что перепрограммировались мелочи?

— Поскольку доктор Фастольф ни разу не счел нужным поправлять работу мисс Василии — он сам однажды так сказал — я предполагаю, что изменения были мелкими. Вы можете спросить мисс Василию, сэр.

— Я спрошу.

— Боюсь только, что она вам не ответит, сэр.

Сердце Бейли упало. До сих пор он расспрашивал только Фастольфа, Глэдию и двух роботов — всех тех, у кого были основания с ним сотрудничать. Сейчас он впервые встретится с недружелюбным субъектом.

37

Бейли вышел из машины на лужайку и с удовольствием ощутил под ногами твердую землю. Он изумленно огляделся: дома стояли вплотную друг к другу. Один был особенно большой — громадный прямоугольный блок из металла и стекла.

— Это Институт Роботехники?

— Весь комплекс — Институт, партнер Илайдж, — сказал Дэниел. — Вы видите только часть его, и она застроена более плотно, чем принято на Авроре, потому что это самостоятельное политическое учреждение. Оно включает в себя жилые дома, лаборатории, библиотеки, общественную гимназию и т. п. Большое здание — административный центр.

— Как-то не по-аврорски, что все эти здания на виду, если судить по тому, что я видел в Эос. Вряд ли аврорцы это одобряют.

— Думаю, что нет, но глава Института дружен с Председателем, чрезвычайно влиятельной личностью, и тут было дано особое разрешение в интересах исследовательской работы, — сказал Дэниел.

Затем он задумчиво добавил:

— Оно и в самом деле более компактное, чем я представлял.

— Разве вы не бывали здесь?

— Нет.

— И вы, Жискар?

— Нет, сэр.

— Но вы же нашли дорогу без затруднений.

— Нас хорошо информировали, поскольку мы должны были сопровождать вас.

— А почему доктор Фастольф не поехал с нами? — спросил Бейли.

Тут же он сообразил, что робота врасплох не захватишь.

— Доктор Фастольф сказал, что он не член Института, поэтому ему неудобно появляться без приглашения.

— А почему он не член?

— Я никогда не слышал о причинах этого.

Он не знает, или ему не велено говорить? Бейли пожал плечами. Не все ли равно? Человек может солгать, а робот может быть проинструктирован. Конечно, человека можно поймать на лжи и выведать или выбить из него правду, если спрашивающий достаточно ловок или достаточно жесток, а робота можно заставить нарушить инструкции, если спрашивающий достаточно

ловок или достаточно беспринципен. Но в обоих случаях методы должны быть разные, а Бейли ничего не понимал в роботах.

Оранжевое солнце теперь стояло высоко в небе. Приближался полдень. Когда они подошли к дому и вошли в его тень, Бейли слегка поежился, почувствовав, как температура немедленно упала. Губы его сжались при мысли о заселенных мирах без Городов, где температура не контролируется и подвергается непредсказуемым переменам. Он с неудовольствием заметил, что линия туч на горизонте куда-то смещается. Значит, будет дождь, потоки воды. Ох, Земля! Бейли скучал по Городам.

Жискар вышел первым, а Дэниел придержал Бейли за руку. Ну, конечно! Жискар сейчас выполняет обязанности разведчика, и Дэниел тоже: глаза его внимательно осматривали все вокруг. Бейли был уверен, что эти глаза ничего не упустят.

Жискар появился в дверях и кивнул.

Бейли вошел в распахнутую дверь, подчиняясь прикосновению руки Дэниела.

В доме Василии не было запоров, как не было их и в домах Глэдии и Фастольфа.

Рассредоточенность домов способствовала их

уединенности, наверняка помогали и обычаи невмешательства в чужую частную жизнь. Да если подумать, вездесущие роботы-стражи были надежнее всяких замков.

Жискар, шедший впереди, тихо поговорил с двумя роботами, похожими на него, вернулся и сказал:

— Вас ждут, сэр. Сюда, пожалуйста.

Два домашних робота пошли впереди, за ними Бейли и Дэниел, а Жискар замыкал шествие.

Два робота остановились перед двойной дверью, створки которой раздвинулись в стороны, видимо, автоматически.

Комната была погружена в тусклый зеленоватый свет — дневное освещение проходило сквозь плотные шторы. Бейли не очень отчетливо увидел маленькую человеческую фигуру, сидевшую у стола на высоком табурете. Когда они вошли, дверь закрылась, и в комнате стало еще темнее.

Женский голос резко сказал:

— Не подходите ближе! Стойте на месте!

Комната вдруг ярко осветилась.

38

Бейли заморгал и взглянул вверх. Потолок был стеклянный. Через него было видно солнце, толь-

ко оно почему-то казалось тусклым, что, впрочем, не влияло на освещенность помещения. Он посмотрел на женщину, не изменившую позы:

— Доктор Василия Фастольф?

— Доктор Василия Алиена, если хотите знать полное имя. Можете называть меня доктор Василия. Так меня зовут все в Институте.

Ее резкий голос вдруг смягчился:

— Ну, как ты, мой старый друг Жискар?

Жискар ответил тоном, совсем отличным от обычного:

— Приветствую вас, Маленькая Мисс.

Василия улыбнулась.

— А это, я полагаю, человекоподобный робот Дэниел Оливо, о котором я слышала?

— Да, доктор Василия, — быстро ответил Дэниел.

— И, наконец, землянин?

— Илайдж Бейли, доктор, — скованно ответил Бейли.

— Да, я знаю, что у землян есть имена, и что ваше — Илайдж Бейли, — холодно сказала она. — Вы не выглядите таким неуравновешенным, как тот актер, который играл вас в гиперволновом шоу.

— Я знаю это, доктор.

— Тот, кто играл Дэниела, был очень похож. Но я полагаю, мы здесь не для того, чтобы обсуждать шоу.

— Нет.

— Мы здесь, землянин, чтобы поговорить насчет Сантирикса Гремиониса и на этом покончить. Правильно?

— Не совсем. Это не главная причина моего прихода, хотя я думаю, что мы коснемся и этого.

— Да? У вас впечатление, что мы будем долго разглагольствовать на сложную тему, которую выберете вы?

— Я думаю, доктор Василия, что вам было бы разумнее позволить мне вести интервью по моему желанию.

— Это угроза?

— Отнюдь нет.

— Ну, я никогда не встречалась с землянами, и было бы интересно посмотреть, насколько вы похожи на актера, игравшего вашу роль — не в смысле внешности. Вы и в самом деле такая волевая личность, каким были в фильме?

— Фильм, — с явным отвращением сказал Бейли, — был супердраматическим, и преувеличил свойства моей личности во всех отношениях. Я предпочитаю, чтобы вы приняли меня таким,

каков я есть, и судили бы обо мне по тому, каким я кажусь вам сейчас.

Василия засмеялась.

— Во всяком случае, я, кажется, не слишком испугала вас. Это очко в вашу пользу. А может, вы думаете, что нечто известное вам о Гремионисе дает вам право приказывать мне?

— Я здесь лишь для того, чтобы выявить правду в деле умершего человекоподобного робота Джандера Пэнела.

— Умершего? А разве он когда-нибудь был живым?

— Я предпочитаю это одно слово фразе «приведенный в бездействующее состояние». Вас смущает слово «умерший»?

— Вы здорово жонглируете словами. Дибрит, принеси землянину стул. Он устанет стоять, если разговор будет долгим. А потом иди в свою нишу. Ты тоже можешь выбрать себе нишу, Дэниел. А ты, Жискар, стань около меня.

Бейли сел.

— Спасибо, Дибрит. Доктор Василия, я не имею права допрашивать вас, у меня нет законных оснований заставить вас отвечать на мои вопросы. Однако смерть Джандера Пэнела ставит вашего отца в положение несколько…

— Кого?

— Вашего отца.

— Землянин, я иногда могу назвать определенное лицо своим отцом, но больше никто не может. Пожалуйста, пользуйтесь полным именем.

— Доктор Хен Фастольф, ведь он же ваш отец?

— Вы пользуетесь биологическим термином. Во мне его гены, что на Земле рассматривается как отец-дочь. На Авроре это не имеет значения, кроме как в медицинском и генетическом отношениях. Во всех других случаях это родство вообще не упоминается в порядочном обществе Авроры. Я объясняю вам это, поскольку вы землянин.

— Если я нанес оскорбление обычаям, то только по неведению, и прошу извинить меня. Могу я упомянуть имя названного выше джентльмена?

— Конечно.

— Итак, смерть Джандера Пэнела поставила доктора Фастольфа Хена в несколько затруднительное положение, и я предполагаю, что вы захотите помочь ему.

— Вы предполагаете? Почему?

— Он ваш… Он взял вас к себе. Он заботился о вас. Вы были очень привязаны друг к другу. Он и сейчас питает к вам глубокое чувство.

— Вам это он сказал?

— Это было ясно из деталей нашего разговора, даже из того факта, что он заинтересовался солярианкой Глэдией Дельмар из-за ее сходства с вами.

— Это он сказал?

— Сказал, но если бы и не говорил, сходство бросается в глаза.

— Однако, землянин, я ничем не обязана доктору Фастольфу. Ваши предположения напрасны.

— Кроме любых личных чувств, которые вы имеете или не имеете, на карту поставлено будущее Галактики. Доктор Фастольф желает, чтобы люди исследовали и заселяли новые миры. Если политические последствия смерти Джандера поведут к заселению новых миров роботами, доктор Фастольф уверен, что это будет катастрофой для аврорцев и для человечества. Вы, конечно, не захотите участвовать в такой катастрофе.

Василия равнодушно ответила:

— Конечно, нет, если бы я была согласна с доктором Фастольфом. Но я не согласна. Я не вижу вреда в том, чтобы эту работу выполняли человекоподобные роботы. Здесь в Институте я делаю для этого, что могу. Я — глобалистка. Поскольку доктор Фастольф гуманист, мы с ним политиче-

ские враги.

Ее ответы были резкими и прямыми.

За ними каждый раз следовало молчание, словно она с интересом ждала следующего вопроса. У Бейли было впечатление, что он ей любопытен, забавляет ее.

— Вы давно член этого Института?

— Со дня его основания.

— Много в нем членов?

— Я бы сказала, примерно треть всех аврорских роботехников Института, но лишь половина их в действительности живет и работает здесь.

— Другие члены Института разделяют вашу точку зрения на исследование других планет роботами? Все возражают против мнения доктора Фастольфа?

— Я думаю, что большинство — глобалисты, но точно не знаю. Спросите у них.

— Доктор Фастольф член Института?

— Нет.

— Не странно ли? Я бы считал, что уж кто-кто, а он должен быть членом.

— Так уж вышло, что мы этого не хотели. Вероятно, не так уж важно, что и он не хотел.

— Это еще более удивительно.

— Не думаю.

Затем, как бы подстегиваемая внутренним раздражением, побуждавшим ее сказать что-то еще, она продолжала:

— Он живет в городе Эос. Я полагаю, вы знаете, что означает это название?

Бейли кивнул:

— Эос — древнегреческая богиня утренней зари, как Аврора — древнеримская.

— Точно. Доктор Фастольф живет на планете Утренней Зари в городе Утренней Зари, но сам в Зарю не верит. Он не понимает необходимости прорыва через Галактику, превращения Зари Космонитов в галактический День. Исследование Галактики роботами — единственный практический путь для выполнения этой задачи, а он отвергает его и нашу точку зрения.

— Почему — единственный метод? — медленно сказал Бейли. — Аврора и другие Внешние Миры исследовались и заселялись людьми, а не роботами.

— Поправка: землянами. Напрасная и бесперспективная процедура, и мы не позволим землянам стать следующими поселенцами. Мы стали космонитами, долго живущими и здоровыми, и наши роботы бесконечно более разносторонние и гибкие, чем те, которые были у

первых поселенцев нашего мира. Теперь другие времена, и сегодня только роботы могут вести исследования.

— Предположим, вы правы, а доктор Фастольф ошибается. Но и в этом случае его точка зрения логична. Почему он и Институт не могут прийти к согласию? Только потому, что не согласны в одном этом пункте?

— Нет, несогласие — это, в общем-то, мелочь. Есть более основательный конфликт.

Василия явно развеселилась. Линии ее лица как-то смягчились, и на миг она стала еще более похожа на Глэдию.

— Вы не догадаетесь, пока я вам не объясню.

— Поэтому я и спрашиваю, доктор Василия.

— Так вот, землянин, я слышала, что земляне — короткоживущие. Это верно?

Бейли пожал плечами.

— Некоторые доживают до ста лет по земному времени — примерно до ста тридцати по метрическому аврорскому.

— А сколько вам?

— Сорок пять земных, шестьдесят метрических.

— А мне шестьдесят шесть метрических, и я надеюсь прожить еще триста, если буду осторожна.

Бейли развел руками:

— Поздравляю вас.

— Тут есть свои невыгодные стороны.

— Сегодня утром я слышал, что за три или четыре столетия накапливается очень много потерь.

— Боюсь, что да. Но зато накапливается и очень много приобретений. В итоге — баланс.

— Каковы же тогда невыгодные стороны?

— Вы, наверное, не ученый.

— Я — детектив, инспектор, полицейский, если хотите.

— Но вы знаете ученых своего мира.

— Встречал кое-кого, — осторожно ответил Бейли.

— Вы знаете, как они работают? Мне говорили, что на Земле они по необходимости кооперируются. При их короткой жизни у них самое большее — полстолетия активной работы, меньше семидесяти метрических лет. За это время мало что можно сделать.

— Некоторые наши ученые полностью выполняют свое дело в значительно меньший срок.

— Потому что они пользуются данными, найденными до них, а также теми, которые нашли современники, другие ученые. Это так?

— Конечно. Все вносят вклад в общую науку,

все, через пространство и время.

— Именно. Иначе не получится. Каждый ученый, зная, что не сможет выполнить все сам, вынужден кооперироваться с коллегами. Таким образом достигается прогресс.

— А на Авроре и других Внешних Мирах разве не так?

— Теоретически так, но практически нет. В долгоживущем обществе сроки поджимают медленнее. Ученые отдают своим проблемам 3–3,5 столетия, и возникает мысль, что прогресс может быть достигнут за то же время всего одним человеком. Появляется чувство интеллектуальной жадности, желание сделать что-то только самому, иметь право на какую-то грань прогресса. Пусть лучше общий прогресс замедлится, лишь бы не отказаться от того, что человек считает своим. И в результате общее продвижение на Внешних Мирах замедлилось до такой степени, что трудно обогнать работу, проделанную на Земле, несмотря на все наши преимущества.

— Я полагаю, вы не сказали бы мне этого, если бы подобным образом не вел себя доктор Фастольф.

— Именно так он себя и ведет. Его теоретический анализ позитронного мозга сделал

возможным создание человекоподобного робота. Он использовал его, когда конструировал — с помощью покойного доктора Сартона — вашего друга робота Дэниела, но не опубликовал важные детали своей теории и никому другому не доверил ее. В этом смысле он и только он держит за горло производство человекоподобных роботов.

— А Институт Роботехники поощряет сотрудничество среди ученых?

— Конечно. Институт собрал более сотни роботехников высших степеней разного возраста и способностей, и мы надеемся установить связи на других планетах и основать межзвездную ассоциацию. Мы все решили объединить наши отдельные открытия или идеи в общий фонд, сделать добровольно для общего блага то, что вы, земляне, вынуждены делать из-за вашей короткой жизни. Однако доктор Хен Фастольф не желает этого сделать. Вы наверняка считаете доктора Фастольфа благородным идеалистом и патриотом Авроры, но он не отдаст свою интеллектуальную собственность в общий фонд, поэтому и не хочет работать с нами. А поскольку он считает, что имеет право личной собственности на свои научные открытия, мы не хотим иметь его у себя. Теперь для вас не тайна наше

взаимное отчуждение.

Бейли кивнул и сказал:

— Вы думаете, что этот добровольный отказ от личной славы сработает?

— Должен.

— А может Институт, пусть сообща, сдублировать индивидуальную работу доктора Фастольфа и заново открыть теорию позитронного мозга?

— Со временем мы это сделаем. Это неизбежно.

— А вы не делали попыток сэкономить время и убедить доктора Фастольфа выдать секрет?

— Я думаю, что у нас есть способ убедить его.

— Через скандал с Джандером?

— Я не думаю, что вы в действительности хотели задать этот вопрос. Ну, я сказала вам все, что вы хотели знать, землянин?

— Вы сказали мне кое-то, чего я не знал.

— Тогда пора вам рассказать мне о Гремионисе. Почему вы связали имя этого брадобрея со мной?

— Брадобрея?

— Он считает себя дизайнером по прическам, кроме всего прочего, но он просто-напросто парикмахер. Расскажите о нем — или будем считать интервью законченным.

Бейли устал. Ему было ясно, что Василия наслаждается этой словесной пикировкой. Она

сообщила ему ровно столько, чтобы разжечь его аппетит, и теперь он вынужден покупать материал в обмен на собственную информацию, но у него не было никакой информации, одни догадки. Если часть их ошибочна, он пропал. Однако надо было продолжать поединок.

— Видите ли, доктор Василия, вы не можете уверять, что предположение о связи между вами и Гремионисом смехотворно.

— Почему? Оно нелепо.

— Нет. Будь оно нелепо, вы рассмеялись бы мне в лицо и выключили трехмерку. Из того простого факта, что вы отказались от своей первоначальной позиции и приняли меня, что разговаривали со мной и сообщили мне очень многое, совершенно ясно: вы чувствуете, что я могу воткнуть нож вам в шею.

Василия сказала низким, злым голосом:

— Вы, видимо, знаете, маленький землянин, что мое положение уязвимо. Я дочь доктора Фастольфа, а в Институте хватает достаточно глупых или достаточно злонамеренных лиц, которые из-за этого не доверяют мне. Я не знаю, что именно вы слышали, но все это более или менее смехотворно. Однако даже любая нелепость может быть использована против меня. Поэтому

я и хочу поторговаться. Я сказала вам кое-что, могу сказать и больше, но только в том случае, если услышу то, о чем вы умолчали, и вы убедите меня, что говорите правду. Так вот, говорите. Если вы попытаетесь вести со мной игру, я выкину вас вон и, по крайней мере, получу от этого удовольствие, а мое положение не станет от этого хуже, чем сейчас. У меня есть средство повлиять на Председателя, чтобы он отменил свое решение пустить вас на Аврору и отправил бы вас обратно на Землю. На него и так в этом смысле оказывают большое давление, и вы вряд ли захотите, чтобы я добавила еще и свое. Итак, говорите.

39

Бейли хотел было подойти к решающему пункту беседы, чтобы проверить, прав ли он, но почувствовал, что это не сработает. Она заметит, чего он добивается — она неглупа — и остановит его. Он знал, что напал на какой-то след, и не хотел потерять его. Видимо, она сказала правду относительно своего уязвимого положения, создавшегося в результате ее отношений с отцом, но она не была бы так испугана при видеовстрече с Бейли, если бы не подозревала, что какие-то его слова имеют под собой реальную основу.

Он нащупал что-то важное, и это важное нужно было немедленно конкретизировать, чтобы как-то взять над Василией верх. Значит, надо играть.

Он сказал:

— Сантирикс Гремионис предлагал себя вам.

И прежде чем Василия успела отреагировать, добавил:

— И не один раз, а много.

Василия хлопнула руками по коленям, уселась плотнее, посмотрела на неподвижно стоявшего рядом Жискара, а затем на Бейли:

— Этот идиот предлагает себя всем, кого увидит, не разбирая пола и возраста. Я бы удивилась, если бы он не обратил внимания на меня.

Бейли сделал жест, как бы отметая это. Она не смеялась. Она не положила конец беседе. Она даже не разозлилась.

Она хотела видеть, что именно он построит на своем утверждении, и он ухватился за это нечто.

— Это преувеличение, доктор Василия. Всякий может выбирать, Гремионис выбрал вас, и несмотря на ваш отказ, продолжал предлагать себя, хотя это совершенно не в привычках авроpцев.

— Я рада, что вы поняли, что я отказала ему. Некоторые считают, что любое — или почти

любое — предложение нужно принять хотя бы из вежливости, но я другого мнения. Я не вижу оснований тратить время на то, что меня не привлекает. Вы находите в этом что-то предосудительное, землянин?

— У меня нет ни благоприятного, ни неблагоприятного мнения об аврорских обычаях.

Она все еще ждет, слушает его. Чего она ждет? Может, того, что он хочет сказать, но пока не решается? Она сказала с некоторым усилием:

— У вас есть еще что-нибудь, или мы закончили?

— Нет. Не закончили, — сказал Бейли.

Теперь он вынужден был вести игру дальше.

— Вы поняли, что необычная для аврорца настойчивость Гремиониса может быть полезной вам.

— Да? Какая глупость! Какую пользу я могла бы извлечь из этого?

— Поскольку он явно был сильно увлечен вами, нетрудно было устроить, чтобы он увлекся другой, очень похожей на вас женщиной. Вы настояли, чтобы он так сделал, возможно, пообещав принять его, если другая откажет.

— Кто эта бедняга, похожая на меня?

— Вы знаете. Не разыгрывайте наивность. Я

говорю о солярианке Глэдии, которая, как я вам уже говорил, находится под протекцией доктора Фастольфа. Вы не удивились, когда я упомянул об этом в начале нашей беседы, теперь же уже поздно прикидываться незнающей.

Василия резко повернулась к нему:

— И из интереса Гремиониса к ней вы делаете заключение, что раньше он интересовался мной? И вы пришли ко мне с этой дикой догадкой?

— Это не дикая догадка. Есть и другие существенные факторы. Разве вы отрицаете их?

— Я устала. Вы сказали, что Гремионис сначала интересовался мной, а затем моим подобием, солярианкой. Теперь вы хотите, чтобы я это отрицала. Зачем мне беспокоиться и отрицать? Даже если это и так, это мне никак не повредит. Это же неважно! Вы говорите, что меня раздражало его внимание, я этого не хотела и хитроумно отвлекла его в другую сторону. Ну и что?

— Не так важно, что вы сделали, важно — зачем. Вы знали, что Гремионис настойчив. Он снова и снова предлагал себя вам, значит, так же много раз будет предлагать себя Глэдии.

— Если она будет ему отказывать.

— Она солярианка, у нее трудности с сексом, она отказывала всем и, осмелюсь сказать, вы

кое-что об этом знали. Я думаю, что при всей вашей отстраненности от вашего… от доктора Фастольфа, вы достаточно чувствительны, чтобы приглядывать за своей заместительницей.

— Что ж, если она отказала Гремионису, то она проявила хороший вкус.

— Вы знаете, что «если» тут нет. Вы знали, что она отказала.

— Опять-таки, что из этого?

— Это означает, что Гремионис, чтобы раз за разом повторять свое предложение, должен был часто бывать в доме Глэдии.

— Ну?

— А в доме Глэдии был весьма необычный предмет — один из двух существующих человекоподобных роботов — Джандер Пэнел.

Василия замялась:

— И к какому же выводу вы пришли?

— Я думаю, вам пришло в голову, что если этот робот будет убит при обстоятельствах, компрометирующих доктора Фастольфа, у вас в руках окажется оружие, могущее вырвать у доктора Фастольфа тайну человекоподобного позитронного мозга. Гремиониса, раздраженного постоянным отказом Глэдии, могли подтолкнуть на страшную месть — убийство робота.

— Этот жалкий брадобрей мог иметь десяток мотивов и десяток удобных случаев, но все это ни к чему. Он даже не умеет приказать роботу помахать рукой. Он бесконечно далек от возможности сделать роботу умственное замораживание.

— Теперь, — мягко сказал Бейли, — мы, наконец, подошли к пункту, который вы, вероятно, предчувствовали, поскольку до сих пор не выкинули меня вон, и хотели удостовериться, держу я этот пункт в уме или нет. Я хотел сказать, что Гремионис, направляемый вами, осуществил этот ваш замысел с помощью Института Роботехники.

Глава 10
Снова Василия

40

Все застыло в неподвижности, как в гиперволновой драме — и Бейли, и Василия, и, конечно, роботы. Прошли ненормально долгие секунды, прежде чем Василия перевела дух и медленно встала. Лицо ее исказилось в усмешке:

— Вы говорите, землянин, что я соучастница в разрушении человекоподобного робота?

— Мне пришло в голову что-то в этом роде, доктор.

— Спасибо. Интервью окончено, уходите. Она указала на дверь.

— Боюсь, что у меня нет такого желания.

— Я не считаюсь с вашими желаниями.

— Должны считаться. Как вы меня выгоните без моего желания?

— У меня здесь два робота. Они вежливо, но твердо выведут вас, повредив только вашему самолюбию, если оно у вас есть.

— У вас здесь только один робот, а у меня два, и

они не позволят случиться такому.

— Я тут же вызову двадцать.

— Доктор Василия, поймите! Вы удивились, увидев Дэниела. Я заподозрил, что вы хоть и работаете в Институте Роботехники, где изготовление человекоподобных роботов является первейшей задачей, никогда не видели такого совершенного робота. И ваши роботы тоже не видели. Взгляните на Дэниела. Он больше похож на человека, чем все другие роботы, за исключением покойного Джандера. Ваши роботы примут Дэниела за человека, а он знает, как приказать роботам, чтобы они повиновались ему, а не вам.

— Тогда я вызову людей из Института, и вы будете выкинуты, возможно, с некоторыми неудобствами для себя, и ваши роботы не смогут эффективно вмешаться.

— А как вы их позовете, если мои роботы не позволят вам сдвинуться? У них исключительно быстрые рефлексы.

Василия оскалила зубы, что никак нельзя было назвать улыбкой.

— Я ничего не скажу о Дэниеле, но Жискара я знала большую часть своей жизни. Я не думаю, что он помешает мне позвать на помощь. Я думаю, он и Дэниела удержит от вмешательства.

Бейли знал, что ступает по тонкому льду, и постарался, чтобы голос его не дрожал:

— Не лучше ли вам сначала спросить Жискара, что он сделает?

— Жискар? — с полной доверчивостью спросила Василия.

Жискар отвел глаза от нее и сказал со странным тембром в голосе:

— Маленькая Мисс, я обязан защищать мистера Бейли. Он имеет преимущество перед вами.

— Вот как? По чьему приказу? Этого землянина? Этого чужака?

— По приказу доктора Хена Фастольфа, — сказал Жискар. Глаза Василии сверкнули. Она медленно села. Руки ее дрожали, губы слабо шевелились.

— Он даже тебя отнял.

— Если этого недостаточно, доктор Василия, — вдруг по собственному почину заговорил Дэниел, — то я тоже ставлю благополучие коллеги Илайджа выше вашего.

Василия посмотрела на Дэниела с горьким любопытством:

— Коллега Илайдж? Ты так зовешь его?

— Да, доктор Василия. Мой выбор между вами и им сделан не только по инструкции доктора Фастольфа, но и потому, что землянин и я — парт-

неры в этом расследовании, и потому…

Дэниел сделал паузу, как бы смущаясь тем, что собирался сказать.

— Потому что мы друзья.

— Друзья? — сказала Василия. — Землянин и человекоподобный робот? Что ж, достойная пара. Оба не вполне люди.

— Тем не менее, мы связаны дружбой, — резко сказал Бейли. — И не проверяйте ради себя самой силу нашей…

Он тоже сделал паузу и, как бы сам удивляясь, закончил фразу:

— Любви.

— Что вы хотите? — спросила Василия.

— Информация. Меня вызвали на Аврору, этот мир Утренней Зари, разобраться в событии, которое, похоже, не имеет никакого объяснения, события, в котором ложно обвинен доктор Фастольф, что, возможно, будет иметь ужасные последствия для моей планеты и для меня лично. Дэниел и Жискар прекрасно понимают эту ситуацию и знают, что только Первый Закон во всей его полноте и при немедленном его применении может взять верх над моими усилиями раскрыть эту тайну. Поскольку они слышали мои слова относительно вашего возможного соучастия в

деле, они понимают, что не должны допустить прекращения интервью. Поэтому я снова говорю вам: не провоцируйте действия, которые они вынуждены будут произвести, если вы откажетесь отвечать на мои вопросы. Я обвинил вас в пособничестве в убийстве Джандера Пэнела. Вы отрицаете это обвинение или нет? Вы должны ответить.

— Я отвечу. Я не боюсь! Убийство? Выведение робота из строя — это убийство? Так вот, я отрицаю ваше обвинение в убийстве или в чем другом! Я не давала Гремионису информации по роботехнике для того, чтобы он покончил с Джандером. Для этого у меня недостаточно знаний, и я подозреваю, что ни у кого в Институте нет достаточных знаний.

— Я не знаю, хватает ли у вас или у кого-то в Институте знаний, чтобы помочь совершить преступление. Однако мы можем поговорить о мотиве. Во-первых, у вас могли быть нежные чувства к Гремионису, хотя вы и оттолкнули его предложение. Вам должна была льстить его настойчивость, и вы могли пожелать оказать ему помощь, чтобы он был вам благодарен и без осуществления каких-либо его сексуальных требований.

— По-вашему, он пришел и сказал: «Дорогая Василия, я хочу уничтожить робота. Скажи мне, как это сделать, и я буду страшно тебе благодарен», а я ответила: «Конечно, дорогой, я счастлива помочь вам совершить преступление». Абсурд! Никто, кроме землянина, ничего не знающего об аврорцах, не поверит, чтобы такое могло случиться. Это мог придумать только особо глупый землянин.

— Возможно, но следует рассмотреть все мотивы. Примем на минуту второй мотив. Не ревновали ли вы Гремиониса, когда он переключился в своих чувствах, и не могли ли помочь ему не из абстрактной симпатии, а из конкретного желания вернуть его?

— Ревность? Это земная эмоция. Если я не желаю Гремиониса для себя, какое мне дело до того, предлагает ли он себя другой женщине, и принимает ли та его предложение?

— Я слышал, на Авроре не знают сексуальной ревности, и я склонен думать, что в теории это так и есть, но теории редко применяются на практике, и исключения, конечно, бывают. Больше того, ревность — часто чувство необъяснимое и простой логикой не изгоняется. Но пока мы оставим это. Третий мотив — вы могли ревновать к Глэдии и желать повредить ей.

— Я видела ее только по гиперволновой программе, когда она приехала на Аврору. Тот факт, что люди говорили о ее сходстве со мной, меня не беспокоил.

— Но вас могло беспокоить, что она находится под покровительством доктора Фастольфа, его любимица, почти дочь, как раньше были вы. Она заменила вас.

— Она рада этому, а мне все равно.

— Даже если они любовники?

Василия смотрела на Бейли со все возрастающей злостью, на лбу ее выступил пот:

— Обсуждать это нет надобности. Вы спрашивали, отрицаю ли я ваше обвинение, — я отрицаю его. Я сказала, что у меня нет достаточных знаний и нет мотива. Можете раззвонить это на всю Аврору. Расскажите о своих дурацких попытках приписать мне мотив. Уверяйте, если хотите, что у меня есть знания, чтобы совершить такое. Вы абсолютно ничего не добьетесь.

Хотя она дрожала от злости, Бейли казалось, что в голосе ее была убежденность. Она не боялась обвинения.

Она согласилась увидеться с ним, потому что он напал на след чего-то, чего она боялась, и, возможно, боялась отчаянно. Но этого обвинения

она не боялась. Может, он ошибся?

41

Взволнованно и без всякой уверенности Бейли произнес:

— Допустим, что я принимаю ваше утверждение, доктор Василия. Скажем, я согласен, что мое подозрение в вашем соучастии в этом роботоубийстве ошибочно. Но это не значит, что вы не можете помочь мне.

— С какой стати я буду помогать вам?

— Из человеческой порядочности. Доктор Фастольф уверяет, что он не уничтожал собственного робота Джандера. Вы знаете доктора Фастольфа лучше, чем кто-либо другой. Вы несколько лет были ему близки, сперва как его ребенок, затем как подрастающая дочь. Вы видели его таким, каким его никто не видел. Каковы бы ни были ваши чувства к нему теперь, они не могут изменить прошлое. Зная его, вы можете засвидетельствовать, что по своему характеру он не способен повредить роботу, тем более такому, который является его высшим достижением. Пожелаете ли вы дать такое свидетельство открыто, перед всем миром? Это очень помогло бы делу.

Лицо Василии стало жестким:

— Поймите меня. Я не желаю впутываться в это.

— Но вы должны!

— Почему?

— Разве вы ничем не обязаны доктору Фастольфу? Он же ваш отец. Пусть это слово для вас ничего не значит, но это биологическая связь. Кроме того, он заботился о вас, воспитывал много лет. За это вы ему должны чем-то отплатить.

Василия вздрогнула. У нее стучали зубы. Она пыталась говорить, но не смогла.

Наконец, сделав несколько глубоких вдохов, она сказала:

— Жискар, ты слышишь все это?

Жискар склонил голову:

— Да, Маленькая Мисс.

— И ты, человекоподобный… Дэниел?

— Да, доктор Василия.

— Вы оба знаете, что землянин настаивает на моем свидетельстве в пользу доктора Фастольфа?

Оба робота кивнули.

— Тогда я скажу — против своей воли и по злости. Именно потому, что я должна этому моему отцу какой-то минимум уважения за его гены и за мое воспитание вопреки обычаям, я не стану

свидетельствовать. Но я хочу, чтобы вы выслушали меня, землянин. Доктор Хен Фастольф, чьи гены я унаследовала, заботился обо мне не как об отдельном человеческом существе. Я была для него не больше, чем эксперимент, феномен для наблюдений. Доктора Фастольфа интересовало только одно: функции человеческого мозга. Он хотел свести их к уравнениям, к графикам, объяснить не исследованные до того явления и, таким образом, создать основанную на математике науку о поведении человека, которая позволит ему предсказать человеческое будущее. Он назвал эту науку «психоисторией». Если вы разговаривали с ним хотя бы час, я уверена, что он упомянул об этом. Это его мания.

Василия внимательно посмотрела в лицо Бейли и с торжеством воскликнула:

— Я права! Он говорил вам об этом. Затем он должен был сказать вам, что интересуется роботами лишь постольку, поскольку они могут подвести его к овладению тайнами человеческого мозга, тем более — человекоподобные роботы. Это он тоже вам говорил. Основная теория создания человекоподобных роботов, я уверена, выведена им из попыток понять человеческий мозг, и он цепляется за эту теорию, никого в нее

не посвящая, потому что он хочет сам в одиночку решить проблему человеческого мозга за те примерно два столетия, которые ему еще остаются. Этому подчинено все. В числе условий решения этой проблемы была и я.

Бейли, пытаясь устоять против этого потока ярости, тихо спросил:

— В каком смысле он включал в это вас, доктор Василия?

— Когда я родилась, меня должны были поместить вместе с другими к профессионалам, которые хорошо умеют ухаживать за детьми. Я не должна была оставаться у неспециалиста, пусть он отец и ученый. Доктору Фастольфу не должны были разрешать воспитывать ребенка таким методом. Никому другому и не разрешили бы. Но он воспользовался своим престижем, нажал на все пружины и убедил нужных людей.

— Он любил вас, — прошептал Бейли.

— Любил? Ему годился бы любой ребенок, но другие были недоступны. Он хотел, чтобы ребенок рос и развивал свой мозг в его присутствии. Он хотел иметь перед глазами простую форму человеческого мозга, постепенно превращающуюся в сложную, чтобы тщательно и в деталях изучать ее. Ради этого он создал таким образом для меня

неправильное окружение и исследовал меня, рассматривал меня просто как некое абстрактное человеческое существо.

— Я не могу этому поверить. Даже если он и видел в вас объект эксперимента, он все равно заботился о вас, как о человеческом существе.

— Нет. Вы говорите, как землянин. Возможно, на Земле по-другому смотрят на биологические связи. Здесь это не так. Я была экспериментальным объектом какое-то время.

— Даже если так и было сначала, доктор Фастольф не мог не полюбить вас, беспомощное существо, вверенное его заботам. Если бы и не было биологической связи, даже если бы вы — простите меня — были животным, он все равно полюбил бы вас.

— Вы так думаете? — с горечью сказала она. — Вы не знаете степени бессердечия таких людей, как доктор Фастольф. Если бы для его науки потребовалось прервать мою жизнь, он сделал бы это без малейшего колебания.

— Это смешно, доктор Василия. По всему его обращению с вами было ясно, что он любил вас. Я это знаю. И вы… предлагали ему себя.

— Он и это сказал вам? Да, это на него похоже. Ни на одну минуту, даже сегодня он не задал себе

вопроса: а не смутит ли его дочь такое разоблачение? Да, я предлагала себя ему. А почему бы и нет? Он был единственным мужчиной, которого я, в сущности, знала. Он внешне был ласков со мной, и я не знала его истинных целей. Он был единственным для меня объектом. Он знал, что я познакомилась с сексуальным возбуждением в контролируемых условиях — под его контролем. Было неизбежно, что я, в конечном счете, потянулась к нему. Так я и сделала — потому что никого другого не было — и он отказал мне.

— И вы за это возненавидели его?

— Нет, не сразу, а только через несколько лет. Хотя мое сексуальное развитие замедлилось и исказилось, и последствия этого я чувствую до сего дня, я не осуждала его. Я слишком мало знала. Я искала извинения для него. Он очень занят. У него есть другие. Ему нужны женщины постарше. Вас, наверное, удивила бы изобретательность, с какой я придумывала причины его отказа. Лишь через несколько лет я начала понимать, что здесь что-то не так, и приступила к нему в открытую: «Почему ты отказал мне?»

Она сделала паузу и на минуту закрыла глаза. Бейли смущенно молчал.

Успокоившись, она продолжала:

— Он избегал ответа, насколько мог, но я снова и снова спрашивала: «Почему ты отказал мне?» Что касается секса, то у него в этом отношении проблем не было. Я знала несколько случаев. Помню, я думала — может, он просто предпочитает мужчин. Когда не стоит вопрос о детях, личное предпочтение в таких вещах не имеет значения: некоторым мужчинам женщины противны, и наоборот. Но с человеком, которого вы называете моим отцом, дело обстояло иначе. Он любил женщин, иногда молодых, таких же, какой была я, когда предлагала ему себя. «Почему ты отказал мне?» И он, наконец, ответил. Попробуйте догадаться, каков был его ответ.

Она замолчала и ждала.

Бейли неловко пошевелился и сказал:

— Он не хотел заниматься любовью с дочерью?

— Не глупите. Какая разница? Вряд ли хоть один мужчина на Авроре знает, кто его дочь. Нет. Он ответил — ох, я до сих пор помню его слова — «Ты дура! Если я свяжусь с тобой в этом смысле, как я сохраню свою объективность, и какая будет польза от дальнейшего изучения тебя?» В это время я уже знала о его интересе к человеческому мозгу. Я даже пошла по его стопам

и стала роботехником. Я работала с Жискаром в этом направлении и экспериментировала с его программированием. Я ведь хорошо это делала, Жискар?

— Хорошо, Маленькая Мисс.

— Но я поняла, что этот человек не видит во мне человеческое существо. Пусть моя жизнь будет испорчена, лишь бы он не рисковал своей объективностью. Его наблюдения значили для него больше, чем моя нормальность. Тогда-то я поняла, кто я и кто он, и ушла от него.

В воздухе повисло тяжелое молчание.

У Бейли в голове слегка звенело. Он хотел спросить: можно ли было не учитывать сосредоточенности крупного ученого на важной проблеме? Как могли вы принять всерьез сказанное, возможно, в раздражении, когда человека вынудили к разговору, которого он не хотел? Доктор Василия замкнулась на собственной «нормальности» — что бы она ни подразумевала под этим — и исключила две, возможно, самые важные проблемы, стоявшие перед человечеством — природа человеческого мозга и заселение Галактики.

Это было куда менее простительно.

Но ничего этого он не сказал. Он не знал, как довести это до сознания Василии, и поймет ли он

ее, если она ответит ему.

Чем он занят на этой планете? Он не понимает их жизни, как бы они не объясняли, и они не понимают его. Он устало сказал:

— Мне очень жаль, доктор Василия. Я понимаю, что вы сердитесь, но если бы вы хоть на миг забыли свою злость и подумали о деле доктора Фастольфа и убитого робота, вы, может быть, увидели бы, что мы имеем дело с разными вещами. Возможно, доктор Фастольф желал наблюдать за вами независимо и объективно даже ценою вашего несчастья, однако, это никак не приближает его к желанию уничтожить человекоподобного робота.

Василия, сильно покраснев, закричала:

— Неужели вы не поняли того, что я вам сказала? Уж не потому ли я вам все это рассказывала, что думала, будто кому-нибудь интересна печальная история моей жизни? Вы думаете, мне приятно так вот себя разоблачать? Я говорила вам все это только для того, чтобы показать, что доктор Хен Фастольф в самом деле уничтожил Джандера. Наверняка. Я не говорила этого, потому что никто, кроме вас, не был так глуп, чтобы расспрашивать меня из-за дурацких остатков моего уважения к этому человеку. Но теперь

вы спросили, и я отвечаю и, клянусь Авророй, скажу кому угодно, даже публично: доктор Хен Фастольф разрушил Джандера Пэнела. Я в этом уверена. Вы удовлетворены?

42

Бейли в ужасе уставился на обезумевшую женщину:

— Я не совсем понимаю, доктор Василия Зачем доктору Фастольфу разрушать робота? Какое это имеет отношение к его обращению с вами?

Василия порывисто дышала, и Бейли непроизвольно отметил, даже не сознавая этого, что, хотя Василия была такого же изящного сложения, как Глэдия, груди у нее были больше. Она постаралась овладеть своим голосом:

— Разве я не сказала вам, землянин, что Хен Фастольф интересовался человеческим мозгом? Он, не колеблясь, подвергнет его стрессу, чтобы наблюдать за результатами. Он предпочитает мозг неординарный, например, мозг ребенка, чтобы его можно было наблюдать в развитии. Любой мозг, лишь бы не примитивный.

— Но какая тут связь с…

— Спросите себя: почему он заинтересовался чужеземкой?

— Глэдией? Я спросил его, и он ответил. Она напомнила ему вас, и сходство в самом деле большое.

— Еще раз спрошу вас: вы поверили ему?

— Почему же не поверить?

— Потому что это неправда. Сходство могло привлечь его внимание, но истинная суть его интереса к этой женщине — ее чужеземное происхождение. Она воспитана на Солярии, где привычки и социальные нормы не те, что на Авроре. Он может в данном случае изучать мозг, совсем отличный от нашего, и получить интересную перспективу. Неужели вы не понимаете этого? Кстати, почему он заинтересовался вами, землянин? Он не так глуп, чтобы вообразить, что вы решите аврорскую проблему, ничего не. зная об Авроре.

Внезапно вмешался Дэниел, и Бейли вздрогнул от неожиданности, услышав его голос:

— Доктор Василия, коллега Илайдж решил проблему Солярии, хотя ничего о Солярии не знал.

— Да, — сказала Василия, — все миры узнали об этом по гиперволновой программе. Озарение могло произойти, но вряд ли Хен Фастольф думает, что оно случится дважды на том же месте и вскоре после первого. Нет, землянин, он привлек

вас в первую очередь потому, что вы землянин. У вас другой, чуждый мозг, который можно изучать и манипулировать им.

— Не можете же вы думать, доктор Василия, что он рискнул бы делом, имеющим чрезвычайную важность для Авроры, и пригласил бы кого попало, лишь бы изучить необычный мозг?

— Наверняка мог бы. Об этом я вам и толкую. Нет такой проблемы для Авроры, которая была бы важнее для него, чем проблема мозга. Я могу точно сказать, что он ответит, если вы его спросите: «Аврора может возвыситься или пасть, цвести или гнить — все это пустяки в сравнении с проблемой мозга. Поскольку человек реально познает мозг, все, что может погибнуть за тысячелетие по небрежности или из-за неправильно принятых решений, можно выправить за десять лет, разумно управляя человеческим развитием и руководствуясь психоисторией». С помощью этого аргумента он оправдывает все — ложь, жестокость, все, что угодно — и скажет, что все должно служить цели дальнейшего прогресса знаний о мозге.

— Я не могу себе представить, чтобы доктор Фастольф был так жесток. Это милейший человек.

— Давно ли вы его знаете?

— Несколько часов на Земле — три года назад, и один день на Авроре.

— Подумать только! Целый день! А я была с ним тридцать лет почти постоянно и потом издали следила за его карьерой. А вы были с ним целый день? И за весь этот день он не сделал ничего, что напугало или унизило бы вас?

Бейли молчал. Он думал о неожиданной грубой выходке с помощью прибора для пряностей, от которой его спас Дэниел, о туалете, который доставил ему столько затруднений при пользовании или из-за примененной хозяином маскировки, дальнюю прогулку по открытому пространству, имевшую целью проверить его способности к адаптации.

— Вижу, что делал, — сказала Василия. — Ваше лицо, землянин, не так непроницаемо, как вы, может быть, думаете; он пугал вас психозондом?

— Он упоминал о нем.

— Один день, и — уже упоминал. Я думаю, это вам не понравилось?

— Конечно, нет.

— А была причина для этого упоминания?

— Была, — быстро сказал Бейли. — Я сказал, что у меня мелькнула одна мысль и тут же исчезла,

и с его стороны было вполне естественно намекнуть, что психозонд мог бы ее обнаружить.

— Нет, — сказала Василия, — не мог бы. Психозондом нельзя пользоваться для такого деликатного исследования, а если произвести попытку, то много шансов, что мозг будет искалечен.

— Может, нет, если работать будет эксперт, скажем, доктор Фастольф.

— Он? Да он не отличит один конец зонда от другого. Он теоретик, а не техник.

— Ну, кто-нибудь другой.

— Нет, землянин, никто. Подумайте сами: если бы психозонд можно было использовать безопасно для людей, и если уж Хена Фастольфа так беспокоит проблема лишения робота физической и умственной активности, разве он не предложил бы применить психозонд к себе? Это не приходило вам в голову? Любой разумный человек придет к заключению, что Фастольф виновен. Единственным доказательством его невиновности является его собственное отрицание вины. Почему бы ему не доказать свою невиновность путем психопроб? Он не намекал на такую вещь?

— Нет. Мне, по крайней мере.

— Потому что он прекрасно знает, как это опас-

но. Однако он не задумываясь намекнул насчет вас просто для того, чтобы видеть, как ваш мозг работает под психическим давлением, как вы реагируете на страх. А может быть, он подумал, что такая проба, как бы она ни была опасна для вас, может дать ему интересные сведения, касающиеся особенностей устройства вашего мозга. Это, по-вашему, не жестоко?

Бейли отмахнулся от этого вопроса:

— Как это приложить к данному делу, к роботоубийству?

— Солярианская женщина Глэдия привлекла внимание моего отца. У нее интересный для его целей мозг. Он дал ей робота Джандера, желая посмотреть, как женщина, выросшая не на Авроре, встретится с роботом, во всех отношениях похожим на человека. Он знал, что аврорская женщина тут же воспользовалась бы роботом для секса, ничуть не стесняясь. Сама я, признаться, несколько стеснялась бы этого, поскольку воспитана хотя и не нормально, но как обычные аврорские женщины. Солярианка же стеснялась бы очень сильно, поскольку выросла в мире, заполненном роботами, и имела чрезвычайно строгие моральные взгляды в отношении роботов. Это различие могло быть очень поучительным для

моего отца, который пытался на этих вариациях построить теорию функционирующего мозга. Хен Фастольф ждал полгода, пока солярианка, может быть, начнет первые эксперименты…

— Ваш отец ничего не знал об отношениях между Глэдией и Джандером, — перебил ее Бейли.

— Кто вам это сказал? Мой отец? Глэдия? Если он — то он врет, если она — то она, скорее всего, просто не знает. Можете быть уверены, Фастольф знал, потому что в его программу изучения мозга входило выяснить, как мозг поддается влиянию солярианской морали. А затем он подумал — я совершенно уверена в этом — что случится, если женщина, только что начавшая пользоваться Джандером, вдруг потеряет его без всяких причин. Он знал, что сделала бы аврорская женщина: она почувствовала бы некоторое разочарование и тут же бы стала искать замену. Но как поведет себя солярианка? Вот он и вывел Джандера из строя.

— Уничтожить безмерно ценного робота ради удовлетворения тривиального любопытства?

— Чудовищно, не правда ли? Но Хен Фастольф как раз это и сделал. Вернитесь к нему, землянин, и скажите ему, что его мелкая игра кончена. Если еще не все на планете верят в его виновность, то

наверняка поверят после моего выступления.

43

Бейли долго молчал, а Василия смотрела на него с какой-то мрачной радостью.

Лицо ее стало теперь каким-то грубым и совсем не напоминало лицо Глэдии. «Похоже, ничего не сделаешь...» — подумал Бейли.

Он встал, чувствуя себя старым — много старше своих сорока пяти лет — детского возраста для аврорцев. Все, что он сумел предпринять, ни к чему не привело. Даже хуже — каждый его шаг, казалось, крепче затягивал петлю на шее Фастольфа.

— Я думаю, наше интервью окончено, — сказала Василия. — У меня нет причин видеться с вами еще раз, землянин, и у вас тоже. Наверное, вам лучше уехать с Авроры.

Она улыбнулась:

— Вы нанесли моему отцу достаточный урон, хотя и не такой большой, какого он заслуживает.

Бейли шагнул к двери. Оба его робота подошли к нему. Жискар тихо спросил:

— Вы в порядке, сэр?

Бейли пожал плечами. Что тут ответишь?

— Жискар! — окликнула Василия. — Когда доктор Фастольф не будет более нуждаться в тебе, ты

перейдешь в мой штат?

Жискар спокойно посмотрел на нее:

— Если доктор Фастольф позволит, я так и сделаю, Маленькая Мисс.

Ее улыбка потеплела:

— Пожалуйста, Жискар. Мне все время не хватало тебя.

— Я часто думаю о вас, Маленькая Мисс.

— Доктор Василия, у вас нет туалета, куда я мог бы зайти? — спросил Бейли.

Василия широко раскрыла глаза:

— Конечно, нет, землянин. Есть общественные туалеты на территории Института. Ваши роботы проводят вас.

Бейли посмотрел на нее и сказал, руководствуясь больше чувством раздражения, чем доводами рассудка:

— Доктор Василия, на вашем месте я не стал бы говорить о виновности доктора Фастольфа.

— Что мне мешает?

— Боязнь раскрыть ваши дела с Гремионисом. В них-то и заключается опасность для вас.

— Смешно! Вы же сами признали, что между мной и Гремионисом не было никакого сговора.

— Не совсем так. Я согласился, что прямого сговора уничтожить Джандера между вами и

Гремионисом не было. Но остается возможность непрямого сговора.

— Вы спятили? Что еще за непрямой сговор?

— Я не готов обсуждать это при роботах доктора Фастольфа, если только вы не будете настаивать. Но зачем вам это. Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

Бейли почему-то решил, что поймает ее на подобный блеф. Все равно ситуация хуже не станет. И это сработало! Василия как бы съежилась.

«Да, — подумал Бейли, — непрямой сговор был, в чем бы он ни заключался».

Бейли сказал, слегка воспрянув духом:

— Я повторяю: не говорите ничего о виновности доктора Фастольфа.

Но он не знал, сколько еще времени будет в его распоряжении — может быть, совсем мало.

Глава 11
Гремионис

44

Они сели в машину. Бейли сидел в середине и снова чувствовал себя зажатым с обеих сторон. Он был благодарен роботам за их неустанную заботу о нем, хотя они и были всего лишь машинами, неспособными нарушить инструкции.

Затем он подумал, что они не просто машины, они добрые машины в мире часто злых людей. А Дэниела он вообще не мог считать машиной.

Жискар спросил:

— Я должен еще раз спросить, сэр, хорошо ли вы себя чувствуете?

— Вполне, Жискар. Я рад, что я здесь с вами обоими.

Большая часть неба посветлела, поднялся ветерок, и стало заметно холоднее.

— Коллега Илайдж, — сказал Дэниел, — я внимательно слушал ваш разговор с доктором Василией. Я не хочу нелестно отзываться о словах доктора Василии, но должен сказать, что по

моим наблюдениям доктор Фастольф добрый и вежливый человек. Насколько я знаю, он никогда не был намеренно жестоким, и, насколько я могу судить, никогда не пожертвовал бы благом другого человека ради удовлетворения своего любопытства.

Бейли взглянул на Дэниела, лицо которого выражало искренность, и сказал:

— Могли бы вы сказать что-то против доктора Фастольфа, если бы он и в самом деле был жесток и бездушен?

— Я бы промолчал.

— По обязанности?

— Солгав, я повредил бы правдивости слов доктора Василии, т. е. повлек бы несправедливые подозрения в отношении ее честности. Промолчав, повредил бы доктору Фастольфу, т. е. тем самым подтвердил бы справедливость предъявленных ему обвинений. И если бы оба вида вреда показались моему мозгу относительно одинаковыми по силе их воздействия, я должен был бы выбрать молчание. Вред, причиненный действием, обычно превышает вред, наносимый бездействием, пассивностью.

— Значит, хотя Первый Закон говорит: «Робот не может причинить человеку вред или своим

бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред», обе части закона не равнозначны? Вина действия, вы говорите, больше, чем бездействия?

— Слова Закона — лишь приблизительное описание постоянных вариаций в позитронно-мотивированной силе мозговых излучений робота, коллега Илайдж. Я не могу описать это математически, но знаю, каковы заложенные в меня тенденции.

— И если вред относительно равнозначен в обоих направлениях, всегда выбирается бездействие против действия?

— Как правило. И всегда выбирается правда против неправды, если вред приблизительно равен в обоих направлениях.

— И в данном случае, опровергая слова доктора Василии и тем нанося ей вред, вы можете поступать так, потому что Первый Закон достаточно смягчен тем фактом, что вы говорите правду?

— Да, коллега Илайдж.

— Однако же, если бы доктор Фастольф заранее проинструктировал вас солгать при необходимости, вы бы солгали и не признались бы в том, что вас так проинструктировали?

Помолчав, Дэниел ответил:

— Да, коллега Илайдж.

— Это осложняет дело, Дэниел. Ну, а сами-то вы уверены, что доктор Фастольф не убивал Джандера?

— Насколько я его знаю, он говорит правду, и он вообще не стал бы вредить другу Джандеру.

— Но доктор Фастольф сам сообщил о наличии у него сильного мотива для совершения подобного деяния, в то время, как доктор Василия назвала совершенно другой мотив, такой же сильный и даже еще худший, чем первый. Если публика узнает о втором мотиве, все поверят в вину доктора Фастольфа.

Бейли неожиданно повернулся к Жискару:

— А как вы, Жискар? Вы знаете доктора Фастольфа дольше, чем Дэниел. Вы, зная характер доктора Фастольфа, согласны с тем, что он не мог разрушить мозг Джандера?

— Согласен, сэр.

Бейли неуверенно посмотрел на робота.

Он был менее совершен, чем Дэниел.

Насколько правдиво это подтверждение?

Может, он просто следует примеру Дэниела?

— Вы хорошо знали и доктора Василию?

— Да, сэр.

— И любили ее?

— Она была много лет на моем попечении, сэр, и эта задача ни в коей мере не была мне тяжела.

— Хотя она развлекалась с вашей программой?

— Она делала это очень умело.

— Могла она соврать насчет доктора Фастольфа?

— Нет, сэр, не могла.

— Значит, она сказала правду?

— Не совсем, сэр. Я бы сказал — она считает, что это правда.

— Почему же она так плохо думает о своем отце, если он хороший и добрый человек, как только что сказал Дэниел?

— Она была озлоблена различными событиями в юности. Она считала доктора Фастольфа ответственным за эти события, и он, пожалуй, действительно был их невольным виновником в какой-то мере. Мне кажется, он не думал, что эти события будут иметь такие последствия, к каким они привели. Но ведь человеческие существа не управляются прямонаправленными законами роботехники, поэтому трудно судить о сложностях двигающих ими мотивов.

— Что ж, довольно справедливо, — заметил Бейли.

— Вы думаете, что доказать невиновность

доктора Фастольфа — безнадежная задача? — спросил Жискар.

Бейли свел брови:

— Может быть. Я не вижу способа… А если доктор Василия выступит, как угрожала…

— Но вы приказали ей молчать. Вы объяснили ей, что это опасно для нее самой.

— Я блефовал. Я не знал, что сказать.

— Значит, вы намерены сдаться?

— Нет, — резко сказал Бейли. — Если бы дело было только в Фастольфе, я мог бы отказаться. В конце концов, что ему будет? Роботоубийство, по-видимому, не преступление, а просто оскорбление общества. В худшем случае, он потеряет политическое влияние, на некоторое время вынужден будет прекратить научную работу. Мне будет неприятно видеть это, но уж раз не могу, то не могу. И если бы дело было только во мне, я тоже мог бы отказаться. Это погубило бы мою репутацию, но кто может приготовить яичницу, не разбив яиц? Я вернулся бы на Землю с подмоченной репутацией, стал бы вести жалкую жизнь, перешел бы в разряд деклассированных личностей, но такое может случиться с любым землянином. Гораздо лучшие, чем я, люди оказывались в таком положении, и это

крайне несправедливо. Если меня постигнет неудача, то, кроме горестных потерь Фастольфа и моих, приходит конец всем надеждам народа Земли выйти в Галактику. Уже из-за одного этого я должен продержаться, пока меня не выкинули с этой планеты.

Закончив почти шепотом, он вдруг посмотрел вверх и раздраженно сказал:

— Жискар, почему мы сидим здесь?

— Простите, сэр, но вы не сказали, куда ехать.

— А ведь и правда! Прошу прощения, Жискар. Сначала отвезите меня к ближайшему общественному туалету. Вам обоим это не нужно, а меня уже подпирает. А потом найдите место, где я мог бы чего-нибудь поесть. Желудок требует пищи, а потом…

— Да, коллега Илайдж? — спросил Дэниел.

— По правде сказать, Дэниел, пока я и сам не знаю. Вот схожу в туалет, тогда и придумаю что-нибудь.

Бейли очень хотелось бы поверить в свои слова.

45

Машина шла медленно и остановилась у небольшого строения.

— Это и есть общественный туалет?

— Да. Это ближайший.

— Он не занят сейчас?

— Возможно, но им могут пользоваться одновременно трое или четверо.

— Ладно. Выпустите меня. Я пойду и посмотрю. Роботы не двинулись. Жискар сказал:

— Мы не можем войти туда с вами, сэр.

— Да, я знаю.

— Мы не можем как следует охранять вас, сэр.

Бейли нахмурился. У меньшего робота, естественно, должен быть менее гибкий мозг, и Бейли вдруг осознал, что роботы могут просто не пустить его в туалет.

— Я не могу помочь этому, Жискар.

Он повернулся к Дэниелу, который должен был лучше понимать человеческие нужды:

— Дэниел, у меня нет выбора в этом деле. Выпустите меня из машины.

Дэниел посмотрел на Бейли, не двигаясь, и в какой-то кошмарный миг Бейли подумал, что робот посоветует ему облегчиться на открытом месте, словно он животное.

Помолчав, Дэниел сказал:

— Я думаю, мы должны позволить коллеге Илайджу пройти в туалет.

— Если вы чуть-чуть подождете, сэр, — сказал Жискар, — я подойду к зданию.

Бейли поморщился. Жискар обошел строение кругом, Бейли подумал, что, пока Жискар там ходит, потребности физиологические его, Бейли, могут возрасти. Он попытался отвлечься, поглядывая вокруг.

Жискар вернулся, и Бейли едко сказал:

— Все в порядке? Тогда даруйте мне разрешение…

Он осекся. Зачем изливать сарказм на непроницаемую шкуру робота?

— Очень вероятно, что туалет не занят, сэр.

— Ну и хорошо! Пропустите меня.

Бейли открыл дверцу и вышел на узкую гравийную дорожку. Дэниел шел за ним.

Когда Бейли потянулся открыть дверь туалета, Дэниел молча показал ему на кнопку, которую следовало нажать. Сам Дэниел не дотронулся до нее. Видимо, это как бы указывало на намерение войти — но и намерение не позволялось.

Бейли нажал кнопку и вошел, оставив роботов позади. Тут он обнаружил, к своему неудовольствию, что он впервые отделен от своих защитников, и им непросто будет войти, если с ним что-нибудь случится.

А что если он здесь не один? Вдруг Василия послала кого-то следить за ним?

Бейли внезапно вспомнил, что здесь, на Авроре, он полностью безоружен.

46

Он осмотрелся. Никого не было. Он был один. Оставалась дверь, в которую могли войти. У нее, естественно, не было никакой защелки, поскольку туалетом могли пользоваться несколько человек сразу. Но Бейли подумал, что роботы хотя бы задержат того, кто захочет войти.

Закончив свои неотложные дела, он повернулся к раковине, как вдруг услышал довольно высокий и несколько напряженный голос:

— Вы Илайдж Бейли?

Бейли замер. Он не заметил, как кто-то вошел. Стареет он, что ли?

В голосе явно не было никакой угрозы.

Да и Бейли был уверен, что если не Жискар, то Дэниел не позволил бы никому войти, если бы это таило для него опасность.

Но ему был неприятен сам факт. За всю его жизнь к нему никогда не подходили и уж, конечно, не обращались в туалете. На Земле это было строжайшим табу.

Бейли медленно повернулся. Это был мужчина среднего роста, в хорошо сшитом костюме разных оттенков голубого, светлокожий, светловолосый, с небольшими усиками чуть темнее волос на голове.

Бейли с удивлением уставился на эту полоску над верхней губой. Он ни разу не видел космонита с усами.

Бейли сказал, полный стыда, что говорит в туалете:

— Я Илайдж Бейли.

Его голос даже ему самому показался скрипучим и неубедительным. Он прищурился:

— Роботы за дверью сказали, что Илайдж Бейли внутри, но вы вовсе не такой, каким выглядели в гиперволновке, совсем не похожи.

«Опять эта дурацкая пьеса!» — со злостью подумал Бейли. Наверное, до конца дней, каждый встречный будет для начала колоть его этим замечанием. Никто не принимает его за обычного слабого человека, а заметив слабость, разочаровывается и смотрит на него, как на дурака.

Он сердито повернулся к раковине, сполоснув руки, и потряс ими в воздухе, не зная, как включить горячий воздух.

Космонит коснулся контакта и как бы прямо из

воздуха достал клок впитывающего влагу пуха.

— Спасибо, — сказал Бейли.

Он взял у незнакомца пух.

— В том шоу был не я, а актер.

— Я знаю, но могли бы подобрать кого-то более похожего на вас, верно?

Это, казалось, было для него источником огорчения.

— Я хочу поговорить с вами.

— Как вы прошли мимо моих роботов?

По-видимому, это было вторым источником горести.

— Еле-еле прошел, — сказал космонит. — Они пытались меня остановить, а со мной был только один робот. Я уверял, что мне необходимо зайти сюда, и они обыскали меня, они буквально ощупали меня, ища на мне что-нибудь опасное. Я обвинил бы вас, не будь вы землянином. Вы не можете отдавать роботам такие приказы, которые задевают достоинство человека.

— Сожалею, — сказал Бейли, — но не я отдавал им приказы Что я могу сделать для вас?

— Я хочу поговорить с вами.

— Вы и так говорите со мной. Кто вы?

Поколебавшись, он ответил:

— Гремионис.

— Сантирикс Гремионис?

— Правильно.

— Почему вы хотите поговорить со мной?

Гремионис посмотрел на него с явным замешательством, затем пробормотал:

— Ну, поскольку я здесь, если вы не возражаете, я бы…

Он шагнул к писсуарам.

Бейли понял, что намерен делать Гремионис, поспешно отвернулся и сказал:

— Я подожду вас снаружи.

— Нет, не уходите! — с отчаянием почти взвизгнул Гремионис. — Одну минутку! Пожалуйста!

Теперь Бейли так же отчаянно хотел поговорить с Гремионисом. Он не хотел сделать ничего такого, что могло бы обидеть Гремиониса и заставить его отказаться от разговора. Только потому он и согласился на эту просьбу.

Когда Гремионис подошел к нему, сжимая в руках пушистое полотенце, Бейли, преодолев раздражение, повторил:

— Почему вы хотите поговорить со мной?

— Глэдия… солярианка…

Гремионис с сомнением посмотрел на собеседника и замолчал.

— Я знаю Глэдию, — холодно сказал Бейли.

— Глэдия вызвала меня по трехмерке и сказала, что вы спрашивали ее обо мне, и она спросила меня, не сделал ли я каким-нибудь образом что-нибудь плохое ее роботу, человекоподобному, вроде того, который стоит за дверью.

— Ну, и вы сделали, мистер Гремионис?

— Нет! Я даже не знал, что у нее есть такой робот, пока… Вы сказали ей, что я это сделал?

— Я только задаю вопросы, мистер Гремионис.

Гремионис сжал правый кулак, нервно потер им о левую ладонь и напряженно сказал:

— Я не хочу, чтобы меня ложно обвиняли в чем-то, а тем более в том, что может испортить мои отношения с Глэдией.

— Как вы нашли меня?

— Она спросила меня насчет робота и сказала, что вы спрашивали про меня. Я слышал, что доктор Фастольф вызвал вас на Аврору, чтобы разобраться в этой путанице насчет робота. Это было в гиперволновых известиях. И…

Он выдавливал из себя слова с большим трудом.

— Дальше, — сказал Бейли.

— Я хотел поговорить с вами и объяснить, что я ничего не делал этому роботу. Глэдия не знала, где вы, но я подумал, что доктор Фастольф знает…

— Вы вызвали его по трехмерке?

— Ох, нет! У меня не хватило бы духу: он такой важный ученый. Глэдия вызвала его для меня. Она очень добрая. Он сказал ей, что вы поехали к его дочери, доктору Василии. Это было хорошо, потому что я ее знаю.

— Да, я знаю, что вы ее знаете.

— Откуда вы… Вы спрашивали ее обо мне? Его тревога, казалось, переросла в страдание.

— Я вызвал доктора Василию, и она сказала, что вы только что ушли, и я, возможно, найду вас в общественном туалете. Ну, я пошел в ближайший от ее дома.

— Как же вы попали сюда так быстро?

— Я работаю в Институте Роботехники и живу на его территории. Мой скутер привез меня сюда за несколько минут.

— Вы приехали один?

— Да, всего с одним роботом. Скутер, видите ли, двухместный.

— И ваш робот ждет снаружи?

— Да.

— Скажите мне еще раз, почему вы хотели видеть меня.

— Я хотел удостовериться, что вы не думаете, будто я что-то сделал тому роботу. Я даже не

слышал о нем, пока обо всем этом не объявили в ежедневных известиях. Ну, так я могу поговорить с вами сейчас?

— Да, но не здесь. Давайте выйдем.

Бейли подумал, до чего же странно, что он охотно выходит из-за стен на открытое пространство. В этом туалете было что-то еще более чуждое, чем все, что окружало Бейли как на Авроре, так и на Солярии. Даже факт всепланетной беспорядочности в отношениях между аврорцами был менее неприятен, чем ужас открытого и небрежного обращения к человеку в туалете. Как можно не видеть разницы между этим местом и его назначением и другими местами?

Книгофильмы ничего об этом не говорили, но Фастольф указывал, что они писались не для землян, а для аврорцев.

Собственно, зачем книгофильмы должны объяснять то, что каждый и так знает?

Зачем упоминать о том, что Аврора — шар, что вода мокрая, и что один мужчина может спокойно заговорить с другим в туалете?

Правда, Джесси не раз говорила ему, что в женском туалете женщины болтают о чем угодно и не чувствуют никакого дискомфорта. Почему женщинам можно, а мужчинам нельзя? Бей-

ли никогда не задумывался над этим, а просто принимал это как установившийся обычай. Но почему только для мужчин?

Но стоит ли думать об этих мерзких вещах? Он повторил:

— Давайте выйдем.

— Но там ваши роботы, — запротестовал Гремионис.

— Ну и что же.

— Но я хочу говорить с вами частным образом, как мужчина с мужчиной.

— Вы хотите сказать — как космонит с землянином?

— Да, если хотите.

— Мои роботы обязательно должны присутствовать. Они мои партнеры по расследованию.

— Но то, что я хочу сказать вам, не имеет никакого отношения к расследованию.

— Об этом буду судить я, — твердо сказал Бейли и вышел.

Гремионис, поколебавшись, последовал за ним.

47

Жискар и Дэниел ждали, бесстрастные, терпеливые. Ждал и третий робот — видимо, робот

Гремониса. По виду он был даже проще Жискара и имел довольно потрепанный вид. Очевидно, Гремионис жил не слишком богато.

— Я рад, что у вас все в порядке, партнер Илайдж, — сказал Дэниел.

— Вполне. Однако, я хочу кое-чем поинтересоваться. Если бы вы услышали мой призыв о помощи, вы вошли бы туда?

— Сразу же, сэр, — сказал Жискар.

— Хотя запрограммированы не входить?

— Необходимость защищать человека, в особенности вас, сэр, перевешивает.

— Именно так, — подтвердил Дэниел.

— Рад слышать. Эта особа — Сантирикс Гремионис. Мистер Гремионис, это Дэниел, а это Жискар.

Оба робота церемонно поклонились.

Гремионис быстро глянул на них и поднял руку в безразличном приветствии.

Своего робота он не потрудился представить.

Бейли поглядел вокруг: солнечный свет померк, усилился ветер, похолодало, солнце полностью скрылось за облаками.

Но наступившая перемена погоды не подействовала на Бейли: он радовался, что чувствует удовольствие от пребывания на воздухе. Конеч-

но, тут был особый случай, но, значит, он уже приспосабливается к пребыванию вне помещения, и это хорошее предзнаменование.

Бейли повернулся к Гремионису, решившись на разговор, и вдруг увидел женщину в сопровождении робота. Она явно направлялась в туалет.

— Неужели она не знает, что это мужской туалет?

— Что? — спросил Гремионис.

Бейли в полном замешательстве смотрел, как робот остановился, а женщина вошла в строение.

— Она же не может входить туда!

— Почему? — спросил Гремионис. — Это общественный туалет.

— Для мужчин.

— Для людей, — сказал Гремионис.

Казалось, он совсем был сбит с толку.

— Для обоих полов? Не может быть!

— Для всех. А как, по-вашему? Я не понимаю.

Бейли отвернулся. Всего несколько минут назад он думал, что разговор в туалете — это дурной вкус, то, чего не делают. Ему не приходило в голову худшее: возможность встретить там женщину.

Он даже не мог предугадать своей реакции на

подобную встречу, и мысль об этом казалась ему нестерпимой.

Об этом книгофильмы тоже не говорили.

Он смотрел те фильмы, чтобы не начать расследования в полном неведении относительно образа жизни Авроры, но фактически так ничего и не узнал. Как же ему распутать этот узел смерти Джандера, если он теряется от своего незнания на каждом шагу?

Минуту назад он радовался своей маленькой победе над ужасами пребывания на открытом пространстве, а теперь почувствовал, что не знает ничего, не знает даже природы своего незнания.

Сейчас, не в силах отогнать образ женщины, входившей туда, где он только что был, он пришел в отчаяние.

48

Жискар спросил, и в его словах, если не в тоне, слышалось участие:

— Вам нехорошо, сэр? Не нужна ли помощь?

— Нет, — пробормотал Бейли, — Все в порядке. Но давайте уйдем с дороги.

Он быстро пошел к машине. Тут же стоял маленький двухместный экипаж с двумя сиденьями, расположенными одно за другим. Это и

был скутер Гремиониса.

Бейли осознал, что его мрачное настроение усилено чувством голода. Время ленча давно прошло, а он ничего не ел. Он повернулся к Гремионису:

— Давайте поговорим, только, если не возражаете, за ленчем. Конечно, если вы еще не ели и не против составить мне компанию.

— Где вы намерены есть?

— Не знаю. Где здесь едят?

— В общественной столовой. Но там мы не сможем разговаривать.

— Что-нибудь может помешать?

— Поедем ко мне, — быстро сказал Гремионис. — Дом у меня не бог весть какой, я не из больших начальников, но все-таки у меня есть несколько роботов, и мы получим приличную еду, уверяю вас. Я поеду с Бронджи, моим роботом, на скутере, а вы следом. Вам придется ехать медленно, но я живу всего в километре отсюда. Через две—три минуты мы приедем.

Он отошел. Бейли следил за ним, и ему казалось, что в Гремионисе сохранилась какая-то юношеская нескладность. Конечно, судить о его годах было трудно: возраст космонита вообще определить довольно сложно, и Гремионису

вполне могло быть не меньше пятидесяти.

Но он вел себя, как юноша, во всяком случае, так показалось бы всякому землянину. Бейли не вполне понимал, что именно в Гремионисе создает такое впечатление, и повернулся поэтому к Дэниелу:

— Вы знаете Гремиониса, Дэниел?

— Я его никогда не видел.

— А вы, Жискар?

— Я видел его однажды, но мельком.

— Вы что-нибудь о нем знаете?

— Ничего, кроме того, что можно определить по внешнему виду, сэр.

— Вы не знаете, сколько ему лет?

— Нет, сэр.

Гремионис крикнул:

— Готовы?

Скутер его жужжал. Ясно было, что для передвижения по воздуху он не предназначен. Его колеса не могут отрываться от земли. Бронджи сел позади Гремиониса.

Жискар, Дэниел и Бейли сели в свой кар. Гремионис с места тронул скутер. Его волосы ветром отнесло назад, и Бейли подумал, как, наверное, чувствуешь ветер, когда едешь в такой открытой машине, как скутер. Он радовался, что полностью

закрыт в своей машине, которая вдруг показалась ему куда более цивилизованным способом путешествия.

Гремионис махнул рукой, призывая их ехать за ним. Робот, сидевший позади, сохранял равновесие и не держался за талию Гремиониса, как, по мнению Бейли, обязательно держался бы человек.

Кар с некоторым трудом выдерживал небольшую скорость, чтобы не налететь на скутер.

— Одно смущает меня, — задумчиво сказал Бейли.

— Что именно? — спросил Дэниел.

— Василия пренебрежительно назвала его «брадобреем». Видимо, он имеет дело с прическами, одеждой и прочими личными принадлежностями человеческого быта. Почему же он живет на территории Института Роботехники?

Глава 12
Снова Гремионис

49

Через несколько минут Бейли, с тех пор как прибыл на Аврору полтора дня назад, оказался в четвертом по счету аврорском доме.

Дом Гремиониса выглядел меньше и неряшливее других, хотя на неискушенный в аврорских делах взгляд Бейли имел вид построенного совсем недавно. Отличительный признак аврорских домов — ниши для роботов — был, конечно, налицо.

Жискар и Дэниел быстро заняли свободные ниши и молча замерли там. Почти так же быстро Бронджи занял третью пишу.

Бейли удивлялся, как роботы избегают столкновений при выборе ниши. Надо будет спросить об этом Дэниела.

Гремионис тоже оглядел ниши, провел пальцем по усикам и сказал чуточку неуверенно.

— Ваш человекоподобный робот, наверное, не должен быть в нише. Это ведь Дэниел Оливо,

робот доктора Фастольфа?

— Да, — сказал Бейли. — Он тоже был в числе героев фильма. По крайней мере, актер сыграл его роль хорошо.

— Да, я помню.

Бейли заметил, что Гремионис, как Василия, Глэдия и даже Фастольф, держался в некотором отдалении. Существовало как бы отталкивающее поле, невидимое и неощутимое, вокруг Бейли. Оно не позволяло космонитам приближаться к нему, и они, встречаясь с ним, обходили его. Интересно, сознавал ли это Гремионис, или это получалось у него автоматически?

А что они сделают со стульями, на которых он сидел в их домах, с тарелками, на которых он ел, с полотенцами, которыми он пользовался — просто вымоют или как-нибудь простерилизуют? Может, выбросят?

А как насчет общественного туалета — сломают и выстроят новый?

Он понял, что ударился в дурацкие крайности.

Что и как делают аврорцы — это их дело, ему нечего ломать голову. О, дьявол!

У него своих проблем хватает. Вот и сейчас эта заноза — Гремионис. Он примется за него после ленча.

Ленч был довольно простой, в основном, растительный, но Бейли впервые слегка забеспокоился. Каждое блюдо имело слишком резкий вкус. Морковь имела какой-то подчеркнутый вкус моркови, горох — гороха. Везде чуть-чуть чего-то лишнего. Бейли ел не очень охотно, стараясь скрыть легкую тошноту. Затем он обнаружил, что начинает привыкать к аврорской пище, и даже опечалился: когда он вернется на Землю, ему будет не хватать этих вкусовых тонкостей.

Но, возможно, когда земляне обоснуются на других планетах, эта пища, приготовленная по-космонитски, будет эталоном новых кулинарных рецептов, особенно, если у них не будет роботов, готовящих и подающих еду.

Тут он с неудовольствием подумал, что не «когда», а «если» земляне обоснуются на новых планетах и это если целиком зависит от него, детектива Илайджа Бейли. Ответственность за осуществление этого лежит на нем.

Ленч кончился. Робот принес влажные салфетки для вытирания рук. Салфетки оказались необычными: когда Бейли положил свою на тарелку, салфетка стала сперва тонкой, как паутина, затем поднялась вверх и исчезла в отдушине на потолке.

Бейли чуть не подскочил от удивления, и, раскрыв рот, следил за ее исчезновением.

— Это новинка, которую я только что приобрел, — сказал Гремионис, — но не пойму, нравится она мне или нет. Некоторые говорят, что это будет засорять отдушину, и грязь в конце концов, попадет в наши легкие. Изготовитель, конечно, ничего не говорит, но…

Бейли прервал его несколько ворчливо:

— Вы парикмахер, мистер Гремионис?

Гремионис покраснел до корней волос:

— Кто вам это сказал?

— Извините, если невежливо так называть вашу профессию. На Земле так обычно говорят, и это никого не обижает.

— Я дизайнер по прическам и одежде. Это признанная отрасль искусства. Я, в сущности, артист, художник.

Его палец снова прошелся по усикам.

Бейли сказал серьезно:

— Я обратил внимание на ваши усы. Это так принято на Авроре?

— Нет, но надеюсь, что будет. Многим мужским лицам можно придать больше мужественности и сделать их красивее и выразительнее с помощью искусного дизайна, покрывающей их растител-

ности, и такой дизайн — часть моей профессии. На планете Паллас лицевые волосы обычны, но там их красят. Каждый волос красится отдельно, в разный цвет, чтобы получилась смесь, но это глупость. Краски со временем изменяются, и усы выглядят ужасно. Но все-таки это лучше, чем лысина на лице. Голое лицо крайне непривлекательно. Эту фразу я сам придумал и пользуюсь ею в разговоре с потенциальным клиентом. Она действует весьма эффективно. Женщины могут обойтись без лицевых волос, поскольку пользуются гримом. На планете…

Его быстрая спокойная речь действовала гипнотически, так же, как и его манера смотреть с подкупающей искренностью.

Бейли пришлось почти физически встряхнуться.

— Вы — роботехник? — спросил он.

Гремионис выглядел испуганным и чуточку смущенным тем, что его прервали на полуслове.

— Нет, отнюдь. Я пользуюсь роботами, как все, но не знаю, что у них внутри. Меня это и не интересует.

— Но вы живете на территории Института Роботехники.

— А почему бы мне не жить тут?

Голос Гремиониса стал более враждебным:

— Если вы не роботехник…

Гремионис сделал гримасу:

— Это же глупо! Когда Институт еще только проектировался, здесь предполагалось автономное общество: собственный транспорт, свои мастерские для его ремонта, свои роботы для работы в мастерских, свои врачи, свои строители. Персонал живет тоже здесь. Разве у меня плохая профессия, и я не должен здесь жить?

— Я этого не говорил.

Гремионис отвернулся, еще чувствуя обиду, и нажал кнопку, а затем, изучив многоцветную четырехугольную полосу, сделал что-то, отчего раздался щелчок. С потолка спустился шар и повис в метре от их голов, затем раскрылся, как дольки апельсина, и в нем началась игра красок, сопровождаемая мягким звуком. То и другое смешивалось так искусно, что ошеломленный Бейли скоро перестал разделять свет и звук. Окна затемнились, сегменты шара стали ярче.

— Не слишком ярко? — спросил Гремионис.

— Нет, — поколебавшись ответил Бейли.

— Это для фона. Я подобрал мягкую комбинацию, чтобы легче было разговаривать в цивилизованной манере.

Затем он быстро добавил:

— Перейдем к делу?

Бейли отвел глаза от этой штуки — Гремионис не назвал ее — с некоторым усилием и сказал:

— Да, если вы позволите.

— Вы обвинили меня, что я что-то сделал для обездвижения этого робота Джандера.

— Я расследую обстоятельства гибели робота.

— Но в связи с этой гибелью вы упомянули меня. И вы только что спросили, не роботехник ли я. Я понимаю, что у вас на уме. Вы пытаетесь приписать мне какие-то знания роботехники и построить дело против меня, как прикончившего робота.

— Могли бы сказать — убийцы.

— Робота нельзя убить. Но в любом случае, я не приканчивал его, не убивал: назовите, как хотите. Я вам сказал: я не роботехник. Я ничего не знаю о роботах. Как вы могли даже подумать…

— Я должен расследовать все связи, мистер Гремионис. Джандер принадлежал Глэдии, а вы дружны с ней. Вот связь.

— У нее может быть куча друзей. Какая же это связь?

— Вы утверждаете, что никогда не видели Джандера, бывая у Глэдии?

— Нет, ни разу.

— Вы не знали, что у нее есть человекоподобный робот?

— Нет.

— Она никогда не упоминала о нем?

— У нее полон дом роботов, самых обычных. Она никогда не говорила, что имеет какого-то другого.

— Прекрасно. У меня нет причин — пока — предполагать, что это неправда.

— Тогда скажите это Глэдии. Вот из-за этого я и хотел вас видеть: просить вас об этом, настаивать.

— Разве у Глэдии есть причины думать иначе?

— Конечно. Вы отравили ее мысли. Вы спрашивали ее обо мне в связи с этим делом, и она решила… она не уверена… Во всяком случае, она вызвала меня сегодня утром и спросила, не сделал ли я что-нибудь с роботом. Я говорил уже вам.

— Вы отрицали?

— Ясное дело! Отрицал со всей убедительностью, потому что я и в самом деле ничего такого не делал. Но я не могу ее убедить, и хочу, чтобы это сделали вы. Скажите ей, что, по вашему мнению, я тут ни при чем. Вы должны сказать ей это, потому что не можете без всяких причин портить

мне репутацию. Я заявлю о вас.

— Кому?

— Комитету Личной Защиты, в Совет. Глава Института — близкий друг самого Председателя, и я уже послал ему полный отчет об этом деле. Я не стал ждать, понимаете. Я стал действовать.

Гремионис потряс головой, как бы показывая свою решительность, но, судя по выражению лица, сам не слишком верил в убедительность сказанного.

— Видите ли, здесь не Земля. Мы здесь защищены. Это у вас, с вашей перенаселенностью, люди живут в ульях, в муравейниках. Вы толкаете друг друга, душите друг друга, и это у вас в порядке вещей. Одна жизнь — или миллион — какая разница?

— Вы явно начитались исторических романов, — сказал Бейли, стараясь не показать недовольство.

— Конечно, читал, и там написано так, как оно есть. Иначе и не может быть на планете с миллиардами жителей. А на Авроре ценится каждая жизнь. Физически нас защищают роботы, поэтому у нас никогда не бывает нападений и убийств.

— Если не считать убийства Джандера.

— Это не убийство. Джандер всего лишь робот. А от вреда большего, чем нападение, нас защищает Совет. Комитет Личной Защиты очень неодобрительно смотрит на любое действие, которое несправедливо чернит репутацию или вредит общественному положению отдельного гражданина. Аврорец, действуя, как вы, имел бы серьезные неприятности. А что касается землянина…

— Я приехал для расследования, полагаю, по приглашению Совета. Я не думаю, что доктор Фастольф привез меня сюда без разрешения Совета.

— Возможно. Но это не дает вам никакого права переходить границы частного расследования.

— И вы намерены заявить это в Совете?

— Я намерен пойти к главе Института.

— Как его зовут, кстати?

— Келдин Амадейро. Я попрошу его рассказать об этом в Совете. Он член Совета, лидер глобалистской партии, так что для вас же лучше сказать Глэдии, что я абсолютно невиновен.

— Я бы хотел этого, мистер Гремионис, поскольку предполагаю, что вы и в самом деле невиновны, но как я могу сменить предположение на уверенность, если вы не позволяете мне

задать вам кое-какие вопросы?

Гремионис заколебался, а затем с некоторым вызовом откинулся на спинку стула, заложив руки за голову:

— Спрашивайте. Мне нечего скрывать. А потом вы вызовете Глэдию прямо по моему трехмерному передатчику и скажете ей все, иначе у вас будут неприятности.

— Понятно. Но сначала скажите: давно ли вы знакомы с доктором Василией?

Гремионис замялся и с усилием произнес:

— Почему вы об этом спрашиваете? При чем тут это? Бейли вздохнул, и его унылое лицо стало еще печальнее.

— Напомню вам, мистер Гремионис, что вам нечего скрывать и что вы хотите убедить меня в своей невиновности, а я в свою очередь должен убедить в этом Глэдию, так что скажите, давно ли вы знакомы с доктором Василией. Если незнакомы, так и скажите. Но с моей стороны честно будет сказать вам, что доктор Василия утверждает, что вы знаете ее, и знаете настолько хорошо, что предлагали себя ей.

У Гремониса был подавленный вид. Он сказал дрожащим голосом:

— Не знаю, почему люди делают из этого что-то

особенное. Предложить — дело вполне естественное и никого другого не касается. Вы землянин, вот вы и поднимаете шум вокруг этого.

— Как я понял, она не приняла вашего предложения.

— Принять или отказать — целиком ее дело. Были такие, что предлагали себя мне, а я отказал. Подумаешь, какая важность.

— Ну ладно. Давно вы знакомы с ней?

— Лет пятнадцать.

— Вы знали ее, когда она жила в доме доктора Фастольфа?

— Тогда я был мальчишкой, — сказал Гремионис.

Он покраснел.

— Как вы с ней познакомились?

— Когда я закончил обучение как персональный художник, меня пригласили сделать дизайн ее гардероба. Ей понравилось, и она стала пользоваться моими услугами — исключительно в смысле одежды.

— Не по ее рекомендации вы получили свое теперешнее место официального художника для членов Института?

— Она признавала мою высокую квалификацию. Меня проверили другие, и я добился

положения согласно моим достоинствам.

— Она рекомендовала вас?

— Да, — неохотно признал Гремионис.

— И вы только из благодарности предложили ей себя?

Гремионис скорчил гримасу:

— Это отвратительно! Только землянин мог подумать такое. Мое предложение означало только, что мне приятно его сделать.

— Из-за того, что она привлекательна и сердечна?

— Ну, — нерешительно сказал Гремионис, — я бы не сказал, что она сердечна, но, конечно, привлекательна.

— Мне сказали, что вы предлагаете себя всем без разбора.

— Это вранье. Кто это сказал?

— Не знаю, стоит ли мне отвечать на этот вопрос. Не думаете ли вы, что если я стану ссылаться на вас, как на источник некрасивой информации, то вы будете со мной откровенны?

— Ну, ладно, кто бы ни сказал — он соврал.

— Может, это было просто драматическое преувеличение. Вы многим предлагали себя до доктора Василии?

Гремионис отвел глаза:

— Одной или двум. Ничего серьезного.

— А доктор Василия была для вас чем-то серьезным?

— Ну…

— Как я понял, вы предлагали ей себя несколько раз, что полностью противоречит аврорским обычаям.

— Ох, эти аврорские обычаи… — яростно начал было Гремионис. — Послушайте, мистер Бейли, могу я говорить с вами конфиденциально?

— Да. Все мои вопросы имеют целью увериться, что вы не имеете отношения к смерти Джандера. Как только я буду удовлетворен, можете быть уверены, что я сохраню в тайне все ваши замечания.

— Вот и хорошо. Тут нет ничего плохого, ничего такого, чего я стыдился бы. Просто у меня сильное тайное чувство, и я имею на него право, верно?

— Абсолютно верно.

— Видите ли, у меня ощущение, что секс всегда лучше, когда между партнерами существует глубокая любовь и привязанность.

— Я думаю, это совершенно правильно.

— Тогда не нужно никого другого. Как вы думаете?

— Вполне вероятно.

— Я всегда мечтал найти отличную партнершу и больше не искать никого. Это называется моногамией. На Авроре она не существует, но на некоторых других планетах есть. И на Земле тоже, мистер Бейли?

— В теории, мистер Гремионис.

— Вот этого я и хочу. Я искал несколько лет. Время от времени я занимался сексом, и, сказал бы, мне чего-то не хватало. Затем я встретил доктора Василию, и она сказала мне… Знаете, люди часто откровенны со своими персональными художниками, потому что это очень личная работа…

— Ну-ну, продолжайте.

Гремионис облизал губы.

— Если то, что я скажу, выйдет наружу — я пропал. Она сделает все, чтобы я не получал больше заказов. Вы уверены, что все это относится к делу?

— Уверяю вас, что оно может оказаться исключительно важным.

— Ну…

Гремионис не выглядел полностью убежденным.

— Из деталей того, что мне рассказала доктор Василия, я сделал вывод, что она…

Его голос упал до шепота:

— Она девственница.

— Понятно, — спокойно сказал Бейли.

Он вспомнил, что по уверению Василии, отказ ее отца искалечил ей жизнь, и лучше понял ее ненависть к отцу.

— Это разожгло меня. Мне казалось, что я мог бы иметь ее для себя одного, и сам не хотел бы никого другого. Я не могу объяснить, как много это значило для меня. Это сделало ее в моих глазах сияюще-прекрасной, и я в самом деле очень хотел ее.

— И вы предложили ей себя?

— Да.

— И не один раз. Вас не обескураживал ее отказ?

— Это как раз подтверждало ее девственность и заставляло меня желать еще больше. Меня как раз и возбуждало, что этого нелегко добиться. Я не могу объяснить, но надеюсь, что вы поймете.

— Да, я прекрасно понимаю. Но наступило время, когда вы перестали предлагать себя доктору Василии?

— Ну, да.

— И начали предлагать себя Глэдии?

— Ну, да.

— Неоднократно?

— Ну, да.

— Почему такая перемена?

— Доктор Василия в конце концов дала ясно понять, что у меня нет никаких шансов, а затем появилась Глэдия, и она очень похожа на доктора Василию, и… так оно и случилось.

— Но Глэдия не девственница. Она была замужем на Солярии и здесь, на Авроре, как я слышал, экспериментировала довольно широко.

— Это я знал, но она… Она ведь солярианка и плохо понимает аврорские обычаи. Она это прекратила, потому что ей не нравится, как она говорит, «неразборчивость».

— Она сама говорила вам это?

— Да. На Солярии принята моногамия. Глэдия не была счастлива в браке, но она привыкла к этому обычаю и не нашла радостей в аврорской манере, когда познакомилась с ней, да и в моногамии, которой я хочу — тоже. Вы понимаете?

— Да. Но как вы встретились с ней впервые?

— Просто увидел. Когда она приехала на Аврору — романтическая беженка с Солярии — это транслировалось по гиперволновой программе. И она участвовала в том фильме…

— Да. Но ведь было что-то еще?

— Я не понимаю, чего вы еще хотите?

— Ну, попробую догадаться. Когда доктор Василия отказала вам навсегда, она не намекнула вам на альтернативу для вас?

— Доктор Василия сказала вам это?

— Не такими словами, но я думаю, что случилось именно так. Не говорила ли она вам, что было бы полезно посмотреть на новоприбывшую молодую леди с Солярии, которая стала подопечной доктора Фастольфа? Не говорила ли вам доктор Василия, что, по общему мнению, эта молодая леди очень похожа на нее, только моложе и сердечнее? Короче говоря, не советовала ли вам доктор Василия переключить внимание с нее на Глэдию?

Гремионис явно страдал. Он посмотрел в глаза Бейли и тут же отвел взгляд.

Бейли впервые увидел в глазах космонита страх. Он покачал головой. Не следует радоваться тому, что напугал космонита — это может повредить его объективности.

— Ну? — сказал он. — Я прав?

Гремионис тихо сказал:

— Значит, тот фильм не преувеличивал? Вы читаете мысли?

— Я просто спросил, а вы не ответили прямо, — спокойно сказал Бейли. — Прав я или нет?

— Это произошло не совсем так, не в точности. Она говорила о Глэдии, но…

Он прикусил губу и вдруг выпалил:

— Ну, в общем, это равносильно тому, что вы сказали. Вы точно описали все.

— И вы не были разочарованы? Вы нашли, что Глэдия действительно похожа на доктора Василию?

— В какой-то мере — да, — сказал Гремионис, — но не по-настоящему. Если их поставить рядом, сразу увидишь разницу. Глэдия гораздо деликатнее, воспитаннее и веселее.

— Вы предлагали себя Василии после того, как встретили Глэдию?

— Вы что, спятили? Конечно, нет.

— Но Глэдии предлагали?

— Да.

— И она отказала?

— Ну, да.

— И вы предлагали снова и снова. Сколько раз?

— Я не считал — четыре раза, ну, пять, а может

и больше.

— И она каждый раз отказывала?

— Да. А что, я должен был предлагать снова?

— Она отказывала сердито?

— Нет, это не в ее характере. Очень ласково.

— Вы предлагали себя еще кому-нибудь?

— Что?

— Ну, коль скоро Глэдия вам отказывала, естественная реакция — предложить себя кому-нибудь другому. Раз Глэдия не хочет вас…

— Нет. Я не хочу никого другого.

— А почему, как вы думаете?

Гремионис энергично ответил:

— Откуда я знаю? Я хочу Глэдию. Это вроде безумия, но, я думаю, лучший вид его. Я был бы сумасшедшим, если бы не было этого рода безумия. Вряд ли вы это поймете.

— Вы пробовали объяснить это Глэдии? Она поняла бы.

— Нет. Я расстроил бы ее. Я смутил бы ее. О таких вещах нельзя говорить. Мне следовало сходить к психиатру.

— И вы ходили?

— Нет.

— Почему?

Гремионис нахмурился:

— У вас манера задавать самые невежливые вопросы, землянин.

— Наверное, потому, что я землянин и лучше не умею. Но я также детектив и должен знать эти вещи. Почему вы не были у психиатра?

Гремионис вдруг засмеялся:

— Скажу. Лечение было бы большим безумием, чем болезнь. Я лучше буду с Глэдией, которая отказывает мне, чем с любой другой, которая примет меня. Представьте себе, что у вас вывих в мозгу, и вы хотите, чтобы мозг так и оставался вывихнутым. Любой психиатр крепко взялся бы за меня.

Бейли подумал и спросил:

— Вы не знаете, доктор Василия в какой-то мере не психиатр?

— Она роботехник. Говорят, это близкое дело. Если знаешь, как работает робот, то это намек на то, как работает человеческий мозг. Так, по крайней мере, говорят.

— Вам не приходило в голову, что Василия знает о вашем странном чувстве по отношению к Глэдии?

Гремионис напрягся:

— Я никогда не говорил ей. Во всяком случае в таких выражениях.

— Я разве она не могла понять ваши чувства, не спрашивая? Она знала, что вы неоднократно предлагали себя Глэдии?

— Ну, она спрашивала, каковы мои успехи. Мы ведь очень давно знакомы. Я должен был что-то сказать. Но ничего интимного.

— Вы уверены, что ничего интимного? Она наверняка поощряла вас продолжать предложения.

— Знаете, когда вы сказали это, я, кажется, вижу все в новом свете. Не понимаю как вы ухитрились вложить это в мою голову. Теперь мне кажется, что она действительно поощряла меня. Она активно поддерживала мою дружбу с Глэдией.

Ему было явно не по себе.

— Мне это никогда не приходило в голову.

— Как вы думаете, почему она поощряла вас повторять предложения Глэдии?

— Я полагаю, она хотела избавиться от меня, хотела быть уверенной, что я больше не буду надоедать ей.

Он хихикнул:

— Хорошенький комплимент мне, верно?

— Доктор Василия перестала относиться к вам дружески?

— Наоборот. Она стала более дружелюбной.

— Она не пыталась советовать вам, как добиться успеха у Глэдии? Скажем, показать больше интереса к работе Глэдии?

— Нет. Работа Глэдии и моя очень близки. Мы оба дизайнеры, художники, только я работаю на людей, а она — на роботов. Это, понимаете, сближает. Иногда я не предлагаю и не получаю отказа, мы добрые друзья. Если подумать, это очень много.

— Доктор Василия не советовала вам интересоваться работой доктора Фастольфа?

— С какой стати ей советовать такое? Я ничего не знаю о его работе.

— Может быть, Глэдия интересовалась, и это возможность для вас войти к ней в доверие?

Гремионис сузил глаза, вскочил с почти взрывной силой, прошел в другой конец комнаты, вернулся и остановился перед Бейли.

— По-слу-шай-те! Я не самый умный человек на планете, но я и не полный идиот. Я вижу, куда вы клоните!

— Да?

— Вы добиваетесь моего признания, что доктор Василия заставила меня влюбиться…

Он помолчал, неожиданно удивляясь самому себе.

— И я мог влюбиться, как в исторических романах. А раз я влюблен, я мог бы узнать от доктора Фастольфа, как обезвредить этого робота Джандера.

— Но вы не думаете, что это так?

— Нет! — закричал Гремионис. — Я ничего не понимаю в роботехнике. Как бы мне ни объясняли ее, я все равно не пойму и не думаю, чтобы Глэдия понимала. Кстати, я никогда ни с кем не разговаривал о роботехнике, и никто ничего не намекал мне насчет нее. И доктор Василия ничего такого не советовала. Ваша насквозь гнилая теория не сработала. Забудьте о ней.

Он снова сел, сложил руки на груди и крепко сжал губы.

Если неожиданный взрыв чувств и нарушил план атаки Бейли, он ничем не показал этого.

— Я понимаю вас. Но все-таки вы часто виделись с Глэдией?

— Да.

— Вы повторяли свои предложения, и она не обижалась, а ее постоянные отказы не обижали вас?

Гремионис пожал плечами:

— Я предлагал вежливо. Она отказывала мягко. На что же обижаться?

— Как вы проводили время вдвоем? Секс исключался, о роботехнике вы не разговаривали. Что вы делали?

— Разве в дружбе нет больше ничего, кроме секса и роботехники? Нам было что делать. Во-первых, мы разговаривали. Она очень интересовалась Авророй, и я рассказывал. А она рассказывала мне о Солярии. Это адская дыра. Я скорее предпочел бы жить на Земле, не в обиду вам будет сказано. И еще ее покойный муж. Дрянной у него был характер. У бедной Глэдии была тяжелая жизнь. Мы ходили на концерты, я водил ее в Институт Искусства, и мы работали вместе, как я уже говорил вам, над ее и моими дизайнами. Честно говоря, я не думаю, что работа на роботов хорошо оплачивается, но у каждого, знаете ли, свое мнение. Ее, кажется, забавляло, когда я объяснил ей, почему важно правильно стричь волосы. У нее-то волосы не совсем в порядке. Но большей частью мы гуляли.

— Куда вы ходили?

— Никуда специально, просто гуляли. У нее такая привычка, потому что она воспитывалась на Солярии. Вы ведь были там? Там громадные поместья на одного—двух человек, не считая роботов. Можно пройти целые мили и никого

не встретить, и Глэдия говорила — словно вся планета твоя. На Авроре такое ощущение у нее утратилось.

— Вы хотите сказать, что она хотела быть собственницей планеты?

— Глэдия? Конечно, нет! Она говорила только, что утратила ощущение быть наедине с природой. Сам я этого не понимаю, и я подсмеивался над ней. Конечно, солярианские ощущения нельзя перенести на Аврору. Очень много народу, особенно в городском районе Эос, а роботы не запрограммированы держаться вне поля зрения, как на Солярии. В сущности, все аврорцы ходят вместе с роботами. Ну, а я знаю несколько очень приятных мест, где мало народу, и Глэдия радовалась.

— И вы тоже?

— Только потому, что был с Глэдией. Аврорцы тоже много гуляют, но я, должен признаться, не любитель. Сначала у меня ныли мышцы ног, и доктор Василия смеялась надо мной.

— Она знала, что вы ходите на прогулки?

— Да, я однажды пришел, хромая, и пришлось объяснить в чем дело. Она смеялась и говорила, что это хорошая идея, и что лучший способ уговорить партнера по хобби принять предложение

— это ходить вместе. «Держитесь, — говорила она, — и она отменит свой отказ и сама предложит себя». Этого, правда, не произошло, но постепенно я и сам полюбил прогулки.

Он, похоже, преодолел свою вспышку злости и теперь был в хорошем настроении.

Он даже улыбался, видимо, вспоминая прогулки, и Бейли тоже улыбался в ответ.

— Итак, Василия знала, что прогулки продолжаются?

— Полагаю, что да. Я начал брать выходные в среду и четверг, потому что это соответствовало выбранному Глэдией графику, и доктор Василия иногда шутила над моими СЧ-прогулками, когда я приносил ей какие-нибудь эскизы.

— Доктор Василия никогда не присоединялась к прогулкам?

— Конечно, нет.

— Я думаю, вас сопровождали роботы?

— Ясное дело. Один мой, один Глэдии. Но они шли стороной, а не по пятам — по аврорской привычке, как говорила Глэдия. Она хотела солярианского уединения. Я вынужден был согласиться, хотя сначала у меня болела шея — я вертел ею, чтобы видеть, со мной ли Бронджи.

— А какой робот сопровождал Глэдию?

— Не обязательно один и тот же, и он держался и стороне, так что я не вступал с ним в разговор.

— А как насчет Джандера? Он когда-нибудь ходил? Вы бы в этом случае его запомнили?

— Человекоподобного? Конечно, запомнил бы. Но он никогда не ходил с нами. Я думаю, она считала его слишком ценным для таких обязанностей, которые выполнит любой обычный робот.

— Вы тоже так считали?

— Это ее робот. Мне нет до него дела.

— Вы ни разу не видели его?

— Нет.

— И она ничего о нем не говорила?

— Я не помню такого случая.

— Вас это не удивляло?

— Нет. Зачем говорить о роботах?

Бейли пристально взглянул в лицо Гремионисса:

— Вы никогда не задумывались об отношениях Глэдии и Джандера?

— Вы хотите сказать, что между ними был секс?

— Вы были бы удивлены?

— Такое бывает, — флегматично сказал Гремионис. — Ничего особенного. Человек может иногда

пользоваться роботом, если захочет. А человекоподобный робот, наверное, человекоподобен полностью.

— Полностью.

— Ну, тогда женщине трудно устоять.

— Но перед вами она устояла. Разве вам не досадно, что она предпочла вам робота?

— Ну, если так и было — а я не уверен, что это правда, — горевать не о чем. Робот и есть робот. Женщина с роботом или мужчина с роботом — это просто мастурбация.

— Вы честно не знали об этих отношениях и не подозревали?

— У меня даже мысли такой не было.

— Не знали или знали, но не обращали внимания?

Гремионис нахмурился:

— Опять вы на меня нажимаете. Чего вы от меня хотите? Вот вы сейчас вбили это мне в голову, и напираете, и мне начинает казаться, что я, может, и задумывался о чем-то таком. Но я ничего этого не чувствовал, пока вы не начали задавать вопросы.

— Вы уверены?

— Уверен. Не изводите меня.

— Я вас не извожу. Просто я хотел бы знать:

если вы знали, что Глэдия регулярно занималась сексом с Джандером, и знали, что она никогда не возьмет вас в любовники, возможно ли, чтобы вы не хотели устранить Джандера, к которому ревновали?

В этот миг Гремионис распрямился, как пружина, и бросился на Бейли с громким нечленораздельным криком. Бейли инстинктивно откинулся назад и упал вместе со стулом.

51

Сильные руки тотчас же подняли его. Бейли понял, что это руки робота. Как легко забыть о них, когда они неподвижно и молча стоят в нишах! Однако, это был не Дэниел и не Жискар, а Бронджи, робот Гремиониса.

— Сэр, — сказал Бронджи несколько ненатуральным голосом, — я надеюсь, что вы не ушиблись?

Где же Дэниел и Жискар?

Ответ пришел сам собой. Роботы быстро поделили работу между собой.

Дэниел и Жискар быстро сообразили, что опрокинувшийся стул меньше повредит Бейли, чем обезумевший Гремионис, и бросились на хозяина. Бронджи, видя, что он там не нужен, стал

помогать Бейли.

Тяжело дышавшего Гремиониса роботы Бейли осторожно обездвижили, полностью сковав все его движения. Он сказал чуть ли не шепотом:

— Отпустите меня. Я овладел собой.

— Да, сэр, — сказал Жискар.

— Конечно, сэр, — сказал Дэниел почти медовым голосом.

Они опустили руки, но некоторое время не отходили от него. Гремионис огляделся, поправил одежду и сел. Он все еще прерывисто дышал, и волосы его были в беспорядке.

Бейли стоял, положив руку на спинку стула.

— Простите меня, мистер Бейли, — сказал Гремионис. — Я утратил контроль над собой. Со мной не случалось такого за всю мою взрослую жизнь. Вы обвинили меня в ревности. Порядочный аврорец не должен употреблять это слово, но мне не следовало забывать, что вы землянин. Оно встречается только в старинных романах, да и то обычно после первой буквы ставится тире. У вас, конечно, не так, я понимаю.

— Я тоже прошу прощения, мистер Гремионис, что мое полное незнание аврорских обычаев привело меня на неверный путь. Уверяю вас, что такой ляпсус не повторится.

Он сел.

— Наверное, больше не о чем говорить.

Гремионис, казалось, не слышал его.

— Когда я был маленьким, я иногда толкал других и меня толкали, но роботы и не думали разнимать нас.

— Если позволите, — сказал Дэниел, — я объясню, коллега Илайдж. Было установлено, что полное пресечение агрессивности в очень юном возрасте ведет к нежелательным последствиям. Поэтому некоторые игры, включающие физические соревнования, разрешались и даже одобрялись при условии, чтобы не было ощутимого вреда. Роботы, ухаживающие за малышами, программировались так, чтобы они различали степень вреда, который мог быть причинен. Я, например, в этом смысле программирован неправильно и не гожусь для охраны малолетних, и Жискар тоже.

— А в юношеские годы такое агрессивное поведение пресекается? — спросил Бейли.

— Да, постепенно, когда уровень вреда может повыситься, и желательно развитие самоконтроля.

— К тому времени, — сказал Гремионис, — когда я поступал в высшую школу, я, как и все

аврорцы, прекрасно знал, что соревнование индивидуумов основано на сравнении их мыслительных способностей и таланта…

— А физических состязаний никаких? — спросил Бейли.

— Они есть, но лишь такие, которые не включают умышленного физического контакта с намерением нанести увечье. Но со времени своей юности я никогда ни на кого не нападал, хотя у меня было к этому множество случаев, уверяю вас, но до этой минуты я всегда умел владеть собой. Правда, никто никогда не обвинял меня в… этом.

— В любом случае, — сказал Бейли, — ничего хорошего из нападения не получится, если рядом с каждым соперником стоит робот.

— Конечно. Тем более оснований для меня стыдиться, что я утратил самоконтроль. Надеюсь, вы не упомянете об этом в своем рапорте.

— Будьте уверены, я никому не скажу. Это не относится к делу.

— Спасибо. Вы сказали, что интервью кончено?

— Думаю, да.

— В таком случае, вы скажете Глэдии, что я ни при чем в деле Джандера?

Бейли заколебался:

— Я скажу ей, что это мое мнение.

— Прошу вас, скажите убедительнее, чтобы она была полностью уверена в моей непричастности, особенно, если она была привязана к роботу из сексуальных побуждений. Я не могу вынести, если она подумает, что я р… Она солярианка и может так подумать.

— Да, могла бы, — задумчиво сказал Бейли.

— Но видите ли, — быстро заговорил Гремионис, — я ничего не понимаю в роботах, и ни доктор Фастольф, ни доктор Василия, и никто другой ничего не говорили мне о том, как они функционируют. Я имею в виду — у меня не было никакой возможности разрушить Джандера.

Бейли, казалось, глубоко задумался, а затем сказал с явной неохотой:

— Мне ничего не остается, как только поверить вам. Я ничего не знаю. Возможно — я говорю это без намерения оскорбить — вы или доктор Василия, или вы оба, лжете. Я слишком мало знаю о внутренней природе аврорского общества и потому легко могу оказаться в дураках. И все-таки я могу только поверить вам. Но я не могу сказать Глэдии, больше того, что, по моему мнению, вы ни в чем не виноваты. Я могу сказать только «по

моему мнению». Я уверен, что она найдет это достаточно убедительным.

— Ну, тогда я удовлетворюсь этим. Если это может помочь, я дам вам слово аврорского гражданина, что я невиновен.

Бейли чуть заметно улыбнулся:

— Я не стал бы сомневаться в вашем слове, но моя работа требует только объективных доказательств.

Он встал:

— Не истолкуйте неправильно то, что я вам скажу, мистер Гремионис. Вы просите меня, чтобы я успокоил Глэдию, потому что вы хотите сохранить ее дружбу?

— Очень хочу, мистер Бейли.

— И вы намерены снова предложить себя ей?

Гремионис покраснел:

— Да.

— Могу ли я дать вам совет, сэр? Не делайте этого.

— Держите ваши советы при себе. Я не намерен следовать им.

— Я хочу сказать — не делайте этого по обычной официальной процедуре, а просто обнимите да поцелуйте ее.

Бейли опустил глаза, чувствуя непривычное

смущение.

— Нет, — сказал Гремионис убежденно. — Ни одна аврорская женщина не потерпит такого. И мужчина тоже.

— Мистер Гремионис, не забывайте, что Глэдия солярианка. У них другие обычаи и традиции. На вашем месте я бы попробовал.

Бейли смотрел в пол, скрывая внезапную ярость. Кто ему Гремионис, чтобы давать ему такой совет? Зачем советовать другому сделать то, что он, Бейли, мечтал сделать сам?

Глава 13
Амадейро

52

Бейли снова вернулся к делу и сказал, понизив свой баритон более обычного:

— Мистер Гремионис, вы упоминали имя главы Института Роботехники. Не назовете ли вы мне его имя еще раз?

— Калдин Амадейро.

— Есть какая-нибудь возможность связаться с ним отсюда?

— И да, и нет. Вы можете вызвать его секретаря или его заместителя, но его самого — вряд ли. Он, как я слыхал, не очень общительный. Сам-то я, конечно, не знаком с ним. Я видел его, но никогда с ним не разговаривал.

— Значит, он не пользуется вашими услугами как дизайнера одежды или для ухода за лицом?

— Я не знаю, пользуется ли он вообще чьими-нибудь услугами, но по его виду вроде бы да.

— Я хотел бы попытаться добраться до него, несмотря на его репутацию необщительного

человека. Если у вас есть трехмерка, вы не будете возражать, если я ею воспользуюсь?

— Бронджи может сделать для вас вызов.

— Нет, я думаю, это сделает коллега Дэниел, если вы не против.

— Нисколько не против. Аппарат там, идите за мной, номер 75–30, дополнительный 20.

— Спасибо, сэр.

Дэниел поклонился.

Комната была совершенно пуста. В одной ее стороне стоял небольшого диаметра столбик высотой в половину человеческого роста, он заканчивался плоскостью, на которой стоял какой-то сложный прибор. Столбик стоял в центре выкрашенного в серый цвет круга, резко отличавшегося своей окраской от светло-зеленого поля. Рядом был такой же круг, но без столбика.

Дэниел шагнул к столбику, и круг сразу осветился. Дэниел быстро сделал что-то с прибором, и осветился второй круг. На нем появился робот. Трехмерный по виду, он слабо мерцал — это было голографическое изображение.

Дэниел сказал:

— Я Р.Оливо Дэниел.

Он слегка подчеркнул «Р», чтобы робот не ошибся, приняв его за человека.

— Я представляю детектива Илайджа Бейли с Земли. Он хотел бы поговорить с Главным роботехником Калдином Амадейро.

— Главный роботехник Амадейро на конференции. Может быть, достаточно поговорить с роботехником Сисисом?

Дэниел быстро глянул на Бейли. Тот кивнул, и Дэниел сказал:

— Этого будет достаточно.

— Если вы, — сказал робот, — попросите детектива Бейли встать на ваше место, я постараюсь найти роботехника Сисиса.

— Может быть, вам лучше сначала… — начал Дэниел.

Бейли прервал его:

— Он прав, Дэниел. Я не против подождать.

Дэниел продолжал:

— Коллега Илайдж, на вас, как на личного представителя Мастера роботехники Хена Фастольфа, распространяется его общественный статус, пусть даже временно, и вам не пристало ждать…

— Все это правильно, Дэниел, но я не хочу лишней отсрочки ради этикета.

Дэниел сошел с круга, и Бейли занял его место. Изображение робота исчезло.

Бейли терпеливо ждал. Наконец, появилось

другое изображение и постепенно обрело трехмерность.

— Я роботехник Мелун Сисис, — сказал человек резким звонким голосом.

У него были короткие бронзовые волосы и уже по одному этому он показался Бейли типичным космонитом, только нос был не по-космонитски асимметричен.

Бейли спокойно сказал:

— Я детектив Илайдж Бейли с Земли. Я хотел бы поговорить с Главным роботехником Калдином Амадейро.

— У вас есть с ним договоренность, детектив?

— Нет, сэр.

— Вы должны иметь ее, если хотите его видеть. Но ни на этой неделе, ни на следующей свободного промежутка времени не будет.

— Я детектив Илайдж Бейли с Земли…

— Я понял. Но это ничего не меняет.

— Я здесь по приглашению доктора Хена Фастольфа и с разрешения Совета Авроры. Я расследую убийство робота Джандера Пэнела…

— Убийство робота? — переспросил Сисис с вежливым презрением.

— Роботоубийство, если предпочитаете. На Земле уничтожение робота не столь важное дело,

но на Авроре, где к роботам относятся почти как к людям, слово «убийство», как мне кажется, может быть уместным.

— Убийство, роботоубийство или называйте как хотите, но видеть Главного роботехника нельзя.

— Могу я оставить ему сообщение?

— Можете.

— И ему сейчас же передадут?

— Я постараюсь, но гарантировать не могу.

— Прекрасно. У меня несколько пунктов. Сейчас я их перечислю. Может быть, вы запишете?

Сисис слегка улыбнулся:

— Думаю, что я способен запомнить.

— Первое: где есть убийство, там есть и убийца, и я хотел бы дать доктору Амадейро шанс сказать что-то в свою защиту.

— Что? — сказал Сисис.

У Гремиониса, слушавшего этот диалог с другого конца комнаты, отвисла челюсть.

Бейли в свою очередь продемонстрировал теперь такую же слабую улыбку, которая внезапно исчезла с лица Сисиса.

— Я не слишком быстро говорю, сэр? Может быть, вы все-таки хотите записать?

— Вы обвиняете Главного роботехника в том,

что он имеет какое-то отношение к делу Джандера Пэнела?

— Наоборот, роботехник. Я должен увидеться с ним именно потому, что не хочу обвинять его. Я не хотел бы второпях установить какую-то связь между Главным роботехником и обездвижением робота на основе неполной информации, а его слова могут все прояснить.

— Вы спятили!

— Ну что ж, тогда скажите Главному роботехнику, что спятивший хочет поговорить с ним, чтобы отвести от него обвинение в убийстве. Это первый пункт. Второй: скажите ему, что этот самый спятивший провел детальный допрос художника Сантирикса Гремиониса. Третий пункт: вполне возможно, что Главный роботехник, у которого масса дел, не помнит, кто такой художник Сантирикс Гремионис. В таком случае, пожалуйста, скажите, что он живет на территории Института и за последний год совершил много длительных прогулок с солярианской женщиной Глэдией, живущей теперь на Авроре.

— Я не могу передать такое смехотворное и оскорбительное сообщение, землянин.

— В таком случае, скажите ему, что я пойду прямо в Совет и заявлю, что не могу продолжать

расследование, потому что некий Мелун Сисис взял на себя смелость заверить меня, что Главный роботехник Калдин Амадейро не станет помогать мне в расследовании уничтожения робота Джандера Пэнела и защищать себя самого от обвинения в ответственности за это уничтожение.

Сисис покраснел:

— Вы не посмеете говорить такие вещи!

— Не посмею? Что я теряю? А с другой стороны, как это прозвучит для широкой публики? Ведь аврорцы прекрасно знают, что доктор Амадейро — второй после доктора Фастольфа по знанию роботехники, и, если доктор Фастольф не виновен, то… надо ли продолжать?

— Вы еще узнаете, землянин, что законы Авроры, направленные против клеветы, очень строги.

— Без сомнения. Но если доктор Амадейро инициатор чудовищной клеветы, то наказание ему будет больше, чем мне, но почему бы вам просто не передать ему мое сообщение сразу же? Если он объяснит некоторые пункты, мы обойдем вопрос о клевете или о каком-нибудь обвинении.

Сисис с трудом выдавил из себя:

— Я расскажу все это доктору Амадейро и буду настойчиво советовать ему отказаться от встречи

с вами.

И он тут же исчез.

Бейли снова терпеливо ждал, а Гремионис отчаянно жестикулировал и говорил громким шепотом:

— Вы не можете так поступать, Бейли!

Бейли махнул ему, чтобы он успокоился. Через несколько минут — они показались Бейли очень долгими — снова появился Сисис, выглядевший очень сердитым, и сказал:

— Через несколько минут доктор Амадейро займет мое место и будет говорить с вами. Ждите!

— Здесь не место для ожидания, — немедленно сказал Бейли. — Я приду прямо в офис доктора Амадейро и там встречусь с ним.

Он сошел с серого круга и сделал Дэниелу знак выключить связь.

Гремионис, задыхаясь, сказал:

— Вы не можете говорить так с людьми доктора Амадейро, землянин.

— Могу.

— Он выкинет вас с планеты через двенадцать часов.

— Если я не добьюсь успеха в своей миссии, меня в любом случае выкинут с планеты в течение двенадцати часов.

— Коллега Илайдж, — сказал Дэниел, — боюсь, что мистер Гремионис прав в своем беспокойстве. Совет Авроры не может ничего сделать, кроме как выслать вас, поскольку вы не аврорский гражданин. Но он может настаивать перед земным правительством, чтобы вас строго наказали, и Земля это сделает. Я бы не хотел, чтобы вы были наказаны.

Бейли с трудом вымолвил:

— Я тоже не хотел бы, Дэниел, но я должен хвататься за любую соломинку. Мистер Гремионис, мне очень жаль, что я сказал ему, что вызывал из вашего дома. Мне нужно было как-то убедить его, и я чувствовал, что он придаст этому факту важное значение. Но ведь я сказал правду.

— Если бы я знал, что вы хотите сделать, я не позволил бы вам вызывать из моего дома. Я уверен, что потеряю свое место и…

Затем он с горечью добавил:

— Что я вам сделал, что вы так обошлись со мной?

— Я сделаю все, что могу, мистер Гремионис, чтобы вы не потеряли свое место. Я уверен, что у вас не будет неприятностей. Если же меня постигнет неудача, вы можете сказать, что я сумасшедший, что я возвел на вас дикие обвинения,

запугал вас угрозами оклеветать вас, и поэтому вы позволили мне пользоваться вашей трехмеркой. Я думаю, что доктор Амадейро поверит вам. В конце концов, вы уже послали ему жалобу, что я оклеветал вас, верно?

Бейли поднял руку, прощаясь:

— До свидания, мистер Гремионис. Еще раз благодарю вас. Не огорчайтесь и помните, что я сказал вам насчет Глэдии.

Зажатый между Дэниелом и Жискаром, Бейли вышел из дома Гремиониса, едва сознавая, что снова идет в открытое пространство.

53

Снаружи что-то изменилось. Бейли остановился и посмотрел в небо.

— Странно. Я не думал, что прошло так много времени. Солнце уже зашло.

— Нет, сэр, — сказал Жискар, — до заката еще два часа.

— Собирается гроза, партнер Илайдж. Тучи сгустились, но гроза начнется не сразу, а через некоторое время, — сказал Дэниел.

Бейли вздрогнул. Темнота сама по себе не беспокоила его. Ночь как бы огораживает открытое пространство стенами. Это лучше, чем днем,

когда по всем направлениям открытое пространство. Но сейчас и не день, и не ночь, и это плохо. Он пытался вспомнить, как все выглядело во время дождя на Земле. Ему вдруг пришло в голову, что он ни разу не видел снега и даже не знает точно, на что похожа твердая кристаллическая вода. Описаний было явно недостаточно. Молодежь иногда выходила и быстро возвращалась, визжа от возбуждения, но всегда радуясь, что снова оказалась в стенах Города. Бен однажды пытался сделать лыжи по указаниям какой-то старинной книги, и чуть не утонул в белой массе, но и его описания снега были неясными. Но Бейли знал, что снег идет, когда очень холодно. А сейчас было не очень, а просто холодно. Тучи на небе не означали, что пойдет снег, но это почему-то мало утешало.

— Это необычный цвет неба? — спросил он.

— Нет, коллега Илайдж, это гроза.

— Она часто бывает у вас?

— В это время года — да.

— И всегда приносит такой холод?

— Да. Но садитесь в машину. Там теплее.

Бейли подошел к машине, но вдруг спохватился:

— Подождите, я не спросил Гремиониса, где

офис Амадейро.

— Не нужно, — сказал Дэниел. — У друга Жискара в банке памяти есть карта Института. Он отвезет нас в административное здание. Офис доктора Амадейро, скорее всего, там.

— По моим сведениям, — сказал Жискар, — офис доктора Амадейро в административном здании. Если же доктора случайно там не окажется, то его дом рядом.

Бейли снова оказался между роботами.

Он особенно обрадовался теплому телу Дэниела, но и похожий на текстиль верхний слой Жискара не был приклеен к голому металлу его тела и не был таким холодным.

Возможно, намереваясь отвлечь Бейли от вида открытого пространства, Дэниел спросил:

— Коллега Илайдж, откуда вы узнали, что доктор Василия поощряла мистера Гремиониса интересоваться мисс Глэдией? Я не заметил, чтобы вы получали какую-то очевидную информацию.

— Я и не получал. Я был в безвыходном положении и осуществил дальний прицел. Глэдия рассказывала, что Гремионис был очень заинтересован ею и предлагал себя несколько раз. Я подумал, что он мог убить Джандера из ревности.

Правда, я не думал, что он настолько силен в роботехнике, но узнав, что дочь доктора Фастольфа роботехник и очень похожа на Глэдию, я задумался, не был ли Гремионис сначала очарован Василией — тогда убийство могло быть результатом заговора этих двоих. Легким намеком на существование такого заговора я добился свидания с Василией.

— Но ведь заговора не было, — возразил Дэниел, — по крайней мере, в том, что касается разрушения Джандера. Василия и Гремионис не могли бы произвести разрушение, даже если бы работали сообща.

— Согласен. Однако же, Василию взволновал намек на связь ее с Гремионисом. Почему? Когда Гремионис рассказал, что сначала увлекся Василией, а потом Глэдией, я подумал, что связь между Гремионисом и Василией была, возможно, непрямой, если Василия поощряла переход Гремиониса к Глэдии по какой-то причине, более отдаленно связанной со смертью Джандера. В конце концов, какая-то связь между Василией и Гремионисом была. Это показала реакция Василии на мой первый намек. Мои подозрения оказались правильными. Василия «переориентировала» Гремиониса с себя на другую женщину.

Гремионис был поражен, что я об этом знаю, и это тоже оказалось полезным, поскольку, будь дело совершенно невинным, не было бы причин делать из него тайну, а тайна явно была. Вы помните, Василия не упоминала, что уговаривала Гремиониса заинтересоваться Глэдией. Когда я сказал, что Гремионис предлагал себя Глэдии, Василия сделала вид, будто впервые слышит об этом.

— Но в чем же здесь суть, коллега Илайдж?

— Это мы найдем. Мне кажется, что важны тут не Гремионис и не Василия, а какое-то третье лицо. Если это касается дела Джандера, то третье лицо должно быть более умелым роботехником, чем Василия. Им может быть Амадейро. Я намекнул ему на существование заговора, намеренно указав на то, что допрашивал Гремиониса и говорю из его дома, и это тоже сработало.

— Но я все-таки не понимаю, что все это означает.

— Я тоже, но есть кое-какие соображения. Может, узнаем что-нибудь у Амадейро. Наше положение так скверно, что мы ничего не потеряем, строя догадки и рискуя в азартной игре.

Во время этого разговора машина сделала прыжок и полетела на умеренной высоте, затем

обошла линию кустарника и прибавила скорость над травянистыми участками и гравийными дорожками.

Жискар, вы записывали разговоры, которые велись в вашем присутствии? — спросил Бейли.

— Да, сэр.

— И можете воспроизвести их, если понадобится?

— Да, сэр.

— И можете найти какое-то отдельное выражение, сказанное той или иной особой?

— Да, сэр. Вам нет нужны прослушивать всю запись.

— А вы можете быть свидетелем в суде?

— Нет, сэр. Достаточно умелой командой можно заставить робота лгать, и тут не помогут никакие увещевания или угрозы судьи, поэтому закон мудро считает робота неправомочным свидетелем.

— В таком случае, какая польза от вашей записи?

— Это совсем другое дело, сэр. Запись нельзя изменить простой командой, ее можно только стереть. Такая запись может быть признана как очевидный факт. Прецедентов, однако, не было, и признать ее или нет — зависит от дела и от

судьи.

Жискар посадил машину на лужайке перед широким, но не очень высоким зданием с фасадом, украшенным замысловатой резьбой. Оно было явно новое, но производило впечатление построенного под старинное.

— Коллега Илайдж, вы надеетесь, что доктор Амадейро действительно может быть вам полезен?

— Нет, Дэниел, я подозреваю, что доктор Амадейро слишком умен, чтобы дать нам хоть какую-нибудь зацепку, чтобы захватить его врасплох.

— А если так, что вы собираетесь делать дальше?

— Не знаю, — сказал Бейли с мрачным ощущением дежа вю.[1] — Что-нибудь придумаю.

54

Когда Бейли вошел в административное здание, первым его ощущением было облегчение, что он ушел от неестественного освещения открытого пространства, а вторым — извращенное злорадное удовлетворение.

Жилые дома на Авроре были типовыми. В гости-

---

[1] Примечания: 1
Дежа вю (франц.) — уже бывшее.

ной ли Глэдии, в столовой Фастольфа, в рабочем кабинете Василии или в комнате с трехмерным аппаратом Гремиониса он не мог бы подумать, что он на Земле. Все четыре отличались друг от друга, но все имели некую общую особенность, полностью чуждую подземным квартирам на Земле. Административное здание было насквозь пропитано официальным духом, оно совершенно не походило на жилые дома на Авроре, в то время как в родном Городе Бейли любое официальное здание походило по своему интерьеру на жилой дом. Тем не менее, оба официальных здания двух таких разных миров были до странности схожими.

Это было первое место на Авроре, где Бейли мог бы вообразить себя на Земле — те же длинные голые коридоры, тот же стандарт узоров и украшений, те же источники света, форма которых могла раздражать одних и нравиться другим.

Но было здесь кое-что, отсутствующее на Земле, — например, подвесные горшки с цветущими растениями, видимо, с автоматическим поливом. Но растения не вызывали чувства восхищения у Бейли: не привлекают ли они насекомых? Не капает ли из них вода? Не падают ли иногда эти горшки?

Кое-чего и не хватало. В Городе на Земле даже в самых строго официальных домах всегда слышался гул человеческих голосов и шум машин, «Рабочее Жужжание Братства», как говорили земные политиканы и журналисты. Здесь же была тишина. До этого Бейли не обращал особого внимания на тишину в домах, которые он посетил за эти два дня, поскольку все было так необычно, что еще одна странность ускользнула от него.

Здесь же, где многое напоминало Землю, отсутствие «Гула Человечества» (тоже популярное выражение) обращало на себя внимание, как и оранжевый оттенок искусственного освещения, который больше бросался в глаза на здешних пустых стенах, чем на обильно украшенных стенах жилых домов.

Однако у Бейли не было много времени для размышлений.

Войдя в главный вход, Дэниел остановил Бейли и Жискара. Прошло с полминуты, и Бейли спросил:

— Почему мы стоим?

— Так полагается, коллега Илайдж. Впереди звенящее поле.

— Что это такое?

— Вообще-то, это название эвфемистическое.

Это поле действует у человека на нервные окончания и причиняет резкую боль. Роботы могут пройти, а человек — нет. Но, конечно, и тот, и другой своим появлением включат сигнал тревоги.

— Откуда вы знаете, что это поле здесь есть, и где оно?

— Его видно, если вы знаете, как смотреть. Воздух как бы дрожит, а часть стены за полем слегка зеленоватая по сравнению со стеной напротив.

— Я, например, не вижу, — с негодованием сказал Бейли. — Что же предупредит меня или любого входящего о возможности попасть в зону действия?

— Работающие в Институте носят нейтрализующее устройство, а посетители приходят с роботами, которые определят, что есть звенящее поле.

Из коридора по ту сторону поля появился робот. На Жискара он, похоже, не обратил внимания, но какое-то время переводил взгляд с Бейли на Дэниела и обратно. Затем, приняв решение, он обратился к Бейли:

— Ваше имя, сэр?

Бейли подумал, что Дэниел выглядит слишком человеком, чтобы быть им на самом деле.

— Я детектив Илайдж Бейли с Земли. Со мной

два робота из дома доктора Фастольфа — Дэниел Оливо и Жискар Ривентлов.

— Удостоверение, сэр?

Серийный номер на груди Жискара загорелся мягким фосфоресцирующим светом.

— Я ручаюсь за них обоих, друг, — сказал Жискар.

Робот вгляделся в номер, как бы сравнивая его с записью в памяти, затем кивнул и сказал:

— Серийный номер принят. Можете пройти.

Дэниел и Жискар сразу двинулись вперед, но Бейли задержался и вытянул руку — не возникнет ли боль.

— Поле снято, — сказал Дэниел. — Оно возобновится после того, как мы пройдем.

Они поднялись по спиральному эскалатору.

— Здесь есть и обычные лестничные пролеты, — сказал Дэниел, — и большинство аврорцев предпочитает их. Вы — гость, поэтому вам из вежливости предложили спираль.

— Значит, оказали мне любезность, — сказал Бейли. — Обнадеживающий признак.

Они прошли по коридору к двери, более тщательно украшенной, чем другие. Возможно, другим обнадеживающим признаком было появление в этой двери высокого аврорца. Он был

сантиметров на восемь выше Дэниела, а Дэниел был на пять сантиметров выше Бейли. Человек был широкоплеч, несколько тяжеловат, с круглым лицом, черными курчавыми волосами, имел щегольский вид и улыбался. Улыбка была весьма примечательна: широкая, видимо, невынужденная, показывающая ровные белые зубы.

— А, это мистер Бейли, знаменитый детектив с Земли, который приехал на нашу маленькую планету, чтобы показать, какой я страшный злодей. Входите, рад вас видеть. Мне очень жаль, что мой заместитель роботехник Мелун Сисис ввел вас в заблуждение, что я якобы отсутствую. Он осторожный парень и заботится о моем времени больше, чем я сам.

Он посторонился, пропуская Бейли, и слегка похлопал его по плечу дружеским жестом, какого Бейли еще не испытывал на Авроре.

— Вы Главный роботехник Калдин Амадейро? — осторожно спросил Бейли.

— Точно. Человек, намеревающийся уничтожить доктора Хена Фастольфа, как политическую силу на этой планете, но это, как я надеюсь убедить вас, еще не делает из меня негодяя. Я же не пытаюсь доказывать, что доктор Фастольф — негодяй только из-за дурацкого вандализма, со-

вершенного им над его собственным созданием, беднягой Джандером. Скажем, я только могу продемонстрировать, что доктор Фастольф ошибся.

Он подал знак, и робот, сопровождавший прибывших с визитом, шагнул в нишу.

Когда дверь закрылась, Амадейро сердечным жестом указал Бейли на красиво обитое кресло, а другой рукой показал на ниши для Дэниела и Жискара. Бейли заметил, что Амадейро на минуту жадно уставился на Дэниела. Улыбка его исчезла, и лицо приняло хищное выражение. Это выражение быстро сменилось новой улыбкой. Бейли подумал, что эта мгновенная смена выражения лица была, может быть, плодом его собственного воображения.

— Поскольку погода, кажется, неважная, — сказал Амадейро, — давайте обойдемся без тусклого дневного света.

Он что-то сделал на контрольной панели на письменном столе. Стекла затемнились, а стены загорелись мягким светом дня.

Улыбка Амадейро стала еще шире:

— Нам с вами, в сущности, мало о чем придется говорить, мистер Бейли. Пока вы ехали сюда, я из предосторожности побеседовал с мистером Гремионисом, а выслушав его, также и с докто-

ром Василией. По-видимому, мистер Бейли, вы в какой-то мере обвиняете их обоих в соучастии в уничтожении Джандера, и, как я понял, обвиняете также и меня.

— Я просто задаю вопросы, доктор Амадейро, и намерен сделать это и сейчас.

— Да, конечно, но вы — землянин, вы не понимаете неблаговидности ваших действий, и мне искренне жаль, что от их последствий вы же и пострадаете. Вы, наверное, знаете, что Гремионис прислал мне заявление насчет вашей клеветы на него.

— Он сказал мне об этом, но он неправильно понял мои действия. Они не были клеветой.

— Осмелюсь сказать, что вы со своей точки зрения правы, но вы не понимаете аврорского определения этого слова. Я вынужден был послать заявление Гремиониса Председателю, и в результате вам скорее всего прикажут завтра же утром покинуть планету. Я, конечно, сожалею об этом, но боюсь, что ваше расследование подходит к концу.

Глава 14
Снова Амадейро

55

Бейли был захвачен врасплох. Он не знал, чего ожидать от Амадейро, и не предполагал, что придет в такое замешательство. Гремионис назвал Амадейро неприветливым, а сейчас Амадейро казался веселым, общительным, даже дружелюбным. Однако, если Амадейро сказал правду, он запросто может положить конец расследованию и безжалостно сделает это, хотя и с сострадательной улыбкой. Что же он из себя представляет? Бейли машинально взглянул на роботов. Вряд ли Дэниел за свою короткую жизнь когда-нибудь встречался с Амадейро, а вот Жискар — наверняка.

Бейли сжал губы. Следовало заранее спросить Жискара насчет Амадейро. Тогда Бейли было бы легче судить, сколько в этом роботехнике естественного, а сколько умного расчета. Бейли подумал, почему на Земле или вне ее он не пользовался более разумно информационными

ресурсами роботов, и почему Жискар сам не дал ему никакой информации. Хотя нет, это неправильно: у Жискара явно не хватает способностей для самостоятельных поступков такого рода. Он выдает информацию по требованию, но не по собственной инициативе.

Амадейро проследил за быстрым взглядом Бейли и сказал:

— Я, похоже, один против трех. Как видите, здесь нет моих роботов, хотя по вызову они тут же явятся, а у вас два робота Фас-тольфа — старый надежный Жискар и этот, чудесной конструкции, Дэниел.

— Я вижу, вы их знаете, — сказал Бейли.

— Только по слухам, а своими глазами — я чуть было не сказал: во плоти — вижу их впервые. Правда, Дэниела — вернее, игравшего его актера, я видел в фильме.

— Кажется, все и на всех мирах видели этот фильм, — угрюмо заметил Бейли, — и моя жизнь — реального и ограниченного индивидуума — стала очень трудной.

— Но не со мной, — сказал Амадейро.

Он широко улыбнулся:

— Уверяю вас, я не принимаю всерьез ваш выдуманный образ. Я согласен, что реальная

жизнь вас ограничивает, а раз так — вы не можете позволить себе предъявлять столь свободно беспочвенные обвинения на Авроре.

— Доктор Амадейро, уверяю вас, я не предъявляю никаких официальных обвинений. Я просто веду расследование и рассматриваю создающиеся на основе этого возможности.

— Вы меня не поняли, — с неожиданной горячностью сказал Амадейро, — я не осуждаю вас. Я уверен, что по земным стандартам вы ведете себя безупречно. Но не по аврорским. Мы страшно дорожим своей репутацией.

— Если так, доктор Амадейро, то клевета на доктора Фастольфа со стороны вас и других глобалистов не большее ли зло, чем мои мелкие выпады?

— Совершенно справедливо, но я — известный аврорец и имею определенное влияние, а вы — землянин без какого-либо влияния. Конечно, это неправильно, я признаю и жалею об этом, но такова жизнь. Что мы можем сделать? Кроме того, обвинение против Фастольфа может быть поддержано и будет поддержано, и клевета окажется не клеветой, а правдой. Ваша ошибка в том, что ваши обвинения просто не могут получить поддержки. Я уверен, вы сами согласны,

что ни Гремионис, ни доктор Василия Алиена, ни оба они вместе не могли покалечить беднягу Джандера.

— Я никого официально не обвинял.

— Может и нет, но на Авроре не прячутся за словом «официально». Очень плохо, что Фастольф не предупредил вас об этом, когда привез вас для этого, боюсь, злополучного для вас расследования.

Бейли дернул уголком рта и подумал, что Фастольф и в самом деле мог бы предупредить его.

— Я буду вызван на разбор дела или все уже решено?

— Конечно, вас выслушают, прежде чем осудить. Мы на Авроре не варвары. Председатель рассмотрит заявление, которое я собираюсь послать ему вместе с моими предположениями на этот счет. Он, вероятно, поговорит с Фастольфом, как имеющим непосредственное отношение к этому делу, а затем организует встречу нас троих, возможно, завтра. Решение должно быть ратифицировано всем Советом. Все будет по закону, уверяю вас.

— Я не сомневаюсь, что буква закона будет соблюдена, но что если Председатель уже составил свое мнение, и что бы я ни сказал, это не будет

принято во внимание, а Совет просто утвердит заранее принятое решение? Может так быть?

Амадейро даже не улыбнулся, но Бейли показалось, что он про себя рассмеялся.

— Вы реалист, мистер Бейли. Я рад этому. Люди, мечтающие о справедливости, бывают склонны впадать в разочарование.

Он снова пристально посмотрел на Дэниела:

— Замечательная работа! Какой позор, что Джандер уничтожен! Совершенно непростительно со стороны Фастольфа.

— Доктор Фастольф отрицает свою причастность, сэр.

— Еще бы, конечно, отрицает. Не говорит ли он, что я причастен к этому? Или моя причастность — целиком ваша идея?

— У меня такой идеи нет. Я просто хочу опросить вас по этому делу. Что же касается доктора Фастольфа, то не вам обвинять его в клевете. Он уверен, что вы ни при чем, поскольку, по его мнению, у вас не хватит знаний и способностей обездвижить человекоподобного робота.

Бейли сказал это намеренно, но, если он надеялся сыграть на самолюбии Амадейро, то потерпел неудачу. Амадейро принял недооценку своих возможностей с юмором:

— В этом он прав. Такой способностью не обладает ни один роботехник, живой или ныне покойный, кроме самого Фастольфа. Он, наверное, так и сказал, наш скромнейший мастер из мастеров?

— Да.

— Тогда что же он, интересно, говорил о случившемся с Джандером?

— Редкое событие, чистая случайность.

Амадейро захохотал:

— А он рассчитал вероятность такого события?

— Да, Главный роботехник. Но даже самый невероятный случай может произойти, особенно, если имели место случаи, усилившие неблагоприятные условия.

— Какие, например?

— Именно это я и надеюсь установить. Поскольку вы уже постарались, чтобы меня выкинули с планеты, вы намерены теперь предупредить любые мои вопросы к вам, или у меня еще есть время? Прежде чем ответить, доктор Амадейро, пожалуйста, рассматривайте расследование как еще не прекращенное законом, иначе при слушании дела, будет оно завтра или позднее, я могу обвинить вас в отказе отвечать на мои вопросы, если вы намерены сейчас положить конец

нашей беседе. Это может повлиять на решение Председателя.

— Нет, мой дорогой мистер Бейли. Не воображайте, что вы можете хоть как-то повредить мне. Тем не менее, вы можете спрашивать меня, сколько хотите. Я полностью буду содействовать вам, лишь бы порадоваться, видя, как добрейший Фастольф тщетно пытается выпутаться из своей неудачи. Я не чрезмерно мстителен, мистер Бейли, но факт, что Джандер был созданием Фастольфа, еще не дает последнему право уничтожать дело своих рук.

— Законным порядком не установлено, что именно он это сделал, так что ваши слова являются, по меньшей мере, потенциальной клеветой. Давайте оставим это и займемся нашим интервью. Мне нужна информация. Я буду задавав вопросы коротко и прямо, и если вы будете отвечать так же, интервью быстро закончится.

— Нет, мистер Бейли, не вы будете ставить условия для интервью. Ваши роботы снабжены записывающими аппаратами?

— Наверное.

— Я точно знаю. У меня здесь тоже есть записывающая аппаратура. Не думайте, что вы поведете меня через джунгли коротких ответов к чему-то,

что послужит целям Фастольфа. Я буду отвечать по своему выбору и так, чтобы мой ответ нельзя было истолковать неправильно. Мои аппараты помогут мне удостовериться, что меня правильно поняли.

В первый раз за дружелюбной манерой Амадейро приоткрылся волчий оскал.

— Что ж, хорошо, но если ваши ответы будут намеренно многоречивы и уклончивы, это тоже отразится на записи.

— Очевидно.

— Значит, договорились. Могу я для начала попросить стакан воды?

— Конечно. Жискар, не обслужите ли вы мистера Бейли?

Жискар вышел из ниши. Звон льда в баре на другом конце кабинета — и на письменном столе перед Бейли появился высокий стакан с водой.

— Спасибо, Жискар, — сказал Бейли. — Доктор Амадейро, вы, как я понял, глава Института Роботехники?

— Да.

— И его основатель?

— Правильно. Как видите, я отвечаю кратко.

— Давно он существует?

— Как понятие — десятилетия. Я набирал еди-

номышленников по крайней мере пятнадцать лет. Разрешение Совета было получено двенадцать лет назад. Строительство началось девять лет назад, а практическая работа — шесть лет назад. В своем настоящем полном виде Институт существует два года, и планируется его дальнейшее постепенное расширение.

— Почему вы нашли нужным основать Институт?

— Ах, мистер Бейли, ответ будет многословным.

— Как желаете, сэр.

Робот принес на подносе маленькие сандвичи и мелкое печенье. Бейли попробовал сандвич и нашел его не то чтобы невкусным, но странным. Он с трудом доел его и запил остатками воды. Амадейро следил за ним с заметным удовольствием:

— Вы должны понять, что мы, аврорцы, люди необычные. Таковы космониты вообще, но я сейчас говорю об аврорцах в частности. Мы потомки землян — о чем большинство из нас не хочет и вспоминать — но мы избранные.

— Что это означает, сэр?

— Земляне давно живут на невероятно перенаселенной планете и согнаны в еще более

скученные Города, ставшие, наконец, ульями и муравейниками, которые вы называете Городами с большой буквы. Земляне должны были бы оставить Землю и отправиться к другим мирам, незаселенным и враждебным, и построить там новые общества из ничего, общества, полной формой которых они не смогут воспользоваться за свою короткую жизнь. Они умрут, а деревья останутся, так сказать.

— Останется необычный народ.

— Совершенно необычный, такой народ, который надеется не столько на своих последователей, сколько на нежелание видеть перед собой пустоту, народ, который любит работать на себя и ставить перед собой проблемы, а не собираться в стадо и распределять груз таким образом, чтобы часть, приходящаяся на каждого, стала практически ничем; индивидуалисты, мистер Бейли. И наше общество основано на этом. Все направления, в которых развиваются Внешние Миры, подчеркивают нашу индивидуальность. Мы гордимся, что живем, как люди, на Авроре, а не толпимся, как бараны, на Земле. Не обижайтесь, я пользуюсь сравнением не для того, чтобы унизить Землю, просто это другое общество, которым я отнюдь не восхищен, но которое, я думаю,

вы считаете удобным и идеальным.

— Какое это имеет отношение к основанию Института, доктор Амадейро?

— Даже гордый и здоровый индивидуализм имеет свои слабые стороны. Самые великие умы, работая в одиночку, не могут быстро двигаться вперед, если отказываются сообщать о своих открытиях. Какое-то затруднение может задержать ученого на сто лет, в то время, как у коллеги есть уже готовое решение. Институт пытается хотя бы в узкой области роботехники собрать воедино возникающие идеи.

— Возможно ли, что частное затруднение, которое вы критикуете — это конструирование человекоподобного робота?

Амадейро заморгал:

— Да, это совершенно очевидно, не так ли? Двадцать шесть лет назад новая математическая система Фастольфа, которую он назвал «межсекционным анализом», сделала возможным проектирование человекоподобных роботов, но он держал эту систему, не оглашая. Много лет спустя, когда все сложные технические детали были отработаны, он и доктор Сартон применили теорию к созданию Дэниела. Затем Фастольф один сконструировал Джандера. Но все эти дета-

ли тоже хранятся втайне. Многие роботехники сочли это естественным. Они пытались каждый в одиночку отработать отдельные детали конструкции. А я задумался об Институте, где усилия будут объединены. Нелегко было убедить роботехников в полезности этого плана, убедить Совет дать на него фонды вопреки колоссальному сопротивлению со стороны Фастольфа, много лет упорно добиваться осуществления его, но Институт создан.

— Почему же доктор Фастольф противился?

— Во-первых, из самолюбия. Но и у меня его не меньше. У всех нас, естественно, есть самолюбие, оно исходит из присущего аврорцам индивидуализма. Фастольф считает себя величайшим роботехником истории, а человекоподобного робота — собственным личным достижением. Он не хочет, чтобы это достижение повторила группа роботехников, индивидуально близких по сравнению с ним. Я думаю, он смотрел на это, как на заговор личностей его уровня обескровить и обезличить его личную великую победу.

— Вы сказали, что это была причина для оппозиции «во-первых». Значит, были и другие мотивы?

— Он возражал также против объектов пользо-

вания, на которые мы планировали поставлять человекоподобных роботов.

— Каких объектов?

— Ну, не будем нервничать. Доктор Фастольф наверняка говорил вам о глобалистах и их планах заселения Галактики.

— Говорил. И доктор Василия говорила мне о трудностях достижения прогресса науки у индивидуалистов. Тем не менее, мне хотелось бы услышать вашу точку зрения на этот предмет. Хотите ли вы, чтобы я принял интерпретацию доктора Фастольфа насчет глобалистских планов как беспристрастную и справедливую, и вы констатируете это для записи, или предпочтете рассказать о ваших планах своими словами?

— Вы, похоже, не оставляете мне выбора, мистер Бейли?

— Никакого, доктор Амадейро.

— Ладно. Я, вернее сказать, мы, потому что люди в Институте все согласны в этом, смотрим в будущее и хотим, чтобы человечество открывало все больше новых планет для заселения. Однако, мы не хотим, чтобы этот процесс уничтожил старые планеты или довел их до умирания, как в случае — простите меня — Земли. Мы не хотим, чтобы новые планеты взяли у нас самое лучшее,

а оставили одни отбросы. Вы понимаете?

— Продолжайте, пожалуйста.

— Во всяком ориентированном на роботов обществе, в данном случае в нашем, самое легкое решение — послать роботов как поселенцев. Роботы построят общество и планету, а потом мы все, без выбора, можем последовать на новый мир, такой же удобный и приспособленный для нас, как и старый. Мы перейдем туда, так сказать, не покидая дома.

— А не сделают ли роботы мир скорее для себя, чем для людей?

— Именно так и будет, если мы пошлем обычных роботов. Но у нас есть возможность послать человекоподобных роботов вроде Дэниела, которые, строя мир для себя, автоматически делают его для нас. Но доктор Фастольф возражает. Он видит какую-то добродетель в том, чтобы люди сами кроили новый мир из чужой и враждебной планеты, и не понимает, что такие усилия не только будут стоить множества человеческих жизней, но и дадут мир, подверженный катастрофам и ничуть не похожий на известные нам миры.

— А в чем Внешние Миры сегодня отличаются от Земли и друг от друга?

Амадейро на миг утратил свою жизнерадост-

ность и задумался:

— Да, мистер Бейли, вы затронули важный пункт. Я говорил только об Авроре. Внешние Миры и в самом деле все разные, и большинство из них мне не нравятся. Мне ясно — хотя я, может быть, пристрастен — что Аврора, старейший из них, лучший и самый процветающий. Я не хочу вариантов новых миров, из которых лишь немногие смогут приносить реальную пользу. Я хочу много Аврор, миллионы Аврор, и поэтому хочу, чтобы новые миры были скроены по-авроpски до того, как мы туда попадем. Вот поэтому мы и называем себя «глобалистами». Мы связаны с этим нашим шаром, а не с другим.

— А как насчет других вариантов, доктор Амадейро?

— Если варианты одинаково хороши, они могут быть ценными, но если некоторые — или большая часть — хуже, какую пользу это принесет человечеству?

— Когда вы начнете эту работу?

— Когда у нас будут человекоподобные роботы. У Фастольфа было два, одного он уничтожил, оставив только Дэниела как единственный образец.

Он снова бросил быстрый взгляд на Дэниела.

— Когда у вас появятся такие роботы?

— Трудно сказать. Мы еще не догнали доктора Фастольфа.

— Хотя он один, а вас много?

Амадейро чуть заметно передернулся:

— Вы понапрасну тратите свой сарказм, мистер Бейли, Фастольф опережал нас с самого начала, потому что Институт долгое время существовал фактически только на бумаге, и мы лишь два года назад начали настоящую работу. Нам необходимо не только догнать его, но и перегнать. Дэниел — хорошая продукция, но он только прототип и не стопроцентно хорош.

— Значит, ваши роботы должны быть на целый разряд выше, чем Дэниел?

— Они должны даже превосходить человека. Они должны быть обоих полов и иметь эквивалент детей. Нам нужно иметь поколения роботов, чтобы построить на планетах общество, в достаточной степени приближающееся к человеческому.

— Мне кажется, тут будет много трудностей.

— Без сомнения, много. А какие трудности предвидите вы?

— Если вы произведете роботов, настолько близких к человеку, что они смогут создать человеческое общество, и если они будут иметь

поколения обоих полов, как вы отличите их от людей?

— А как у них будет с деторождением? Наверное, лучше, чтобы оно приближалось к человеческому?

— Вероятно.

— Секс, беременность, роды?

— Возможно.

— А если роботы создадут общество столь близкое к человеческому, что их самих нельзя будет отличить от людей, не случится ли так, что роботы будут недовольны бытием людей и станут держаться от них подальше? Не случится ли так, что роботы будут относиться к аврорцам, как вы к землянам?

— Мистер Бейли, роботы будут связаны Тремя Законами.

— Три Закона удерживают от нанесения вреда человеку и предписывают повиновение ему.

— Точно.

— А если роботы будут так близки к людям, что станут считать людьми себя и поставят себя над иммигрантами?

— Мистер Бейли, зачем вам заниматься такими вещами? Это дело далекого будущего. Тогда и будем решать.

— Но возможно, что аврорцы не одобрят ваши планы, когда поймут, что к чему, и примут точку зрения доктора Фастольфа?

— Да? Фастольф думает, что если аврорцы не могут без помощи роботов заселять новые планеты, то этим воспользуются земляне.

— По-моему, это имело бы смысл.

— Да, потому что вы землянин. Уверяю вас, аврорцам не понравится, чтобы земляне роем слетались на новые миры, настроили там своих ульев, основали бы со своими триллионами и квадриллионами нечто вроде Галактической Империи и свели бы на нет Внешние Миры. Пусть нас будет даже меньше, это все же лучше, чем вымирание.

— Но альтернативой являются миры с квазичеловеческим обществом человекоподобных роботов, разрешающих настоящим людям быть среди них. Постепенно разовьется Галактическая Империя роботов. Она сократит Внешние Миры в лучшем случае и сведет их на нет в худшем. Аврорцы наверняка предпочтут Галактическую Империю людей.

— Почему вы так уверены в этом?

— Мне дает уверенность в этом форма вашего общества. На своем пути на Аврору я слышал, что

здесь не делают различия между людьми и роботами. Но это не так. Может, в идеале и желательно, чтобы аврорцы льстили себе уверенностью, что живут справедливо, но в действительности этого нет.

— Вы здесь меньше двух дней — и уже можете судить?

— Да, доктор Амадейро. Именно потому, что я здесь чужой, я и вижу все, как есть. Меня не связывают ни обычаи, ни идеалы. Роботам не разрешено входить в туалеты, и уже одно это различие делает все ясным. Человеку позволено иметь единственное место, где он может быть один. Мы с вами сидим, а роботы стоят в нишах. Вот вам другое различие. Я думаю, что люди — даже аврорцы — всегда будут сохранять эти различия, чтобы отличаться от роботов.

— Поразительно, мистер Бейли.

— Ничего поразительного. Вы проиграете, доктор Амадейро. Даже если вы ухитритесь навязать аврорцам вашу уверенность, что Джандера уничтожил доктор Фастольф, даже если вы ослабите его политическое влияние, даже если вы победите в Совете, и народ Авроры одобрит ваш план заселения Галактики роботами, вы только оттянете время. Как только аврорцы поймут смысл

вашего плана, они отвернутся от вас. Поэтому лучше бы вам прекратить кампанию против доктора Фастольфа и выработать вместе с ним какое-то компромиссное решение, в котором заселение новых миров землянами не представляло бы угрозы Авроре и другим Внешним Мирам.

— Поразительно, мистер Бейли, — спокойно повторил Амадейро.

— У вас нет выбора.

Но ответ Амадейро прозвучал развязно-шутливо:

— Когда я сказал, что ваши замечания поразительны, я имел в виду не смысл ваших утверждений, а тот факт, что вы их высказываете вообще и думаете, что они имеют какую-то ценность.

56

— Мистер Бейли, вы думаете, что открыли секрет? Что я сказал вам нечто, чего ваш мир не знает? Что, хотя мои планы опасны, я выбалтываю их всякому приезжему? Вы, вероятно, думали, что в ходе нашего с вами достаточно длинного разговора, я сболтну что-нибудь лишнее, чем вы сможете воспользоваться? Будьте уверены, я ничего подобного не сделаю. Мои планы о большем количестве человекоподобных

роботов, о семьях роботов и их культуре, возможно, более приближенной к человеческой — все изложены мной письменно и переданы в Совет.

— Широкая общественность тоже обо всем этом знает?

— Вероятно, нет. Широкая публика больше интересуется очередным обедом, очередной гиперволновой программой и космическим футболом, а не тем, что произойдет в ближайшие столетия и тысячелетия. Однако, она охотно примет мои планы, как приняли их те интеллектуалы, которые уже с ними знакомы. Несогласных будет очень мало.

— Вы уверены?

— Конечно. Боюсь, что вы не понимаете остроты чувств аврорцев и вообще космонитов по отношению к землянам. Я не разделяю этих чувств и, например, спокойно и без опасений разговариваю с вами. У меня нет примитивного страха перед инфекцией, мне не кажется, что от вас плохо пахнет. Я не приписываю вам те черты характера, которые считаю неприятными, я не считаю, что земляне только и думают, как бы отнять у нас жизнь и имущество, но взгляды подавляющего большинства аврорцев именно таковы. Это не обязательно лежит на поверхности

— аврорцы будут вежливы с отдельным землянином, который выглядит безвредным, но копни их поглубже — и вся их ненависть и подозрительность вылезут наружу. Скажи им, что земляне собираются на новые планеты и первыми захватят Галактику — и все завопят, что Землю надо уничтожить, пока этого не произошло.

— Даже если альтернатива — общество роботов?

— Конечно. Вы не понимаете и наших чувств к роботам. Они близки нам. У нас с ними один общий дом.

— Нет. Они ваши слуги. Вы чувствуете свое превосходство, и дом с ними общий только до тех пор, пока поддерживается это превосходство. Если бы вам угрожало обратное — чтобы они стали выше вас — вы были бы в ужасе.

— Потому что так реагировали бы земляне?

— Нет. Вы не пускаете роботов в туалет — это уже симптом.

— Но им там нечего делать. Они ничего не выделяют, а для мытья у них свои приспособления. Они же не полностью человекоподобны. В противном случае различий не было бы.

— Вы боялись бы их еще больше.

— Да? Глупости. Разве вы боитесь Дэниела? Ес-

ли верить тому факту — а я, признаться, не очень верю — вы были очень привязаны к нему. Вы и теперь сохраняете эти чувства?

Молчание Бейли было достаточно красноречивым, и Амадейро шел к своей цели.

— Вот и сейчас вас не трогает факт, что Жискар молча стоит в нише, однако, я замечаю, вам неприятно, что там же стоит Дэниел. Он кажется вам слишком человекоподобным по виду, чтобы обращаться с ним, как с роботом. Но вы не боитесь его из-за того, что он похож на человека.

— Я землянин. У нас есть роботы, но более простые. По мне вы не можете судить.

— А Глэдия, которая предпочла Джандера людям?

— Она солярианка. По ней тоже нельзя судить,

— А как же судите вы? Вы здесь в гостях. Вот мне вполне ясно, что робот достаточно похож на человека. Вы спросите, не робот ли я сам? Я похож на человека, это достаточное доказательство. В конце концов, нам все равно, кто заселит новые миры — настоящие люди или похожие на людей, если их нельзя отличить от настоящих. Главное, чтобы поселенцы были аврорцами, а не землянами.

Уверенность Бейли ослабла. Он сказал без боль-

шого убеждения:

— А если вы так и не научитесь конструировать человекоподобных роботов?

— Почему не научимся? Здесь многие заняты этим.

— Много посредственности не составит одного гения.

— Мы не посредственность. Фастольф найдет выгодным работать с нами.

— Не думаю.

— А я думаю. Когда он лишится власти в Совете, когда наши планы двинутся вперед, и он увидит, что не сможет остановить нас, он примкнет к нам.

— Я не думаю, чтобы вы победили.

— Вы думаете, что ваше расследование каким-то образом обелит Фастольфа и обвинит меня или еще кого-нибудь?

— Возможно, — в отчаянии сказал Бейли.

Амадейро покачал головой:

— Друг мой, если бы я думал, что вы можете каким-то образом помешать осуществлению моего плана, разве я сидел бы здесь и ждал гибели?

— Вы — нет. Вы делаете все возможное, чтобы помешать расследованию. Зачем бы вам это, если вы уверены, что я не могу встать вам поперек

дороги?

— Ну, вы можете помешать мне тем, что подорвете веру у некоторых работников Института. Опасным вы стать не можете, но назойливым — вполне, а я не хочу и этого тоже. Поэтому, если смогу, я положу конец вашей настырности, но сделаю это разумно, даже вежливо. Но если бы вы были действительно опасным…

— Что бы вы сделали тогда, доктор Амадейро?

— Я захватил бы вас и держал взаперти, пока вас не вышлют. Не думаю, что аврорцы стали бы беспокоиться, что я сделаю с землянином.

— Вы пытаетесь запугать меня. Не выйдет. Вы прекрасно знаете, что вы и пальцем не тронете меня в присутствии моих роботов.

— А если я вызову сотню роботов?

— Мне не повредит и сотня. Они не отличают землянина от аврорца. Я человек, и попадаю под действие Трех Законов.

— Они просто обездвижат вас, не нанося вреда, а ваших роботов уничтожат.

— Нет. Жискар слышит вас, и если вы сделаете движение, чтобы созвать своих роботов, он обездвижит вас, и ваши роботы будут беспомощны, даже если и прибегут. Они поймут, что любое действие против меня вызовет вред для вас.

— Вы хотите сказать, что Жискар повредит мне?

— Чтобы защитить от вреда меня? Несомненно. Он убьет вас, если это будет необходимо.

— Этого не может быть.

— Может. Дэниелу и Жискару приказано защищать меня. В этом смысле Первый Закон был усилен со всем умением доктора Фастольфа специально в отношении меня. Подробностей я не знаю, но совершенно уверен, что это правда. Если мои роботы должны выбирать между вредом для меня и вредом для вас, хоть я и землянин, они с легкостью выберут вред для вас. Я думаю, вы хорошо понимаете, что доктор Фастольф не слишком заботился о вашем благополучии.

Лицо Амадейро искривила усмешка:

— Я уверен, что вы правы во всех отношениях, мистер Бейли, но очень хорошо, что вы об этом сказали. Вы знаете, мой дорогой сэр, что я тоже записал этот разговор. Я с самого начала сказал вам об этом и рад этому. Доктор Фастольф, может быть, сотрет эту часть беседы, но я, будьте уверены, сохраню ее. Из ваших слов ясно, что он вполне готов изобрести способ, как заставить робота повредить мне и даже убить меня, в то время как из этого или любого другого разговора нельзя

вывести, что я планирую нанести физический вред ему или даже вам. Так кто же из нас негодяй? Вы, я думаю, сами это решите, а сейчас, наверное, самое время закончить наше интервью.

Он встал, улыбаясь, и Бейли машинально встал тоже.

— Однако, я хотел сказать еще одну вещь. Она не касается наших маленьких разногласий с Фастольфом. Это скорее ваша собственная проблема, мистер Бейли.

— А именно?

— Наверное, лучше сказать — земная проблема. Я полагаю, вы так стараетесь спасти беднягу Фастольфа от последствий его глупости, потому что думаете, что это даст вашей планете шанс осуществить экспансию. Не думайте так, мистер Бейли. Вы полностью заблуждаетесь: все шиворот-навыворот. Это вульгарное выражение я нашел в одном вашем историческом романе.

— Я незнаком с этим выражением.

— Я хочу сказать, что у вас обратная ситуация. Когда моя точка зрения победит в Совете — заметьте, я говорю «когда», а не «если» — Земля будет вынуждена остаться в своей планетарной системе, и это будет для ее же пользы. Аврора будет ожидать своего распространения и создания

Галактической Империи. Если мы знаем, что Земля — просто Земля и ничего больше, какое нам до нее дело? Имея в своем распоряжении Галактику, нам плевать на землян с их единственной планетой. Мы даже поможем Земле стать более удобной для ее народа. С другой стороны, мистер Бейли, если аврорцы согласятся с Фастольфом и позволят Земле посылать поселенческие партии, то очень скоро многие начнут думать, что Земля захватит всю Галактику и возьмет нас в кольцо, где нас ждет вырождение и смерть. И тогда я уже ничего не смогу сделать. Мои дружеские чувства к землянам не смогут противостоять всеобщей аврорской подозрительности и предвзятости, и это будет очень плохо для Земли. Так что, если вы искренне заботитесь о своем народе, то старайтесь, чтобы Фастольфу не удалось навязать Авроре свой абсолютно неверный план. Вам следовало бы содействовать осуществлению моего. Подумайте об этом. Уверяю вас, я говорю это из самых дружеских побуждений и искренней симпатии к вам и к вашей планете.

Амадейро широко улыбнулся, как и раньше, но теперь его волчье обличье больше уже ничем не прикрывалось.

57

Бейли и его роботы вышли вслед за Амадейро и пошли по коридору. Амадейро остановился у неприметной двери и сказал:

— Не хотите ли воспользоваться удобствами перед уходом?

Бейли растерянно нахмурился, потому что не понял, но потом вспомнил старинную байку:

— Один древний генерал, не помню его имени, сказал однажды: «Никогда не упускай случая помочиться».

— Прекрасный совет.

Амадейро улыбнулся:

— Такой же хороший, как и мой совет вам серьезно подумать над моими словами. Я вижу, что вы колеблетесь. Не думаете ли вы, что я ставлю вам ловушку? Поверьте, я не варвар. Вы мой гость в этом здании, и уже по одной этой причине вы в безопасности.

Бейли осторожно спросил:

— Я колеблюсь, потому что не уверен, полагается ли мне пользоваться вашими… удобствами, учитывая, что я не аврорец.

— Ерунда, мой дорогой мистер Бейли. Какая у вас альтернатива? Может быть, вам нужно, вот и

пользуйтесь. Пусть это будет символом того, что я не разделяю аврорских предрассудков и желаю добра вам и Земле.

— Не сделаете ли вы еще один шаг?

— В каком смысле?

— Покажите мне, что вы также выше здешних предрассудков против роботов…

— У нас нет предрассудков против роботов, — быстро сказал Амадейро.

Бейли важно кивнул, как бы соглашаясь, и закончил начатую фразу:

— Позвольте им войти со мной в туалет. Я чувствую себя неуютно без них.

Амадейро был потрясен, но тут же оправился и сказал несколько хмуро:

— Как хотите, мистер Бейли.

— Спасибо.

Бейли открыл дверь:

— Жискар, войдите, пожалуйста.

Жискар явно колебался, но вошел без возражений. По жесту Бейли Дэниел шагнул за ним, но, проходя в дверь, взял Бейли за локоть и втащил внутрь.

Бейли вошел с большой неохотой, хотя и чувствовал необходимость. Нет ли тут какого-нибудь неприятного сюрприза?

58

Туалет был пуст. Его не надо было даже обследовать. Он был меньше, чем в доме Фастольфа.

Дэниел и Жискар молча стояли рядом у двери, как у последнего возможного рубежа.

— Вы можете войти сюда, и вам, Дэниел, вовсе нет нужды молчать, — сказал Бейли.

Дэниел был дважды на Земле и знал земное табу на разговоры в туалете.

Дэниел тут же показал это знание, приложив палец к губам:

— Я знаю, но забываю об этом. Если Амадейро мог забыть табу насчет роботов в туалете, то и я могу забыть табу на разговоры здесь.

— Вам не будет это неприятно, партнер Илайдж? — тихим голосом спросил Дэниел.

— Нисколько. Скажите, Дэниел, вы лучше меня знаете аврорцев, почему Амадейро принял на себя все эти заботы? Он тратил время на разговоры со мной, проводил меня, предложил воспользоваться туалетом, чего Василия не сделала. Почему? Из вежливости?

— Многие аврорцы гордятся своей вежливостью. Может, и Амадейро тоже. Он несколько раз подчеркнул, что он не варвар.

— Еще один вопрос: как вы думаете, почему он разрешил мне привести вас и Жискара?

— Мне кажется, чтобы уменьшить ваши подозрения насчет возможной ловушки в этом помещении.

— Какое ему дело до моих необоснованных тревог?

— Жест цивилизованного аврорского джентльмена, мне кажется.

Бейли покачал головой:

— Я не считаю его цивилизованным джентльменом. Он ясно показал это, сказав, что если я не брошу расследование, он постарается, чтобы пострадала вся Земля. Это аж! цивилизованного джентльмена или невероятно жестокого авантюриста?

— Аврорский джентльмен может позволить себе при необходимости самые сильные угрозы, но только в джентльменской манере.

— Именно так Амадейро и сделал. Значит, джентльмена отличает только манера, а не суть сказанного. Но, может быть, Дэниел, вы как робот не можете критиковать человека?

— Мне это трудно. Но могу я спросить, почему вы просили разрешения ввести в туалет друга Жискара и меня? Мне кажется, вы раньше не ве-

рили в опасность для себя, а сейчас решили, что вы в безопасности только в нашем присутствии.

— Нет, ничего подобного. Сейчас я полностью убедился, что опасности для меня нет и не было.

— Однако, у вас были явные подозрения, когда вы вошли сюда. Вы осмотрели помещение.

— Конечно! Я сказал, что для меня опасности нет, но не говорил, что ее нет вообще.

— Мне кажется, я не вижу разницы.

— Потом поговорим, Дэниел. Я не уверен, что в этом помещении нет «жучка». Ну, Дэниел, я готов выйти. Интересно знать, ждет нас Амадейро или поручил кому-нибудь выпроводить нас. В конце концов, он человек занятой и не может тратить на меня целый день. Как вы думаете, Дэниел?

— Логичнее было бы передать нас кому-нибудь другому.

— А по-вашему, Жискар?

— Я согласен с другом Дэниелом, но знаю по опыту, что люди не всегда действуют логично.

— А вот я, — сказал Бейли, — подозреваю, что Амадейро терпеливо ждет нас. Если его что-то тянуло тратить на нас столько времени, то, я думаю, это тяготение, каково бы оно ни было, еще не ослабло.

— Не знаю, — признался Бейли, — и меня это

очень беспокоит. Ну, давайте откроем дверь и посмотрим.

59

Амадейро стоял за дверью на том же месте, где Бейли оставил его. Он улыбнулся им, не показав никаких признаков нетерпения. Бейли не мог удержаться и бросил взгляд на Дэниела: «А что я говорил?» Амадейро сказал:

— Я очень пожалел, мистер Бейли, что вы не оставили Жискара здесь. Я должен был бы знать его в те времена, когда мы с Фастольфом были в лучших отношениях, но почему-то ни разу не видел. Фастольф ведь был когда-то моим учителем.

— Да? Я не знал, — сказал Бейли.

— Откуда же вам знать, если он не говорил, а вы здесь, на Авроре, слишком недавно. Кстати, мне пришло в голову, что вы едва ли сочтете меня гостеприимным, если я не покажу вам Институт.

— Вообще-то я должен…

— Я настаиваю, — сказал Амадейро.

В его голосе появилась повелительная нотка:

— Вы прибыли на Аврору вчера утром, и я сомневаюсь, что вы пробудете здесь долго. У вас, вероятно, единственный шанс взглянуть на современную лабораторию, где ведутся исследо-

вательские работы по роботехнике.

Он взял Бейли под руку, продолжая говорить.

«Болтун», — подумал ошеломленный Бейли.

— Вы справили свою нужду и умылись, — продолжал Амадейро. — Возможно, вы пожелаете задать вопросы другим роботехникам, и я буду приветствовать это, поскольку решил показать, что не ставлю барьеров на вашем пути на то короткое время, пока вам еще позволено вести расследование. В сущности, вы можете и пообедать с нами.

— Если я могу вмешаться, сэр… — начал Жискар.

— Не можешь, — твердо сказал Амадейро.

Робот замолчал.

— Мой дорогой мистер Бейли, я понимаю этих роботов. Кто может знать их лучше, если не считать несчастного Фастольфа, конечно? Я уверен, что Жискар хотел напомнить вам о каком-нибудь обещании или о деле, но это не будет иметь никакого значения, поскольку расследование вот-вот закончится. Давайте забудем всю эту чепуху и на короткое время станем друзьями. Я люблю Землю и ее культуру и особенно интересуюсь прошлым, теми временами, когда там было множество языков и еще не развился стандартный

межзвездный. Поздравляю вас, вы прекрасно говорите на стандартном. Вот сюда.

Он повернул за угол:

— Один из многих предрассудков аврорцев — что земляне говорят на непонятном диалекте стандартного, однако, я вас хорошо понимаю.

Он улыбнулся:

— Я пытался читать Шекспира — не в подлиннике, конечно, — но перевод оказался удивительно невыразительным. Я думаю, это вина переводчика, а не Шекспира. С Диккенсом и Толстым дело обстоит лучше, может, потому что это проза, хотя имена действующих лиц у того и другого для меня непроизносимы. Я хочу сказать, мистер Бейли. что я друг Земли. Я желаю для нее самого лучшего. Понимаете?

Он посмотрел на Бейли, и из его сверкающих глаз снова проглянул волк.

Бейли возвысил голос, прерывая мягко струившуюся речь Амадейро:

— Боюсь, что я не могу больше задерживать вас, доктор Амадейро. У меня дела, а ни к вам, ни к вашим сотрудникам у меня больше нет вопросов…

Бейли сделал паузу, услышав в воздухе отдаленный гром, и испуганно взглянул вверх:

— Что это?

— Что? — спросил Амадейро. — Я ничего не чувствую.

Он взглянул на роботов, шедших позади, и сказал с нажимом:

— Ничего!

Бейли понял, что это был эквивалент приказа. Ни один робот теперь не скажет, что слышал грохот — в прямом противоречии человеку, если только сам Бейли не настоит на противоположном, а он не был уверен, что у него хватит умения выступить против профессионала. Да это и неважно.

Он слышал что-то, и он не робот, но говорить об этом не будет.

— По вашим же словам, доктор Амадейро, у меня осталось мало времени. Тем больше оснований мне…

Снова раздался гром, но уже сильнее.

— Это, я полагаю, именно то, что вы раньше не слышали, а я слышал. Дайте мне уйти, сэр, или я попрошу своих роботов помочь мне.

Амадейро выпустил локоть Бейли:

— Друг мой, вам стоило только сказать. Я провожу вас к ближайшему выходу. Если вы когда-нибудь будете снова на Авроре, хотя мне это кажется совершенно невероятным, заходите,

и мы с вами сделаем обход, который я обещал.

Они быстро спустились по эскалатору, прошли по коридору и вышли в прихожую, окна которой были совершенно темными.

Неужели уже ночь? Нет. Амадейро пробормотал:

— Погода испортилась, вот окна и затемнили.

Он обернулся к Бейли:

— Похоже, что дождь. Его предсказывали, а прогнозы иногда сбываются… если они неприятные.

Дверь открылась, и Бейли попятился, задохнувшись. В дверь ворвался холодный ветер, вершины деревьев качались, небо было темно-серым, и с него лилась потоками вода. По небу вдруг пронеслась слепяще-яркая вспышка, а затем снова прозвучал гром и треск, словно вспышка расколола небо. Бейли повернулся и со стоном бросился назад.

Глава 15
Снова Дэниел и Жискар

60

Бейли почувствовал, что Дэниел крепко обнял его за плечи. Он остановил и подавил едва не вырвавшийся у него слабый возглас, но почувствовал, что весь дрожит. Дэниел сказал с бесконечным уважением:

— Коллега Илайдж, это обычная гроза — которую предсказывали, которую ожидали.

— Я знаю, — прошептал Бейли.

Он должен был это знать. Он много раз читал о ней. Он видел голографии и видел в гиперволновом шоу — звук, свет и все прочее. Но здесь было нечто реальное, настоящий звук и свет, которые никогда не проникали под купола Города, и он, Бейли, никогда в жизни не испытывал такого. Несмотря на все описания и изображения, он не представлял себе, что стрелы молний такие яркие и так быстро проносятся по небу, что бывают такие раскаты грома и что то и другое происходит внезапно, не знал, что дождь может лить, как из

ведра, и до бесконечности.

— Я не могу выйти в это, — сказал он в отчаянии.

— И не нужно, — сказал Дэниел. — Жискар подведет машину к дверям, так что на вас и капля дождя не упадет.

— Может, подождать, пока не пройдет?

— Не стоило бы, партнер Илайдж. Дождь может кончиться только после полуночи, а если Председатель придет завтра утром, как предположил доктор Амадейро, разумнее было бы потратить вечер на консультацию с доктором Фастольфом.

Бейли заставил себя повернуться в направлении того, от чего он хотел бы убежать, и посмотрел в глаза Дэниела. Они казались очень озабоченными, но это, возможно, лишь показалось Бейли. У робота нет ощущений, только позитронные волны, которые изображают эти ощущения.

Впрочем, может и у человека нет ощущений, а просто нейтронные волны интерпретируются как ощущения? Бейли заметил, что Амадейро ушел, и сказал:

— Амадейро намеренно задерживал меня предложением зайти в туалет, бессмысленной болтовней, предупреждением, чтобы вы и Жискар не сказали мне о грозе. Он даже пытался

уговорить меня пройтись по зданию и остаться обедать. Он прекратил все это только при ударе грома. Именно его он и ждал.

— Похоже на то. Видимо, он хотел, чтобы гроза задержала вас здесь.

Бейли глубоко вздохнул:

— Вы правы. Я должен выйти.

Он неохотно сделал шаг к открытой двери, еще один, и еще, тяжело навалившись на Дэниела. Жискар спокойно ждал в дверях.

Бейли остановился и на секунду закрыл глаза, а затем сказал тихо, больше себе, чем Дэниелу:

— Я должен выйти.

Он снова двинулся вперед.

61

— Вы в порядке? — спросил Жискар.

«Дурацкий вопрос, продиктованный программой робота, — подумал Бейли. — Хотя так же спросил бы и иной человек с запрограммированным этикетом».

— Да, — сказал он.

Он тщетно пытался говорить нормально, но выходил только хриплый шепот. Бесполезно отвечать на глупый вопрос, поскольку Жискар и сам видел, что Бейли не в порядке, и что его ответ

— явная ложь. Однако ответ был дан и принят и дал Жискару возможность сделать следующий шаг:

— Тогда я пойду и подведу машину к дверям.

— А она будет работать при… этой воде, Жискар?

— Да, сэр. Это обычный дождь.

Жискар вышел, и Бейли впервые в жизни позавидовал роботу: спокойно идет через это, не обращает внимания на воду, на свет и звуки, игнорирует окружающее, ему даны псевдожизнь и абсолютная храбрость, он не знает страха перед болью и смертью, потому что для него нет ни боли, ни смерти. Но зато не может оригинально мыслить, у него не может быть непредсказуемого взлета интуиции. Стоили ли эти дарования той цены, которую человечество платит за них? В данный момент Бейли не мог сказать. Он знал, что как только избавится от этого ужаса, он признает: за то, чтобы быть человеком, никакая цена не высока. Но сейчас он ничего не испытывал, кроме сердцебиения и подавленности воли, и думал только: «Можно ли считать себя человеком, если не можешь преодолеть этот глубоко сидящий ужас, эту страшную агорафобию?». Однако, он был на открытом пространстве больше двух

дней и чувствовал себя почти совсем нормально. Но страх не был побежден, теперь Бейли это знал. Он подавлял его, думая о других вещах, но гроза пересиливала интенсивность возникновения мыслей.

Он не мог допустить этого. Если все погибнет — мысль, гордость, воля — он обречен на позор. Он не мог показать слабость перед безличным, высокомерным взглядом роботов. Это позор — не пересилить страх. Он чувствовал руку Дэниела на своей талии, и стыд предупреждал, чтобы он не делал того, что больше всего хотел — повернуться и спрятать лицо на груди робота. Может, он и не удержался бы, будь Дэниел человеком.

Он, видимо, потерял всякий контакт с реальностью, потому что вдруг услышал голос Дэниела, донесшийся как он издалека и звучавший почти панически:

— Коллега Илайдж, вы слышите меня?

Голос Жискара — тоже издалека — сказал:

— Нам придется его нести.

— Нет, — пробормотал Бейли, — я сам пойду.

Видимо, они не слышали, а может, он и не сказал этого, а только подумал. Его подняли. Левая рука его беспомощно болталась, и он старался поднять ее, оттолкнуться и снова встать на ноги,

но его старания ни к чему не привели. Но вот он снова в машине, заклиненный между Дэниелом и Жискаром. Над ним струится теплый воздух.

— Простите, что моя поверхность мокрая, — сказал Жискар. — Я быстро высохну. Мы подождем здесь некоторое время, пока вы придете в себя.

Бейли облегченно вздохнул: он был уютно отгорожен от внешней среды. «Дайте мне мой Город, — подумал он. — Пропадай вся Вселенная, пусть космониты колонизируют ее. Мне нужна только Земля». Но, думая так, он сам не верил себе. Надо было занять мозг делом.

— Дэниел, — слабо заговорил он, — как вы считаете, правильно ли Амадейро оценил ситуацию, когда сказал, что Председатель предложит закончить расследование, или выдавал желаемое за действительное?

— Возможно, коллега Илайдж, что Председатель действительно допросит доктора Фастольфа и Амадейро по этому делу. Стандартная процедура — дискуссия на эту тему. Прецедентов было много.

— Но зачем? Если доводы Амадейро так убедительны, почему бы Председателю просто не приказать прекратить следствие?

— Председатель в трудном положении как

политик. Он сначала согласился на требование доктора Фастольфа привезти вас на Аврору и теперь не может так быстро переиграть, чтобы не показать себя слабым и нерешительным и не вызвать раздражения доктора Фастольфа, который все еще является влиятельной фигурой в Совете.

— Тогда почему же он не откажет Амадейро в его просьбе?

— Доктор Амадейро тоже влиятельное лицо, и похоже, что его влияние растет. Председатель может выиграть время, выслушивая обе стороны и создавая хотя бы видимость обсуждения перед тем, как вынести решение.

— На чем основанное?

— На сущности дела, я полагаю.

— Значит, завтра утром я должен иметь что-то, что убедит Председателя встать на сторону Фастольфа. Если я это сделаю, будет ли это означать победу?

— Председатель не всемогущ, но влияние его велико. Если он решительно примет сторону доктора Фастольфа, то при теперешних политических обстоятельствах доктор Фастольф, вероятно, получит поддержку Совета.

Бейли обнаружил, что снова начал ясно мыслить:

— Это объясняет попытку Амадейро задержать нас. Он рассудил, что мне нечего предложить Председателю, и не хотел, чтобы я узнал хоть что-нибудь за оставшееся время.

— Похоже на то, коллега Илайдж.

— И он отпустил меня, когда подумал, что меня все равно задержит гроза.

— Наверное, так.

— В таком случае, мы не можем позволить грозе задержать нас.

Жискар спокойно сказал:

— Куда вас отвезти, сэр?

— В дом доктора Фастольфа.

— Можно еще на минутку задержаться? — спросил Дэниел. — Вы намерены сказать доктору Фастольфу, что не можете продолжать расследование?

— С чего вы взяли? — резко сказал Бейли.

Он явно оправился, потому что его голос стал громким и сердитым.

— Просто, я боюсь, не забыли ли вы на минуту, что доктор Амадейро требовал от вас ради благополучия Земли именно этого.

— Я не забыл, — угрюмо ответил Бейли, — и я удивляюсь, Дэниел, как вы могли подумать, что это может повлиять на меня. И Фастольф должен

быть реабилитирован, и Земля должна послать своих посланцев в галактику.

— Но в таком случае, зачем возвращаться к доктору Фастольфу? Мне кажется, сейчас нам нечего сообщить ему. Нет ли направления, в котором мы могли бы продолжать расследование до доклада доктору Фастольфу?

Бейли сказал своим обычным голосом:

— Я удовлетворен достигнутым, Дэниел. Поехали, Жискар, к дому Фастольфа.

Затем он добавил, сжав кулаки и весь напрягшись:

— И просветлите окна, Жискар. Я хочу смотреть грозе в лицо.

62

Бейли задержал дыхание, готовясь увидеть сверкающие молнии. Маленький салон машины больше не будет полностью закрытым.

Как только окна стали прозрачными, сверкнула молния, а через одну—две секунды загрохотал гром.

— Гроза скоро пойдет на убыль, — миролюбиво сказал Дэниел.

— Мне все равно, пройдет она или нет, сказал Бейли.

Губы его дрожали:

— Поехали.

Он старался, ради себя самого, поддерживать иллюзию человека, командующего роботами.

Машина слегка поднялась в воздух и тут же накренилась, так что Бейли навалился на Жискара.

— Выпрямите машину, Жискар! — крикнул Бейли.

Дэниел обнял Бейли за плечи и мягко притянул обратно, держась другой рукой за скобу на корпусе машины.

— Этого нельзя сделать, — сказал он. — Очень сильный ветер.

Волосы Бейли стали дыбом.

— Вы хотите сказать, что мы можем упасть?

— Нет, ни в коем случае. Ветер раскачивает машину, но она под контролем Жискара.

— Что-то непохоже!

Бейли почти всхлипнул, представив себе, как ветер кружит вокруг машины, как отрезает ей путь через защитную атмосферу.

— Нет лучшего водителя, чем Жискар, — продолжал Дэниел. — Но ветер очень силен, поэтому возможны случайные толчки и качка. Так что вы извините Жискара, что он не участвует в разговоре: все его внимание отдано машине.

Безопасна ли эта езда? Бейли чувствовал, как сжимается его желудок при мысли о такой игре с ветром. Как хорошо, что он несколько часов не ел! Он попытался думать о чем-то другом. Он вспомнил о движущихся дорожках на Земле, о том, как переходит с такой дорожки на соседнюю, еще более быструю, а затем обратно, на более медленную, умело наклоняясь в возникающем от этого ветре, идет в одном направлении по быстрой дорожке и в противоположном, по более медленной. В молодости Бейли делал это безошибочно и без задержек.

Ну, ведь и здесь то же самое! Машина на движущихся дорожках.

Нет, по правде говоря, не совсем. В Городе было строго определенное количество скоростных дорожек. Ветер там дул абсолютно предсказуемым манером, поскольку он был результатом движения. В грозу же ветер приобретал как бы собственный разум, ветер зависел от множества разных причин. Иначе говоря, это были как бы скоростные дорожки с добавочными осложнениями, дорожки бежали по-разному и резко меняли скорость.

Стемнело. Бейли ничего не видел, и стрелы молний не сияли больше, а слепили. Он открыл

глаза, но это не помогало: он только сильнее воспринимал злобно грохотавший гром.

Жискар вдруг сказал:

— Машина работает не так, как ей положено.

— Не гроза ли ее повредила, друг Жискар? — спросил Дэниел.

— Не похоже, друг Дэниел. Эта машина не должна бы пострадать ни от какой грозы.

Бейли с трудом включился в разговор:

— Какого рода повреждение?

— Я бы сказал — подтекает компрессор, сэр, но очень медленно. Это не обычный прокол.

— Как же это случилось?

— Видимо, намеренное повреждение, пока машина стояла у Административного здания. Я это понял теперь, потому что с недавнего времени за нами следуют и стараются не перегнать.

— Почему, Жискар?

— Возможно, сэр, ждут, пока мы полностью остановимся. Движение машины становится все более неровным.

— До дома Фастольфа мы дотянем?

— Похоже нет, сэр.

Бейли попытался мобилизовать свой расслабившийся мозг:

— В таком случае, я совершенно неправильно

расценил причины доктора Амадейро для нашей задержки. Он задерживал нас, пока его роботы испортили машину таким образом, чтобы мы сели тут в разгар грозы.

— Но зачем ему это? — потрясенно спросил Дэниел. — Захватить нас? Так вы уже были у него.

— Не меня. Меня никто не хочет захватывать. Опасность грозит вам, Дэниел.

— Мне?

— Да, вам. Жискар, найдите место, чтобы сесть. Дэниел должен как можно скорее выйти из машины и уйти в безопасное место.

— Это невозможно, — сказал Дэниел. — Я не могу оставить вас, когда вы чувствуете себя плохо, тем более, если преследователи могут повредить вам.

— Дэниел, они преследуют вас. Вы должны уйти, а я останусь в машине. Для меня нет никакой опасности.

— Как я могу поверить этому?

— Прошу вас, Дэниел. Как мне объяснить вам все? Вы здесь — самое важное лицо, более важное, чем Жискар и я вместе взятые. Дело не только в том, что я беспокоюсь о вас и не хочу, чтобы вам повредили. От вас зависит судьба всего человече-

ства. Не заботьтесь обо мне. Я же один. Заботьтесь о миллиардах! Дэниел, прошу вас!..

63

Бейли чувствовал, что его бросает то взад, то вперед. Может, машина разламывается, или Жискар потерял над ней контроль?

Бейли это нисколько не тревожило.

Пусть себе машина разлетается на куски. Он будет только рад, когда наступит вечное забвение. Только бы ему уговорить Дэниела уйти, спастись!

Но как? Все было нереально, и он не мог ничего объяснить этим роботам. Самому ему ситуация была ясна, но как передать это понимание роботам, нелюдям, которые не понимают ничего, кроме своих Трех Законов, и позволят Земле и в дальнейшем всему человечеству отправиться в ад лишь потому, что они заняты защитой всего лишь одного человека, который у них перед глазами? Зачем вообще изобрели роботов?

И тут, как ни странно, пришел на помощь Жискар, низший робот. Он сказал своим бесцветным голосом:

— Друг Дэниел, я больше не могу вести машину. Наверное, будет лучше сделать так, как сове-

тует мистер Бейли. Он дал тебе очень сильный приказ.

— Как я могу оставить его, когда он нездоров, друг Жискар? — сказал расстроенный Дэниел.

— Ты не можешь взять его с собой во время грозы, друг Дэниел. Больше того, он, похоже, так тревожится за тебя, что ему может повредить, если ты останешься.

Бейли воспрянул духом.

— Да, — прохрипел он, — именно так. Жискар, вы пойдете с ним, спрячьте его, удостоверьтесь, что он не вернется, и придете за мной.

— Этого делать нельзя, партнер Илайдж. Мы не можем оставить вас одного без нашей заботы и охраны.

— Для меня нет опасности, делайте, как я сказал…

— Эти преследователи, — сказал Жискар, — вероятнее всего, роботы. Люди не решились бы выехать в грозу. А роботы не повредят мистеру Бейли.

— Они могут увезти его, — сказал Дэниел.

— Только не во время грозы, друг Дэниел, потому что это все явно повредит ему. Ты должен сделать то, что приказал мистер Бейли. И я тоже.

— Вот и хорошо, — прошептал Бейли.

Он был благодарен более простому мозгу, на который, видимо, было легче воздействовать и который был не способен различать нюансы возрастающих сложностей.

У него мелькнула мысль, что Дэниел заклинился между ощущением плохого самочувствия Бейли и настойчиво отданным приказом, и теперь его мозг трещит от конфликта. «Нет, Дэниел, — подумал он, — делайте только так, как я сказал, и не обсуждайте это». У него не хватило сил сказать это вслух.

Машина села с коротким лязгающим звуком, дверцы открылись с двух сторон и снова мягко закрылись. Роботы тут же исчезли. Как только они приняли решение, никаких колебаний больше не было, и они исчезли с непостижимой для человека скоростью.

Бейли глубоко вздохнул. Машина стала теперь как бы частью грунта. Он вдруг осознал, что большая часть его дурного состояния зависела от качки и бросков машины, от ощущения, что он уже не связан со Вселенной, а отдан на милость каких-то неодушевленных, равнодушных сил. Теперь все было тихо, и он открыл глаза. Он даже не сознавал, что они были закрыты.

Молнии все еще сверкали на горизонте, и гром

продолжал греметь, а ветер, словно увидев, что машина стала теперь сильнее сопротивляться и сделалась менее уязвимой, чем была в воздухе, завыл еще пронзительнее.

Стало совсем темно. Глаза Бейли не видели ничего, кроме блеска молний.

64

Один!

Он слишком плохо себя чувствовал, ему было слишком не по себе, чтобы правильно соображать.

Даже сейчас ему было трудно понять, что он должен был бы сделать и что сделал, и в его ослабевшем мозгу билась только одна мысль: Дэниел должен был уйти.

Сейчас он не задавался вопросом, где он находится, куда ушли Дэниел и Жискар, он не знал, как включить обогрев в машине, если будет холодно, и как выключить его. Он не знал даже, как открыть дверцу. Ему оставалось только ждать возвращения Жискара. А вернется он наверняка: приказано было ясно и понятно.

Наверное, Бейли мог позволить себе уснуть. Нет. Рискнет ли он? Ведь их преследовали. Они были под наблюдением.

Пока машина стояла у Административного здания, это мог сделать любой, но более вероятно, что это сделал тот, кто знал, чья она. А кто знал это лучше доктора Амадейро? Амадейро намеренно задерживал его до грозы, чтобы Бейли поехал и сделал вынужденную посадку во время грозы, это было очевидно, Амадейро изучал Землю и ее население, он сам хвастался этим.

Он прекрасно знал, как трудно землянину быть на открытом пространстве вообще и в грозу в особенности.

Он был полностью уверен, что Бейли станет совершенно беспомощным.

Почему он желал этого?

Чтобы доставить Бейли обратно в Институт?

Бейли уже был там, но тогда он полностью владел всеми своими способностями и, кроме того, имел в распоряжении двух роботов, способных надежно защитить его физически. Теперь же другое дело!

Дверцы машины открылись с легким стуком. Бейли, услышав этот звук, ощутил ворвавшийся внутрь холодный сырой ветер, резкий запах мокрой зелени и знакомый запах машинного масла, напомнивший ему Город.

Увидит ли он его снова?

Бейли открыл глаза и увидел лицо незнакомого робота. Робот сказал:

— Простите, сэр. А разве с вами нет двух роботов?

— Они ушли, — пробормотал Бейли.

Он разыгрывал больного, хотя понимал, что разыгрывать это и не нужно.

— Куда они ушли, сэр?

Ожидая ответа, робот добавил:

— Вы больны, сэр?

Бейли почувствовал некоторое удовлетворение от того, что еще способен мыслить. Если робот не получил особых инструкций, он должен искать признаки болезни Бейли в первую очередь. Если же спрашивают первым делом о роботах, значит, это самое важное.

Так оно и есть.

Бейли постарался показать силу и нормальное состояние, которых у него не было, и сказал:

— Я здоров. Не беспокойтесь обо мне.

Он, вероятно, не убедил бы обычного робота, но этот был так явно заинтересован в Дэниеле, что принял ответ Бейли за истину и продолжал поэтому задавать вопросы:

— Куда ушли роботы, сэр?

— Обратно в Институт Роботехники.

— Зачем, сэр?

— Их вызвал Главный роботехник Амадейро и приказал им вернуться. Я жду их.

— Почему вы не отправились с ними, сэр?

— Главный роботехник Амадейро не хотел, чтобы я разгуливал под открытым небом во время грозы. Он приказал мне ждать здесь, и я следую его приказу.

Он надеялся, что повторение престижного имени и слова «приказ» произведет впечатление на робота, и тот оставит его в покое. Но, с другой стороны, роботу даны особо тщательные инструкции привести обратно Дэниела, и если он поверит, что Дэниел уже на пути в Институт, он будет иметь время подумать о Бейли и скажет…

Робот сказал:

— Но вы, похоже, нездоровы, сэр.

Бейли снова почувствовал удовлетворение:

— Я здоров.

Когда глаза его привыкли к темноте, он различил позади робота нескольких других. Глаза их слабо блестели во тьме.

Повернув голову, Бейли увидел роботов и у левой дверцы, хотя она оставалась закрытой. Сколько же их послал Амадейро?

— Главный роботехник Амадейро приказал,

чтобы мои роботы вернулись в Институт, а я ждал бы здесь. Если вас послали на помощь, и если у вас есть машина, догоните их и подвезите. Эта машина не работает.

Он старался говорить твердо, как здоровый, но это не вполне ему удавалось.

— Они возвращаются пешком, сэр?

— Найдите их. У вас ясные приказы.

Последовало явное колебание.

Бейли, наконец, почувствовал, что его ноги снова способны двигаться. Конечно, было бы лучше, если бы это случилось раньше, но его тело после пережитого потрясения просто было не способно подчиняться приказам, отдаваемым его мозгом.

Роботы все еще были в нерешительности, и это страшно огорчало Бейли. Он не космонит, он не знает нужных слов, не может принять правильного вида, с помощью которых управляют роботами. Умелый роботехник мог одним жестом, одним движением брови управлять роботом, как марионеткой, особенно, если робот его собственного изготовления. А Бейли всего лишь землянин.

Он нахмурился, что было нетрудно в его состоянии, и слабо прошептал:

— Идите!

Он махнул рукой.

Видимо, это было последним маленьким, но необходимым дополнением к его приказу: роботы приняли решение, колебаний больше не было. Они двинулись обратно к своей машине — где бы она ни была — с такой скоростью, что казалось, будто они просто исчезли.

Дверца, которую открыл робот, начала теперь закрываться сама собой, но Бейли поставил ногу в щель. Он мельком подумал, не будет ли его нога начисто отрезана или окажутся размозженными кости, но не убрал ее. Надо думать, машина спроектирована так, чтобы подобных неприятностей не случалось.

Он снова был один. Он принудил роботов уйти от явно больного человеческого существа, сыграв на силе приказов, данных им опытным роботехником, который использовал мощь Второго Закона для своих целей и довел его до такой степени, что совершенно неприкрытая ложь Бейли отодвинула Первый Закон на задний план.

«Как хорошо, что я это сделал», — подумал Бейли, начав осознавать, что дверца все еще открыта, а его нога ничуть не пострадала.

65

Вокруг ноги Бейли кружились завихрения холодного воздуха, и низвергались потоки холодной воды. Ощущение было пугающе непривычным, но Бейли не мог позволить себе закрыть дверь, поскольку не знал, как ее потом открыть. В книгофильмах ничего не говорилось о том, как открываются дверцы стандартных машин. Предполагается, что вы это знаете, хотя бы теоретически.

Он обыскал карманы, которые тоже нелегко было найти, ибо они находились не на тех местах, где им положено быть у землян, нашел носовой платок, скатал его в жгут и положил между дверцей и ногой, а затем убрал ногу.

Теперь надо начать думать, если он, конечно, на это способен.

Какой смысл держать дверцу открытой, если он не собирается выйти? А есть ли смысл выходить? Если ждать, то Жискар в конце концов придет за ним.

Рискнуть ждать? Бейли не знал, когда Жискар вернется, но не знал также, когда роботы Амадейро решат, что не найдут Дэниела и Жискара на пути в Институт. В самом деле, не может же

быть, чтобы Дэниел и Жискар пошли в Институт в поисках укрытия, но что, если это единственная возможная дорога? Нет, не может этого быть!

Бейли покачал головой в знак молчаливого отрицания такой возможности. Как бы в ответ на это начала болеть голова.

Скоро ли роботы Амадейро поймут, что Бейли обманул их или сам был обманут?

Не вернутся ли они за ним, чтобы унести его, всячески стараясь не повредить ему?

Сможет ли он удержать их, сказав, что умрет, если его вытащат под проливной дождь, когда бушует гроза, и поверят ли они ему? Скорее всего они сообщат в Институт, и тогда приедут люди, которые, конечно, не станут чрезмерно заботиться о его благополучии. Если же Бейли выйдет из машины и спрячется где-нибудь между деревьями, то преследующим роботам будет труднее отыскать его, и это поможет выиграть время. Но ведь и Жискару тоже будет труднее обнаружить его. Правда, у Жискара куда более сильные инструкции охранять его, чем у тех роботов — искать его. Первоочередная задача Жискара — найти Бейли, а у тех Дэниела. Кроме того, Жискар запрограммирован Фастольфом, а Амадейро, как он ни опытен, не может сравнять-

ся с Фастольфом.

Значит, при прочих равных условиях Жискар должен вернуться раньше тех роботов.

А собственно, почему они должны быть равными? Бейли подумал: «Я устал и не могу как следует думать. Просто я в отчаянии и ищу себе утешения. Я рассуждаю цинично? Ну и пусть».

Но что ему оставалось делать, кроме как использовать по своему усмотрению шанс, который ему предоставлялся.

Он распахнул дверцу. Платок выпал в мокрую траву. Бейли машинально поднял его и вылез из машины.

На него хлынули потоки дождя. Очень быстро промокшая одежда прилипла к телу, и Бейли уже дрожал от холода. Небо прорезала молния настолько яркая, что он закрыл глаза: кошмарной силы гром поверг его в ужас, и, зажав ладонями уши, он пошел вперед. Он хотел уйти как можно дальше от кара, чтобы преследователи не сразу нашли его. Он должен держаться стойко и уйти подальше — в противном случае не было смысла вылезать из кара в такой ливень, иначе он мог бы сидеть внутри сухим. Он шел, вытянув вперед руки. Они наткнулись на что-то. Он ничего не видел, но сообразил, что это жесткая кора како-

го-то дерева.

Это должен был понять даже человек из Города.

Затем он вспомнил, что молния может ударить в дерево и убить человека, но не помнил, читал ли он, что за ощущение — быть пораженным молнией, и можно ли предупредить это событие. На Земле он не знал ни одного человека, пораженного молнией.

Он обошел дерево. Вперед! Древесная поросль стала гуще и затрудняла его путь, схватив его костлявыми пальцами. Он дернулся и услышал, как рвется его одежда.

Вперед! Он дрожал. Зубы его стучали.

Опять вспышка молнии. Он успел бросить взгляд на окружающее. Множество деревьев, целая роща. Что лучше: много деревьев или одно, когда дело касается молнии?

Может, лучше не касаться дерева?

Спотыкаясь, он шел вперед. В одном месте он упал в узкий поток воды, поскользнувшись на камнях, выстилавших дно, но, как ни странно, мокрее не стал. Он снова пошел вперед. Роботы, наверное, не найдут его. А Жискар?

Бейли не знал, где он и куда идет.

Он не мог бы вернуться к машине, даже если бы

хотел. А гроза, похоже, будет продолжаться вечно, и он, Бейли, в конце концов, растает и разольется струйкой, и его никто никогда не найдет. А молекулы, составлявшие его тело, потекут в океан…

Рука его снова коснулась дерева.

Мокрые руки, мокрое дерево… Удар грома. Странно, что он не видел вспышки, ведь молния должна быть раньше. Он чувствовал под собой землю, потому что его пальцы скребли холодную грязь.

Он повернул голову, чтобы можно было дышать. Так было даже удобно. Он никуда больше не пойдет. Он будет ждать. Жискар найдет его. Он вдруг ощутил полную уверенность: Жискар найдет его, потому что… нет, он не помнит, почему. Второй раз он что-то забывает. Тогда, перед тем, как уснуть… А сейчас он забыл то же самое, что и тогда? То же самое?

Ну, наплевать! Все должно быть в порядке… Все…

Он лежал один, потеряв сознание, у подножия дерева, а гроза бушевала над ним.

Глава 16
Снова Глэдия

66

Впоследствии, оглядываясь назад и оценивая время, Бейли думал, что он был в беспамятстве не меньше десяти и не больше двадцати минут. Его привел в себя голос. Слов он не мог разобрать, только понял, что голос принадлежал женщине. Вокруг него обвились руки, подняли его и понесли. Одна рука его болталась. Он сделал слабую попытку выпрямиться, но ничего не получилось.

Снова послышался женский голос.

Он устало открыл глаза. Он был мокрый и озябший, но вода не лилась с него, и стало светлее настолько, чтобы увидеть лицо робота. Он узнал это лицо.

— Жискар, — прошептал он.

Тут только он вспомнил грозу и побег.

Жискар нашел его раньше, чем те роботы. «Так я и знал», — с удовольствием подумал Бейли и снова закрыл глаза. Его быстро несли, затем остановились и медленно уложили на что-то

теплое и удобное. Он каким-то образом знал, что это было сиденье закрытого кара. Затем ощущение плавного движения, прикосновение мягкой, впитывающей влагу ткани к лицу и рукам. Затем еще множество других ощущений. Он был в доме. Светящиеся стены, множество разных предметов, которые он видел, когда время от времени открывал глаза. С него снимали одежду, и он делал бесполезные попытки помочь снимавшему. Затем теплая вода и энергичное растирание. Оно продолжалось неизвестно сколько времени, и Бейли не хотел, чтобы оно кончилось. Он вдруг схватил руку, державшую его.

— Жискар!

— Я здесь, сэр.

— Дэниел в безопасности?

— В полной безопасности, сэр.

— Хорошо.

Бейли снова закрыл глаза. Он чувствовал, как его поворачивают в потоке сухого воздуха и наконец одевают во что-то вроде теплого халата.

Какое блаженство! Ничего подобного он не испытывал с раннего детства, и он вдруг пожалел младенцев, для которых делается все это, а у них не хватает сознания порадоваться этому. А может, они радуются? Может, он сейчас и пере-

живает наслаждение снова стать ребенком? Он снова услышал женский голос. Мать? Нет, этого не может быть.

Он сидел в кресле и чувствовал, что короткий период возвращения в детство прошел, он снова вернулся в этот нерадостный мир. Но ведь женский голос был! Кому он принадлежал? Бейли открыл глаза.

— Глэдия?

67

Это был возглас удивления, вопрос, но в глубине души Бейли не удивился.

Наверное, он все-таки узнал этот голос.

Он оглянулся вокруг. Жискар стоял в нише, но дело не в этом. Сначала — главное.

— Где Дэниел?

— Он чистится и обсыхает в комнатах роботов. У него есть сухая одежда. Он окружен моим штатом, которому даны инструкции. Никто не подойдет к нему ближе, чем на пятьдесят метров, чтобы об этом сразу же не узнали мы все. Жискар тоже вымылся и высох.

— Да, я вижу, — сказал Бейли.

Он интересовался только Дэниелом. Он убедился, что Глэдия поняла необходимость охраны

Дэниела, и ему, Бейли, нет необходимости пускаться в объяснения.

Но все же оставалось одно обстоятельство, вынудившее Бейли опасливо задать вопрос:

— Как же вы оставили его, Глэдия? С вашим уходом в доме не осталось ни одного человека, чтобы остановить банду чужих роботов. Дэниела могли увести силой.

— Чепуха, — возразила Глэдия. — Мы ушли недалеко, и доктор Фастольф был извещен. Многие его роботы присоединились к моим, и он мог сам при необходимости прийти сюда за несколько минут, а я не думаю, чтобы чужие роботы могли его одолеть.

— Вы видели Дэниела, когда вернулись?

— Конечно! Говорю же вам, что он в безопасности.

— Спасибо

Бейли снова закрыл глаза, и, как ни странно, подумал: «Все не так уж плохо».

Конечно, неплохо. Он жив, верно?

При этой мысли что-то внутри его возликовало, чувство радости овладело им. Он ведь жив1

— Как вы нашли меня, Глэдия?

— Это все Жискар. Они оба пришли сюда, и Жискар быстро объяснил мне ситуацию. Я хотела

позаботиться о безопасности Дэниела, но тот не двинулся с места, пока я не обещала послать Жискара за вами. Дэниел был очень красноречив. Он страшно уважает вас, Илайдж. Дэниел, конечно, должен был остаться здесь и был очень огорчен этим, но Жискар настаивал, чтобы я самым твердым образом приказала Дэниелу остаться. Вы, видимо, дали Жискару очень точные приказы. Мы связались с доктором Фастольфом, а после этого сели в мою личную машину.

Бейли слабо покачал головой:

— Вам не нужно было ехать, Глэдия. Ваше место здесь, заботиться о безопасности Дэниела.

— И оставить вас умирать в грозу? Или позволить врагам доктора Фастольфа захватить вас? Я не могла такого допустить. Нет, Илайдж, я нужна была там, чтобы отогнать от вас чужих роботов, если они первыми найдут вас. Я, может, не на многое гожусь, но управлять толпой роботов умею. Мы, соляриане, к этому привыкли.

— Но как вы меня нашли?

— Это было не так уж и трудно. Ваша машина была не очень далеко отсюда, так что мы могли бы дойти пешком, если бы не гроза. Мы…

— Вы хотите сказать, что мы почти доехали до дома Фастольфа?

— Да. Либо ваша машина была испорчена не настолько, чтобы заставить вас остановиться раньше, либо Жискар сумел вести ее дольше, чем рассчитывали эти вандалы. И это очень хорошо. Если бы остановились ближе к Институту, они могли бы взять всех вас. Ну, мы сели в мою машину и отправились туда, где вы сели. Жискар знал, где это…

— Вы, наверное, вымокли?

— Не очень. У меня был с собой плащ. Ноги немного промокли, но мне это не повредит. Мы были у вашей машины меньше чем через полчаса после того, как Дэниел и Жискар оставили вас. Но вас там не оказалось.

— Я пытался…

— Да, мы поняли. Сначала я подумала, что те роботы унесли вас. Жискар сказал, что вас преследовали. Но потом Жискар нашел ваш носовой платок в пятидесяти метрах от машины и сказал, что вы, вероятно, пошли в том направлении. Жискар сказал, что с вашей стороны это было нелогично, но люди часто поступают нелогично, так что надо было искать вас. Вот мы оба и смотрели, и Жискар нашел вас. Он сказал, что увидел инфракрасное излучение вашего тела под деревом. И мы привезли вас сюда.

Бейли спросил с легким неудовольствием:

— А почему он сказал, что мой уход нелогичен?

— Не знаю, Илайдж. Спросите его.

— Жискар, почему?

Бесстрастие Жискара сразу же нарушилось, и его глаза сфокусировались на Бейли:

— Я чувствовал, сэр, что вы вышли под грозу и дождь без необходимости. Если бы вы подождали, мы привезли бы вас сюда раньше.

— Другие роботы могли захватить меня.

— Они и пытались, но вы отправили их обратно, сэр.

— Откуда вы знаете?

— Возле обеих дверец машины было множество отпечатков ног роботов, сэр, но никаких признаков сырости в машине, а они были бы, если бы их мокрые руки тянулись вытащить вас. Я рассудил, что вы не выйдете к ним по собственной воле, сэр. А прогнав их, вы могли не бояться, что они вернутся быстро, поскольку по вашей же оценке ситуации им нужен был Дэниел, а не вы. Но зато вы могли быть уверены, что я — то вернусь быстро.

— Я именно так и рассуждал, — пробормотал Бейли, — но мне казалось, что такой мой выход

поможет. Я делал то, что мне казалось лучше, т. к. знал, что вы все равно найдете меня.

— Да, сэр.

— А почему вы принесли меня сюда? К доктору Фастольфу, наверное, было ближе?

— Не совсем так, сэр. Этот дом немного ближе, и по настойчивости ваших приказов я решил, что во имя безопасности Дэниела дорога каждая минута. Дэниел согласился со мной, хотя он очень неохотно оставил вас. Поскольку он здесь, я подумал, что и вы захотите быть здесь, чтобы, если возникнет желание, лично удостовериться в его безопасности, если возникнет такая.

Бейли кивнул и сказал, все еще недовольный замечанием о нелогичности:

— Вы хорошо поступили, Жискар.

— Вам нужно увидеться с доктором Фастольфом? — спросила Глэдия. — Я могу вызвать его сюда, или можете увидеть его по трехмерке.

Бейли снова откинулся в кресле. Он сознавал, что его мыслительные процессы сейчас замедлены, и что он очень устал. Не стоит сейчас видеть Фастольфа.

— Нет, — сказал он, — я увижусь с ним завтра утром. Времени хватит. Затем, полагаю, я увижу этого Калдина Амадейро и высокопоставленного

чиновника… Как вы его называете? Председателя. Он должен быть там тоже, так мне думается.

— Вы выглядите ужасно усталым, Илайдж. К счастью, у нас нет никаких микробов и вирусов, как на Земле, и вы были от них очищены, так что вы не подхватили никаких болезней, но вы явно устали.

«После всего этого — ни насморка, ни пневмонии? — подумал Бейли. — Да, быть на планете космонитов — это кое-что».

Вслух он сказал:

— Я устал, согласен. Немножко отдыха, и все пройдет.

— Вы голодны? Время обеда.

Бейли сделал гримасу:

— Не чувствую желания.

— Мне кажется, это неразумно. Вы, может быть, не хотите слишком уж тяжелой пищи, но как насчет горячего супа? Он будет вам на пользу.

Бейли улыбнулся. Пусть она солярианка, но в данном случае говорит совсем как земная женщина. Наверное, и аврорская женщина сказала бы так же. Различия в культуре некоторых вещей не затрагивают.

— А у вас есть подходящий суп? Я не хотел бы затруднять вас.

— Какое же это затруднение? У меня есть штат, не такой большой, как на Солярии, но его хватит, чтобы приготовить любую еду. Вы только скажите, какой суп вы хотели бы, и все будет сделано.

Бейли не мог противиться:

— Куриный бульон.

— Пожалуйста. Я как раз и хотела предложить его. С кусочками курицы он будет вам полезен.

Тарелка появилась перед ним с поразительной скоростью.

— А вы не будете есть, Глэдия?

— Я уже поела, пока вас мыли и обрабатывали.

— Как… обрабатывали?

— Обычная биохимическая процедура, Илайдж. У вас была скорее психическая травма, и мы не хотели возможных последствий. Кушайте!

Бейли попробовал его. Он был неплох, только, по странной привычке аврорцев, более пряный, чем было бы желательно. Может, это просто были другие пряности, непривычные ему. Он вдруг вспомнил свою мать, когда он не хотел есть «вкусный супчик». «Ну, Илайдж, — говорила она, — это настоящий куриный суп, очень наваристый. Даже у космонитов нет лучшего».

Это верно. Он мысленно ответил ей через много лет: «У них нет лучшего, мам».

Да, насколько он мог припомнить, суп матери был куда вкуснее.

Он ел ложку за ложкой и, закончив, смущенно спросил:

— Нельзя ли еще немного?

— Сколько хотите, Илайдж.

— Совсем немного.

Когда он наелся, она сказала:

— Илайдж, эта встреча завтра утром… означает, что ваше расследование кончено? Вы знаете, что случилось с Джандером?

— У меня есть идея насчет этого, но я не думаю, что смогу убедить кого-либо в своей правоте.

— Тогда зачем эта конференция?

— Не я ее созвал, Глэдия. Это идея Главного роботехника Амадейро. Он возражает против расследования и постарается, чтобы меня отправили обратно на Землю.

— Тот самый, который повредил вашу машину и послал своих роботов захватить Дэниела?

— Тот самый.

— Разве его не будут судить и не накажут за это?

— Могли бы, — с жаром ответил Бейли, — если бы не одна мелочь: я не могу доказать этого.

— И он может сделать все это и даже прекра-

тить расследование?

— Боюсь, что у него достаточно хорошие шансы для этого. Как он сам сказал, люди, не рассчитывающие на правосудие, не страдают от разочарования.

— Но вы не должны допустить этого! Вам надо закончить расследование и установить истину.

Бейли вздохнул:

— А если я ее не установлю или установлю, но никто не станет меня слушать?

— Вы можете сделать это. Вы можете заставить людей выслушать вас.

— У вас трогательная вера в меня, Глэдия. Однако, если Совет Авроры пожелает отправить меня обратно и прикажет прекратить следствие, я ничего не смогу сделать.

— Но вы же не хотите вернуться обратно, ничего не сделав?

— Конечно не хочу. Это хуже, чем если бы я вообще не брался. Я вернусь с конченной карьерой и погубленным будущим Земли.

— Тогда не позволяйте им это сделать.

— О, дьявол! Глэдия, я бы рад не позволить, но я не могу поднять планету голыми руками. Не требуйте от меня чуда.

Она кивнула, опустила глаза, прижала руку к

губам и сидела неподвижно, как бы задумавшись. Лишь через некоторое время до Бейли дошло, что она плачет.

68

Бейли быстро встал, обогнул стол и подошел к Глэдии. Он автоматически отметил, что ноги его дрожат.

— Глэдия, — сказал он настойчиво, — перестаньте.

— Не обращайте внимания.

Она всхлипнула:

— Пройдет.

Он беспомощно стоял рядом и тянулся к ней, все еще колеблясь.

— Я не дотронусь до вас, — сказал он. — Не думаю, что это было бы лучше…

— Ох, дотроньтесь. Я потеряла все, что наполняло мою жизнь, и я ничего не скрывала от вас. У меня нет… того, к чему я привыкла.

Бейли коснулся ее локтя и слегка похлопал по нему кончиками пальцев:

— Я сделаю завтра, что смогу, Глэдия. Я буду стараться. Она встала и повернулась к нему:

— О, Илайдж…

Он машинально, вряд ли сознавая, что делает,

протянул руки, и она, так же машинально, шагнула к нему и прижалась головой к его груди. Он осторожно обнял ее, ожидая, что она вспомнит, кого обнимает.

Она обнимала Джандера, но тот не был землянином. Она громко всхлипнула, по-прежнему уткнувшись в рубашку Бейли, и сказала:

— Это нечестно. И все потому, что я соляриан-ка. Никто по-настоящему не беспокоится, что случилось с Джандером. Будь я аврорианкой, все было бы по-другому. Все сводится к предвзятости и политике.

«Да, космониты — люди, — подумал Бейли. — Точно так же сказала бы и Джесси. А если бы Глэдию сейчас обнимал Гремионис, он сказал бы то же, что и я… если бы я знал, что сказать».

— Ну, не совсем так, — сказал он вслух. — Я уверен, что доктора Фастольфа беспокоит случившееся с Джандером.

— Нет. Он хочет провести в Совете свою линию, а этот Амадейро ради своей цели — свою, и каждый продаст Джандера ради своей цели.

— Я обещаю вам, что не продам Джандера.

— Нет? А если вам скажут, что вы можете возвращаться на Землю, и не пострадают ни Земля, ни ваша карьера, что вы тогда сделаете?

— Не стоит придумывать ситуации, которые не могут возникнуть. Мне ничего не будет, если я брошу Джандера. Меня просто вышлют и разорят меня и мою планету. Но если мне позволят, я найду человека, уничтожившего Джандера, и прослежу, чтобы он получил соответствующее наказание.

— Почему вы говорите — если позволят? Заставьте их!

Бейли горько улыбнулся:

— Вы думаете, что аврорцы не обращают внимания на вас, потому что вы солярианка? Представьте себе, как относились бы к вам, будь вы с Земли, как я.

Он крепче прижал ее к себе, забыв, что он с Земли, хотя сам только что говорил это.

— Я постараюсь, Глэдия. Я не хочу возбуждать надежды, но все-таки скажу: у меня не совсем пустые руки. Я попытаюсь…

Он замолчал.

— Вы уже говорили, что попытаетесь. Но как?

Она чуть отодвинулась, чтобы взглянуть в его лицо.

— Ну… — растерянно сказал Бейли, — я могу…

— Найти убийцу?

— В этом роде… Глэдия, простите, но я должен

сесть.

Он потянулся к столу и наклонился над ним.

— Что с вами, Илайдж?

— У меня был явно тяжелый день, и я, видимо, еще не вполне оправился.

— Тогда вам лучше лечь в постель.

— По правде сказать, Глэдия, я был бы рад.

Она выпустила его. Ее лицо было озабоченным, слез уже не было. Она подняла руку и сделала быстрое движение.

Бейли тут же окружили роботы.

И вот он наконец в постели, последний робот ушел, и он смотрит в темноту.

Он глубоко вздохнул и подумал: «Что я обещал Глэдии? Что случится завтра? Последний акт. Провал?» И еще до того, как сон одолел его, он подумал о той невероятной вспышке озарения, которая приходила перед засыпанием.

69

Это случалось уже два раза: один раз в прошлую ночь, когда он, как сейчас, засыпал, а второй раз вечером, когда он терял сознание под деревом в грозу. Каждый раз что-то приходило ему в голову, что-то озаряющее, снимавшее покров тайн с проблемы, подобно тому как молния рассеивает

мрак ночи.

Но исчезало это так же быстро, как молния.

Что это было, и придет ли снова?

На этот раз он пытался сознательно ухватить это, поймать ускользающую истину.

Может, это исчезающая иллюзия? Может, это уход от сознательной умственной деятельности и возникновение приятной бессмыслицы, которую невозможно постичь, если мозг не в состоянии работать как следует?

Что бы это ни было, оно ушло и не придет, как не появится единорог в мире, где единорогов не существует.

Легче было думать о Глэдии. Непосредственно к нему прикоснулся только шелк ее блузки, но под шелком были тонкие хрупкие руки, гладкая спина. Рискнул бы он поцеловать ее, если бы его ноги не подкосились, или это значило бы зайти слишком далеко? Его дыхание участилось, и это, как всегда, смутило его.

Он прогнал сон и снова подумал о Глэдии.

Он никогда не думал, что снова увидит ее, коснется ее, обнимет. Он не мог сказать, как мысль превратилась в мечту.

Он снова обнимал ее, как тогда, но блузки не было, была теплая и мягкая кожа. Его рука мед-

ленно опустилась по ее лопатке до самых бедер…

Все это, однако, носило характер абсолютной реальности.

Участвовали все его чувства. Он вдыхал запах ее волос, губы чувствовали слабый привкус соли ее кожи, губы почему-то не останавливались на месте, они опускались все ниже и ниже…

Он чувствовал матрац под собой и мрак над собой, но она все еще была в его объятиях, и тело ее было нагим. Он боялся проснуться.

— Глэдия!

Сейчас все исчезнет.

— Ш-ш-ш, Илайдж.

Она нежно прижала пальцы к его губам:

— Не говори ничего.

Она могла с тем же успехом просить его остановить поток крови в его жилах.

— Что вы делаете?

— Разве ты не знаешь? Я в постели с тобой.

— Зачем?

— Потому что я так хочу.

Она взялась за ворот его ночной рубашки, и застежка расстегнулась.

— Не шевелись, Илайдж. Ты устал, и я не хочу, чтобы ты утомлялся еще больше.

Бейли чувствовал жаркую волну внутри и ре-

шил не защищать Глэдию от нее самой.

— Я не от этого устал, Глэдия.

— Нет! — резко сказала она. — Лежи! Я хочу, чтобы ты отдыхал.

Ее губы прижались к его губам, как бы принуждая его лежать спокойно. Он покорился, мельком подумав, что следует приказам, что он в самом деле устал, и пусть лучше делают с ним, чем он сам будет делать. Он со стыдом подумал, что это как бы снижает его вину — «я тут ни при чем, она заставила». О, дьявол, какая трусость, какое нестерпимое унижение!

Но эти мысли тоже ушли. Откуда-то возникла тихая музыка, температура в комнате поднялась, одеяло исчезло, как и ночная одежда Бейли. Голова его была прижата мягким. Он знал, что это мягкое — ее левая грудь, а твердый по контрасту сосок был у его губ.

Она тихо напевала под музыку убаюкивающе приятную незнакомую ему мелодию.

Она мягко двигалась взад и вперед, ее пальцы пощипывали его подбородок и шею.

Он расслабился, довольный, что ничего не делает и предоставляет инициативу ей.

Когда она подвинула его руки, он не протестовал и оставил их лежать там, где она их

положила.

Он не помогал, а когда ответил нарастающим возбуждением и кульминационной точкой, это было только от бессилия делать что-то другое.

Она казалась неутомимой, и он не хотел, чтобы она останавливалась. Он снова почувствовал полную роскошь детской пассивности, конечно, если не считать сексуального соответствия.

Наконец, он уже не мог больше ей отвечать, и она, кажется, тоже. Она легла рядом, положив голову во впадину между его плечом и грудью и перекинула руку через его тело. Ему показалось, что он услышал ее шепот:

— Спасибо тебе…

— За что?

Он удивился.

Теперь он почти не сознавал ее присутствия, потому что этот исключительно приятный конец тяжелого дня был как наркотик, как усыпляющее, и он чувствовал, как скользит прочь, словно перестав держаться за грубую реальность, и он может падать в медленно колышущийся океан снов.

Тут опять пришло то, что не приходит по вызову, а лишь само по себе.

В третий раз поднялся занавес, и все события, начиная с его отъезда с Земли, сфокусировались

в одной точке. Снова все стало ясно. Он старался заговорить, услышать слова, которые ему нужно было услышать, зафиксировать, сделать их частью его мыслительного процесса, но, как ни цеплялся он за них каждой клеточкой своего мозга, они промелькнули и исчезли. Так что в этом смысле второй день Бейли на Авроре кончился так же, как и первый.

Глава 17
Председатель

70

Когда Бейли открыл глаза, в окно лился солнечный свет, и Бейли приветствовал его, сам тому удивляясь.

Солнечный свет означал, что гроза прошла, будто ее и не было. Сам солнечный свет по сравнению с мягким, теплым управляемым светом Городов груб и ненадежен, но по сравнению с грозой он — обещание мира. «В природе все относительно», — подумал Бейли. Отныне он никогда не будет считать, что солнечный свет таит в себе одно лишь зло.

— Коллега Илайдж!

У постели стоял Дэниел, а чуть позади — Жискар.

Лицо Бейли озарилось редкой для него улыбкой искренней радости. Он протянул к ним руки:

— О, дьявол, парни!

Он даже не осознавал в этот момент всю неуместность этого слова.

— Когда я в последний раз видел вас обоих, я не был уверен, увижу ли вас снова.

— Ну, — мягко сказал Дэниел, — никто из нас не должен был пострадать.

— При солнечном свете я это вижу, но в прошлую ночь, хоть я и чувствовал, что гроза может убить меня, я был уверен, что вам, Дэниел, грозит страшная опасность. Казалось даже возможным, что и Жискару могут причинить вред, когда он будет защищать меня от превосходящих сил противника. Мелодраматично, конечно, согласен, но я был чуточку не в себе, вы понимаете.

— Мы знали это, сэр, — сказал Жискар, — потому нам было так трудно оставить вас, несмотря на приказ. Но мы уверены, что в настоящее время это больше не является источником неприятностей для вас.

— Отнюдь нет, Жискар.

— Мы также знаем, что о вас хорошо заботились после того, как мы вас оставили, — сказал Дэниел.

Тут только Бейли вспомнил о ночных событиях. Ее нигде не было. Неужели это ему приснилось? Нет, конечно. Это было бы невозможно. Он хмуро посмотрел на Дэниела, заподозрив, что его замечание может звучать несколько скользко. Нет,

это тоже невозможно: робот, даже человекоподобный, не создан для намеков такого рода.

— Заботились вполне хорошо. Но сейчас мне нужно, чтобы мне показали туалет.

— Мы здесь, сэр, — сказал Жискар, — чтобы помогать вам. Мисс Глэдия решила, что с нами вам будет удобнее, чем с кем-либо из ее штата, и она настояла, чтобы мы делали все для вашего комфорта.

Бейли отнесся к этому с сомнением:

— Я себя прекрасно чувствую, так что меня не нужно мыть и вытирать. Я сам о себе позабочусь. Надеюсь, она это понимает.

— Не опасайтесь ничего, коллега Илайдж. Мы просто приглядываем, чтобы вам было удобно. Если вы захотите остаться один, мы подождем где-нибудь в сторонке.

— В таком случае, Дэниел, мы все уладим.

Бейли встал с постели. Ему было приятно, что он твердо стоит на ногах. Заботы о нем, когда его принесли сюда, и отдых сделали чудеса… и Глэдия тоже.

71

Все еще голый после душа, чувствующий себя посвежевшим, Бейли причесывался, критически

изучая себя в зеркале. Ясное дело, он будет завтракать с Глэдией, но совершенно неясно, как ему держаться. Может, лучше сделать вид, что ничего не произошло, и вести себя сообразно с ее поведением?

— Дэниел, мне кажется, на вас новый костюм.

Брови Бейли поползли вверх.

— Она позволила вам надеть одежду Джандера?

— Мисс Глэдия не хотела, чтобы я остался без одежды, пока мой промокший костюм стирали и сушили. Теперь он уже готов, но мисс Глэдия сказала, что я могу оставить себе и этот.

— Когда она это сказала?

— Сегодня утром.

— Значит, она уже встала?

— Да, и вы пойдете завтракать с ней, когда будете готовы.

Бейли поджал губы. Странная вещь: его сейчас больше беспокоила встреча с Глэдией, чем — чуть позднее — с Председателем, предстоящий исход которой был целиком в руках Судьбы. Он решил положиться на свою стратегию, и она либо сработает, либо нет. Что касается Глэдии, тут у него просто не было стратегии.

Ну что ж, встретиться с ней он должен. Он

спросил самым безразличным тоном, какой мог изобразить:

— И как сегодня мисс Глэдия?

— По-моему, хорошо, — ответил Дэниел.

— В хорошем настроения или в подавленном?

Дэниел заколебался:

— Трудно судить о настроении человека. Но в ее поведении нет ничего, что указывало бы на внутренний разлад.

Бейли искоса взглянул на Дэниела и снова подумал, не намекает ли тот на ночные события, и снова отбросил такую возможность. Изучать лицо Дэниела не имело смысла. По выражению лица робота нельзя угадать его мысли, потому что у него нет мыслей в человеческом понимании.

Бейли задумчиво посмотрел на приготовленную одежду. Трудно сказать, сумеет ли он правильно надеть ее без помощи роботов. Гроза и ночь прошли, и он теперь снова хотел чувствовать себя взрослым и независимым.

— Что это? — спросил он.

Он взял длинную ленту, покрытую замысловатыми цветными узорами.

— Это пояс от пижамы, — сказал Дэниел, — чисто декоративный. Лента проходит через левое плечо и завязывается с правой стороны талии. На

некоторых Внешних Мирах его принято надевать к завтраку, но на Авроре это не очень популярно.

— Тогда зачем я должен надевать его?

— Мисс Глэдия подумала, что он будет вам к лицу. Завязывать его довольно сложно, и я рад буду помочь вам.

«О, дьявол, — жалобно подумал Бейли, — она хочет, чтобы я был красивым. Что у нее на уме? А, нечего думать об этом».

Вслух он сказал:

— Не беспокойтесь. Я завяжу его обычным бантом. Но послушайте, Дэниел, после завтрака я пойду к Фастольфу, где должен встретиться с ним, с Амадейро, с Председателем Совета и, может, там будет еще кто-нибудь.

— Да, я знаю. Я не думаю, чтобы там был кто-либо еще.

— Ну, так вот… — продолжал Бейли.

Он начал надевать белье и делал это медленно, чтобы не напутать и не быть вынужденным обращаться за помощью.

— Расскажите мне насчет Председателя. Я читал, что он главный ответственный чиновник на Авроре, но что это просто почетное звание. Значит, он не имеет власти?

— Боюсь, коллега Илайдж…

Вмешался Жискар:

— Сэр, я больше знаю о политическом положении на Авроре, чем друг Дэниел: я существую дольше. Не позволите ли вы мне ответить на ваш вопрос?

— Конечно, Жискар.

— Когда впервые организовалось правительство Авроры, — начал Жискар дидактическим тоном, — было установлено, что ответственный чиновник выполняет только церемониальные обязанности. Он встречал сановников других планет, открывал заседания Совета, председательствовал на обсуждениях и голосовал только при равном количестве голосов. Но после Речного Спора…

— Да, я читал, — прервал его Бейли. — Это был особо темный эпизод в аврорской истории, когда спор по поводу распределения гидроэлектрической энергии чуть не привел к гражданской войне. Не вдавайтесь в детали.

— Хорошо, сэр. После Речного Спора было решено впредь не допускать, чтобы спор угрожал аврорскому обществу. Стало обычаем улаживать все конфликты частным и мирным порядком вне Совета. Когда члены Совета, наконец, голосуют, всегда бывает большой перевес голосов в ту или в

другую сторону. Ключевая фигура в улаживании споров — Председатель Совета. Он держится над схваткой, и его власть, теоретически пусть и мнимая, на практике весьма значительна, пока он держится именно так. Поэтому Председатель ревниво охраняет свою объективность, и, пока это ему удается, он обычно выносит решение, улаживает любой спор в том или ином направлении.

— Вы хотите сказать, что Председатель выслушает меня, Фастольфа, Амадейро и затем вынесет решение?

— Вероятно. С другой стороны, сэр, он может не быть убежден и потребует других свидетельств, других мыслей.

— А когда Председатель вынесет решение, примет ли его Амадейро, если оно против него? Или доктор Фастольф?

— Это не обязательно. Почти всегда кто-то не согласен с решением Председателя, а доктор Амадейро и доктор Фастольф — своевольные и упрямые индивидуумы, если судить по их действиям. Однако, большая часть членов Совета согласится с решением Председателя, каково бы оно ни было. Доктор Фастольф или доктор Амадейро — в зависимости от того, против кого решит Председатель — могут быть уверены, что

при голосовании окажутся в меньшинстве.

— Насколько вы уверены в этом, Жискар?

— Почти полностью. Срок службы Председателя обычно тридцать лет, с возможностью переизбрания на следующие тридцать лет. Если голосование пройдет против рекомендации Председателя, он вынужден будет немедленно подать в отставку, и настанет правительственный кризис. Совет будет искать другого Председателя в условиях жестких споров. Лишь очень немногие советники пожелают идти на такой риск, так что шанс на получение большинства голосов против Председателя почти нулевой.

— Значит, все зависит от этой утренней конференции, — мрачно сказал Бейли.

— Очень похоже на то.

— Спасибо, Жискар.

Бейли угрюмо выстраивал и перестраивал боевой порядок своих размышлений. Они вроде бы обнадеживали, но не известно, что скажет Амадейро или что может понравиться Председателю. Эту встречу организовал Амадейро, и он, видимо, очень уверен в себе.

Тут Бейли вспомнил, что когда он засыпал, держа в объятиях Глэдию, он еще раз увидел значение всех этих событий на Авроре. Все казалось

ясным, очевидным и надежным, и в третий раз это ушло, исчезло, как будто никогда и не появлялось. И с этим, похоже, уходили и его надежды.

72

Дэниел проводил Бейли в комнату, где был сервирован завтрак. Она была уютнее, чем обычная столовая: маленькая комната, в которой были только стол и два кресла. Дэниел ушел, но не в нишу.

Здесь вообще не было ниш, и на минуту Бейли почувствовал, что он совершенно один в комнате.

На самом-то деле он, конечно, не был один в комнате. Позови — и тут же появятся роботы.

Но все-таки это была комната для двоих, комната без роботов, комната для любовников.

Вошла Глэдия, нарядно одетая, с блестящими волосами. Она на миг остановилась и слегка улыбнулась.

— Илайдж!

Бейли, слегка удивленный неожиданной переменой в ней, вскочил.

— Как дела, Глэдия? — запинаясь, спросил он.

Она выглядела веселой и беззаботной:

— Если ты беспокоишься о Дэниеле, то напрас-

но. Он в полной безопасности. Что касается нас…

Она подошла к Бейли и медленно погладила его по щеке, как когда-то на Солярии, и засмеялась:

— Тогда я сделала только это, Илайдж. Помнишь?

Он молча кивнул.

— Ты хорошо спал? Садись, дорогой.

Он сел.

— Очень хорошо, спасибо тебе, Глэдия.

Он не решился вернуть ей ласковое обращение.

— Меня не за что благодарить. Я спала лучше, чем когда-нибудь. Этого не было бы, если бы я не ушла из твоей постели, когда удостоверилась, что ты крепко спишь. Если бы я осталась, как мне хотелось, я бы надоела тебе снова, и ты не успел бы отдохнуть.

Он почувствовал необходимость быть галантным:

— Есть вещи более важные, чем отдых, Глэдия.

Он сказал это так официально, что Глэдия снова засмеялась:

— Бедный Илайдж! Ты смущаешься?

Факт, что она заметила это, смутил его еще больше. Он ожидал встретить раскаяние, отвращение, стыд, подчеркнутое безразличие, слезы

— все, кроме сегодняшнего эротического поведения.

— Ну, не переживай. Ты голоден? Ты почти не ел вчера. Прими в себя немного калорий, и ты почувствуешь себя гораздо крепче.

Еда была очень вкусной, и Бейли едва успевал глотать.

— Тебя смущает прошлая ночь, Илайдж? И больше ты ничего не ощущаешь?

«Ну что тут ответить?» — подумал Бейли.

— Боюсь, что да, Глэдия. Это отнюдь не все, что я ощущаю, но я действительно смущен. Я землянин, но в то время это слово для тебя ничего не значило. В прошлую ночь ты беспокоилась обо мне, о том, как на меня подействовала гроза, ты заботилась обо мне, как о ребенке, сочувствовала мне, возможно, из-за травмы, вызванной твоей потерей, и ты пришла ко мне. Но это у тебя пройдет — я удивлен, что еще не прошло — и ты вспомнишь, что я землянин, и почувствуешь себя униженной и запятнанной. Ты возненавидишь меня за то, что я тебе сделал, а я не хочу, чтобы ты меня ненавидела.

Если он выглядел таким же несчастным, каким себя чувствовал, то он и в самом деле был очень несчастен.

Наверное, она так и подумала, потому что потянулась к нему и взяла его за руку:

— Я не стану ненавидеть тебя, Илайдж. За что? Ты не сделал ничего такого, против чего я стала бы возражать. Я сделала это, и буду радоваться этому всю жизнь. Ты освободил меня одним прикосновением два года назад, а в прошлую ночь освободил меня еще раз. Два года назад я узнала, что могу чувствовать желание, а сегодня ночью узнала, что снова могу почувствовать его после Джандера… Илайдж, останься со мной!

— Как я могу, Глэдия? Я должен вернуться на свою планету. У меня там есть определенные обязанности и цели, а ты не можешь ехать со мной. Ты не можешь жить нашей земной жизнью. Ты умрешь от земных болезней, если скученность и замкнутость Города не убьют тебя раньше. Ты же понимаешь.

— Насчет Земли я понимаю. Но тебе не обязательно уезжать немедленно.

— Еще утро не кончится, как Председатель может приказать мне уехать.

— А ты не соглашайся, — энергично возразила Глэдия. — Если на то пошло, мы можем уехать на другой Внешний Мир. Их много, мы можем выбирать. Неужели Земля так много значит для

тебя, что ты не хочешь жить на Внешнем Мире?

— Я мог бы прибегнуть к отговоркам и сказать, что ни на одном из Внешних Миров не смогу жить постоянно. Ты и сама это знаешь. Но не это главное. Даже если бы какой-то Внешний Мир согласился бы принять меня, Земля так много для меня значит, что я не могу отвернуться от нее. Даже если это значит — расстаться с тобой.

— И никогда больше не приехать на Аврору? Никогда больше не видеть меня?

— Если бы мог, увидел бы, и не один раз, поверь мне. Но ты знаешь, что без приглашения я не могу приехать.

— Я не хочу верить этому, Илайдж, — тихо сказала она.

— Глэдия, не делай себя несчастной. Между нами произошло нечто неповторимое, но с тобой произойдет еще и другое, тоже неповторимое, и еще, и еще, и много всякого иного, но только не одно и то же.

Она молчала.

— Глэдия, — сказал он требовательно, — пусть никто не узнает о том, что произошло между нами.

Она с болью взглянула на него:

— Ты стыдишься этого?

— Того, что случилось, конечно нет. Но могут быть неприятности. Все будут болтать об этом. Из-за этой проклятущей гиперволновой драмы, которая включала в себя искаженную версию наших отношений, мы на виду. А если появится хоть малейший намек на то, что между нами… любовь, это будет передано на Землю со сверхкосмической скоростью.

Глэдия высокомерно подняла брови:

— И Земля сочтет, что ты унизился? Твое положение не позволяет тебе заниматься сексом с кем попало?

— Да нет же, — неохотно сказал Бейли, хотя знал, что именно такова точка зрения миллиардов землян. — Тебе не приходит в голову, что об этом услышит моя жена? Ведь я женат.

— Ну и что, если услышит?

Бейли вздохнул:

— Ты не понимаешь. На Земле все не так, как на Внешних Мирах. В нашей истории было время, когда нравы были довольно распущены, во всяком случае, в некоторых местах Земли и некоторых классах общества. Но сейчас не то. Земляне живут скученно, и это привело к пуританской этике — в любых условиях сохранять стабильную семейную систему.

— Ты имеешь в виду — у каждого один партнер, не больше?

— Ну, честно говоря, не совсем так. Но всякие исключения стараются хранить в тайне, чтобы все…

— …притворялись, что не знают?

— Ну, да. Но в данном случае…

— …будет настолько хорошо известно, что нельзя будет притвориться незнающим, и твоя жена будет злиться и грызть тебя?

— Ну, грызть меня она не будет, но сама будет опозорена, а это еще хуже. Мое общественное положение пострадает и… Ох, Глэдия, если ты не понимаешь, а ты, конечно, не понимаешь, все равно, обещай мне, что ты не станешь говорить об этом так открыто, как это делают аврорцы.

Он сознавал, что выглядит довольно жалко.

Глэдия задумчиво сказала:

— Я не намерена дразнить тебя, Илайдж. Ты был добр ко мне, и я не хочу быть недоброй к тебе, но…

Она беспомощно всплеснула руками:

— Ваши земные обычаи такие бессмысленные!

— Не спорю, но я вынужден жить в соответствии с ними, как ты жила в соответствии с солярианскими обычаями.

— Да.

Ее лицо затуманилось воспоминаниями:

— Тогда прости меня, Илайдж. Я честно прошу прощения. Я хотела того, чего не могла иметь, и взяла это у тебя.

— Все правильно.

— Нет, неправильно. Слушай, Илайдж, я хочу кое-что объяснить тебе. Я думаю, ты не понимаешь, что случилось в эту ночь. Тебя очень смутит, если я скажу?

Бейли задумался, как чувствовала бы себя Джесси, если бы слышала этот разговор. Он прекрасно сознавал, что его голова должна быть занята предстоящей конференцией с Председателем, а не личными супружескими делами, но на самом-то деле думал о Джесси.

— Наверное, буду смущен, но все равно, объясни.

Она подвинула свой стул вплотную к стулу Бейли, даже не позвав для этого робота, и положила свою маленькую ручку на его руки. Он сжал ее.

— Вот видишь, я больше не боюсь контакта. Теперь я могу не только коснуться твоей щеки, как тогда.

— Возможно, но это и не действует на тебя, как тогда.

Она кивнула.

— Нет, так не действует, но все равно, мне приятно. Я думаю, то было началом. Надо было так уйти в себя, чтобы одно прикосновение показало, как ненормально я жила, и так долго. Теперь все гораздо лучше. Могу я сказать теперь? Все, что я только что говорила — всего лишь пролог.

— Говори.

— Я хотела бы, чтобы мы были в постели, и чтобы была темнота. Я могла бы говорить тогда более свободно.

— А сейчас мы сидим здесь, и при свете, Глэдия, но я все равно слушаю.

— Ладно. На Солярии о сексе не говорят, ты знаешь.

— Знаю.

— Я была неопытна в этом смысле. Несколько раз — всего несколько — мой муж приходил ко мне по обязанности. Я не хочу даже описывать, как это было, но уж поверь мне, это было хуже, чем ничего.

— Я верю.

— Но я знала о сексе. Я читала о нем. Иногда я обсуждала это с другими женщинами, но все они уверяли, что это отвратительная обязанность, которой солярианки должны подвергаться. А если

у них был ребенок, что ограничивало их участие в сексе, они говорили, что счастливы никогда больше не иметь с ним дела.

— Ты верила им?

— Конечно. Я никогда не слышала ничего другого, а те немногие несолярианские сведения, которые я получала из книг, считались фальшивыми извращениями. Я и этому верила. Мой муж как-то нашел у меня книги, назвал их порнографией и уничтожил. Ты знаешь, люди могут поверить во что угодно. Я думаю, солярианские женщины верили в то, что говорили, и на самом деле презирали секс. Они говорили так искренне, и я чувствовала, что у меня возникает какое-то чудовищно-неправильное представление, т. к. я испытывала к сексу какое-то любопытство и бывали странные ощущения, которых я не понимала.

— Ты в то время не пользовалась роботами для некоторого облегчения?

— Нет, мне это не приходило в голову. Иной раз шепотом говорилось о таких вещах — всегда с ужасом, может, с притворным, так что я никогда не думала делать что-то подобное с любым неодушевленным предметом. Конечно, я иногда видела сны, и что-то такое, вроде начала оргазма

бывало, и я просыпалась. Я не понимала, что это, и не решалась говорить об этом. Я очень стыдилась таких снов, хуже того, я их боялась. И вот я приехала на Аврору.

— Ты говорила мне, что секс с аврорцами тебе ничего не дал.

— Да. Я даже стала думать, что солярианцы правы. Секс вовсе не походил на мои сны. Только с Джандером я поняла: на Авроре не секс, а ритуал. Каждый шаг продиктован обычаем, от прихода в дом до ухода. Ничего неожиданного, ничего стихийного. На Солярии секса так мало, что никто никому ничего не дает и не получает, а на Авроре секс так стилизован, что тоже ничего не дают и не получают. Ты понимаешь?

— Не уверен. Я не занимался сексом с аврорскими женщинами и никогда не был аврорским мужчиной. Но объяснять не обязательно. Я примерно понимаю, что это означает.

— Ты очень смущен?

— Не настолько, чтобы не слушать.

— Тогда я встретила Джандера и научилась им пользоваться. Он не был аврорским мужчиной. Его единственной целью было сделать мне приятное. Он давал, и я брала, потому что я впервые познала секс так, как его надо познать. Это ты

понимаешь? Можешь представить себе, каково вдруг понять, что ты не помешанная, не извращенная, не испорченная, а просто женщина, имеющая удовлетворяющего ее секс-партнера?

— Представляю.

— И вот через короткое время я всего этого лишилась. Я думала, что это конец. Я была в отчаянии. За столетия своей жизни я теперь никогда больше не буду иметь удовлетворяющих меня сексуальных отношений. Не иметь их вообще с самого начала — очень плохо, но получить неожиданно такую возможность и вдруг внезапно утратить ее навсегда — совсем нестерпимо. Теперь ты понимаешь, как важна для меня была прошлая ночь?

— Но почему я, Глэдия, почему не кто-нибудь другой?

— Нет, Илайдж, именно ты. Мы с Жискаром нашли тебя совсем беспомощного. Ты был в сознании, но не мог управлять своим телом. Тебя подняли и положили в кар. Я была здесь, когда тебя согрели, растерли, вымыли и обсушили. Роботы делали все это замечательно. Они заботились о тебе, но без настоящего чувства. А я смотрела и чувствовала.

Бейли скрипнул зубами при мысли о своей

проявленной беспомощности. Тогда он радовался тому, что с ним делают, но сейчас чувствовал унижение, что его видели при таких обстоятельствах.

А она продолжала:

— Я хотела бы сделать для тебя все это сама. Я злилась на роботов, что они сохраняют за собой право быть добрыми к тебе… и отдавать. Когда я подумала, как я сама делала бы все это, во мне стало подниматься сексуальное возбуждение, чего не было со смерти Джандера. И тут мне пришло в голову, что в моем единственном удачном сексе я только получала. Джандер отдавал все, что я хотела, но никогда не брал. Он не был способен получать, потому что его единственной радостью было быть приятным мне. Мне и в голову не приходило отдавать, потому что я воспитывалась, наблюдая роботов, и знала, что они не могут брать. Пока я смотрела, я подумала, что знаю только половину секса, и мне страстно захотелось испытать и другую половину. Потом, когда ты ел горячий суп, ты, как мне показалось, пришел в себя и выглядел сильным. Ты был достаточно сильным, чтобы утешать меня, и из-за того, что я чувствовала к тебе, пока роботы о тебе заботились, я больше не боялась, что ты с Земли,

и хотела быть в твоих объятиях. Когда ты обнял меня, и из-за неудовлетворенности, которую я ощутила, потому что снова получала, а не отдавала… Ты сказал: «Простите, Глэдия, я должен сесть». О, Илайдж, это было самое чудесное из всего, что ты мог бы сказать мне.

Бейли покраснел.

— Это меня страшно расстроило — такое признание в слабости…

— Это было именно то, чего я хотела. Это вызвало во мне дикое желание. Я заставила тебя лечь в постель и пришла к тебе, и в первый раз в жизни я отдавала. Я ничего не брала. И чары Джандера исчезли. Я поняла, что он меня тоже не удовлетворял. Нужно иметь возможность и получать и отдавать. Илайдж, останься со мной!

Бейли покачал головой:

— Глэдия, даже если я разорву свое сердце пополам, это ничего не изменит. Я не могу остаться на Авроре. Я должен вернуться на Землю, а ты не можешь приехать ко мне.

— А если смогу?

— Зачем говорить глупости? Пусть бы ты и смогла приехать, я очень скоро стану ненужным тебе. Через двадцать, самое большее, через тридцать лет я буду стариком, а возможно, даже

умру, а ты целые столетия останешься такой же, как сейчас.

— Но я это и имею в виду, Илайдж. На Земле я подхвачу ваши инфекции и тоже скоро состарюсь.

— Зачем тебе это? Кроме того, старость — не инфекционная болезнь. Просто, человек быстро слабеет и умирает. Глэдия, ты найдешь себе другого мужчину.

— Аврорца?

— Ты научишь его. Теперь, когда ты знаешь, как получать и отдавать, ты научишь его, как это делать.

— Разве они хотят научиться?

— Кто-то наверняка захочет. У тебя много времени впереди, ты найдешь того, кто захочет. Есть…

«Нет, — подумал он, — неразумно сейчас упоминать о Гремионисе, но, может быть, если он придет к ней и будет менее вежливым и чуточку более решительным…»

Она задумалась:

— Возможно ли это? О, Илайдж, ты помнишь все, что было ночью?

— Должен признаться, — грустно сказал он, — что кое-что, к сожалению, в тумане.

— Если бы ты помнил, ты не захотел бы расставаться со мной.

— Я вовсе не хочу оставлять тебя, Глэдия, но я должен.

— А потом ты казался таким совершенно счастливым, таким спокойным. Я угнездилась на твоем плече и слышала, как бьется твое сердце — сначала быстро, а потом все медленнее, а потом ты вдруг сел. Ты помнишь это?

Бейли вздрогнул, чуть отстранился от Глэдии и взглянул в ее глаза:

— Нет, не помню. Что ты имеешь в виду? Что я сделал?

— Я же говорю — ты вдруг сел.

— Да, а еще что?

Сердце его заколотилось. Три раза какая-то истина являлась ему, но в первые два раза полностью исчезла, а в третий раз с ним была Глэдия. У него была свидетельница.

— Больше, в сущности, ничего, — сказала она. — А в чем дело, Илайдж? Ты не обращал в тот момент на меня внимания. Ты сказал: «Вот оно, наконец!» Ты говорил невнятно, глаза у тебя блуждали. Я даже немного испугалась.

— Я сказал только это? О, дьявол! Глэдия, не сказал ли я что-нибудь еще?

Глэдия нахмурила брови:

— Но когда ты снова лег, я сказала: «Не бойся, Илайдж, ты теперь в безопасности». Я погладила тебя, и ты снова заснул, даже захрапел. Я никогда не слышала храпа раньше, но читала…

Эта мысль ее явно забавляла.

— Послушай, Глэдия, я сказал: «Вот оно!» Я сказал, что это именно?

— Нет. Не могу вспомнить. Постой, ты сказал очень тихо: «Он пришел первым».

— «Он пришел первым». Я так сказал?

— Да. Я подумала, что ты имеешь в виду Жискара, который нашел тебя раньше других роботов, и снова переживаешь те страхи, которые охватили тебя — в грозу. Потому я и сказала: «Не бойся, Илайдж, теперь ты в безопасности», и гладила тебя, пока ты не успокоился.

— «Он пришел первым». Теперь я не забуду. Глэдия, спасибо тебе за эту ночь, спасибо за то, что ты рассказала мне сейчас.

— А разве есть что-то такое уж важное в твоих словах, что Жискар первым нашел тебя? Это же так и было, ты знаешь.

— Наверное, не то, Глэдия. Это нечто такое, чего я не знаю, но ухитрился понять только когда мой мозг полностью был расслаблен.

— Ну, и что это значит?

— Пока не знаю, но раз я так сказал, это должно что-то значить. В моем распоряжении примерно час, чтобы вспомнить это.

Он встал.

— Теперь мне пора идти.

Он сделал несколько шагов к двери, но Глэдия бросилась к нему, протягивая руки:

— Подожди, Илайдж!

Бейли наклонился и поцеловал ее. Долгую минуту они стояли, обнявшись.

— Я еще увижу тебя, Илайдж?

— Не знаю, — печально сказал он. — Но я надеюсь.

Он пошел искать Дэниела и Жискара, чтобы сделать необходимые приготовления к предстоящей конференции.

73

Плохое настроение Бейли усилилось, пока он шел по длинной лужайке к дому Фастольфа. Роботы шли рядом с двух сторон.

— Как зовут Председателя Совета, Дэниел?

— Не могу сказать. Когда о нем упоминали в моем присутствии, его всегда называли Председателем. И обращаются к нему «мистер

Председатель».

Жискар сказал:

— Его имя Рутилен Гордер, сэр, но официально его так никогда не называют, а пользуются только титулом. Это создает впечатление несменяемости и незыблемости правительства. Людям, занимающим это положение, назначается определенный индивидуальный срок пребывания на этом посту, но «Председатель» существует всегда.

— А этому особо индивидуальному Председателю сколько лет?

— Он стар, сэр. Ему 331 год.

— Он в добром здравии?

— По-видимому, да, сэр.

— Ест какие-нибудь данные о нем, могущие помочь мне в подготовке к встрече?

Жискар, казалось, был поставлен в тупик. Помолчав, он сказал:

— Трудно сказать, сэр. Он работает второй срок, считается деятельным Председателем. Он много работает и добивается положительных результатов.

— Он вспыльчивый или терпеливый, властный или отзывчивый?

— Вы сами должны судить о таких вещах, сэр.

— Коллега Илайдж, — сказал Дэниел. — Председатель выше предвзятости. Он справедлив и беспристрастен в решениях.

— Я уверен в этом, — пробормотал Бейли, — но решения абстрактны, как «Председатель», в то время как индивидуальные председатели конкретны и могут иметь конкретные мозги.

Он покачал головой. Его собственный мозг имел сильную потребность в конкретизации. Три раза приходила мысль о чем-то, три раза исчезала. Теперь он имел собственные комментарии на время прихода этой мысли, но и они пока не помогали.

«Он пришел первым».

Кто пришел первым? Куда?

Ответа Бейли не находил.

74

Фастольф ждал Бейли у двери своего дома. Позади него стоял робот. Бейли уставился отсутствующим взглядом на робота и с некоторым затруднением перевел взгляд на Фастольфа. Он, сам не зная, почему, думал о роботах.

— Рад видеть вас снова, доктор Фастольф, — сказал он.

Он протянул руку. После встречи с Глэдией он

как-то забыл, что космониты неохотно идут на контакт с землянином.

Фастольф на мгновение замялся, но затем, как бы пренебрегая осторожностью, слегка пожал потянутую ему руку и тут же выпустил ее.

— Я еще больше рад видеть вас, мистер Бейли. Я страшно тревожился за вас вчера вечером. Гроза была не очень сильной, но землянину она, наверное, казалась ужасной.

— Значит, вы знаете, что случилось?

— Дэниел и Жискар мне все рассказали. Я был бы больше рад, если бы они пришли прямо сюда и принесли вас, но они рассудили, что от аварийной машины до дома Глэдии ближе, и что ваши приказания были исключительно убедительны и логичны, и вы считали, что безопасность Дэниела важнее вашей собственной. Они правильно поняли вас?

— Правильно. Я заставил их оставить меня там.

— Разумно ли это?

Фастольф пропустил Бейли вперед и указал на кресло.

Бейли сел.

— Похоже, что это было самое правильное. Нас преследовали.

— Жискар сообщил и сказал также, что…

— Пожалуйста, оставим это, доктор Фастольф, — прервал его Бейли. — У меня очень мало времени, а я еще должен задать вам несколько вопросов.

— Прошу вас, — согласился Фастольф со своей обычной вежливостью.

— Мне намекнули, что вы ставите свои исследования функций мозга выше всего остального, что вы…

— Позвольте, я докончу, мистер Бейли: что я ни перед чем не остановлюсь на этом пути, что я совершенно безжалостен, забыл все понятия о морали и извиню любое зло во имя важности своей работы.

— Да.

— Кто вам сказал это?

— Какое это имеет значение?

— Возможно, никакого. Впрочем, нетрудно догадаться: моя дочь Василия. Я уверен.

— Может быть. Но я хочу знать, правильна ли эта оценка вашего характера.

Фастольф печально улыбнулся:

— Вы надеетесь получить честный ответ о моем характере? В некоторых отношениях это обвинение против меня правильное. Я действительно рассматриваю свою работу как самое важное

дело и действительно намерен пожертвовать для нее всем и вся. В таком случае я должен был бы игнорировать общепринятые взгляды на зло и мораль вообще, если бы они стали мне мешать в достижении цели. Но дело в том, однако, что я этого не делаю, не могу заставить себя. В частности, если меня обвинят в убийстве Джандера, которое я якобы совершил ради достижения прогресса в изучении человеческого мозга, я буду отрицать это. Яне убивал Джандера.

— Вы намекали, что я подвергнусь психопробе для получения некой информации, которую я не могу извлечь из своего мозга иным путем. Вам не приходило в голову, что если вы подвергнетесь психопробе, это продемонстрирует вашу невиновность?

Фастольф задумчиво кивнул:

— Я думаю, Василия намекала, что мое нежелание предложить подвергнуть меня психопробе доказывает мою вину. Это не так. Психопроба опасна, и я так же боюсь ее, как и вы. Однако, я мог бы согласиться на это, несмотря на мой страх, но дело в том, что мои противники мечтают о том, чтобы я согласился. Они все равно стали бы утверждать, вопреки всякой очевидности, что я виноват, а психозонд недостаточно тон-

кий инструмент, чтобы бесспорно доказать мою невиновность. Но они хотели бы воспользоваться психопробой для получения информации о теории и практике конструирования человекоподобных роботов. Они добиваются именно этого, и именно этого не хочу я.

— Прекрасно. Благодарю вас, доктор Фастольф.

— Не стоит благодарности. А теперь не могу ли я вернуться к тому, что я говорил? Жискар сообщил, что после их ухода к вам приставали чужие роботы. Вы говорили с ними довольно бессвязно, а потом вас нашли под дождем в бессознательном состоянии.

— Чужие роботы действительно приставали ко мне. Мне удалось отделаться от них, отослать обратно, но я подумал, что разумнее будет уйти из машины, чем ждать их возвращения. Может, я плохо соображал, когда принял это решение. Жискар как раз такого мнения.

Фастольф улыбнулся:

— У Жискара простейшая во Вселенной точка зрения. У вас есть какая-нибудь идея, чьи это роботы?

Бейли вертелся в кресле и, казалось, никак не мог усесться удобно. Он спросил:

— Председатель еще не пришел?

— Нет, но вот-вот будет. И Амадейро, глава Института, с которым, как мне говорили роботы, вы вчера встретились. Я не уверен, что это было разумно. Вы вывели его из себя.

— Мне нужно было повидать его. И он не выглядел раздраженным.

— Однако, в результате того, что он назвал клеветническими выпадами и вашей непроходимой глупостью в профессиональном отношении, ему удалось вынудить Председателя к немедленным действиям.

— В каком смысле?

— Работа Председателя — поощрять встречу спорящих партий и достигать компромисса. Если Амадейро желает встретиться со мной, Председатель не может возражать, тем более запретить. Он должен устроить встречу, и, если у Амадейро достаточно доказательств против вас — а найти их против землянина очень просто — это конец расследованию.

— Возможно, доктор Фастольф, вам не стоило вызывать на помощь землянина, учитывая, как мы уязвимы.

— Может, и не стоило, но ничего больше я не мог придумать и сейчас не могу, так что должен предоставить вам самому возможность убедить

Председателя принять нашу точку зрения, если вы можете.

— Все на мою ответственность? — кисло спросил Бейли.

— Целиком на вашу, — спокойно ответил Фастольф.

— Нас будет только четверо?

— Фактически трое: Председатель, Амадейро и я. Мы — два принципиальных спорщика, так сказать. Вы тут четвертая сторона, вас только терпят. Председатель может приказать вам уйти, поэтому я надеюсь, что вы не сделаете ничего, что рассердит его.

— Постараюсь.

— Кстати — простите мою грубость — не протягивайте ему руку.

— Не буду, — сказал Бейли.

Он вспыхнул от смущения при мысли о своем недавнем промахе.

— И будьте неукоснительно вежливы. Никаких злых обвинений. Не настаивайте на утверждениях, которые здесь не поддерживают.

— Вы хотите сказать, чтобы я не пытался заставить кого-то выдать себя, например, Амадейро.

— Да, не делайте этого. Вас сочтут клеветником, и это будет тактической ошибкой. Поэтому будьте

вежливы! Если вежливость маскирует атаку на противника, мы не спорим. И не говорите, пока вас не спросят.

— Как же это получается, доктор Фастольф? Сейчас вы полны советами об осторожности, а раньше ни разу не предупредили меня об опасностях клеветы.

— Да, это моя вина. Для меня это настолько очевидно, что мне и в голову не пришло объяснять.

— Да, я так и подумал, — проворчал Бейли.

Фастольф поднял голову.

— Я слышу, что подъехала машина, и слышу шаги моего робота, идущего к входной двери. Думаю, приехали Председатель и Амадейро.

— Вместе?

— Наверняка. Видите ли, Амадейро посоветовал устроить встречу в моем доме, что даст мне выгоду быть на своей территории. А он, таким образом, имеет шанс, якобы из вежливости, предложить Председателю привезти его сюда. Это даст ему несколько минут частной беседы с Председателем.

— Вряд ли это честно, — заметил Бейли. — И вы не могли пресечь это?

— А я и не хотел. Амадейро идет на обдуманный риск. Он может сказать что-то, что рассердит

Председателя.

— Председатель раздражителен по природе?

— Нет, не больше, чем всякий Председатель на пятом десятилетии срока службы. Вся его работа делает раздражительность неизбежной. А Амадейро не всегда мудр. Его юношеская улыбка, его белые зубы, его показное добродушие могут действовать до крайности раздражающе, если те, кому он это расточает, находятся по каким-либо причинам в дурном настроении… Но я должен встретить их, а вы останетесь здесь и не вставайте с этого кресла.

Бейли оставалось только ждать. Он некстати подумал, что пробыл на Авроре чуть меньше пятидесяти стандартных часов.

Глава 18
Снова Председатель

75

Председатель был удивительно маленького роста. Амадейро возвышался над ним почти на тридцать сантиметров. Но сидя, Председатель был немногим ниже остальных, поскольку у него была короткая нижняя часть тела; он был плотным, с массивными плечами и грудью, и поэтому производил почти подавляющее впечатление. Голова тоже была крупной, лицо — морщинистое, отмеченное возрастом. Волосы — белые и редкие.

Голос Председателя был под стать его внешности: низкий и решительный.

С годами его тембр несколько огрубел, но Председателю, как подумал Бейли, это даже шло.

Фастольф совершил полный ритуал приветствий, обменялся несколькими ничего не значащими замечаниями, предложил еду и питье. О Бейли не было сказано ни слова, и никто не обращал на него внимания.

Только когда предварительная часть была закончена, и все уселись, Бейли представили.

— Мистер Председатель…

Бейли поклонился и с бесцеремонным кивком добавил:

— А это, конечно, доктор Амадейро.

Улыбка не сошла с лица Амадейро от оскорбительного тона Бейли.

Председатель, не ответив на приветствие Бейли, положил руки на колени и сказал:

— Давайте начнем и посмотрим, нельзя ли все это сделать возможно короче и продуктивнее. Позвольте мне подчеркнуть, что я хочу оставить без внимания дело о проступке — или возможном проступке — землянина и сразу перейти к самому главному. Говоря о сути, мы не будем касаться этого раздутого дела о роботе. Разрушение активности робота — дело гражданского суда. Суд может решить, что это нарушение имущественного права, и наложить штраф, но ничего более. Больше того, если будет доказано, что робота Джандера Пэнела сделал бездеятельным доктор Фастольф, то никакого наказания не будет, поскольку человек волен поступать со своим имуществом, как ему угодно. Реальным является спорный вопрос об исследовании и

заселении Галактики: займется ли этим Аврора одна или в сотрудничестве с другими Внешними Мирами, или мы предоставим это Земле. Доктор Амадейро и глобалисты хотят взвалить этот груз на плечи одной Авроры, доктор Фастольф желает предоставить эту миссию Земле. Если мы можем уладить этот спор, то дело о роботе достанется гражданскому суду, а вопрос о поведении землянина, вероятно, станет спорным, и мы тогда сможем просто избавиться от него. Итак, разрешите мне начать с вопроса: готов ли доктор Амадейро принять позицию доктора Фастольфа, чтобы прийти к единому решению, или готов ли доктор Фастольф принять позицию доктора Амадейро с той же целью?

Амадейро сказал:

— Простите, мистер Председатель, но я настаиваю, чтобы земляне ограничились своей планетой, а Галактику заселяли бы только авроpцы. Тем не менее, я готов пойти на компромисс — позволить и другим Внешним Мирам участвовать в заселении, если это может предупредить ненужные трения между нами.

— Понятно, — сказал Председатель. — Доктор Фастольф, желаете ли вы, с учетом такого предложения, отказаться от своей позиции?

Фастольф сказал:

— Компромисс доктора Амадейро почти не имеет под собой почвы, мистер Председатель. Я хочу предложить компромисс более существенный. Почему планеты Галактики не могут быть открыты как космонитами, так и землянами? Галактика обширна, места хватит и тем, и другим. Такое соглашение я бы принял.

— Еще бы! — быстро сказал Амадейро. — Потому что это не компромисс. Восемь миллиардов населения Земли — это больше половины населения всех Внешних Миров вместе взятых. Земляне — короткоживущие и привыкли быстро заменять свои потери. Им не хватает нашего взгляда на индивидуальную человеческую жизнь. Они будут родиться на новых планетах, плодиться, как насекомые, и они захватят Галактику, прежде чем мы успеем начать заселение. Предложить Земле равный шанс в Галактике — это отдать ей всю Галактику, и это уже не равенство. Земляне должны ограничиться Землей.

— Что вы скажете на это, доктор Фастольф?

Фастольф вздохнул:

— Моя точка зрения уже давно зафиксирована. Я уверен, что повторять ее нет смысла. Доктор Амадейро планирует использовать роботов для

обустройства заселенных миров, чтобы люди Авроры могли прийти потом на готовое, однако же у него нет человекоподобных роботов. Он не умеет конструировать их, но даже если бы они у него были, проект все равно не сработает. Компромисс невозможен до тех пор, пока доктор Амадейро не согласится с принципом, что земляне могут по крайней мере участвовать в заселении новых планет.

— Тогда компромисс невозможен вообще, — сказал Амадейро.

Лицо Председателя выразило недовольство:

— Боюсь, что один из вас должен согласиться. Я не хочу, чтобы Аврору раздирали распри, вызванные разногласиями по такому важному вопросу.

Он бросил на Амадейро взгляд, в котором не было ни одобрения, ни несогласия.

— Намерены вы использовать порчу робота Джандера как аргумент против точки зрения доктора Фастольфа или нет?

— Намерен, — сказал Амадейро.

— Аргумент чисто эмоциональный, Вы будете уверять, что доктор Фастольф пытался свести на нет ваше утверждение фальшивым доказательством, что человекоподобные роботы менее полезны, чем они есть на самом деле.

— Именно это он и пытался…

— Клевета! — тихо бросил Фастольф.

— Я могу это доказать, — сказал Амадейро. — Пусть это эмоциональный аргумент, но он будет весомым. Вы сами видите это, мистер Председатель. Моя точка зрения, безусловно, победив но пустить это дело на самотек было бы непорядочно. Я бы посоветовал вам убедить доктора Фастольфа смириться с неизбежным поражением и избавить Аврору от грустного зрелища, которое ослабит наше положение среди Внешних Миров и поколеблет нашу уверенность в себе.

— Как вы докажете, что доктор Фастольф сам уничтожил робота?

— Он сам признал, что никто, кроме него, не мог бы этого сделать. Вы это знаете.

— Знаю, — сказал Председатель. — Но я хотел услышать, как вы это скажете — не избирателям, а мне лично. И вы это сказали.

Он повернулся к Фастольфу.

— А что скажете вы, доктор Фастольф? Кроме вас, никто не мог разрушить робота?

— Не оставив физических следов? Только я, насколько мне известно. Я не думаю, что доктор Амадейро настолько разбирается в роботехнике, чтобы сделать это, и все время удивляюсь, что

он, основав Институт Роботехники и имея там кучу помощников, так охотно признается в своей неспособности, причем публично.

Он не без яда улыбнулся Амадейро.

Председатель вздохнул:

— Нет, доктор Фастольф, не надо сейчас риторических фокусов. Не тратьте попусту свой сарказм. Что вы скажете в свою защиту?

— Ну, только то, что я не вредил Джандеру. Я не говорю, что кто-нибудь вредил. Это случайность — принципиальная неопределенность работы позитронных путей. Такое может случиться. Пусть доктор Амадейро просто признает, что это была случайность, и что никто не будет бездоказательно обвинен, и тогда мы оценим конкурирующие предложения о заселении по их достоинствам.

— Нет, — сказал Амадейро. — Шанс на случайное разрушение слишком мал, чтобы его рассматривать, он много меньше шанса, что доктор Фастольф виновен. Я не отступлю ни на шаг, и победа будет за мной. Мистер Председатель, вы знаете, что я одержу верх, и, мне кажется, единственный рациональный шаг — вынудить доктора Фастольфа принять свое поражение в интересах всей планеты.

Фастольф быстро сказал:

— Это и привело меня к тому, что я просил мистера Бейли с Земли заняться расследованием.

Амадейро так же быстро ответил:

— Я этому противился с самого начала. Возможно, землянин и хороший детектив, но он не знает Авроры и ничего не может сделать здесь, кроме как сеять клевету и выставить Аврору перед Внешними Мирами в недостойном и смешном свете. В гиперволновых программах многих миров уже были на этот счет сатирические выпады. Записи их посланы в ваш офис.

— Я обратил на них внимание, — сказал Председатель.

— Болтают и здесь, на Авроре, — продолжал Амадейро. — Вероятно, в моих интересах было бы позволить следствию продолжаться: оно будет стоить Фастольфу поддержки народа. Чем дольше оно будет продолжаться, тем больше я уверен в своей победе. Но оно наносит вред Авроре, и я не могу добавлять к своей уверенности цену вреда моей планете. Я почтительно советую вам, мистер Председатель, положить конец расследованию и убедить доктора Фастольфа дать свое согласие на то, с чем он так или иначе вынужден будет согласиться, только это обойдется ему зна-

чительно дороже.

— Я признаю, — сказал Председатель, — что разрешение, данное доктору Фастольфу на это расследование, возможно, было неразумным. Я говорю «возможно». Признаюсь, у меня было искушение прекратить его. Однако землянин уже был здесь некоторое время…

Он не показал виду, что знает о присутствии в комнате Бейли, и сделал паузу, как бы давая Фастольфу шанс подтвердить это, и Фастольф сказал:

— Сегодня третий день расследования, мистер Председатель.

— В этом случае, — продолжал Председатель, — справедливо было бы узнать, было ли выяснено что-нибудь значительное.

Он сделал паузу. Фастольф быстро взглянул на Бейли и сделал легкое движение головой. Бейли тихо сказал:

— Мистер Председатель, я не хотел бы навязывать вам какие-либо наблюдения. Будут ли ко мне вопросы?

Председатель нахмурился и, не глядя на Бейли, сказал:

— Я прошу мистера Бейли с Земли сказать нам, есть ли у него какие-нибудь значительные

факты.

Бейли глубоко вздохнул. Наконец-то.

76

— Мистер Председатель, — начал он, — вчера днем я допрашивал доктора Амадейро, который очень помог мне. Когда я и мои сопровождающие…

— Какие сопровождающие? — спросил Председатель.

— Во всех фазах моего расследования со мной были два робота, мистер Председатель.

— Роботы, принадлежащие доктору Фастольфу? — спросил Амадейро. — Я спрашиваю для записи.

— Да, — ответил Бейли. — Для записи, один — Дэниел Оливо, человекоподобный робот, другой — Жискар Ревентлов, нечеловекоподобный робот более раннего образца.

— Благодарю вас, — сказал Председатель. — Продолжайте.

— Выехав с территории Института Роботехники, мы обнаружили, что наша машина умышленно повреждена.

— Кем? — удивленно спросил Председатель.

— Мы не знаем, но это произошло на террито-

рии Института. Мы были там по приглашению, так что персонал Института знал о нашем присутствии. К тому же, туда, вроде бы, никто не может приехать без приглашения и без ведома штата Института. Как это ни странно звучит, приходится предположить, что порча машины могла быть произведена только кем-то из штата Института, а это в любом случае невозможная вещь, если не было на то приказа самого доктора Амадейро, что тоже немыслимо.

Амадейро сказал:

— Вы, кажется, придаете слишком большое значение немыслимому. Осматривал машину квалифицированный механик? Могла она действительно быть умышленно повреждена? Может быть, естественная поломка?

— Нет, сэр, — сказал Бейли. — Жискар квалифицированный водитель и часто водит именно эту машину. Он утверждал, что ее намеренно вывели из строя.

— А он из штата доктора Фастольфа, запрограммирован им и получает от него приказы, — заметил Амадейро.

— Вы намекаете… — начал Фастольф.

— Я ни на что не намекаю. Я просто констатирую… для записи.

Председатель зашевелился:

— Желает мистер Бейли с Земли продолжать?

— Когда машина сломалась, ее преследовали.

— Кто? — спросил Председатель.

— Другие роботы. Они появились, но в это время мои роботы ушли.

— Минуточку, — сказал Амадейро. — В каком состоянии вы были, мистер Бейли?

— Не в очень хорошем.

— Не в очень? Вы землянин и привыкли жить в искусственных условиях ваших Городов. На открытом воздухе вам плохо. Ведь это так, мистер Бейли? — спросил Амадейро.

— Да, сэр.

— Вчера вечером была сильная гроза. Не точнее было бы сказать, что вы были совершенно больны? В полубессознательном состоянии, если не хуже?

— Я был совершенно болен, — неохотно признал Бейли.

— Тогда как же ваши роботы могли уйти? — резко спросил Председатель. — Они же должны были быть с вами при вашем состоянии.

— Я приказал им уйти, мистер Председатель.

— Почему?

— Я подумал, что так лучше, и я объясню, если

мне будет позволено продолжать.

— Продолжайте.

— Нас действительно преследовали, потому что преследовавшие роботы явились очень скоро после того, как ушли мои оба. Преследователи спросили меня, где мои роботы, и я сказал, что отослал их обратно. Только после этого они спросили, не болен ли я. Я ответил, что не болен, и они оставили меня, чтобы продолжать поиски моих роботов.

— Дэниела и Жискара? — спросил Председатель.

— Да, мистер Председатель. Мне было ясно, что им было строго приказано найти моих роботов.

— Из чего вам стало это ясно?

— Хотя я был явно болен, они первым делом спросили о роботах и лишь потом обо мне. Затем они оставили меня больного, чтобы искать моих роботов. Это значит, что им был дан строжайший приказ найти моих роботов, иначе они не отнеслись бы безразлично к больному человеку. Я ожидал этих поисков, поэтому и отослал моих роботов. Я чувствовал, что самое важное — уберечь их от чужих рук.

— Мистер Председатель, — сказал Амадейро, — могу ли я продолжать спрашивать мистера

Бейли, чтобы показать никчемность его утверждения?

— Можете.

— Мистер Бейли, вы остались одни, когда ваши роботы ушли?

— Да, сэр.

— Значит, вы не записали событий? У вас не было с собой записывающего аппарата?

— На оба вопроса — нет, сэр.

— И вы были больны?

— Да, сэр.

— Вы не теряли сознания? Может быть, вам было так плохо, что вы ничего не помните?

— Нет, сэр, я помню все вполне ясно.

— Может, вам так кажется, а на самом деле вы бредили, галлюцинировали? Вам казалось, что появились роботы и говорили с вами?

Председатель задумчиво сказал:

— Я согласен. Мистер Бейли с Земли, допуская, что вы помните — или считаете, что помните, — как вы оцениваете происшедшее?

— Я колеблюсь высказать вам свои мысли на этот счет, мистер Председатель, чтобы не оклеветать доктора Амадейро.

— Поскольку вы говорите по моему требованию, и ваши слова не выходят за пределы этой

комнаты, вопрос о клевете не встает.

Председатель оглянулся: ниши роботов были пусты.

— Я подумал, что, возможно, доктор Амадейро задерживал меня в своем офисе дольше, чем было необходимо, чтобы было время испортить мою машину. А затем продолжал задерживать меня, чтобы я ушел, когда уже началась гроза, он был уверен, что по дороге мне станет плохо. Он изучал условия жизни на Земле, как он сам несколько раз сказал мне, так что должен был знать, как я буду реагировать на грозу. Мне казалось, что у него был план послать за нами своих роботов, чтобы, когда у нас будет вынужденная посадка, отвезти нас обратно в Институт под предлогом заботы обо мне, а в действительности — завладеть роботами доктора Фастольфа.

Амадейро тихо засмеялся:

— Зачем мне все это? Вы видели, мистер Председатель, что это одни предположения, и любой суд на Авроре признает их клеветой.

— Мистер Бейли с Земли, есть ли у вас какие-либо подтверждения этих гипотез? — строго спросил Председатель.

— Цепь рассуждений, мистер Председатель.

Председатель встал и тут же потерял часть

своей значительности, поскольку почти не был выше себя сидящего.

— Разрешите мне ненадолго удалиться, чтобы я мог обдумать услышанное. Я сейчас вернусь.

И он ушел в туалет.

Фастольф наклонился к Бейли. Амадейро выглядел равнодушным, как будто его вовсе не интересовало, что эти двое скажут друг другу.

— У вас нет ничего лучше сказать? — прошептал Фастольф.

— Думаю, что есть, если мне дадут сказать это, но Председатель, кажется, не симпатизирует мне.

— Абсолютно не симпатизирует. Поскольку вы все делаете, как нельзя хуже, я не удивлюсь, если он, вернувшись, прекратит всю процедуру.

Бейли кивнул и уставился на свои ноги.

77

Председатель вернулся, сел и бросил на Бейли зловещий взгляд:

— Мистер Бейли с Земли, мне кажется, вы напрасно тратите мое время, но я не хочу, чтобы говорили, что я не выслушал полностью каждую сторону. Вы можете назвать мне мотив, который бы побудил доктора Амадейро совершить все те

безумства, в которых вы его обвиняете?

— Мистер Председатель, — сказал Бейли тоном, близким к отчаянию, — мотив есть, и очень веский. Он основан на факте, что план доктора Амадейро о заселении Галактики не осуществится, если доктор и его Институт не смогут производить человекоподобных роботов. Известно, что он не производил их и не может. Спросите его, хочет ли он, чтобы Комиссия Совета проинспектировала его Институт и установила, производились ли или проектировались там человекоподобные роботы. Если он докажет, что такие роботы на потоке или существуют хотя бы в чертежах, пусть даже в теоретических замыслах, и он готов продемонстрировать это квалифицированной комиссии, я больше ничего не скажу и соглашусь, что мое расследование кончилось ничем.

Председатель взглянул на Амадейро.

Улыбка доктора увяла, и он сказал:

— Заявляю, что в настоящее время мы не проектируем человекоподобного робота.

— Тогда я продолжу, — сказал Бейли. — Доктор Амадейро, конечно, может получить всю нужную информацию, если он обратится к доктору Фастольфу, у которого эта информация в голове,

но доктор Фастольф не хочет сотрудничать с ним в этом деле.

— Не хочу, — пробормотал Фастольф, — ни при каких условиях.

— Однако, мистер Председатель, — продолжал Бейли, — доктор Фастольф не единственный, кто знает секрет дизайна и конструкции человекоподобного робота.

— Кто же еще может знать? — спросил Председатель. — Сам доктор Фастольф, кажется, ошеломлен вашим замечанием, мистер Бейли.

Он впервые не добавил «с Земли».

— Я и вправду ошеломлен, — сказал Фастольф. — Насколько мне известно, я единственный. Я не понимаю, кого имеет в виду мистер Бейли.

— Я подозреваю, что этого не знает и сам мистер Бейли, — сказал Амадейро, скривив губы.

Бейли почувствовал себя окруженным врагами. Он обвел их взглядом — на его стороне не было никого.

— А разве сам человекоподобный робот не знает? — спросил он. — Не сознавая этого, может быть, настолько, чтобы давать инструкции, но информация в нем наверняка заложена, верно? Если его правильно расспросить, его ответы и реакции выдадут информацию о его дизайне и

конструкции. Постепенно, располагая временем и задавая нужные вопросы, можно получить данные, как конструировать человекоподобных роботов.

Фастольф был поражен:

— Я понимаю, что вы имеете в виду, мистер Бейли, и вы правы. Я никогда не думал об этом.

— Должен вам сказать, доктор Фастольф, — сказал Бейли, — что у вас, как и у всех аврорцев, преувеличенная индивидуалистическая гордость. Вы настолько удовлетворены званием лучшего роботехника, единственного роботехника, могущего создать человекоподобного робота, что не видите очевидного.

Председатель расплылся в улыбке:

— Уел он вас, доктор Фастольф. А я удивлялся, чего это вы так цепляетесь за свое утверждение, что только вы могли разрушить Джандера, хотя это сильно ослабило ваше положение как политика. Теперь мне понятно, вы скорее пожертвуете своими политическими взглядами, чем своей уникальностью.

Фастольф был заметно раздражен, а Амадейро нахмурился и сказал:

— Какое отношение это имеет к нашей проблеме?

— Имеет, — ответил Бейли с возросшей верой в себя. — Вы не можете вырвать информацию непосредственно у доктора Фастольфа, вы не можете приказать своим роботам, скажем пытать его, и сами не можете нанести ему вред, поскольку его команда защитит его. Но вы можете изолировать робота с помощью своих роботов, если присутствующий тут же человек слишком болен, чтобы воспрепятствовать этому. Все события вчерашнего вечера были частью наспех придуманного плана захватить Дэниела. Вы увидели удобный случай, когда я настаивал на встрече с вами в Институте. Если бы я не отослал своих роботов, если бы я не чувствовал себя настолько прилично, чтобы убедить ваших роботов в своем полном здравии и отослать их в ложном направлении, Дэниел был бы в ваших руках, и со временем вы узнали бы секрет из анализа ответов Дэниела.

— Мистер Председатель, я протестую, — сказал Амадейро. — Я никогда не слышал такой злобной клеветы. Все это основано на фантазии больного человека. Мы не знаем — и, может быть, никогда не узнаем, — была ли повреждена машина, и если была, то кем, действительно ли роботы преследовали машину и говорили с мистером Бейли, или этого не было. Он городит одно предположение за

другим, основанные на недоказуемых событиях, свидетелем которых был он один, да еще в то время, когда он обезумел от страха и, может быть, галлюцинировал. Ничто из этого не может быть предъявлено суду.

— Здесь не суд, доктор Амадейро, — сказал Председатель, — и моя обязанность выслушать все, что относится к обсуждаемому вопросу.

— Но это не относится, мистер Председатель. Это всего лишь фантазия, вымысел.

— Однако они логичны. Я не уличил мистера Бейли в явной нелогичности. Если согласиться с тем, что он, по его словам, испытал, то его выводы имеют смысл. Вы все это отрицаете, доктор Амадейро? Повреждение машины, преследование, намерение захватить человекоподобного робота?

— Отрицаю! Абсолютно! Все это вранье! — сказал Амадейро. — Землянин может проверить запись всего нашего разговора, и, без сомнения, найдет, что я задержал его разговором, приглашением осмотреть Институт и пообедать, но все это можно расценивать и как мои старания быть вежливым и гостеприимным. Мной руководила известная симпатия к землянам, но и только. Я отвергаю его предположения, и он не может

ничего этому противопоставить. Моя репутация не из таких, чтобы кто-то мог поверить в заговор, о котором говорит этот землянин.

Председатель задумчиво почесал подбородок и сказал:

— Разумеется, я не собираюсь обвинять вас на основании сказанного землянином, доктор Амадейро. Мистер Бейли, если у вас все, то это интересно, но недостаточно. Можете вы сказать еще что-то по существу?

78

— Есть еще одно обстоятельство, которое я хотел бы упомянуть, мистер Председатель, — сказал Бейли. — Вы, вероятно, слышали о Глэдии Дельмар. Она называет себя просто Глэдией.

— Да, мистер Бейли, — сказал Председатель с некоторым раздражением. — Я слышал о ней и видел фильм, в котором вы с ней сыграли такие замечательные роли.

— Она общалась с роботом Джандером в течение нескольких месяцев. Фактически, он был ее мужем.

Неприязненный взгляд Председателя стал еще более мрачным.

— Ее… чем?

— Мужем, мистер Председатель.

Фастольф приподнялся и снова сел. Вид у него был расстроенный.

Председатель резко сказал:

— Это незаконно. Хуже того, это просто смехотворно. Робот не мог оплодотворить ее. Детей быть не могло. Статус мужа или жены никогда не предоставляется без заявления о желании иметь ребенка, если это разрешено данному лицу. Я думаю, даже землянин должен знать это.

— Я это знаю, — сказал Бейли, — и уверен, что знает и Глэдия. Она употребляла слово «муж» не в официальном смысле, а в эмоциональном. Она смотрела на Джандера как на заменителя мужа и относилась к нему, как к мужу.

Председатель повернулся к Фастольфу:

— Вы знали об этом, доктор Фастольф? Он был вашим роботом.

Явно смущенный, Фастольф ответил:

— Я знал, что она без ума от него. Я подозревал, что она пользуется им в сексуальном смысле. Но я ничего не знал об этой незаконной шараде, пока мне не сказал мистер Бейли.

— Она солярианка, — сказал Бейли. — Ее понятие «муж» — не аврорское.

— Абсолютно нет, — сказал Председатель.

Бейли продолжал:

— Но у нее хватило соображения держать это при себе. Она не говорила об этой шараде, как ее назвал доктор Фастольф, ни одному аврорцу. Она сказала об этом мне, поскольку хотела, чтобы я расследовал это столь важное для нее дело. Думаю, она не произнесла бы слово «муж», если бы я не был землянином: я мог понять его в подразумеваемом ею смысле, а не в аврорском.

— Прекрасно, — сказал Председатель. — Я согласен, что у нее есть некоторый минимум здравого смысла… как для солярианки. Это и есть то, о чем вы хотели упомянуть, мистер Бейли?

— Да, мистер Председатель.

— В таком случае, это совершенно неуместно и не относится к нашей дискуссии.

— Мистер Председатель, я все-таки должен задать один вопрос, всего один, сэр.

Бейли сказал это самым умоляющим тоном, потому что от этого зависело все.

— Согласен. Последний вопрос.

Бейли хотелось бы этот вопрос выкрикнуть, но он сдержался и не повысил голос. От этого вопроса зависело все. Он вспомнил предупреждение Фастольфа и сказал почти небрежно:

— Как же случилось, что доктор Амадейро знал,

что Джандер — муж Глэдии?

— Что?

Кустистые брови Председателя поднялись в изумлении:

— Кто сказал, что он что-нибудь знал об этом?

Отвечая на прямой вопрос, Бейли мог продолжать:

— Спросите его, мистер Председатель.

Он просто кивнул в сторону Амадейро, который встал и с неприкрытым ужасом уставился на Бейли.

79

Бейли повторил еще раз, очень мягко, не желая отвлекать внимания от Амадейро:

— Спросите его, мистер Председатель. Он, кажется, растерялся.

— В чем дело, доктор Амадейро? — спросил Председатель. — Вы знали что-нибудь о роботе как о предполагаемом муже этой солярианки?

Амадейро запнулся, снова попытался что-то сказать. Его лицо слегка покраснело. Наконец он выдавил из себя:

— Я поражен этим бессмысленным обвинением. Я ничего не знал об этом.

— Могу я кратко пояснить, мистер Председа-

тель? — спросил Бейли.

Неужели ему заткнут рот?

— Это самое лучшее, — угрюмо сказал Председатель. — Если у вас есть объяснение, я хотел бы услышать его.

— Мистер Председатель, — начал Бейли, — вчера днем у меня был разговор с доктором Амадейро. Поскольку он намеревался задержать меня до начала грозы, он говорил более пространно, чем предполагалось сначала, и, видимо, более неосторожно. Говоря о Глэдии, он случайно упомянул робота Джандера, как ее мужа. Меня интересует, откуда он узнал об этом факте?

— Это правда, доктор Амадейро? — спросил Председатель.

Амадейро все еще стоял и выглядел, как подозреваемый перед судьей.

— Правда это или нет, это не относится к делу.

— Может быть, и не относится, но меня поражает ваша реакция на поставленный вопрос. Мне кажется, в нем есть смысл, который вы и мистер Бейли понимаете, а я не понимаю. Я тоже хочу его понять. Знали вы или не знали об этих противоестественных отношениях между Джандером и солярианкой?

Амадейро сказал дрожащим голосом:

— Откуда мне знать?

— Это не ответ, — сказал Председатель, — это попытка уйти от ответа. Сделали вы замечание, которое вам приписывают, или нет?

— Прежде чем он ответит, — сказал Бейли, — с моей стороны было бы честнее напомнить ему, что Жискар, робот, присутствовавший при нашей встрече, может, если его попросить, повторить весь разговор дословно, сохраняя интонации обоих собеседников. Короче говоря, разговор записан.

Бейли чувствовал теперь большую уверенность, когда увидел, что понятия Председателя о морали оказались чувствительно задеты.

Амадейро не выдержал и взорвался:

— Мистер Председатель, этот робот спроектирован, создан и запрограммирован доктором Фастольфом, который называет себя лучшим на свете роботехником и является моим противником. Как я могу доверять записи такого робота?

— Возможно, вы прослушаете запись, мистер Председатель, и сами вынесете решение? — спросил Бейли.

— Возможно, — сказал Председатель. — Доктор Амадейро, я здесь не для того, чтобы решали за меня. Но пока оставим это. Безотносительно к

записи робота, утверждаете ли вы, что ничего не знали о том, что солярианка считала робота своим мужем, и никогда не упоминала о нем, как о муже? Не забудьте, пожалуйста, что, хотя роботов здесь нет, вся наша беседа записывается на моем аппарате.

Он похлопал по маленькому прибору в нагрудном кармане:

— Итак, доктор Амадейро, да или нет?

Амадейро в отчаянии сказал:

— Мистер Председатель, я, честно говоря, не помню, что говорил в случайной беседе. Если я и упомянул это слово — с чем никак не могу согласиться — оно, видимо, было результатом другого случайного разговора, в котором кто-то упомянул о Глэдии и ее влюбленности в робота как в мужа.

— А с кем вы вели этот другой случайный разговор? Кто вам сказал об этом?

— Не могу сказать. Не помню.

— Мистер Председатель, — сказал Бейли, — если доктор Амадейро будет добр перечислить всех, кто мог бы сказать ему об этом, мы могли бы допросить каждого и выяснить, кто сделал такое замечание.

— Я надеюсь, мистер Председатель, — сказал Амадейро, — что вы оцените моральное воздей-

ствие от этого на персонал Института, если будет сделано что-либо подобное.

— Надеюсь, что вы тоже оцените это, доктор Амадейро, и предпочтете ответить на наш вопрос, чтобы не вынуждать нас к крайним мерам.

— Минуточку, мистер Председатель, — сказал Бейли самым что ни на есть раболепным тоном, — остается вопрос.

— Еще один?

Председатель неприязненно взглянул на Бейли:

— Какой?

— Почему доктор Амадейро так избегает признания, что он знал об отношениях Глэдии к Джандеру? Он сказал, что это к делу не относится. В таком случае, почему не сказать, что знал, и покончить с этим? А я говорю, что это относится к делу; и доктор Амадейро знает, что это признание может быть использовано для доказательства преступного деяния, совершенного им.

— Я возмущен такими выражениями и требую извинений! — загремел Амадейро.

Фастольф хитро улыбнулся, а Бейли сжал губы. Он поставил Амадейро в безвыходное положение. Председатель покраснел и запальчиво сказал:

— Вы требуете? От кого вы требуете? Я — предсе-

датель. Я выслушиваю все точки зрения и потом решаю, как лучше сделать. Пусть землянин говорит, как он расценивает ваши действия. Если он клевещет на вас, он будет наказан, можете быть уверены. Но вы, Амадейро, не можете ничего требовать от меня. Продолжайте, землянин, говорите, что хотели сказать, но будьте чрезвычайно осторожны.

— Благодарю вас, мистер Председатель, — сказал Бейли. — Вообще-то говоря, есть один аврорец, с которым Глэдия наверняка говюрила о тайне своих отношений с Джандером.

— Ну и кто же это? — прервал его Председатель. — Не разыгрывайте со мной ваши гиперволновые штучки.

— Я не имею такого намерения, — ответил Бейли. — Это прямое утверждение. Этот аврорец — сам Джандер. Хоть он и робот, но он житель Авроры, может считаться аврорцем. Глэдия наверняка обращалась к нему со словами «мой муж». Поскольку доктор Амадейро признает, что, возможно, слышал от кого-то об этой истории, не логично ли предположить, что он слышал это от самого Джандера? Захочет ли доктор Амадейро прямо сейчас заявить для записи, что он никогда не разговаривал с Джандером в тот период, когда

Джандер состоял в штате Глэдии?

Амадейро два раза открывал рот, но так и не произнес ни слова.

— Ну, — сказал Председатель, — вы говорили с Джандером в течение этого периода, доктор Амадейро?

Ответа не было.

— Если говорил, то это целиком относится к делу, — сказал Бейли.

— Я начинаю понимать, в чем дело, мистер Бейли. Ну, доктор Амадейро, еще раз: да или нет?

— Какие доказательства этот землянин может выставить против меня? — закричал Амадейро. — Он что, записывал каждый мой разговор с Джандером? Может, у него есть свидетели, которые покажут, что видели меня с Джандером? Какие у него есть доказательства, кроме голословных утверждений?

Председатель повернулся к Бейли и Бейли сказал:

— Мистер Председатель, если бы у меня вообще ничего не было, доктор Амадейро не поколебался бы отрицать всякий контакт с Джандером, даже с учетом того, что его слова будут записаны. Однако он этого не сделал. Случилось так, что в ходе своего расследования я разговаривал с доктором

Василией Алиена, дочерью доктора Фастольфа. Я говорил также с молодым аврорцем Сантириксом Гречионисом. Из записи обоих интервью ясно, что доктор Василия подстрекала Гремиониса ухаживать за Глэдией. Вы можете спросить доктора Василию, с какой целью она это делала, и не посоветовал ли ей это доктор Амадейро. У Гремиониса появилась привычка совершать долгие прогулки с Глэдией, приятные для обоих, в которых робот Джандер не сопровождал их. Вы можете это проверить, если желаете, сэр.

— Могу, — сухо сказал Председатель. — Но если все это так, как вы говорите, то что это доказывает?

— Я уже говорил, что секрет изготовления человекоподобного робота можно получить только от Дэниела, не считая самого доктора Фастольфа. Но до смерти Джандера этот секрет можно было с таким же успехом узнать и от Джандера. Дэниел был в доме Фастольфа, и добраться до него было нелегко, а Джандер был в доме Глэдии. А в том, что касается безопасности и защиты робота, она не настолько опытная, как доктор Фастольф. Не могло ли быть, что доктор Амадейро воспользовался периодическими отлучками Глэдии, когда она гуляла с Гремионисом, чтобы разговаривать

с Джандером, возможно, по трехмерке, анализировать его ответы, ставить различные тесты, а затем стереть весь разговор, чтобы Джандер не информировал о нем Глэдию? Возможно, он близко подошел к тому, что хотел знать, но дальнейшие попытки прекратились, когда Джандер вышел из строя. Тогда внимание доктора Амадейро переключилось на Дэниела. Возможно, ему оставалось всего несколько тестов и наблюдений, вот он и устроил вчера ловушку, о которой я говорил раньше в моем свидетельском показании.

Председатель сказал почти шепотом:

— Теперь все сходится. Я вынужден поверить.

— Еще один последний пункт, и тогда мне уже действительно будет нечего сказать, — сказал Бейли. — Вполне возможно, что во время проверки и тестирования Джандера доктор Амадейро мог случайно, без какого-либо умысла привести Джандера в бездействие, и таким образом совершить роботоубийство.

Амадейро, окончательно потеряв голову, завопил:

— Нет! Я ничего не сделал этому роботу, что могло привести к его уничтожению!

Вмешался Фастольф:

— Я тоже думаю, мистер Председатель, что

доктор Амадейро не разрушал Джандера. Тем не менее, заявление доктора Амадейро, похоже, является признанием, что он работал с Джандером, и анализ ситуации, сделанный мистером Бейли, в основных чертах точен.

Председатель кивнул:

— Я вынужден согласиться с вами, доктор Фастольф. Доктор Амадейро, вы можете настаивать на формальном отрицании всего этого. Это заставит меня провести полное расследование, которое принесет вам большие неприятности, независимо от того, чем оно обернется, а в этой стадии, подозреваю, оно обернется большой неприятностью для вас. Мой совет вам — не доводить до этого, не портить свое положение в Совете и, может быть, даже не создавать Авроре препятствия на пути проведения ею ее неуклонного политического курса. Как я понимаю, до того, как был поднят вопрос о ликвидации Джандера, доктор Фастольф имел большинство голосов советников — хотя и с незначительным перевесом — на своей стороне в деле заселения Галактики. Вы перетянули многих советников на свою сторону благодаря высказанному вами предположению, что доктор Фастольф виновен в гибели Джандера, и таким образом добились

большинства. Но теперь доктор Фастольф, если пожелает, обвинит в деле Джандера вас, и, кроме того, обвинит вас в попытке навесить фальшивое обвинение на своего соперника — и вы пропали. Если я не вмешаюсь, вы доктор Амадейро, и вы, доктор Фастольф, под влиянием упрямства и даже мстительности станете обвинять друг друга в чем угодно. Произойдет неизбежный раскол наших политических сил и общественного мнения, распад, всю величину вреда которого оценить невозможно. Я убежден, что неизбежная победа доктора Фастольфа в этом случае обойдется весьма дорого, поэтому моей задачей, как Председателя, будет с самого начала склонить голоса в его пользу и усилить давление на вас, доктор Амадейро, и на вашу фракцию, чтобы вы приняли победу доктора Фастольфа с елико возможным достоинством, и я сделаю это прямо сейчас, для блага Авроры.

— Я не заинтересован в такой сокрушительной победе, мистер Председатель, — сказал Фастольф. — Я снова предлагаю доктору Амадейро компромисс: Аврора, другие Внешние Миры и Земля — все вольны заселять Галактику. Я, со своей стороны, охотно войду в Институт Роботехники, отдам свои знания в их распоряжение

и, таким образом, облегчу доктору Амадейро его план в обмен на его торжественное обещание отбросить всякую мысль о будущих репрессиях против Земли и включить это в договор, подписанный нами и представителями Земли.

Председатель кивнул:

— Мудрое предложение, соответствующее государственным интересам.

Амадейро снова занял свое место за столом. Его лицо отражало безнадежный крах его надежд.

Он сказал:

— Я не хотел ни личной власти, ни упоения победой. Я хотел лишь того, что, по моему мнению, лучше для Авроры. Я убежден, что план доктора Фастольфа в один прекрасный день приведет к концу Авроры. Тем не менее, я понимаю, что теперь я беспомощен, после того как этот землянин потрудился так добросовестно.

Он бросил быстрый ядовитый взгляд на Бейли:

— Я вынужден принять предложение доктора Фастольфа, хотя буду просить разрешения обратиться к Совету по этому вопросу и изложить под запись мои опасения о последствиях.

— Мы, конечно, разрешим это, — сказал Председатель. — Если вы послушаете моего совета, доктор Фастольф, вы отправите землянина с

нашей планеты как можно скорее. Он добился, что ваша точка зрения победила, но эта победа не будет слишком популярной, если аврорцы много лет будут помнить ее, как победу Земли над Авророй.

— Вы совершенно правы, мистер Председатель. Мистер Бейли покинет нас очень скоро — вместе с моей благодарностью, и я уверен, с вашей тоже.

— Ладно, — сказал Председатель не слишком любезно. — Поскольку его мастерство спасло нас от трудной политической схватки, я ему благодарен. Большое спасибо вам, мистер Бейли.

Глава 19
Снова Бейли

80

Бейли издали смотрел им вслед. Хотя Амадейро и Председатель пришли вместе, ушли они порознь.

Фастольф проводил их и вернулся, не скрывая облегчения:

— Пойдемте, мистер Бейли, позавтракаем, а затем вы как можно скорее уедете на Землю.

Бейли кивнул и сардонически сказал:

— Председатель поблагодарил меня, но эти слова, похоже, застревали у него в глотке.

— Вы не представляете, какое уважение было вам оказано. Председатель редко благодарит кого-нибудь, и его никто никогда не благодарит. Такой случай входит в историю, как комплимент Председателю, а этот работает уже больше сорока лет. Он человек с причудами и по характеру раздражителен, но таковыми становятся все Председатели в последние десятилетия их работы. Но я, мистер Бейли, еще раз благодарю

вас, и мне думается, Аврора будет благодарна вам. Даже в своей короткой жизни вы увидите землян, уходящих в космос, а мы поможем им своей технологией. Как вы ухитрились распутать этот наш узел за два с половиной дня — ума не приложу. Вы просто волшебник. Ну, пошли, вы, наверное, хотите умыться и освежиться.

В первый раз после появления Председателя у Бейли было теперь время подумать о чем-то, кроме своей следующей фразы.

Он так и не знал, что происходило с ним трижды — первый раз, когда он засыпал, второй — перед тем, как потерять сознание, и третий, последний — у Глэдии, ночью. «Он пришел первым». Это все еще казалось лишенным смысла, однако, так и не уяснив себе происходящего с ним, он убедил Председателя и добился всего, чего хотел.

Имело ли это вообще какое-нибудь значение, если это было частью мыслительного процесса, которая так и не пригодилась? Может, все это вообще бессмыслица?

Это засело где-то в уголке его мозга, и он шел на ленч, чувствуя себя победителем без настоящего ощущения победы. Что-то он все-таки упустил.

Еще одна вещь: станет ли Председатель наста-

ивать на своем решении? Амадейро проиграл сражение, но он не из тех, кто отступается. Даже если поверить его высказыванию, что им движет не тяга к личной славе, а лишь патриотизм — все равно, он не отступится.

Бейли счел нужным предупредить Фастольфа:

— Доктор Фастольф, я не думаю, что дело кончено. Амадейро будет продолжать борьбу за исключение Земли.

— Будет, конечно.

Фастольф кивнул.

— Но теперь я этого не боюсь. Когда дело с Джандером заглохло, я уверен, что всегда сумею сманеврировать в Совете. Не бойтесь, мистер Бейли, Земля будет двигаться вперед. Не бойтесь также и мести со стороны Амадейро. Вы уедете с этой планеты до захода солнца, а Дэниел, конечно, проводит вас. Кроме того, рапорт, который мы пошлем с вами, здорово поможет вам в очередном продвижении по службе.

— Я рад уехать, но надеюсь, что у меня хватит времени проститься с Глэдией и с Жискаром, который спас мне жизнь в ту ночь.

— Что за вопрос, мистер Бейли! Но пожалуйста, кушайте.

Бейли ел, но без удовольствия. После изматыва-

ющих объяснений с Председателем и последовавшей за ними победой пища казалась безвкусной.

Он мог бы и не победить. Председатель мог оборвать его. Амадейро мог бы все начисто отрицать. Могли бы и оставить без внимания доводы и версии землянина.

Но Фастольф сиял.

— Я боялся самого худшего, мистер Бейли. Я боялся, что встреча с Председателем преждевременна, и что вы ничего не сможете сказать, что помогло бы в данной ситуации. Но как хорошо вы сумели это сделать! Я с восхищением слушал вас. В какой-то момент я опасался заявления Амадейро, что его слово значительнее слова землянина, который, в сущности, находясь в полубессознательном состоянии на чужой планете, на открытом…

Бейли холодно перебил его:

— Простите, доктор Фастольф, но я не был в постоянном полубессознательном состоянии. Та ночь была исключением, и я только тогда утратил контроль над собой. Все остальное время на Авроре я время от времени испытывал неудобства, но разум мой был всегда в отличном состоянии.

На конференции во время обмена мнениями

с Председателем ему стоило больших усилий подавить свою злость, и теперь эта злость выплеснулась наружу:

— Только во время грозы, сэр, и еще пару секунд при посадке корабля…

Он даже не осознал, как пришло вдруг озарение, воспоминание, объяснение…

Только что этой мысли не существовало, и вдруг она взорвалась в мозгу, словно все время была там, и нужна была только искра, чтобы она возникла.

— О, дьявол! — сказал он благоговейным шепотом.

Он ударил кулаком по столу, так что зазвенела посуда.

— Что такое, мистер Бейли? — удивленно спросил Фастольф.

Бейли уставился на него. Вопрос не сразу дошел до него.

— Ничего, доктор Фастольф. Я просто подумал о дьявольской наглости доктора Амадейро: он вывел из строя Джандера, постарался свалить вину на вас, довел меня до полусумасшествия в грозовую ночь, да еще пользовался этим, чтобы подвергнуть сомнению мои утверждения. Из-за этого я сейчас и пришел в ярость.

— Ну-у, не надо, мистер Бейли. А ведь в самом деле, вполне возможно, что Амадейро погубил Джандера чисто случайно. Проверка, проведенная в Институте Амадейро, могла усилить неблагоприятные обстоятельства и вызвать такое случайное событие, но я не смог бы этого доказать.

Бейли слушал вполуха. То, что сейчас говорил Фастольф, было чистейшей ерундой, и, как сказал бы Председатель, не относилось к делу.

Но от этого ничего не менялось.

Кроме одного… через некоторое время.

«О, дьявол!» — подумал он, а затем вдруг вернулся к ленчу и с удовольствием принялся за еду.

81

Бейли еще раз пересек лужайку между домами Фастольфа и Глэдии. Он увидел Глэдию в четвертый раз за три дня и — его сердце сжалось в тугой комок — в последний раз.

Жискар шел на некотором расстоянии от него и внимательнее обычного осматривал окрестности.

Конечно, теперь, когда все факты были уже известны Председателю, угрожавшая ранее Бей-

ли опасность должна была ослабнуть, если она вообще существовала для кого-нибудь, кроме Дэниела.

Видимо, Жискару не дали новых инструкций.

Он только один раз подошел к Бейли, и то, когда Бейли сам позвал его.

— Жискар, а где Дэниел?

— Дэниел на пути в космопорт, сэр, вместе с несколькими другими роботами из штата доктора Фастольфа, чтобы организовать вашу отправку на Землю. Когда вы приедете в космопорт, Дэниел встретит вас и будет с вами на корабле, пока не доставит вас на Землю.

— Рад слышать. Я дорожу каждым днем пребывания с Дэниелом. А вы, Жискар, не поедете с нами?

— Нет, сэр. Мне приказано остаться на Авроре. Но Дэниел будет служить вам хорошо и без меня.

— Я в этом уверен, Жискар, но мне будет недоставать вас.

— Спасибо, сэр, — сказал Жискар.

Он быстро ушел. Бейли задумчиво посмотрел ему вслед. Прежде всего надо увидеться с Глэдией.

82

Она бросилась ему навстречу.

За два дня все изменилось.

Она не смеялась, не шутила, она все еще была серьезна, но тревоги больше не было. От нее исходила даже какая-то безмятежность, словно она поняла, что жизнь все равно продолжается и даже может становиться временами приятной.

Она тепло, по-дружески улыбнулась и протянула к нему руки.

— Возьми их, — сказала она.

Он заколебался.

— Смешно теперь идти на попятный и уверять, что ты не хотел прикасаться ко мне в прошлую ночь. Как видишь, я помню все и никогда об этом не пожалею, а как раз наоборот.

Бейли улыбнулся в ответ, что, вообще, случалось с ним не часто:

— Я тоже помню все, Глэдия, и тоже ни о чем не жалею. Я охотно пережил бы все снова, но я пришел проститься.

По ее лицу прошла тень:

— Значит, ты возвращаешься на Землю. Но по сведениям, которые я получила от роботов, все время снующих между домом Фастольфа и

моим, все прошло хорошо. Ты не мог потерпеть неудачу.

— Я и не потерпел ее. Доктор Фастольф полностью одержал победу. Не думаю, что и дальше будут продолжаться слухи о его причастности к смерти Джандера.

— Это результат твоего расследования, Илайдж?

— Думаю, да.

— Я так и знала. Я знала, что ты распутаешь это дело, когда советовала вызвать тебя. Но почему же тебя отсылают домой?

— Именно потому, что дело закончилось. Если я останусь здесь дольше, я, видимо, буду для всех замешанным в неизбежном политическом деле, чем-то вроде красной тряпки для быка.

Она с сомнением поглядела на него:

— Я не совсем понимаю, что ты под этим подразумеваешь. Для меня это чисто земное выражение. Но это неважно. Важно другое: ты выяснил, кто убил Джандера?

Бейли оглянулся.

Жискар стоял в одной нише, робот Глэдии — в другой.

Глэдия без труда поняла этот взгляд:

— Илайдж, пора бы научиться не стесняться

роботов. Ты же не стесняешься стула или портьеры.

Бейли кивнул:

— Ну, ладно. Глэдия, мне страшно жаль… прости меня, но я сказал там, что Джандер был твоим мужем.

Она широко раскрыла глаза. Он поспешно продолжал:

— Я был вынужден. Это было очень важно для дела, но я ручаюсь, что это не повредит твоему положению на Авроре.

Он коротко рассказал ей о событиях на встрече с Председателем и заключил словами:

— Как видишь, Джандера никто не убивал. Умственное замораживание произошло от случайного сдвига в позитронных путях, хотя вероятность такого случая, видимо, была усилена тем, что с ним делали.

— А я ничего не знала, — простонала она. — Я проморгала подлый план Амадейро. И он виноват в смерти Джандера так же, как если бы зарубил его топором.

— Глэдия, — с жаром сказал Бейли, — это несправедливо. Он не имел намерения повредить Джандеру, он делал то, что, по его мнению, было благом для Авроры. И за это он наказан. Он потер-

пел поражение, планы его рухнули, а Институт Роботехники перейдет под управление доктора Фастольфа. Ты сама не могла бы придумать для него большего наказания.

— Я подумаю насчет этого. Постараюсь как-нибудь понять. Но что мне делать с Сантириксом Гремионисом, этим лакеем, которому было приказано завлечь меня? Неудивительно, что он так цеплялся за меня, несмотря на мои постоянные отказы. Ну, если он явится сюда, я с удовольствием…

Бейли энергично затряс головой:

— Нет, Глэдия. Я разговаривал с ним, и уверяю тебя, что он понятия не имел о том, что происходило. Он был так же обманут, как и ты. Ты ведь, в сущности, понимаешь все наоборот. Он настаивал не потому, что требовалось завлечь тебя. Он нужен был Амадейро именно потому, что был таким настойчивым. А настаивал он из-за тебя, от любви к тебе, если это слово на Авроре значит то же, что и на Земле.

— На Авроре это только условный ритуал. Джандер был роботом, а ты землянин. С аврорцами по-другому.

— Ты мне это уже говорила. Но, Глэдия, от Джандера ты научилась получать, от меня ты на-

училась отдавать. Если это знание пошло тебе на пользу, разве не будет правильно, честно научить других? Гремионис достаточно привлекателен для тебя, и ты захочешь научить его. Он и так уже презрел аврорские обычаи, когда настаивал, несмотря на твои отказы. Он пренебрег и другими обычаями. Ты научишь его отдавать и получать, и вы оба научитесь делать это поочередно или вместе.

Глэдия испытующе посмотрела ему в глаза:

— Илайдж, ты пытаешься таким образом избавиться от меня?

Бейли медленно кивнул:

— Да, Глэдия. Сейчас я хочу твоего счастья больше, чем когда-нибудь желал чего-либо для себя или для Земли. Я не могу дать тебе счастья, но если Гремионис даст тебе его, я тоже буду счастлив почти так же, как если бы сам подарил тебе счастье. Глэдия, ты удивишься, с какой радостью он откажется от своего ритуала, когда ты покажешь ему, как надо. Это станет известно, и другие придут упасть к твоим ногам. И Гремионис, возможно, научит других женщин. Глэдия, ты, может быть, революционизируешь аврорский секс. У тебя для этого три столетия впереди.

Глэдия уставилась на него и вдруг расхохота-

лась:

— Ты шутишь, Илайдж, ты валяешь дурака. Никогда бы не подумала: ты всегда такой серьезный. О, дьявол! — добавила она, имитируя его баритон.

— Может, чуточку и шучу, но в основном все правильно. Обещай мне дать шанс Гремионису.

Она подошла вплотную к нему, и он без колебаний обнял ее. Она положила пальцы на его губы, и он поцеловал их. Она тихо сказала:

— Разве ты не хотел бы иметь для себя, Илайдж?

Он ответил так же тихо:

— Хотел бы, Глэдия. Стыдно признаться, но в эту минуту я согласился бы, чтобы Земля разлетелась в куски, лишь бы быть с тобой. Но я не могу, Глэдия. Через несколько часов я уеду с Авроры, а ты не можешь ехать со мной. Не думаю, чтобы мне когда-нибудь позволили еще раз приехать на Аврору, да и ты вряд ли сможешь посетить Землю. Я никогда не увижу тебя, Глэдия, но никогда не забуду. Через несколько десятков лет я умру, а ты в то время будешь так же молода, как сейчас, так что в любом случае, мы должны были бы расстаться.

Она прижалась головой к его груди:

— Ох, Илайдж, ты дважды вошел в мою жизнь, и оба раза лишь на несколько часов. Дважды ты делал для меня очень многое, а затем прощался. Я никогда не забуду тебя, Илайдж, даже если проживу дольше, чем рассчитываю.

— Только пусть эти воспоминания не помешают твоему счастью, — сказал он. — Прими Гремиониса и сделай его счастливым, и позволь ему дать счастье тебе. Не забывай, что тебе ничто не мешает писать мне. Между Авророй и Землей существует гиперпочта.

— Я буду писать, Илайдж. Ты тоже напишешь мне?

— Напишу.

Наступило молчание, а затем они с усилием оторвались друг от друга. Он пошел к двери и обернулся. Она стояла на том же месте посреди комнаты и через силу улыбалась.

— Прощай, — выговорили его губы, а затем беззвучно — он не мог сказать это вслух — добавил: «Любимая».

И ее губы ответили:

— Прощай, моя любовь.

Он повернулся и вышел, зная, что никогда больше не увидит ее, никогда не коснется ее снова.

83

Прошло некоторое время, прежде чем Бейли смог заняться задачей, которую еще оставалось ему выполнить. Он молча прошел с полпути до дома Фастольфа, затем остановился и поднял руку. Наблюдательный Жискар тут же оказался рядом.

— Сколько времени осталось до моего отъезда в космопорт, Жискар?

— Три часа десять минут, сэр.

Бейли подумал:

— Я хотел бы пройтись до того дерева, сесть, прислонившись к нему, и некоторое время посидеть одному. С вами, конечно, но без людей.

— На открытом месте, сэр?

— Да. Мне надо подумать, а день сегодня солнечный, безоблачный, он вряд ли мне повредит. Если мне станет плохо, я пойду в дом, обещаю. Ну как, пойдете со мной?

— Да, сэр.

Они дошли до дерева.

Бейли коснулся коры — палец остался чистым.

Он осмотрел почву и осторожно сел, прислонившись к дереву.

Не так удобно, как в кресле, но здесь, как ни

странно, чувствовались мир и покой, чего, вероятно, не было бы в комнате. Жискар стоял рядом, и Бейли сказал ему:

— Садитесь тоже. Мне не хочется задирать голову, чтобы видеть вас.

— Я не смогу как следует охранять вас, если буду сидеть.

— Понимаю, Жискар, но в данный момент опасности не может быть. Моя миссия окончена, положение доктора Фастольфа укрепилось. Вы можете спокойно сесть, и я вам приказываю.

Жискар сел, но его глаза все время блуждали в разных направлениях.

Бейли посмотрел на голубое небо, прислушался к жужжанию насекомых, к крику птицы, заметил колыхание травы, где, видимо, прошмыгнуло мелкое животное, и подумал о том, как здесь мирно и тихо, и как этот мир и покой отличается от шума Города.

Впервые у Бейли возникло слабое впечатление, что открытое пространство может быть предпочтительнее Города.

Он был очень благодарен этому своему опыту на Авроре, и больше всего — грозе, потому что понял теперь, что сможет оставить Землю и встретиться с любым новым миром, на котором

поселятся он, Бен и, может быть, Джесси.

— Спасибо, Жискар, что вы спасли меня в прошлую ночь. Не знаю, как благодарить вас.

— Меня вовсе не нужно благодарить. Я только выполнял положения Первого Закона. У меня не было выбора.

— Тем не менее, вы спасли мне жизнь, и для вас важно, что я понимаю это, Жискар! А что мне следовало бы сделать теперь?

— То есть, сэр?

— Моя миссия закончена. Концепция доктора Фастольфа более не подвергается опасности. Будущее Земли вроде бы гарантировано. Похоже, что мне здесь больше нечего делать. Но остался еще вопрос о Джандере.

— Не понимаю, сэр.

— Ну, вроде бы установлено, что он умер от случайного сдвига позитронных потенциалов в мозгу, но Фастольф уверял, что шанс на это бесконечно мал. Пусть даже деятельность Амадейро и увеличила этот шанс, все равно он остался бесконечно малым. Во всяком случае, так думает Фастольф, но мне все-таки кажется, что смерть Джандера была намеренным роботоубийством. Правда, я не собираюсь поднимать этот вопрос: не хочу портить дело, пришедшее к такому удо-

влетворительному разрешению, не хочу снова подвергать опасности Фастольфа. Я не знаю, что делать. Я не могу сказать об этом ни одному человеку, поэтому говорю вам, Жискар.

— Да, сэр.

— Я всегда могу приказать вам стереть все, что я говорил, и не вспоминать об этом?

— Да, сэр.

— Как, по-вашему, что я должен сделать?

— Если это роботоубийство, сэр, то должен быть кто-то, способный совершить его. Способен только доктор Фастольф, но он сказал, что не делал этого.

— Да, мы с этого и начали. Я верю доктору Фастольфу и совершенно уверен, что он этого не делал.

— Тогда как же могло произойти роботоубийство, сэр?

— Предположим, кто-то знал о роботах не меньше доктора Фастольфа.

Бейли обнял руками колени.

Он не глядел на Жискара и, казалось, погрузился в свои мысли.

— Но кто же это, сэр? — спросил Жискар.

И Бейли, наконец, поставил точку:

— Вы, Жискар.

84

Будь Жискар человеком, он, вероятно, просто глядел бы на Бейли молча и ошеломленно, может, пришел бы в ярость или в ужасе отшатнулся или еще как-нибудь отреагировал, но Жискар был роботом, поэтому не проявил никаких эмоций и только спросил:

— Почему вы так думаете, сэр?

— Я вполне уверен, Жискар, что вы точно знаете, как я пришел к этому заключению, но с вашей стороны будет очень любезно, если вы позволите мне в этом уединенном месте и за то короткое время, которое у меня осталось, объяснить вам это дело для моей собственной пользы. Я хотел бы слышать, как я сам расскажу об этом, и хотел бы, чтобы вы поправили меня, если я ошибаюсь.

— Конечно, пожалуйста, сэр.

— Полагаю, что первой моей ошибкой было предположение, что вы менее сложный, более примитивный робот, нежели Дэниел, только потому, что вы меньше похожи на человека. Человек всегда так подумает. Он будет уверен, что такого робота, как вы, легко создать, а такой, как Дэниел — сложнейшая проблема, скажем, для Амадейро, и его может сконструировать

только гений вроде доктора Фастольфа. Однако трудность создания Дэниела состоит, я думаю, в воспроизведении всех человеческих аспектов, таких, как выражение лица, интонация, жесты, движения. Все это очень хитроумно, но реально не связано со сложностью мозга. Я прав?

— Абсолютно правы, сэр.

— Таким образом, я автоматически недооценивал вас, как и всякий другой. Однако вы выдали себя еще до того, как мы приземлились на Аврору. Вы, наверное, помните, что во время посадки у меня начался агорафобический спазм, и я на миг оказался даже более беспомощным, чем в ту грозовую ночь.

— Я помню, сэр.

— В это время Дэниел был со мной в кабине, а вы были за дверью. Я впал в кататоническое состояние, а Дэниел, видимо не смотрел на меня и ничего об этом не знал. Вы были снаружи, но ворвались в кабину и выключили прибор, который я держал. Вы опередили Дэниела, хотя его рефлексы не хуже ваших — он продемонстрировал это, когда доктор Фастольф замахнулся на меня.

— Просто не могло быть, чтобы доктор Фастольф ударил вас, сэр.

— Он и не ударил. Он только продемонстриро-

вал рефлексы Дэниела. Однако, как я уже сказал, в кабине вы действовали первым. Я был в неподходящих условиях для наблюдения этого факта, но я тренирован в наблюдении и не выключаюсь целиком даже во время приступа агорафобического ужаса. Я заметил, что вы подскочили первым, но меня побудили забыть этот факт. Из этого можно сделать только один логический вывод…

Бейли сделал паузу, как бы надеясь, что Жискар согласится, но Жискар ничего не сказал.

В последующие годы, вспоминая о пребывании на Авроре, Бейли первым делом рисовал себе не грозу и даже не Глэдию, а именно это спокойное место поддеревом, зеленые листья на фоне голубого неба, мягкий ветерок и сидящего напротив Жискара со слабо светящимися глазами.

— Похоже, — сказал Бейли, — что вы каким-то образом сумели даже через закрытую дверь определить состояние моего мозга. Говоря короче и проще, вы можете читать мысли.

— Да, сэр, — спокойно ответил Жискар.

— Вы можете также оказывать влияние на мозг. Вы наверняка заметили, что я это понял, и затемнили это в моем мозгу, чтобы я либо не вспомнил, либо не придал этому значения, если бы случайно вспомнил ситуацию. Однако вы

сделали это не совсем удачно. Может быть, ваша сила ограничена…

— Сэр, — сказал Жискар, — Первый Закон — главнейший. Я бросился спасать вас, хотя понимал, что это может выдать меня. И я затемнил ваш мозг минимально, чтобы ни в коей мере не повредить ему.

— Я понимаю, у вас свои трудности. Затемнить минимально, так чтобы я мог вспомнить лишь при достаточно расслабленном мозге, оперирующем свободными ассоциациями. Перед тем, как потерять сознание во время грозы, я знал, что вы первым найдете меня и спасете, как это было на корабле. Вы вроде бы обнаружили меня по инфракрасному излучению, но его излучает любое млекопитающее или птица, и это могло бы сбить вас, но вы могли также определить умственную интенсивность, хотя я и был без сознания, и это помогло вам найти меня.

— Это, конечно, помогло.

— То, что я вспомнил, находясь на грани сна или потери сознания, я должен был забывать снова, придя в себя, однако в прошлую ночь я вспомнил в третий раз и я был не один. Со мной была Глэдия, и она повторила мне то, что я сказал, а именно: «Он пришел первым». Даже тогда я не

мог вспомнить значение этих слов, и только случайное замечание доктора Фастольфа привело меня к мысли, которая сняла затмение сознания. Как только это всплыло в нем, я вспомнил и другие вещи. Вы иногда отвечали мне прежде, чем я успевал спросить. Я думаю, вы никому не позволите узнать о ваших телепатических способностях.

— Это правда, сэр.

— Почему?

— Мое чтение мыслей дает мне уникальную способность повиноваться Первому Закону, сэр, поэтому я дорожу им. Я могу более эффективно предотвратить вред для человека. Однако, мне кажется, ни доктор Фастольф, ни любой другой человек не будет долго мириться с роботом-телепатом, вот я и держу эту способность в секрете. Доктор Фастольф любит рассказывать легенду о роботе-телепате, уничтоженном Сьюзен Келвин, а я не хотел бы, чтобы он повторил поражение доктора Келвин.

— Да, он мне рассказывал эту легенду, и я думаю, он интуитивно знает, что вы читаете мысли, иначе он не держался бы так за легенду. Держаться за нее, я бы считал, опасно для него, поскольку это касается вас. Но она определенно помогла

мне проникнуть в суть этого дела.

— Я делаю, что могу, чтобы нейтрализовать опасность, не повредив мозг доктора Фастольфа. Он неизменно твердит о легендарной и невозможной природе этой истории, когда рассказывает ее.

— Да, я помню. Но если Фастольф не знает, что вы читаете мысли, значит, вы не были изначально спроектированы с этой способностью. Как же вы ее получили? Нет, не отвечайте, Жискар, дайте мне сообразить кое-что. Мисс Василия была особенно мила с вами, когда начала интересоваться роботехникой. Она говорила мне, что экспериментировала с вашей программой, доктор Фастольф только издали наблюдал. Не могла ли она чисто случайно сделать что-то, что дало вам телепатическую силу? Так и было?

— Да, сэр.

— Вы знаете, что именно она сделала?

— Да, сэр.

— Вы единственный на свете робот-телепат?

— Насколько я знаю, сэр. Но будут и другие.

— Если бы я или доктор Фастольф спросили вас, что именно сделала доктор Василия, вы обязаны были бы сказать из-за Второго Закона?

— Нет, сэр, потому что, по моему суждению,

это знание принесло бы вам вред, и мой отказ сообщить был бы вызван Первым Законом, более важным. Но эта проблема и не могла бы возникнуть, потому что я знал бы о готовящемся вопросе и приказе ответить и заранее убрал бы это побуждение из человеческого мозга.

— Да, — сказал Бейли. — В позапрошлый вечер, когда мы шли от дома Глэдии к Фастольфу, я спросил Дэниела, имел ли он какой-нибудь контакт с Джандером, пока тот был в доме Глэдии, и он ответил — нет. Я повернулся к вам с тем же вопросом, но почему-то так и не задал его. Вы погасили во мне этот импульс?

— Да, сэр.

— Если бы я спросил, вам пришлось бы сказать правду, но вы не хотели, чтобы я знал это?

— Не хотел, сэр.

— Имея контакт с Джандером в течение этого времени, вы знали, что Амадейро тестирует его, поскольку, я думаю, вы могли читать в мозгу Джандера…

— Да, сэр. Эта способность относится к умственной активности как человека, так и робота. Роботов понимать много легче.

— Вы не одобряли деятельность Амадейро, потому что были согласны с мнением Фастольфа

относительно заселения Галактики?

— Да, сэр.

— Почему вы не остановили Амадейро, почему не стерли из его мозга импульс допрашивать Джандера?

— Сэр, мне нелегко вторгаться в мозг. Решение Амадейро было так глубоко и сложно, что я должен был бы сделать многое, а я не хотел повредить его мозг, такой преуспевающий и важный. Я позволил делу продолжаться довольно долго, а сам размышлял, какое действие лучше всего послужит нуждам Первого Закона. В конце концов я решил по-своему поправить положение. Это было нелегкое решение.

— Вы решили заморозить мозг Джандера до того, как Амадейро сумеет узнать метод изготовления человекоподобного робота. Вы знали, как это сделать, поскольку вы за много лет научились отлично разбираться в теориях Фастольфа из его же мозга. Правильно?

— Точно, сэр.

— Так что Фастольф не единственный, кто достаточно опытен для уничтожения Джандера.

— В каком-то смысле единственный, сэр. Мои знания — лишь отражение его знаний.

— Тем не менее вы это сделали. Но разве вы не

понимали, что уничтожая робота вы ставите под удар Фастольфа? Ведь все, естественно, обвинят его. Собирались ли вы признаться в своем деянии и объявили бы о своих способностях, если это было бы необходимо для его спасения?

— Я, действительно, понимал, что доктор Фастольф может оказаться в тяжком положении, но я не намеревался признаться в своей вине. Я надеялся воспользоваться ситуацией, как поводом для вызова вас на Аврору.

— Меня?

Бейли опешил.

— Значит, это была ваша идея?

— Да, сэр. С вашего разрешения я объясню.

— Пожалуйста.

— Я знал о вас от мисс Глэдии и от доктора Фастольфа не только с их слов, но и из их мыслей. Я узнал о положении на Земле. Было ясно, что земляне живут в окружении стен, откуда им трудно выйти, но мне было столь же ясно, что и аврорцы тоже живут в окружении стен. Их стены — это роботы, которые защищают их от всех превратностей жизни, и которые, по плану Амадейро, должны построить такие же защищенные общества для аврорцев на новых планетах. Аврорцы живут также и в стенах, созданных их

долгой жизнью. Эти стены заставляют аврорцев переоценивать свою индивидуальность и удерживают их от объединения своих научных достижений. Они не позволяют себе вступать в грубый спор, но через Председателя требуют быстрого разрешения всякой неопределенности, и такое разрешение вопроса достигается еще до того, как проблема обнародуется. Они хотят только спокойных разрешений дела. Стены землян — настоящие, твердые стены. Их существование сковано, и, очевидно, всегда находятся такие, кто мечтает вырваться из этих стен. Стены аврорцев нематериальны и не выглядят стенами, так что никто даже не думает о бегстве. Вот поэтому, как мне кажется, не аврорцы и не другие космониты, а именно земляне должны заселить Галактику и когда-нибудь установить Галактическую Империю. Все это были рассуждения доктора Фастольфа, и я согласился с ним. Однако доктор Фастольф довольствовался одними лишь рассуждениями, мне же нужно было непосредственно изучить по крайней мере одного землянина, чтобы оценить свои заключения, вот я и задумал привезти вас на Аврору. Замораживание Джандера служило сразу двум целям: остановило Амадейро и дало повод для вашего визита. Я слегка подтолкнул

мисс Глэдию, чтобы она посоветовала доктору Фастольфу пригласить вас. Я слегка подтолкнул и его, чтобы он обратился с этим к Председателю: я изучил вас и был доволен тем, что обнаружил.

Жискар замолчал и снова стал бесстрастным, как все роботы.

Бейли нахмурился:

— Похоже, я не заслужил уважения за то, что сделал здесь. Вы, конечно, следили за тем, чтобы я нашел путь к истине?

— Нет, сэр, наоборот, я ставил барьеры на вашем пути — разумные, конечно. Я отказался позволить вам узнать о моих способностях, даже заставляя себя отступать. Я добивался, чтобы вы иногда чувствовали уныние и отчаяние. Я поощрял вас к риску открытого пространства, чтобы изучить ваши реакции. Но вы пробились через все препятствия, и я рад. Я обнаружил, что вы тоскуете по стенам вашего Города, но сознаете, что должны научиться обходиться без них. Я обнаружил, что вы страдали, видя Аврору из космоса, а также попав под грозу, но это не лишило вас способности думать и не отвлекло вас от выполнения вашей задачи. Я обнаружил, что вы признаете ваши недостатки, сознаете краткость вашей жизни, и не увиливаете от спора.

— Но почему вы считаете, что я вообще представитель землян?

— Я знаю, что вы не представитель. Но из анализа вашего мозга я знаю, что есть такие, как вы, и мы будем строить вместе с вами. Я присмотрю за этим, и теперь, когда я отчетливо вижу путь, которым следует идти, я подготовлю других роботов вроде себя, и они тоже будут присматривать.

— Вы хотите сказать, что роботы-телепаты приедут на Землю?

— Нет, этого я не имею в виду. И вы правы, что встревожились. Непосредственное подключение роботов будет означать постройку именно тех стен, которые угрожают парализовать Аврору и другие Внешние Миры. Земляне заселят Галактику без каких бы то ни было роботов. Будут трудности, опасности и много всяких бед. Все это роботы могли бы предупредить, будь они там, но в конце концов, людям будет лучше, если они станут рассчитывать только на себя. А когда-нибудь в очень отдаленном будущем, роботов изобретут снова. Кто знает?

— Значит, вы предвидите будущее? — с любопытством спросил Бейли.

— Нет, сэр, но, изучая мысли, как я это делаю, я приблизительно могу сказать, что есть законы,

управляющие поведением людей, как Три Закона Роботехники управляют поведением роботов. И возможно, что с ними будет иметь дело и будущее. Человеческие законы более сложны, чем законы роботехники, и я не имею представления, как они организованы. Они могут быть статичными по природе, так что их нельзя правильно выразить, кроме как имея дело с огромным населением. Они могут быть очень слабо выраженными и вроде бы не иметь смысла, пока все громадное население Земли не научится оперировать этими законами.

— Скажите, Жискар, именно это доктор Фастольф называл наукой будущего — «психоисторией»?

— Да, сэр. Я осторожно вложил это в его мозг, чтобы начался процесс разработки. Когда-нибудь это понадобится, поскольку существование Внешних Миров как долгоживущей роботизированной культуры приходит к концу, и начинается новая волна человеческой экспансии — короткоживущих человеческих существ без роботов.

Жискар встал.

— А теперь, я думаю, сэр, нам пора идти в дом доктора Фастольфа и приготовиться к вашему отъезду. Все, о чем мы говорили здесь, конечно,

нельзя никому передавать.

— Это строго конфиденциально, уверяю вас, — сказал Бейли.

— Да, — спокойно сказал Жискар. — И не бойтесь ответственности за молчание. Я позволю вам помнить, но у вас никогда не возникнет желания рассказать об этом деле, ни малейшего.

— Еще одно, Жискар, пока вы еще не успели заколдовать меня. Присмотрите за тем, чтобы Глэдию не обижали на этой планете за то, что она солярианка и жила с роботом как с мужем, и пусть она примет предложение Гремиониса.

— Я слышал ваш последний разговор с мисс Глэдией, сэр, и я понял. Я об этом позабочусь. А теперь, сэр, могу я проститься с вами, пока никто не видит?

Жискар протянул Бейли руку совершенно человеческим жестом.

Бейли пожал ее. Пальцы Жискара были твердые и холодные.

— Прощайте, друг Жискар.

— Прощайте, друг Илайдж, и помните, что хотя люди назвали эту планету Авророй, но в этом смысле именно Земля является истинным Миром Утренней Зари.